РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
МУЗЕЙ ЗЕМЛЕВЕДЕНИЯ МГУ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ОБРАЗЫ РОССИИ И МИРА В ФОТОКОЛЛЕКЦИИ Д.Н. АНУЧИНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ

Москва 2020

УДК 908
ББК 63.5
ISBN 978-5-4465-2587-4
К60

Автор идеи и главный редактор серии «Этнографический альбом»
академик РАН В.А. Тишков

Авторский коллектив:
С.С. Алымов, Т.Ф. Джобадзе, М.Б. Лейбов, Ю.И. Максимов, Т.Г. Смурова, В.В. Снакин

Образы России и мира в фотоколлекции Д.Н. Анучина. Этнографический альбом / Отв.ред. М.Б. Лейбов. — М.: Изд-во «Буки Веди», 2020. — 220 с., 510 илл.

В книге опубликованы фотографии из коллекции всемирно известного ученого и общественного деятеля академика Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923). Эти фотографии охватывают период с 80-х годов XIX в. по 20-е годы XX в. Они были сделаны в экспедициях по Центральной России, Северу России, Кавказу, Средней Азии и Северной Африке Д.Н. Анучиным, его коллегами и учениками. Коллекция обширна по объёму и по научной тематике: ландшафтные и пейзажные кадры соседствуют в ней с этнографической съёмкой, историческим хроникальным репортажем, ботаникой, гидрологией и геологией, что в полной мере отражает широту научных интересов и деятельности автора коллекции. Издание ориентировано на учёных, музейных работников и любителей, интересующихся историей науки.

Рецензент: доктор исторических наук А.А. Сирина

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Проект № 14/2018-И.

Руководитель проекта и ответственный редактор: М.Б. Лейбов
Редактор: кандидат исторических наук Н.А. Лейбова

ISBN 978-5-4465-2587-4

© Фотоматериалы, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020
© Фотоматериалы, Музей Землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020
© Текст, авторы, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*М.Б. Лейбов*) 5

Часть 1. Д.Н. Анучин: краткий очерк жизни и научной деятельности (*С.С. Альмов*) 7

Часть 2. Фотоархив Д.Н. Анучина как источник исторической и научной информации (*Т.Ф. Джобадзе, М.Б. Лейбов, Ю.И. Максимов, Т.Г. Смурова, В.В. Снакин*) 20

2.1. Верховья Волги и Западной Двины. Верхневолжские озёра (экспедиции Д.Н. Анучина 1894–95 гг.; фотографии Д.Н. Анучина) 21

2.2. Русский Север (фотографии Я.И. Лейцингера, 1899 г.) 49

2.3. Шпицберген. Экспедиции 1899–1901 гг. 75

2.4. Экспедиция Г.Н. Потанина в Монголию 1886 г. (фотографии Н.А. Чарушина) 107

2.5. Путешествие Э.Р. Циммермана в Среднюю Азию 1887 г. (фотографии Э.Р. Циммермана) 132

2.6. Кавказ и Киргизия в фотографиях экспедиций С.Г. Григорьева 1894–1895 гг. 172

2.7. Научная экспедиция К.А. Сатунина в Алжир в 1907 г. 228

Часть 3. Каталог 246

Библиография 292

Список сокращений 295

Академик Д.Н. Анучин (1843-1923).

© Фото из архива НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Цель, которую преследовали авторы этого издания, — обнародовать, сделать достоянием широкой общественности материалы из фотоархива академика Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923). Эти фотографии охватывают период с 80-х годов XIX века по 20-е годы XX века. Они были сделаны главным образом учёными, путешественниками, фотографами в многочисленных экспедициях и путешествиях в самых разных районах земного шара. Коллекция обширна по объёму и по научной тематике: ландшафтные и пейзажные кадры соседствуют в ней с этнографической съёмкой, историческим хроникальным репортажем, ботаникой, гидрологией и геологией, что в полной мере отражает широту научных интересов и деятельности автора коллекции. Отдельно стоит отметить высокое качество фотографий. Спектр сюжетов необыкновенно широк, и нам стоило большого труда сделать выбор в пользу тех кадров, которые опубликованы в этом издании. Это лишь малая часть уникальной коллекции, и мы надеемся, что и другие её части со временем увидят свет.

Текст Части 1 написан С.С. Алымовым, старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Тексты к Части 2 написаны коллективом авторов, сотрудниками Музея Землеведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Т.Ф. Джобадзе, Ю.И. Максимовым, Т.Г. Смуровой и В.В. Снакиным при участии старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН М.Б. Лейбова. В Разделах 1.4, 1.5 и 1.6 использованы материалы интернет-ресурсов: 1.4 [Энциклопедия Забайкалья…], 1.5 [Русский биографический словарь…….], 1.6 [Большой информационный архив…].

В работе над изданием нам оказали эффективную поддержку и помощь руководители и сотрудники московских организаций. Мы выражаем им свою признательность и благодарность:

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН:

д.и.н, заведующая Сектором антропоэкологии Н.А. Дубова.

Музей Землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова:

д.б.н., профессор А.В. Смуров, директор Музея;

инженер Музея Л.Д. Семёнова.

Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова:

президент факультета, академик РАН, профессор Н.С. Касимов;

декан факультета, член-корреспондент РАН, профессор С.А. Добролюбов;

заведующий кафедрой физической географии и ландшафтоведения, член-корреспондент РАН, д.г.н, заслуженный профессор Московского университета К.Н. Дьяконов;

н.с., к.г.н. В.М. Матасов.

НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова:
Директор, академик, профессор, д.и.н. А.П. Бужилова;
доцент, к.б.н. С.Г. Ефимова;
с.н.с, к.б.н. А.В. Сухова;
н.с., к.г-м.н. М.Н. Кандинов.
Русское Географическое общество:
Советник Департамента экспертно-аналитической и проектной работы А.И. Глухов.
Межведомственный Суперкомпьютерный Центр РАН (МСЦ РАН):
зам. директора по научной работе, проф., д. ф.-м. н., А.Н. Сотников
с.н.с., С.А. Кириллов.
ФГБУ «Российская государственная библиотека»:
библиограф Н.В. Горшкова

Примечание: Подрисуночные подписи даны в оригинальном написании с соблюдением оригинальной орфографии и грамматики.

ЧАСТЬ 1

Д.Н. Анучин: краткий очерк жизни и научной деятельности

Это издание посвящено коллекции фотографий академика Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923), всемирно известного учёного и общественного деятеля.

В истории отечественных наук — географии, этнографии и антропологии — Дмитрий Николаевич Анучин занимает особое место. На протяжении почти полувека (с 1880-х по 1920-е годы) он был одной из главных «движущих сил» их развития, более того — наиболее авторитетным отечественным специалистом одновременно в области антропологии, этнографии, археологии и географии, сыгравшим важнейшую роль в становлении этих дисциплин. Заслуги Анучина как выдающегося организатора науки очевидны: он первым в России организовал университетское преподавание антропологии, этнографии и географии, в разное время возглавлял антропологическое, географическое и этнографическое отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), а впоследствии и всё Общество, принимал непосредственное участие в основании ряда научных журналов («Русский антропологический журнал», «Землеведение», «Этнографическое обозрение»). Ученики Анучина — первое поколение российских профессиональных антропологов, этнографов и географов.

Анучин формулировал задачи и методы данных наук, активно пропагандировал их не только с университетской кафедры, но и на страницах популярной печати. В конкретных исследованиях он показывал возможности выработанной им методологии. Со студенческих лет и до конца своих дней он был неразрывно связан с Московским университетом, а также с научными обществами Москвы. Вся долгая жизнь Дмитрия Николаевича (он прожил без малого 80 лет) прошла в исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности[1].

Будущий учёный родился 27 августа 1843 г. в Санкт-Петербурге. Его отец происходил из семьи священника, работал «комиссаром» конторских магазинов в ведомстве, снабжавшем царскую семью (гоф-интендантская контора). Мать была из крепостных. Дмитрий — шестой ребенок в семье. В 1854 г. он поступил в Ларинскую гимназию. Его любимым предметом была география. Учитель географии В.С. Парамонов, сторонник демократических взглядов, оказал серьёзное влияние на мировоззрение ученика. За два года, 1856 г. и 1857 г., в семье Анучиных произошло сразу три несчастья — друг за другом умирают брат Александр и родители. Старший брат Михаил сыграл в жизни Дмитрия

1 Литература об Анучине довольно обширна. Укажем лишь основные работы: Богданов, 1941; Карпов, 1958; Соловей, 2003; Алымов, 2004.

Д.Н. Анучин. 1862 г.

важную роль: благодаря материальной помощи брата молодой человек смог получить образование и в дальнейшем стать учёным.

Дмитрий успешно закончил гимназию и в 1860 г. поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Однако уже вскоре, в марте 1861 г., он вынужден был из-за болезни прервать обучение и по совету известного врача С.П. Боткина уехать на лечение за границу. Следующие два года Дмитрий провёл в Германии и Италии. Во время пребывания в Гейдельберге он сблизился с композитором и химиком А.П. Бородиным, основоположником эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевским и биологом А.О. Ковалевским. Ещё учась в Петербургском университете, Анучин посещал лекции по физике, химии, геологии и другим естественным наукам; за границей его интерес к ним усилился. Там, как пишет биограф учёного Г.В. Карпов, «Анучин яснее осознал, что современные философские учения в основе своей опираются на успехи естественных наук, и чтобы основательно разобраться в них, нужно хорошо познакомиться со всем комплексом последних» [Карпов, 1958, с. 33]. Своего рода культ естественных наук был, как известно, свойственен всему поколению русских «шестидесятников», сформировавшемуся под влиянием идей Д.И. Писарева. Анучин разделял позитивистские взгляды, характерные для многих интеллигентов своего поколения. По возвращении на родину осенью 1863 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

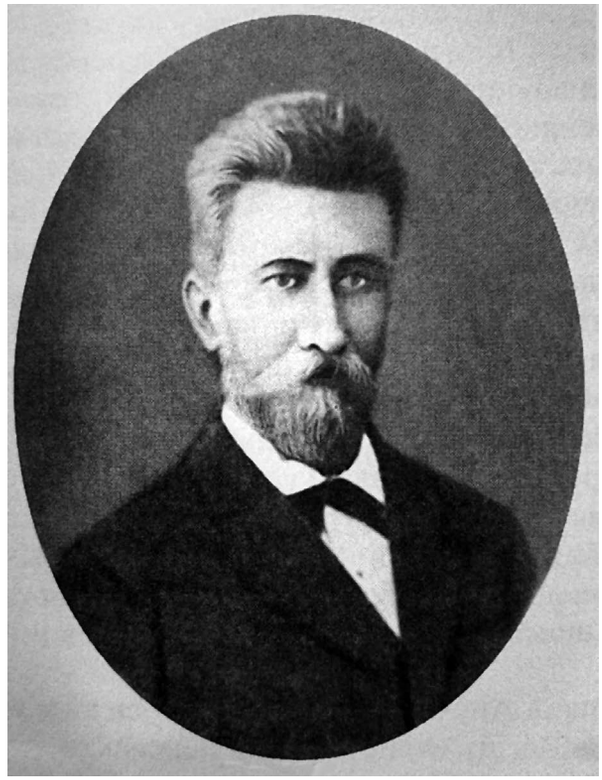
В университете будущий учёный углублённо изучал зоологию позвоночных под руководством профессора С.А. Усова, работал над темой «О генетическом сродстве видов рода *Bison*». В 1867 г. Дмитрий Николаевич окончил университет, однако при кафедре оставлен не был. В 1868 г. он женился на крестьянке из Калужской губернии Анне Агеевне Ушаковой, служившей в Москве горничной, через год у них родилась первая дочь Надежда (всего у супругов было восемь детей, трое из которых умерли в раннем возрасте). Анучин не делал попыток поступить на какую-либо службу, он решил посвятить себя науке. Это решение далось молодому человеку нелегко. В письмах к брату этого периода часто встречаются жалобы на «неопределённость положения и неясное сознание цели», возникают и сомнения в собственных способностях. «Чтобы представить меня, — пишет он в 1870 г., — вообразите тип, столь часто воспроизводимый в русской литературе: человека, намеревающегося что-то сделать и ни к чему не приходящего наконец»[2]. В течение трёх лет, нигде не работая, он самостоятельно занимался, ходил в университет на лекции. Наконец в начале 1871 г. Усов предложил ему занять место учёного секретаря Общества акклиматизации животных и растений (сам Усов был товарищем председателя). Деятельность Общества состояла в основном в заботах об организации Зоологического сада в Москве.

2 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 448. Д. 2. Л. 39–41.

Дмитрий Николаевич вёл протоколы заседаний, главной же задачей было, по его словам, «как бы устройством разных гуляний приобрести денег, необходимых для существования сада»[3]. В этой должности он пребывал на протяжении 1871–1874 гг., попутно публиковал статьи-описания различных животных в журнале «Природа», издаваемом Обществом. Кроме того, он преподавал естественную историю в Екатерининском институте и географию в нескольких гимназиях.

Примерно в конце 1872 г. Усов предложил Анучину держать экзамен на магистра. В 1875 г. он сдал экзамен в университете, а уже через год была опубликована его первая крупная антропологическая работа, написанная под руководством зоолога и антрополога А.П. Богданова, — «Материалы для антропологии Восточной Азии. Племя айнов». А.П. Богданов предложил Анучину заняться айнами после получения с Сахалина в 1872 г. коллекции фотопортретов представителей этого народа, а также двух скелетов, неполного черепа и коллекции найденных там древних каменных орудий. Эти материалы, по словам учёного, побудили его «собрать, по возможности, все рассеянные в этнографической литературе сведения об айнском племени и, дополнив их результатом собственного изучения, изложить в форме более или менее полной антропологической монографии» [Анучин, 1876, с. 79–80].

В 1876 г. Анучин стал действительным членом ОЛЕАЭ. Это общество было создано при Московском университете в 1863 г. после введения нового университетского устава. Его основателем и фактическим руководителем был А.П. Богданов. Первоначально оно состояло из группы молодых людей, в основном учеников Богданова, которому в то время также было всего 29 лет. О зачаточном состоянии, в котором пребывала в те годы русская антропология, свидетельствует тот факт, что, по воспоминаниям Дмитрия Николаевича, «в Москве, за исключением самого А.П. Богданова, не было, можно сказать, вовсе лиц, знакомых с элементами этой науки» [Анучин, 1916, с. 9]. Тем не менее, уже в 1864 г. Богданов учреждает в Обществе отделение антропологии и вносит предложение о необходимости собирания антропологических и этнографических коллекций. Для этой цели было решено организовать в Манеже соответствующую выставку. Идея была поддержана двором и щедро финансировалась. Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. имела большой общественный резонанс и значительно укрепила авторитет Общества [Найт, 2001]. За ней последовали Антропологическая (1879) и Географическая (1892) выставки. Коллекции Антропологической выставки составили основу Антропологического музея при Московском университете, хранителем которого стал Анучин. Кроме того, на базе материалов Географической выставки (1892) был создан Географический музей МГУ, превратившийся затем в физико-географический кабинет, ликвидированный в годы Отечественной войны. Именно от физико-геогра-

Д.Н. Анучин. 1882 г.

3 ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 2. Л. 76.

фического кабинета в Музей землеведения попала часть фотоархива Д.Н. Анучина.

В том же 1876 г. по инициативе Богданова было получено разрешение на открытие кафедры антропологии. В связи с этим университет направил Анучина за границу для подготовки к занятию этой кафедры и изучению опыта преподавания антропологии. 1876–1877 годы учёный провёл в университетах и музеях Германии и Франции. В Париже он слушал лекции П. Брока по анатомии приматов и краниологии, П. Топинара — по морфологии и физиологии рас, Г. Мортилье — по археологии, участвовал в раскопках доисторических пещерных стоянок на юге Франции. В Берлине посещал занятия ведущего немецкого антрополога Р. Вирхова. Таким образом, Анучин впитал новейшие достижения западной науки, что, несомненно, повлияло на становление молодого учёного. В ходе знакомства с антропологическими музеями Европы он также собирал материал для исследования об аномалиях черепа. Кроме того, благодаря его стараниям в антропологическом отделе Парижской всемирной выставки 1878 г. была представлена большая российская коллекция.

Период заграничной поездки был не только временем интенсивной научной работы, но и тяжёлого душевного кризиса. Большую часть времени молодой учёный был вынужден тратить на написание статей в различные московские газеты («Русские ведомости», «Московская медицинская газета» и др.), так как университетской стипендии (1800 руб. в год) ему не хватало. Приходилось думать не только о себе, но и о семье — к тому времени у него уже было трое детей. Материальное положение семьи Анучину удалось поправить в 1880-е годы, в основном благодаря сотрудничеству в газете «Русские ведомости». Это была одна из наиболее влиятельных общественно-политических газет того времени. В ней печатались многие либерально настроенные профессора Московского университета, в том числе К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский и другие, а также некоторые писатели-демократы (М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский) и народники (Н.К. Михайловский). В 1905 г. газета стала органом правого крыла партии кадетов. С 1881 г. Анучин — постоянный сотрудник газеты. В 1883 г. он стал одним из совладельцев газеты, а с 1887 по 1912 г. занимал пост второго редактора. Кроме того, он заведовал хозяйственными делами газеты, а также был одним из постоянных авторов статей на различные научные, культурные и общественно- политические темы [Анучин, 1913].

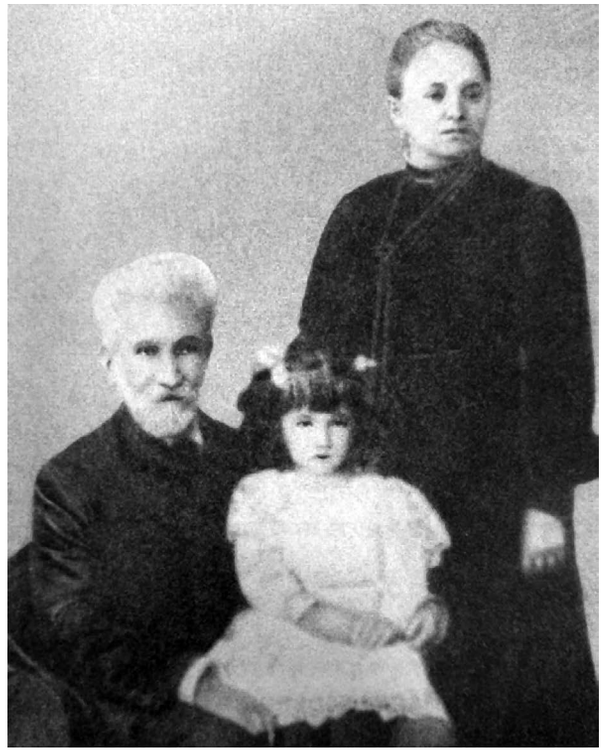
Из-за границы Анучин вернулся зимой 1878 г., раньше положенного (до апреля 1879 г.) срока. Несмотря на все трудности, ему удалось подготовить и защитить в 1880 г. магистерскую диссертацию «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распределении по расам». В том же году в качестве магистра зоологии и «стороннего преподавателя» он приступил к чтению курса физической антропологии студентам четвертого курса естественного отделения, а в апреле был утвержден доцентом по кафедре антропологии[4]. В 1880-е годы ученый сотрудничает с ОЛЕАЭ, занимая в нём должность товарища председателя антропологического отдела, является секретарем Московского археологического общества. Дмитрий Николаевич также принимал активное участие в организации в России археологических съездов в качестве председателя учёного комитета и председателя отделения первобытных древностей. Начиная с 1881 г. он участвовал в археологических съездах, выступал с докладами и сообщениями. В августе 1883 г. учёный писал брату: «…состою, по-прежнему, доцентом и движения вперед не чаю, а возможно, что при введении нового университетского устава останусь за штатом. Кроме того, преподаю ещё в одном институте и занимаюсь несколько литературным трудом, всего этого только хватает на пропитание семьи, ко-

4 Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 461. Д. 68. Л. 1–2.

торая состоит, по-прежнему, со мною из шести душ»[5].

Кафедра антропологии действительно просуществовала недолго и была отменена новым университетским уставом 1884 г. Однако на историко-филологическом отделении была учреждена кафедра географии и этнографии, которую возглавил Анучин, заняв должность экстраординарного профессора. Чтение курса антропологии студентам-естественникам также осталось за ним. В 1884–1888 гг. Дмитрий Николаевич читал курсы по истории развития землеведения, общему землеведению, географии России и географии Древнего мира. В 1888 г. он впервые начал преподавать этнографию России и общую этнографию. Однако с зимы 1889 г., по решению Министерства просвещения, кафедра была переведена на физико-математический факультет. С этого момента учёный начинает осваивать достаточно новую для себя область знания — физическую географию. В 1894 г. военный картограф генерал-лейтенант Алексей Андреевич Тилло (1839–1900), руководивший экспедицией для исследования источников главнейших рек Европейской России, организованной Министерством государственных имуществ и земледелия, пригласил Д.Н. Анучина принять участие в этой работе. Экспедиции Д.Н. Анучина к истокам Волги и Западной Двины в 1894–1895 гг. были частью этой работы [Анучин, 1897]. Анучин редактировал издававшийся с 1893 г. журнал «Землеведение» — орган созданного в 1890 г. по его инициативе и руководимого им географического отделения ОЛЕАЭ. В том же году учёный был избран председателем ОЛЕАЭ и оставался им до самой смерти, а с 1894 г. встал во главе антропологического отделения этого общества. В 1914 г., после смерти председателя этнографического отдела ОЛЕАЭ В.Ф. Миллера, Анучин занял и эту должность.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов выходят основные антропологические и археолого-этнографические монографии

Д.Н. Анучин с женой и внучкой 1904 г.

Анучина, так что это время можно рассматривать как период наибольшей активности и полной творческой зрелости учёного. В 1889 г. Дмитрий Николаевич получил учёную степень доктора географии без защиты диссертации и малую золотую медаль РГО. В 1896 г. он был избран ординарным академиком Императорской Академии наук. Это избрание обязывало учёного к переезду в Петербург, так как по уставу АН её действительные (ординарные) члены должны были жить в этом городе. Однако Анучин, вся жизнь которого была связана с московскими научными центрами, отклонил предложение переехать в Петербург и подал прошение об увольнении из состава действительных членов Академии. В 1898 г. в знак признания научных заслуг общее собрание АН избрало его почётным академиком. В те годы Анучин также принимал активное участие в издании Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, многие из его статей освещали важные теоретические вопросы географии, антропологии, археологии и этнографии. С 1900-х годов учёный основное время отдавал педагоги-

5 ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 3. Л. 25.

ческой деятельности, не предпринимая новых крупных исследований по антропологии и этнографии.

***

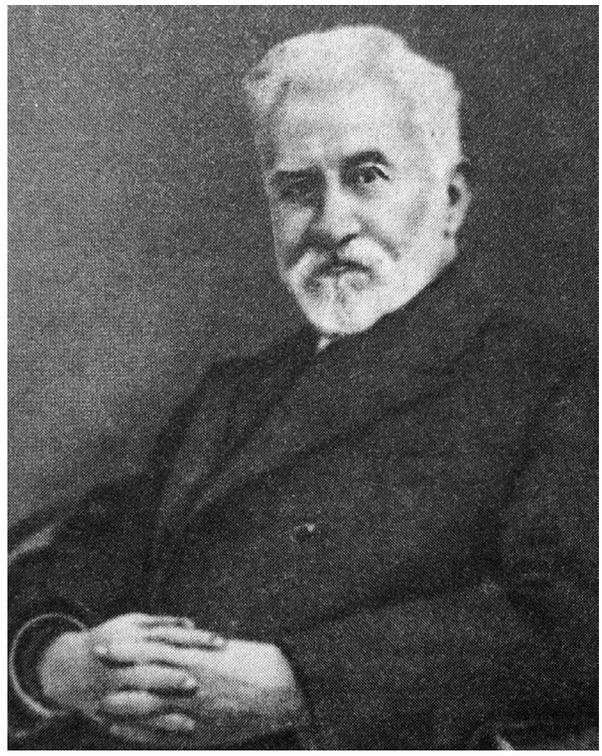
Анучин сформулировал методологические принципы, ставшие позднее известными под именем «анучинской триады», в серии статей 1880–1910-х годов. В самом общем виде их можно суммировать следующим образом: физическая антропология, этнография/этнология и археология составляют единую науку. Эта наука в будущем должна вырасти в единую систему знаний о племенах и антропологических типах, аналогичную имеющейся в науках, изучающих живую природу. Физические и культурные отличия человеческих групп представляют интерес с точки зрения классификации этих групп по образцу классификации биологических видов, изучение их истории означает изучение эволюции этих видов и причин, её обуславливающих. Теоретическая этнология должна ориентироваться на модель «сравнительной анатомии» (изучение «видоизменений» отдельных культурных явлений в различных странах и у различных народов) и биологии (изучение географического распространения, смешения и вымирания племен, понимаемых в данном случае по аналогии с биологическими видами).

Говоря о задачах антропологии в России, Дмитрий Николаевич подчёркивал, что она нуждается прежде всего в конкретных эмпирических исследованиях, а затем уже в «сведении фактов в систему, установлении между ними связи и объяснении их смысла и происхождения» [Анучин, 1883, с. 9]. Эту работу он считал делом будущего. Учёный намечал грандиозный план сбора эмпирического материала — «антропологическую съёмку России». «Представим себе, — писал Анучин, — что повсюду в России, в разных крупных и мелких центрах рассеяны наблюдатели-антропологи, которые собирают по известной системе и по известным методам данные о вариациях типа в окружающем районе — о распространении в окрестном населении цветности кожи, волос, глаз, величин роста, пропорций тела, форм головы и лица, морфологических уклонениях, физиологических и патологических особенностях» [Анучин, 1902, с. 72]. Это дало бы возможность описать все распространенные в России антропологические типы и установить их географическое распределение. В своей собственной исследовательской работе учёный пошёл по пути создания монографий и статей, посвящённых конкретным проблемам, ориентируясь на новейшие достижения европейской науки.

Наиболее влиятельной работой Анучина в области физической антропологии была монография «О географическом распределении роста мужского населения России» (1889). Работа основывалась на материалах обследования призывников 1874–1883 гг. и продолжала серию подобных исследований европейских антропологов, в частности П. Брока и Ч. Ломброзо, на материалах Франции, Италии и других европейских стран. Анучин составил карту рослости населения европейской части Российской империи, отметив центры низкорослости и высокорослости. Наиболее низкорослое население оказалось сосредоточено на северо-востоке (Казанская, Уфимская, Вятская губернии) и на крайнем западе (Привислинский край, Минская губерния), центры высокорослого населения были выявлены на Украине и в Прибалтике. Сопоставляя карту рослости с этнической картой, русский антрополог пришёл к выводу об определяющем влиянии на рост населения «расы и племени». Низкорослость на северо-востоке он объяснял преобладанием невысоких финских и тюркских элементов, украинцы и литовцы отличались высоким ростом и т.д. «Мы думаем, — писал в заключение ученый, — что прежде всего рост населения обуславливается наследственностью, что условия питания и среды скорее способны влиять на ритм роста, чем на его конечную величину» [Анучин, 1889а, с. 162].

В наиболее полной степени теоретические взгляды Анучина-этнографа изложены в его статье «О задачах русской этнографии» (1889), помещённой в первом выпуске журнала «Этнографическое обозре-

ние». В ней он развивал высказанную ранее, в статье «Антропология, ее задачи и методы», мысль о том, что этнография должна из «массы известий об отдаленных племенах, собранных путешественниками» и «сырого материала, разбросанного по множеству источников» стать наукой в полном смысле слова. Этнографические исследования Анучин подразделял на два вида: монографические и «аналитические». Первые имеют описательный характер и посвящены какому-либо определенному народу. Это описание должно быть всесторонним и охватывать «самые различные стороны народной жизни, его (народа — С.А.) поэзию, мифологию, общественное устройство, экономический быт» и т. д. Написание такой монографии требует от автора знакомства с «основаниями этнографической науки», знания всей литературы по данному народу, а также как минимум нескольких месяцев полевых исследований, результатом которых должны стать этнографическая и антропологическая коллекции, серия фотографий и рисунков и «несколько сплошь исписанных записных книжек». Тем не менее, автор предполагаемой монографии, по Анучину, не обязательно (хотя и желательно) должен быть профессиональным этнографом: «(…) всякий образованный человек, интересующийся этнографией и не лишенный наблюдательности, сметки, терпения и характера, может за неё приняться» [Анучин, 1889б, с. 26]. Работы второго типа — «аналитические» — составляют теоретическое ядро науки, так как ее «конечные задачи должны заключаться в объяснении и истолковании фактов народной жизни и взаимного отношения и распределения племён». Предметом такого исследования может быть одна определённая черта «народного быта»: обряд, поверье, орудие и т. д. «Исследователь прилагает к известному факту народной жизни или частности быта сравнительный метод, следит за вариациями этого факта у различных народностей, старается воспроизвести его в первоначальном его виде, одним словом — пытается проследить его историю, происхождение, развитие, видоизменение и постепенное исчезание или

Д.Н. Анучин. 1913 г.

забывание». Обращаясь к своей излюбленной естественно-научной аналогии, Анучин заключает: «Такого рода работы имеют в этнографии подобное же значение, как работы сравнительно-анатомические, эмбриологические и, пожалуй, биолого-географические в зоологии» [Там же, с. 28].

Анучин не был этнографом-полевиком, его полевые поездки были связаны с археологическими и географическими исследованиями. Основным источником этнографических сведений для учёного были сочинения путешественников и другие литературные данные. Историчность эти материалы чаще приобретали благодаря сопоставлению с археологическими данными. Своеобразие Анучина-этнографа заключается в том, что этнографический и археологический материал взаимно дополняют и истолковывают друг друга. «Чистая» археология или «чистая» этнография для учёного скорее исключение, чем правило.

Анучин написал две «аналитические» монографии — «Лук и стрелы» (1887) и «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890), обе носившие подзаголовок «археолого-этнографический этюд». Первая работа в этом жанре — «Лук

и стрелы» — посвящена детальному описанию устройства данного оружия у различных народов. Для эволюционистской антропологии эта тема была классической. Анучин писал, что его исследование «может рассматриваться как небольшая глава из общей этнографии, именно из истории развития материальной культуры, в частности, — развития оружия, и в то же время — как археологический этюд, представляющий попытку более подробного изучения одного из наиболее распространенных видов вооружения, вариации которого в их распространении по областям могут иногда характеризовать различные группы народов или различные культуры» [Анучин, 1887а, с. 1]. Исходной точкой для Анучина послужили работы создателя Оксфордского антропологического музея Г. Питт-Риверса. В книге подробно рассматриваются вариации устройства лука, типы стрел и наконечников у различных народов (география исследования охватывает весь земной шар). Своё исследование учёный рассматривал как своего рода подготовительный набросок, конечную же цель подобных работ он видел в том, чтобы «пользуясь более значительным материалом из разных местностей и прилагая к нему, по возможности, сравнительный и статистический метод, прийти к установлению характерных для известных периодов и областей типов и до некоторой степени наметить их развитие и пределы их распространения» [Там же, с. 75]. Уже в данной работе проявилось двойственное отношение Анучина к эволюционистской парадигме: с одной стороны, он берёт классическую эволюционистскую тему и методологию, с другой — целостного эволюционного ряда в монографии нет, а исследователя больше интересует не прогресс в истории данного явления, а его географические и культурные вариации.

«Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда», — монография, имевшая двойную задачу. Анучин анализировал роль этих атрибутов в похоронном обряде различных народов, а также доказывал происхождение всех видов колёсного транспорта от наиболее примитивного вида повозки — саней или волокуши. Вторую идею Анучин высказывал, полемизируя с английским этнологом и антропологом Эдвардом Тайлором: «Развитие повозки Тайлор начинает с приспособления обрубка круглого дерева, из которого образовалась двухколёсная тележка с наглухо укреплённою в толстых колёсах осью; но он, по-видимому, забыл о санях, которые, очевидно, были древнейшей повозкой и которые местами в России и теперь ещё составляют единственный экипаж» [Анучин, 1889б, с. 31]. К данному выводу учёный пришёл, анализируя ритуал русских похорон, в котором употребление саней для перевозки покойника было обычным делом не только зимой, но и летом. Такое употребление саней, однако, не является отличительной чертой славянского обряда, то же самое Анучин находит и у финнов, и даже в Древнем Египте. В Италии, Африке и Азии сани-волокуши использовались для молотьбы. Это «наводит на мысль, что сани были древнейшей формой повозки не только в странах северных, обильных снегом и льдом, но и в южных, сухих и жарких» [Анучин, 1890, с. 63]. Древнейшей формой повозки Анучин считал наиболее примитивный вид саней — волокушу. Позднее к ней приделали полозья, затем — цельные колёса из стволов деревьев, и из этой примитивной арбы развились, как и указывал Тайлор, телеги, колесницы и прочие виды повозок.

Антропологические и этнографические работы Анучина объединяет схожая исследовательская стратегия: учёный избирает определённую черту физического строения (аномалии черепа, рост) или культуру (лук и стрелы, сани и т.п.) и рассматривает распространение этого явления. В этнографических работах прослеживается некоторое стремление к построению эволюционного ряда, однако географ в Анучине чаще «перевешивает» этнолога-эволюциониста. Определённое явление в его работах классифицируется, очерчивается география его распространения, иногда высказывается предположение о его этнической принадлежности. Данный метод в наилучшей степени применим к явлениям материальной культуры, которые и становятся главным

предметом исследований учёного. Таким образом, Дмитрий Николаевич вырабатывает жанр «археолого-этнографического этюда», в котором распространение определённого явления прослеживается на материале как «живых», так и ископаемых культур. Кроме того, этнография служит источником материала для интерпретации смысла и назначения археологических предметов.

Практически каждое своё исследование учёный заканчивал словами о том, что оно является только наброском, первым подступом к построению полной картины, характеризующей историю развития и географию исследуемого явления. В этих призывах содержался «педагогический» аспект анучинских монографий: они должны были служить методологическим примером и стимулом для дальнейших исследований. Иными словами, данные труды писались не только с целью разрешить чисто исследовательские задачи, но и с тем, чтобы привить в России передовые методы мировой науки, подать пример работы формирующемуся кругу профессиональных антропологов и этнографов.

Отдельно следует сказать об участии Анучина в переводе и публикации трудов европейских учёных. В основном это были обобщающие монографии по первобытной археологии и «доистории». Первой в их ряду была книга Дж. Леббока «Доисторические времена или первобытная эпоха человечества» (1876). В редакции и с предисловием Дмитрия Николаевича вышла переведённая Ф.К. Волковым книга Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель» (1898). Также он написал предисловие к книге Г. Обермайера «Человек в его прошлом и настоящем» (1913). Следует отметить, что две последние монографии, представлявшие, по словам Г.С. Лебедева, «крупнейшие археологические обобщения рубежа веков», были изданы в России практически сразу после их появления (соответственно, в 1893 г. и в 1912 г.) [Лебедев, 1992, с. 125]. Кроме того, Анучин редактировал перевод на русский язык «Центральной Азии» А. Гумбольдта (1915) и «Первобытной культуры» М. Гернеса (1923). В советское время учёный участвовал в работе Госиздата и журнала «Печать и революция», в котором заведовал отделом естествознания, географии, этнографии и антропологии. В 1922 г. в Госиздате вышли две научно-популярные книги самого Анучина — «Открытие огня и способы его добывания» и «Происхождение человека».

Много внимания Анучин уделял музейной работе. Усилиями учёного был создан Антропологический музей при Московском университете. Его основу составили коллекции, собранные на Антропологической выставке 1879 г. После выставки они были размещены сначала в Зоологическом, а потом в Историческом музее. Наконец в 1906 г. для музея было выделено несколько помещений в здании университета. Экспозиция музея размещалась в трёх залах, посвящённых соответственно этнографии, доисторической археологии и палеонтологии и физической антропологии. В музейной работе нашли отражение теоретические взгляды учёного в области этнографии, в частности, его отношение к классическому эволюционизму. Этнографический зал был построен по эволюционному принципу, и образцом, которому следовал Анучин, был музей Оксфордского университета, в котором предметы располагались «по степени осложнения и улучшения их форм», а не по принадлежности тому или иному народу. Однако учёный критически оценивал «этнологический» зал своего музея как «жалкую попытку, не удовлетворяющую даже ближайшим учебным целям» [Анучин, 1920а, с. 19].

В 1920 г. Анучин предложил проект организации этнографического музея. «Прежде всего, — писал он, — новый музей должен быть заложен на географической основе: население, народности России не должны быть в нём оторваны от земли, на которой они живут; напротив того, должна быть выдвинута на первый план связь народа с территорией, на которой развилась его история и создавался его быт» [Там же, с. 14]. К идее устроить в предполагаемом му-

зее «этнологическое отделение», построенное по принципу эволюции, он уже отнёсся скептически как из-за невозможности представить непрерывные эволюционные серии предметов, так и с теоретической точки зрения: следует иметь в виду, что распределение предметов в известном порядке осложнения их форм (при смешении изделий разных стран, эпох, народностей) связано в значительной степени с произволом собирателя, с субъективной его оценкой. «Если даже мы подберём достаточно убедительную серию переходных форм, мы не можем быть уверены, что эволюция шла действительно таким путём, какой нам представляется несомненным или наиболее вероятным. Этнологии уже пришлось убедиться, что путь развития культуры был не один, что нельзя говорить об одной культуре, свойственной всему человечеству, только проходящей ряд последовательных стадий, что даже в развитии материальной культуры или житейской техники необходимо допустить различные пути, например, в эволюции топора, глиняной посуды, орнамента и т.д.» [Анучин, 1920а, с. 21]. Схожие идеи Анучин высказал в статье-некрологе, посвящённой Э.Б. Тайлору. С одной стороны, он высоко оценивал его вклад как проводника дарвиновской идеи в изучении культуры: «Выступив в печати несколькими годами позже Ч. Дарвина, Тайлор явился подобным же инициатором в области этнологии, как тот в сфере биологии». Этот общий принцип Анучин продолжал считать лежащим в основе этнологии. Но, с другой стороны, он констатировал, что развитие культуры «по общему шаблону для всех народов» осталось недоказанным предположением: «Стали выясняться различные центры и области культур, различные пути развития цивилизации, различные способы культурного влияния и заимствования и т.д.; методы этнологического изучения вообще стали усложняться, как и его цели и средства» [Анучин, 1960, с. 188, 204]. Эти слова, а также описанная выше музейная деятельность Анучина свидетельствуют о более критическом отношении к эволюционизму, наметившемся в его научном мировоззрении.

***

Октябрьская революция нарушила привычный уклад жизни учёного. Анучин был далёк от политики. В общественно-политической сфере он выступал главным образом за создание возможностей для свободного развития науки и культуры: «<…> в усиленном росте просвещения и науки, — считал он, — неизбежное условие возрождения и расцвета России» [Анучин, 1908, с. 2]. О его умеренно-либеральных взглядах свидетельствует и многолетнее сотрудничество в кадетской газете «Русские ведомости». Вполне естественно, что поначалу Анучин не принял Октябрьскую революцию. В ноябре 1917 г. в письме Ю.М. Шокальскому, описывая революционные беспорядки, он даёт им недвусмысленную оценку: «Да, Россия гибнет, можно сказать — даже погибла, развалилась, и ещё больше развалится и станет скоро жалкой и всеми презираемой. <…> Можем ли мы собираться по вечерам и хладнокровно рассуждать о “материях важных”, когда голова отказывается работать, когда на сердце лежит камень?»[6]. В то время резко изменилось и материальное положение учёного. К началу XX в. он был довольно состоятельным человеком, после революции вынужден был заботиться о пропитании, в прямом смысле этого слова (напомним, что тогда Анучину было уже 74 года). По воспоминаниям В.В. Богданова, «Дмитрий Николаевич в эти годы не раз стоял в очередях, разыскивал съестные продукты по рынкам, выстаивал в пяти-шести местах в день в учреждениях с десятком им же добытых мандатов и удостоверений на предмет неуплотнения его в квартире, выдачи заработного пайка и т. п.»[7]. Бедность вынудила пойти на распродажу части библиотеки. Ситуация усугублялась тяжёлой болезнью жены. Тем не менее, пожилой учёный нашёл в себе силы и вскоре актив-

6 Архив Географического общества (СПб.). Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 10.

7 Архив Института этнологии и антропологии. Ф. 36 (В.В. Богданов). Папка 46. Д. 32. Л. 12.

но включился в деятельность многочисленных комиссий и учреждений, появившихся в первые годы советской власти. Он продолжает преподавать (чтению лекций учёный посвящал более 42 часов в неделю), участвует в работе Госплана, наркоматов по делам национальностей, иностранных дел, просвещения, сотрудничает в Госиздате, журнале «Печать и революция», выдвигает собственные проекты организации музеев и научно-исследовательских институтов.

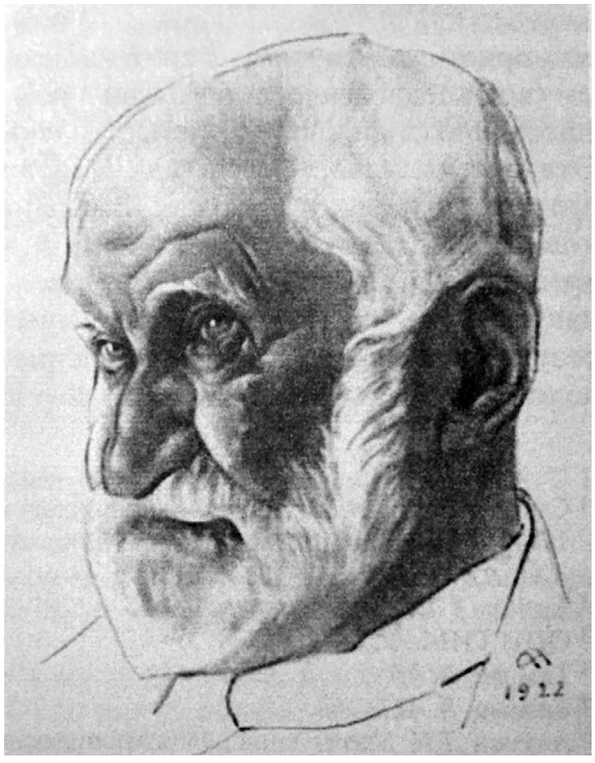
Решающим фактором в изменении отношения Дмитрия Николаевича к новой власти были, по всей видимости, новые возможности, открывавшиеся для развития науки. Ещё в 1915 г. он сетовал на то, что изучение языков и культур народов России велось до сих пор случайно и без определённого плана. Для всестороннего изучения населения он предлагал создать центральный институт, аналогичный американскому *Bureau of Ethnology*, который координировал бы деятельность по этнографическому, географическому и естественно-научному изучению России [Записка почетного члена…, 1915, с. 1418]. После революции учёный выступил активным сторонником организации централизованных государственных научно-исследовательских институтов. Существовавшие на частные пожертвования музеи, издания и научные общества были, по его мнению, не в состоянии обеспечить плодотворное развитие науки. В 1920 г. Анучин писал: «Преобразованный социальный строй подразумевает доминирующее участие государства в направлении, развитии и распространении знаний, в особенности тех из них, которые тесно связаны с познанием и прогрессом страны и её населения» [Анучин, 1920б, с. 8]. Учёный подчёркивал актуальность для государства, в частности, антропологических исследований, особенно в связи с войной: антропологи могут предоставить информацию о том, какие размеры обуви и противогазов нужны для солдат, этнографы и географы — о границах расселения народов [Там же, с. 10]. Такая позиция вызывала определённый отклик со стороны новой власти: Ленин рассматривал возможность пригласить Анучина к участию в планировавшемся к изданию атласе России [Ленинский сборник, 1932, с. 321].

В 1919 г. было осуществлено давно задуманное Анучиным разделение кафедры географии и антропологии на две самостоятельные. Учёный решил возглавить вновь созданную кафедру антропологии и этнографии, передав заведование кафедрой географии своему ученику А.А. Круберу. В состав сотрудников новой кафедры, помимо самого Дмитрия Николаевича, вошли А.И. Колмогоров, В.В. Бунак и Б.А. Куфтин. В числе научно-организаторских начинаний Анучина советского времени необходимо указать проект создания в Москве Антрополого-этнографического института, однако эта идея не была реализована. Созданная в октябре 1919 г. при Наркомпросе Комиссия по организации Центрального этнографического музея в Москве поручает ему разработать принципы экспозиции будущего музея[8]. В 1922 г. по инициативе Анучина создаются два института — Антропологический и Географический. Маститый учёный становится во главе обоих, однако руководить их деятельностью ему уже не пришлось. Д.Н. Анучин умер 4 июня 1923 г., не дожив нескольких месяцев до своего 80-летия.

* * *

В литературе не раз отмечалась разносторонность научных интересов Дмитрия Николаевича. Наиболее глубокие историографические оценки дают возможность увидеть обусловленность этой разносторонности с точки зрения теоретического развития науки. По мнению Д.Д. Тумаркина, разносторонность научных интересов Анучина вытекала из «позитивистского мировоззрения, предполагавшего существование естественнонаучных закономерностей в развитии природы и общества, а также рассмотрение всего органического мира с точки зрения эволюционной теории» [Тумаркин, 1988, с. 5].

8 Отдел рукописей РГБ. Ф. 10 (Д.Н. Анучин). Папка 8. Д. 106. Л. 1.

Д.Н. Анучин.
1922 г.
Рис. И. Андреева

Среди основных признаков позитивистской парадигмы в исторической науке обычно выделяют: гносеологический оптимизм, утверждение единства научного знания, стремление «подтянуть» историю до уровня естественных наук за счёт реализации в ней основных идеалов и норм естественно-научного исследования, объективизм, признание существования законов развития общества и наличия прогресса в истории человечества [Нечухрин, 1994, с. 184]. Анучин, несомненно, разделял большую часть этих положений. Для характеристики мировоззрения учёного большой интерес представляет его рецензия на книгу профессора всеобщей истории Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории» под названием «Философия истории и прогресс». В книге Кареева поднимались самые общие вопросы исторического познания: существуют ли законы исторического развития, можно ли говорить о прогрессе в истории, в чём отличие естественных и гуманитарных наук и т. д. Позицию Анучина в отношении «реализации идеалов и норм естественнонаучного исследования» можно охарактеризовать как классически позитивистскую: «(…) закон в приложении к истории не может быть тем же, чем является закон в астрономии, механике, физике. О законах в истории, самое большое, можно говорить в том смысле, как о законах в зоологии, ботанике, геологии, а эти законы не могут быть точными и, по всей вероятности, никогда не сведутся к механическим». «Человеческий ум, — продолжает, однако, Анучин, — не может смириться с мыслью, что развитие природы идет бессмысленно (…) он имеет основания полагать, что всё совершается строго закономерно (…) Метеорологические явления очень сложны, и что, может быть, казалось, капризнее смены погоды в умеренных климатах, а между тем, наука не отчаивается уловить порядок и закономерность в этом хаосе и дошла уже до того, что в трёх четвертях случаев в состоянии предсказывать погоду. Исторические явления, конечно, ещё сложнее, но почему мы должны сложить перед ними руки в уверенности, что мы не можем уяснить себе законы их последовательности и никогда не дойдём до возможности их предсказания, верного хотя бы приблизительно». Вместе с тем Анучин, как уже отмечалось выше, считал проблематичным положение о единстве исторического процесса. Возражая Карееву, он высказывал сомнение в том, что «законы психологии и социологии одни для всех рас и народов, и что сущность исторического процесса везде одинакова» [Анучин, 1887б, с. 2]. Двойственное отношение автор рецензии высказал и к идее прогресса, определяемого Кареевым как «постепенное возвышение уровня общечеловеческого развития», всё большее воплощение «идеалов свободы, порядка, истины и справедливости». Анучин указывал на относительность представлений о благе и нравственных идеалах. Он возражал против предвзятых суждений, основанных на навязывании современных ценностей другим эпохам: «Представляется ещё вопросом, насколько вправе мы поправлять суждения современников с точки зрения своего идеала и своего высшего развития и насколько мы можем переносить в прежние эпохи идеалы этих последующих» [Анучин, 1887б, с. 3].

В целом научное мировоззрение Анучина можно охарактеризовать как безусловно позитивистское. Он был убеждённым сторонником естественно-научного идеала познания. Конец XIX — начало XX в. (период научной зрелости и наивысшей творческой активности Анучина) в мировой этнографии характеризуется распространением антиэволюционистских теорий, главным образом диффузионизма, поставившего во главу угла изучение географического распространения отдельных явлений культуры. Географическая составляющая этнологии становится актуальной на новом уровне развития.

Это нашло определённое отражение в научном творчестве Дмитрия Николаевича. В эволюционной теории учёный видел философскую и методологическую основу науки, однако в конкретных этнографических исследованиях широких эволюционных обобщений не делал, обращая большее внимание на ареал распространения культурных явлений. Его ученики-этнографы продолжили наметившуюся в творчестве Анучина тенденцию.

Среди непосредственных учеников и последователей Анучина в этнографии следует назвать прежде всего В.В. Богданова и Б.А. Куфтина. Как и Анучина, их интересовали главным образом явления материальной культуры. Богданов (учившийся у В.Ф. Миллера, но тесно сотрудничавший с Д.Н. Анучиным) на протяжении 30 лет (с 1916 г.) работал над монографией «Колёсно-упряжный транспорт в истории культурного сближения народов», но она так и осталась незавершённой. Главными темами этнографических работ Куфтина были одежда русских и жилище крымских татар. Он детально изучал характерные особенности и распространение определённого явления материальной культуры на ограниченной территории и интерпретировал полученный материал с точки зрения истории колонизации края и различных этнических смешений, происходивших на его территории [Куфтин, 1925, 1926].

Богданов считал необходимым отказаться от эволюционизма и ввести в этнологию «принцип изучения небольших величин», подразумевая под этим детальное изучение небольших территорий. Вместе с Куфтиным он подробно разрабатывал методологию такого «краеведческого» исследования. По их мнению, к «этнографическому факту» нужно подходить как к источнику для изучения истории края и заселявших его в разное время племён. Влияние Анучина на его учеников проявлялось в преимущественном внимании к явлениям материальной культуры и их географическому распространению. Новацией, привнесённой следующим поколением исследователей, был больший акцент на «увязку» отдельных культурных элементов с определённым «племенем» или народом [Богданов, 1923; Куфтин, 1923].

По воспоминаниям учеников, Анучин как научный руководитель практически не вмешивался в их теоретическое развитие: «Д.Н. не имел обыкновения намечать тем для своих учеников в деталях, шаг за шагом следить за их работой, — писал А.А. Крубер. — Как в выборе тем, так и при дальнейшей их разработке Д.Н. предоставлял полную свободу индивидуальным наклонностям и самое большее — если давал общие указания, и то после настойчивых просьб со стороны того или другого из своих учеников» [Крубер, 1924, с. 27]. Такой «либерализм» был обусловлен как присущим Анучину скептицизмом в отношении теорий, так и его пониманием своей педагогической миссии — создания в России круга профессиональных и находящихся на уровне мировой науки этнографов, антропологов и географов. Эта миссия была, безусловно, выполнена. У Анучина учились такие крупные антропологи, как В.В. Бунак, Б.Н. Вишневский, А.А. Ивановский, Е.М. Чепурковский, А.Д. Элкинд, этнограф Б.Ф. Адлер, географы Л.С. Берг, А.А. Крубер, археолог Б.С. Жуков и многие другие. «Хотя, как истинный ученый, — писал Бунак в 1924 г., — Д.Н. был далёк от чувства самодовольства, он всё же ясно видел результаты своих трудов и внутренне знал высшее удовлетворение, доступное человеку под конец жизни: сознание выполненного долга» [Бунак, 1924, с. 4].

ЧАСТЬ 2

Фотоархив Д.Н. Анучина как источник исторической и научной информации

Фотоархив Д.Н. Анучина представляет весьма ценный источник информации как о различных научных направлениях, так и о разрабатывающих эти направления учёных. Судя по датировкам на фотографиях, коллекцию Д.Н. Анучин собирал всю жизнь. Имеющийся в нашем распоряжении фотоматериал — всего лишь некоторые фрагменты собрания, расщеплённого и разбросанного ныне в разных научных архивных хранилищах. Очевидно, что коллекция формировалась как научное и образовательное собрание в области этнографии и географии. Об этом свидетельствует не только отчётливая научная направленность сюжетов, но и чисто техническая деталь: помимо негативов и отпечатков с них, среди фотоматериалов содержится большое количество стеклянных диапозитивов, напечатанных с негативов с целью их демонстрации во время лекций и докладов. В настоящее время нам доступны для анализа и публикации фотоматериалы из архива Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова общим числом 6255 единиц. Серьёзные систематические исследования по историографическому изучению и описанию фотоматериалов Д.Н. Анучина ведутся в Музее землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Ограниченные объёмом издания, мы публикуем лишь несколько интересных исторических сюжетов, отражённых в фотографиях этого богатейшего собрания.

В коллекцию входят фотоматериалы, полученные Д.Н. Анучиным из разных источников. Во-первых, это фотографии, выполненные самим Д.Н. Анучиным в экспедициях и деловых поездках. К таковым относится, в частности, серия фотографий «Западная Двина и её окрестности», снятая Д.Н. Анучиным в 1894–95 гг. во время экспедиций. Другим, очевидно основным, источником фотографий были материалы его коллег и учеников. Несомненно, многие материалы поступили в коллекцию от руководителей и участников многочисленных экспедиций Русского Географического общества, ОЛЕАЭ и других ведомств. Эти материалы зачастую образуют цельные тематические подборки, представляющие самостоятельный научный и познавательный интерес.

Среди них — обширная (более 1000 шт.) подборка стеклянных негативов и позитивов по Кавказу, полуострову Канин Нос в архиве ИЭА РАН, которая содержит фотографии географического и этнографического содержания: природных ландшафтов, рек и озёр, горных хребтов и долин, растительности, сёл и городов, групповые и одиночные портреты местных жителей и т. д. К счастью, этот материал неплохо документирован надписями на полях фотографий, благодаря чему нам в большинстве случаев известны их авторы. Значительная часть фотографий сделана Сергеем Григорьевичем Григорьевым (1874–1931) и его спутниками во время многочисленных путешествий.

2.1 Верховья Волги и Западной Двины. Верхневолжские озёра (экспедиции Д.Н. Анучина 1894–1895 гг.; фотографии Д.Н. Анучина)

Из сохранившейся части фотоколлекции Д.Н. Анучина 108 снимков посвящены верховьям Волги и Западной Двины, а также Верхневолжским озёрам. Эти фотографии были отсняты самим Д.Н. Анучиным. На многих из них сохранились собственноручно сделанные учёным пометки чернилами с указанием места и/или объекта фотосъёмки, а в левом нижнем углу паспарту слова «Проф. Д.Н. Анучин (Москва)».

Экспедиции 1894–95 гг. В 1894 г. военный картограф генерал-лейтенант Алексей Андреевич Тилло (1839–1900), руководивший экспедицией для исследования источников главнейших рек Европейской России, организованной Министерством государственных имуществ и земледелия, пригласил Д.Н. Анучина принять участие в этой работе. Непосредственной причиной организации такой масштабной экспедиции (исследования продолжались до 1902 г.) «послужили засухи и сопровождавшие их жестокие неурожаи, постигшие южные и центральные земледельческие районы России во второй половине XIX в.» [Озерова и др., 2015, с. 113]. В ходе экспедиции «предстояло выявить и подробно изучить источники питания и факторы, формирующие водный сток (климат, почвенный покров, геологическое строение, растительность, рельеф)» [Там же, с. 114]. Анучину выпало возглавить исследования в районе истоков Волги и Западной Двины.

Официальное приглашение последовало через министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, который писал Д.Н. Анучину 23.12.1893: «В ответ на Ваше письмо от 19 декабря считаю долгом сообщить Вам, что я обратил внимание на Вашу статью ещё при появлении её на страницах “Северного вестника” [Анучин, 1891] и в значительной мере воспользовался ею при проектировании особой экспедиции для изучения истоков главнейших рек Европейской России. Задача этой экспедиции, которую предположено составить из нескольких специалистов по вопросам гидротехники, лесоводства и сельского хозяйства, должна заключаться в предварительной выработке тех мер, какие могли бы быть приняты для охранения и расчистки источников этих рек и их притоков, а также в исследовании вопроса о возможности увеличения их дебита и задержания весенней воды в их верховьях устройством водохранилищ, сооружением шлюзов и т.п.» [Карпов, 1958, с. 188]. Иными словами, исследования Д.Н. Анучина в районе истоков Волги и Западной Двины «возникли из потребности установить, иссякают ли русские реки и возможно ли преодолеть их обмеление» [Московский университет…, 1967, с. 189]. «Одно из центральных мест в деятельности экспедиции занял вопрос о роли лесов и болот в питании рек» [Озерова и др., 2015, с. 115].

По приглашению А.С. Ермолова 10.02.1894 Анучин поехал в Санкт-Петербург на совещание по вопросу о снаряжении экспедиции, где были сформированы отряды и распределены средства между ними. «Для поездки в верховья Западной Двины Анучину было отпущено 1000 рублей» [Карпов, 1958, с. 189]. В то время это были большие деньги. В 1900 г. средняя величина годового заработка русского рабочего составляла 194 рубля [Рубакин, 1912, с. 190].

Экспедиция Анучина в район истоков Западной Двины продолжалась с 24 июня по 28 июля 1894 (34 дня). Участники экспедиции разделились на два отряда. Анучин и его помощник, студент Московского технического училища В.А. Монастырёв, изучали Западную Двину и её правые притоки, сотрудники Московского университета В.В. Богданов и И.П. Силинич по поручению Д.Н. Анучина обследовали левые притоки [Анучин, 1896, с. 2–3]. Анучин и Монастырёв работали на территории Осташковско-

го уезда Тверской губернии[1] и Торопецкого уезда Псковской губернии[2]: «измеряли ширину и глубину рек и озёр, скорость течения, отмечали колебания уровня озёр, температуру воды на разных глубинах и т.п.» [Карпов, 1958, с. 190]. Кроме того, изучали орографию и геологическое строение местности, водные источники, их мощность и химический состав воды, лесистость территорий; собирали образцы горных пород и полезных ископаемых, закладывали буровые скважины, делали фотоснимки и собирали расспросные сведения.

Были собраны данные о пока не исследованных озёрах. Их очертания сравнивались с картой, делались промеры вдоль и поперёк, а также в истоках и устьях впадающих в озёра рек. Измерялась температура воды на различной глубине. Собирались сведения о цвете воды, встречающихся видах рыб, грунте дна озера и т.д. Предварительный отчёт об экспедиции был напечатан отдельной брошюрой в 1894 г. В отчёте мы находим описание экспедиционного снаряжения, где подробно описаны фотоаппараты участников экспедиции. Анучин использовал «аппарат с треножником, на полпластинки, Раузера (в Женеве) и моментальный аппарат на четверть пластинки, Штейнгеля (с 12 пластинками)», его помощники — «моментальный аппарат Мюрера на четверть пластинки (заряжающийся 6 пластинками)» [Анучин, 1894, с. 7–8]. Всего во время экспедиции 1894 г. было «снято 23 больших фотографии (на половину пластинки) и до 60 малых (на четверть пластинки)» [Там же, с. 17].

20.12.1894 Анучин сделал доклад «Некоторые новые данные о русских озёрах», в котором изложил основные результаты и открытия, сделанные им во время летних работ 1894 г.

В первой книге журнала «Землеведение» за 1895 г. Анучин публикует статью «Новейшее изучение озёр в Европе и несколько новых данных об озёрах Тверской, Псковской и Смоленской губерний».

В ходе экспедиции 1895 г. по соглашению с А.А. Тилло Анучин уделил основное внимание Верхневолжскому бассейну, а также продолжил обследование некоторых озёр в верховьях Западной Двины. Перед экспедицией была поставлена задача составления батиметрической карты Верхневолжских озёр. «Прежде всего мы поставили себе целью выяснить водность озёрных бассейнов, т.е. исследовать их глубины путём возможно большего числа промеров по разным направлениям», — писал Анучин [1897, с. 9].

В те годы только зарождалась наука об озёрах — лимнология, ставшая новым разделом физической географии. В России к моменту начала экспедиций Анучина были исследованы, да и то в недостаточном объёме, только озёра наиболее крупные или наиболее важные с точки зрения судоходства, рыболовства, добычи соли и т.п. Об озёрах меньшего размера не было известно почти ничего, за исключением их названий, географического положения и примерного объёма рыбных ресурсов.

Экспедиция 1895 г. началась в середине июня. Анучина сопровождали три помощника: участник прошлогодней экспедиции В.А. Монастырёв, кандидат университета князь А.С. Кропоткин и его брат, студент сельскохозяйственного института С.С. Кропоткин [Анучин, 1896, с. 5].

Анучин измерял глубины и температуру воды на различных горизонтах [Карпов, 1958], исследовались также цвет и прозрачность воды. Кроме того, экспедиция собирала данные о расходе воды в реках, их глубинах и порогах, геологическом строении местности, лесах. Были составлены батиметрические карты и профили озёр. Исследование Селигера — самого большого и сложного из озёр — продолжалось более трёх недель, для чего «было произведено 7704

1 В настоящее время территория бывшего Осташковского уезда Тверской губернии входит в состав Осташковского, Пеновского, Андреапольского, Нелидовского, Селижаровского и Фировского районов Тверской области.

2 В настоящее время территория бывшего Торопецкого уезда Псковской губернии входит в состав Тверской области (части Торопецкого, Андреапольского и Западнодвинского районов) и Псковской области (Куньинский район).

промера глубин на 191 профиле» [Озерова и др., 2015, с. 119], причём измерения производились с лодки с помощью лота. Д.Н. Анучин пришёл к выводу о том, что «существование довольно значительных озёр в верховьях Волги является важным условием для обеспечения водности этой реки в её верхнем течении» [Там же, с. 119].

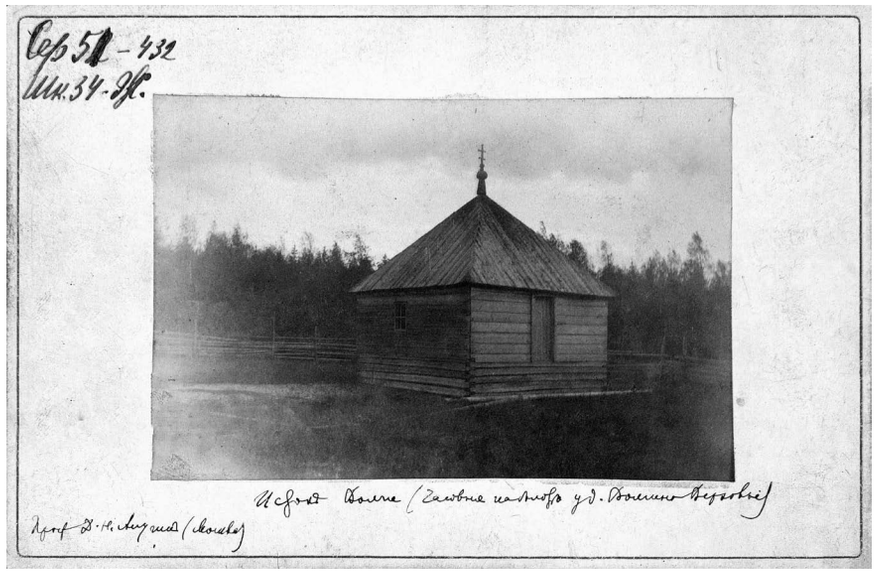
Аналогичное значение имели озёра в верховьях Западной Двины.

После опубликования результатов работ экспедиции Анучин значительно изменил программу университетского курса общей физической географии, разработав раздел об озёрах. Для студентов он напечатал в приложении ко второй книге журнала «Землеведение» за 1896 г. обширный очерк «Воды суши. Озёра».

В конце 1897 г. вышел капитальный труд Анучина, заключающий в себе полную обработку результатов двухлетней экспедиции — «Верхневолжские озёра и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и исследования 1894/95 г.» [Анучин, 1897] под редакцией А.А. Тилло. В работе подробнейше описано каждое озеро и раскрыта разработанная Анучиным методика лимнологических исследований, впоследствии положенная в основу исследований многочисленных учеников и последователей его школы. В сокращённом и несколько изменённом виде эту работу Анучин поместил в журнале «Землеведение» (I–II книга за 1898 год) под названием «Озёра области истоков Волги и верховьев Западной Двины» [Анучин, 1898].

В 1897 г. А.А. Тилло выпускает в свет «Карты бассейнов внутренних водных путей Европейской России с указанием пунктов метеорологических и водомерных наблюдений». Однако правительственные сферы не усмотрели в результатах экспедиции непосредственной практической пользы и, несмотря на энергичные хлопоты А.А. Тилло, после двух лет работы субсидирование экспедиции прекратилось.

Анализ фотографий из экспедиций Анучина. Снимки, которые мы рассмотрим ниже, были сделаны в ходе одной из экспедиций Д.Н. Анучина к верховьям Волги, Западной Двины и Днепра в 1890 г. или, что более вероятно, в 1894 г. или 1895 г.

2202. Исток Волги. Часовня на болоте у д. Волгино-Верховье.

На снимке (2202) мы видим деревянную часовню и ограду. Под полом часовни бьёт ключ, дающий начало реке Волге. Изначально эта часовня принадлежала Волго-Верховенскому монастырю, основанному в 1649 г. указом царя Алексея Михайловича. Ключ был святыней монастыря. Монастырь сгорел в 1724 г., осталась только эта часовня. Поскольку поток паломников не ослабевал, она неоднократно ремонтировалась и возобновлялась. Вот как описывает часовню у истока Волги Анучин: «Доступ к часовне через болото по дощечкам, по которым иногда приходится идти вершка на два в воде. Часовня имеет 1,5 сажени в квадрате, с четырёхскатной крышей и крестом наверху. Около аршина над водой в ней имеется отверстие (дверь), влезши в которое мы увидели сруб (колодезь) по середине и образ у потолка в углу. Кругом часовни и далее к мостику болото шагов на тридцать, а потом приметен ручей, в 1–2 аршина шириной» [Анучин, 1891, с. 136].

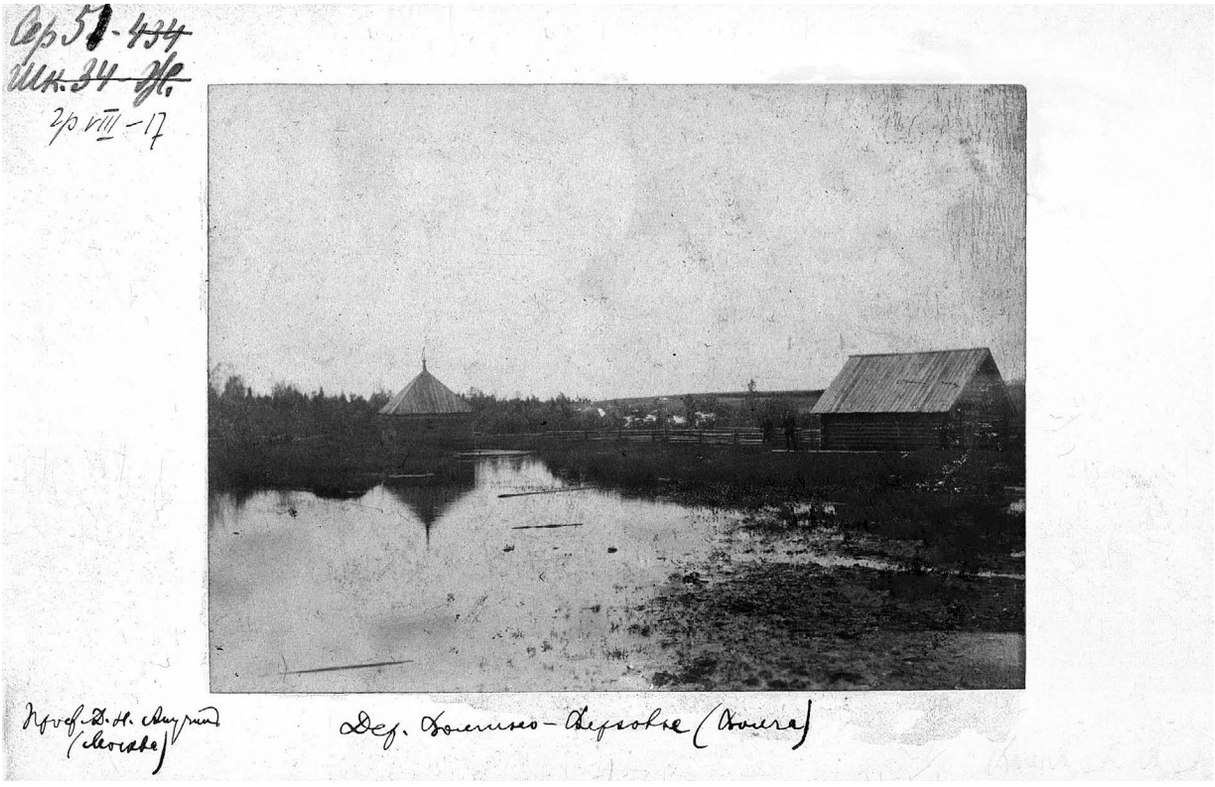
Деревня Волговерховье располагается ныне в Осташковском районе Тверской области, в 42 километрах к северо-западу от города Осташков. Прежнее название деревни, возникшей в XVIII в., — Волгино-Верховье, в просторечии Волга. (2205)

«Деревня Волга и её поля расположены на нескольких, невысоких, впрочем, холмах», — пишет Анучин [1891, с. 136]. Существовавший здесь монастырь был приписан к Ниловой Пустыни. Историю деревни и монастыря мы находим в книге Анучина: «Монастырь этот был бедный, с небольшой деревянной церковью и постройками, и в 1686 г. совсем было запустел, но через несколько лет снова возобновился, может быть, благодаря тому, что им заинтересовался Пётр I, пожертвовавший в него несколько богослужебных книг.

В 1724 г., однако, почти все строения монастыря сгорели, и настоятель его с братией в числе 10 человек были переведены в Нилову Пустынь. После того монастырь уже не возобновлялся, а оставшаяся после него пустошь в 1740 г. перешла к Селижарову монастырю, который поместил на ней приписных в его вотчину церковников; из этого посёлка и образовалась, как полагают, нынешняя деревня Волгино-Верховье» [Анучин, 1897, с. 3].

В царствование Николая II монастырь начали восстанавливать. «В 1906 г. при строящемся Спасо-Преображенском соборе в Волговерховье образовалась женская община, на основе которой в 1909 г. был учреждён Преображенский монастырь. С 1912 г. монастырь стал называться Волговерховским Ольгинским монастырём (в честь Равноапостольной княгини Ольги). В 1924 г. монастырь прекратил своё существование. Из имевшихся на тот момент монастырских сооружений к настоящему времени уцелели Спасо-Преображенский собор (1902–1912 гг., освящён в 1920 г., автор проекта В. Назарин) и деревянная Никольская церковь (1907 г.)» [www.olginmonastery.ru]. Но всё это было уже после экспедиций Анучина.

На первых километрах своего течения Волга проходит через два небольших озера: Малые Верхиты и Большие Верхиты (Анучин называет их Малый Верхит и Большой Верхит). В научно-популярной статье о летней поездке 1890 г. Анучин пишет: «Мы решили пройти лесом до первого озера — Малого Верхита. Расстояние от истока до озера около 2,5 вёрст, но идя лесом и обходя болото, его можно несколько сократить. Ручей скоро приобретает глубину около аршина, и местами вода струит-

2205. Деревня Волгино-Верховье (Волга).

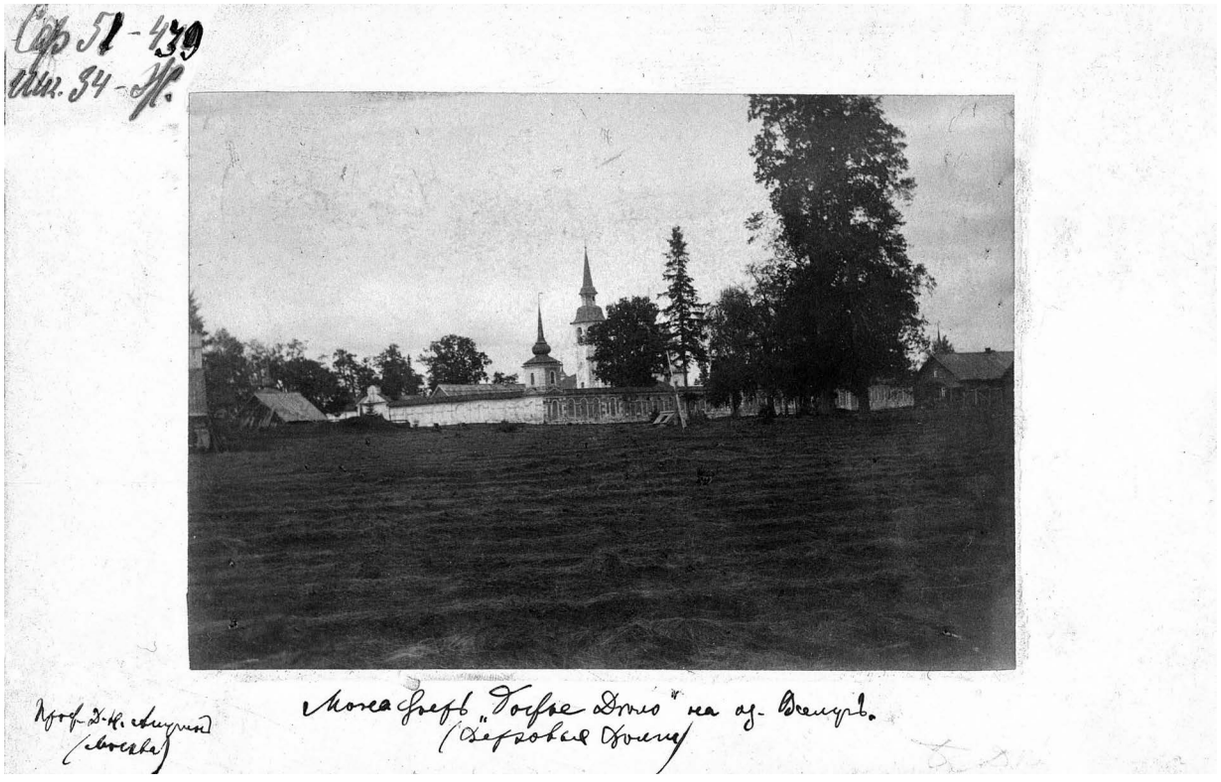
ся в нём довольно быстро по камням. Далее он снова как бы разливается в болото, но в последнем можно всё-таки проследить узкое русло. Берега долины Волги здесь возвышенны… Напротив деревни Вороновой (ныне — Вороново) Волга принимает первый приток, ручей Персянку, который весной бывает, говорят, многоводнее Волги. Несколько далее Волга впадает в Малый Верхит — озеро округлённой формы, имеющее в окружности версты две, пространство которого определяют в 25 десятин. Берега его, покрытые лесом, топки и болотисты. … Глубина озера в среднем около 1,5–2 аршина, местами и глубже. … Вокруг озера растут ели, сосны и берёзы. Расстояние от места впадения Волги в Малый Верхит до выхода из него не менее 45 сажень [Анучин, 1891, с. 136–137].

«Выйдя из Малого Верхита, Волга продолжает течь лесом, причём в русле её здесь много упавших деревьев, а затем после двух вёрст течения впадает в Больший Верхит, занимающий пространство около 35 десятин, и из него выходит в конце, противоположном месту её впадения» [Там же, с. 137]. Озеро Большие Верхиты окружено лесом и находится «в топких болотистых берегах» [Анучин, 1897, с. 46; Анучин, 1898, с. 19]. (2206)

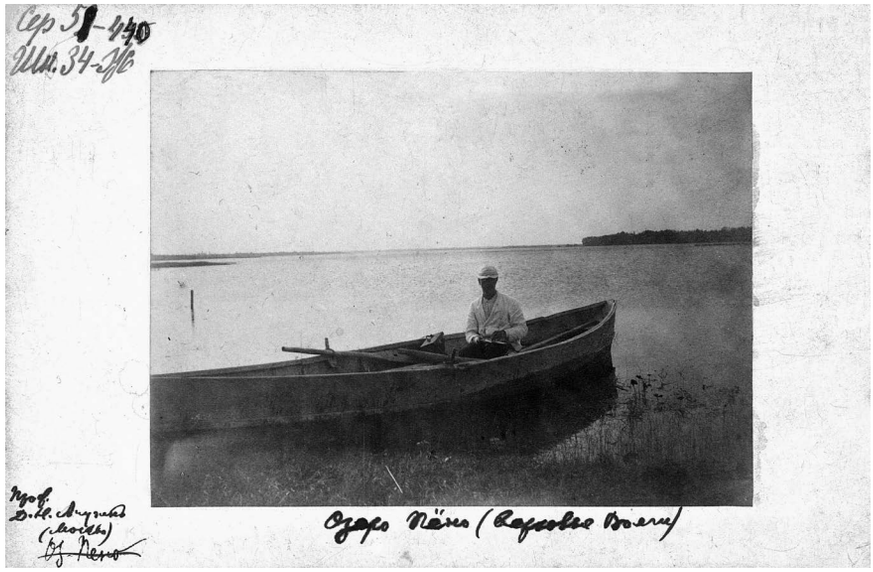

2206. Озеро Большие Верхиты (верховья Волги).

Далее, как уточняет Анучин, в 7 верстах от истока [Анучин, 1897, с. 45], Волга впадает в озеро Стерж, за которыми следуют Вселуг и Пено. Все эти три озера «следуют одно за другим в меридиональном направлении … и имеют удлинённую вытянутую форму» [Анучин, 1898, с. 19].

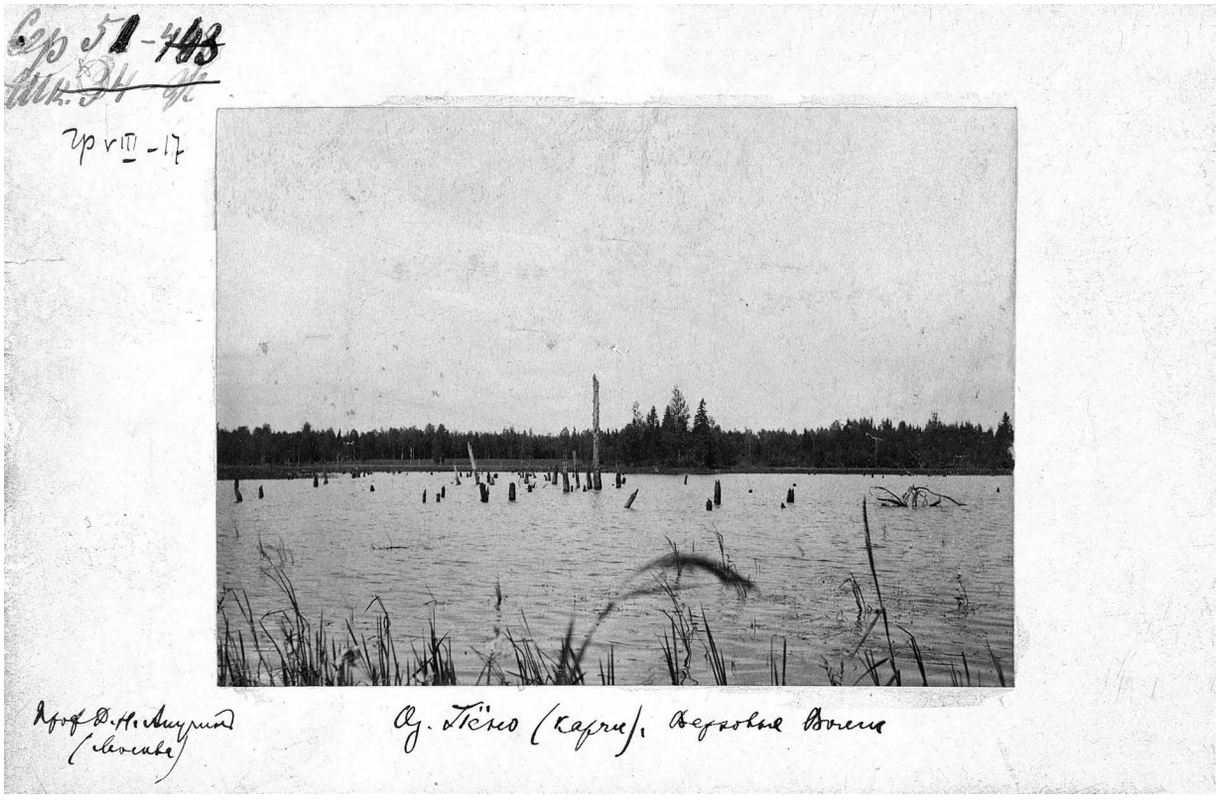
2208. Монастырь «Божье дело» на озере Вселуг.

2209. Озеро Пено (верховье Волги).

Из статьи Д.Н. Анучина мы узнаём, что монастырём «Божье дело» (2208) иначе называлась Новосоловецкая пустынь [Анучин, 1891]. Этот монастырь существовал до 1930-х гг. и располагался на острове Зосима и Савватия (или Малом Соловецком), находящемся посередине озера Вселуг, в самом широком его месте. Длина озера Вселуг достигает 14 вёрст, а наибольшая ширина — 4 версты [Анучин, 1897, с. 47]. «Средняя глубина — 10 м. Озеро Вселуг лежит в котловине с пологими, постепенно поднимающимися берегами. Вселуг означает «вода на лугу» [Исаков, 1985, с. 30].

Ещё в 1817 г. Н.Я. Озерецковский отмечал, что название «Новосоловецкая пустынь» встречается только на географических картах, а народ называет пустынь «Дело Божье» [Озерецковский, 1817]. В статье Д.Н. Анучина [Анучин, 1891, с. 133–134] мы находим историю происхождения этого названия: «К названию сему подал повод некто отставной солдат, а другие приписывают какому-то монаху, который вздумал построить на сём пустом острове церковь, и не имея денег на уплату работникам, на требования их всегда отвечал: дело Божие. Между тем собирал деньги от подателей и уплачивал работникам, которые терпеливо трудились над делом Божьим и довершили церковь. С того времени и пустынь в народе слывёт Делом Божьим, так что многие из простых людей и не знают, что она пишется Новосоловецкою».

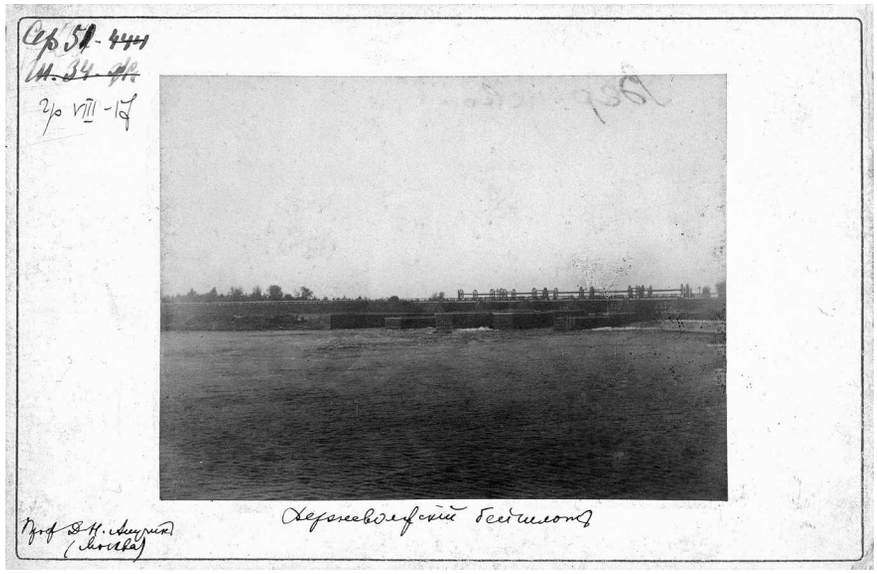
2212. Озеро Пено (карчи). Верховье Волги.

Вот как описывает этот остров Д.Н. Анучин: «Остров этот вытянут соответственно оси озера, подымается метра на 2–3 над водой и окружён мелкой полосой, довольно скоро понижающейся до 10 и более метров глубины. Подверженные действию волн, берега острова подмываются и обваливаются, что вызвало укрепление их в некоторых местах искусственной кладкою из крупных валунов, благо монахи могли найти последние в достаточном количестве в образующем остров валунном наносе» [Анучин, 1897, с. 47].

(2209) Озеро Пено — пятое (после озёр Малые и Большие Верхиты, Стерж, Вселуг) озеро, через которое проходит Волга. Вот что написано про него в путеводителе 1985 г.: «Длина — 10 км. Ширина — до 1,5 км. Средняя глубина 4 м. ... Дно Пено плоское, илистое и вязкое» [Исаков, 1985, с. 30]. А вот что писал про это озеро Анучин в 1897 г.: «Озеро Пёно имеет в длину около 8 вёрст, а в ширину до 1,25 версты» [Анучин, 1897, с. 48]. Пено (местные жители говорят «Пёно») означает «узкое озеро» [Исаков, 1985, с. 30].

(2212) На фотографии мы видим, что воды озера у берегов затопили лес. «Деревья ... отчасти стоят ещё у самой воды, отчасти уже погибли и сгнили в своей подводной части» [Анучин, 1897, с. 49]. Такое повышение уровня воды объясняется подпором Верхневолжского бейшлота, а также тем, что берега озера низменны. Кое-где видны торчащие из воды чёрные пни, так называемые «карчи», — следствие того, что зимой местные жители, стоя на льду, вырубали деревья на дрова и для строительства временных дорог. По высоте пней можно судить об уровне снежного покрова в момент вырубки деревьев.

Верхневолжский бейшлот — первое на Волге (как по своему местонахождению, так и по времени строительства — 1843 г.) гидротехническое сооружение, предназначенное для поддержания более высокого уровня воды в верхней Волге. Бейшлот накапливает в половодье значительное количество воды, и это даёт ему возможность плавно подпитывать Волгу в меженный период.

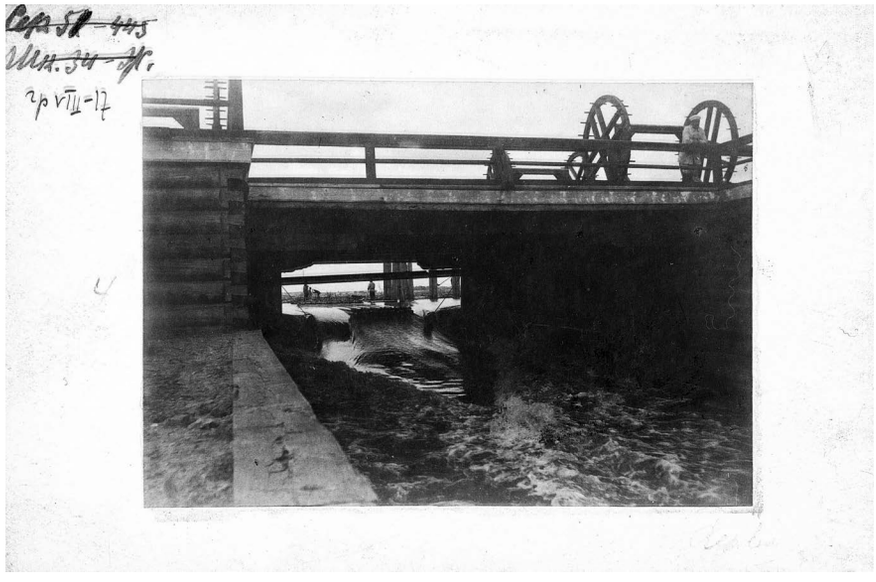

2213. Верхневолжский бейшлот.

Верхневолжский бейшлот был сооружён в 5 км ниже места выхода Волги из озера Волго, примерно в 80 км от истока Волги. Строительство бейшлота привело к образованию Верхневолжского водохранилища, объединяющего в единый бассейн озёра Волго, Пено, Вселуг и Стерж.

(2213) На снимке запечатлён общий вид Верхневолжского бейшлота «с его мостом, береговыми дамбами, четырьмя промежуточными устоями (быками) и пятью пролётами, в глубине которых видны стойки, между которыми в несколько рядов опускаются задерживающие воду деревянные щи-

2214. Верхневолжский бейшлот (фрагмент).

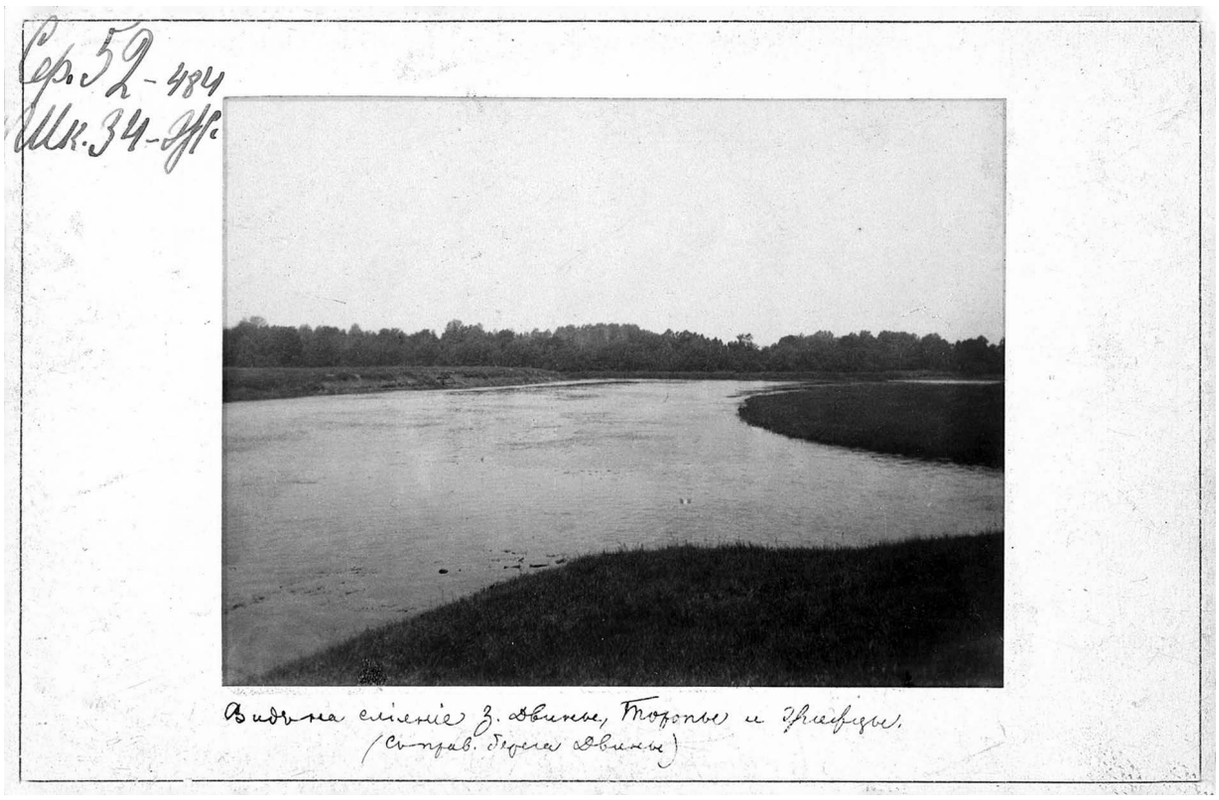

2170. Исток реки Западная Двина из озера Охват-Жаденье.

ты, они поднимаются канатами при помощи ворота (на рисунке видны его колёса)» [Там же, с. 51–52].

В 1941 г. бейшлот был взорван обороняющимися частями Красной Армии. 17 апреля 1943 г. постановлением Государственного комитета обороны СССР № 3194 было принято решение восстановить бейшлот на своем историческом месте. Летом 1943 г. он был восстановлен в бетонных конструкциях с поднятием уровня на один метр.

(2214) На фотографии, дающей более детальное представление о Верхневолжском бейшлоте, мы видим один из его пролётов в момент пропуска через него плота. Вот как описывает устройство бейшлота Д.Н. Анучин: «Дно в пролёте сделано наклонным и представляет собой деревянный пол (флюбет, в просторечии — лоток), оканчивающийся у его верхнего конца порогом (фахбаумом). Через порог по наклонному полу вода пробегает быстро, шумя и волнуясь. На рисунке видно, как в глубине пролёта к нему подведён гонок, который уже подошёл к порогу и готовится ринуться по флюбету. Быстро пролетая по лотку, плот обыкновенно погружается передним своим концом в воду, потом выныряет, долго кружится и плывёт далее; часто при этом он разбивается и отдельные части его ловятся гонщиками далее, в спокойной части реки. Ниже бейшлота падающая вода вырыла в дне глубокий омут» [Там же, с. 52].

2183. Место слияния трёх рек: Торопы, Западной Двины и Жижицы.

2204. Сер. 51-433
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

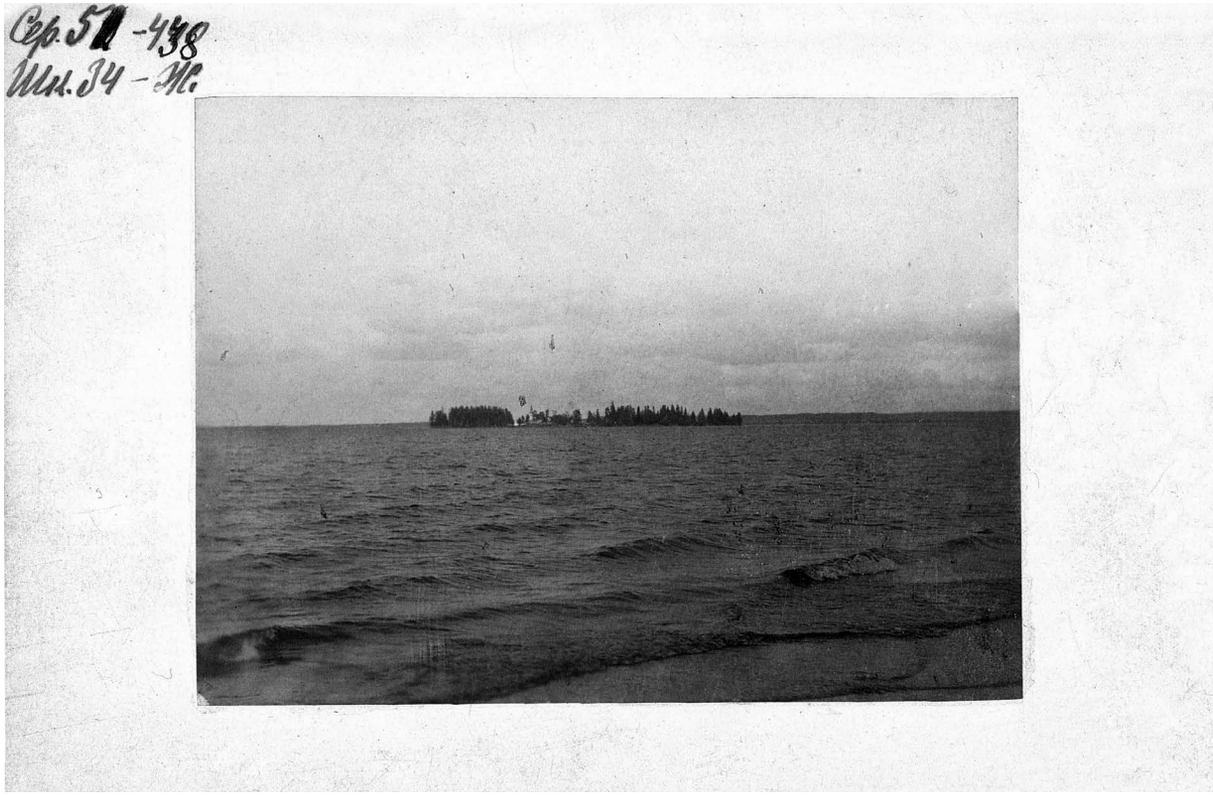
Исток Волги (часовня)

Далее Анучин пишет о том, что в год через бейшлот пропускалось ранее до 300 тысяч плотов, а сейчас 500–600 тысяч. Прежде через бейшлот пропускались живорыбные лодки, но затем из-за риска пускать перестали. Теперь, дойдя с рыбой до бейшлота, её переносят в другую лодку.

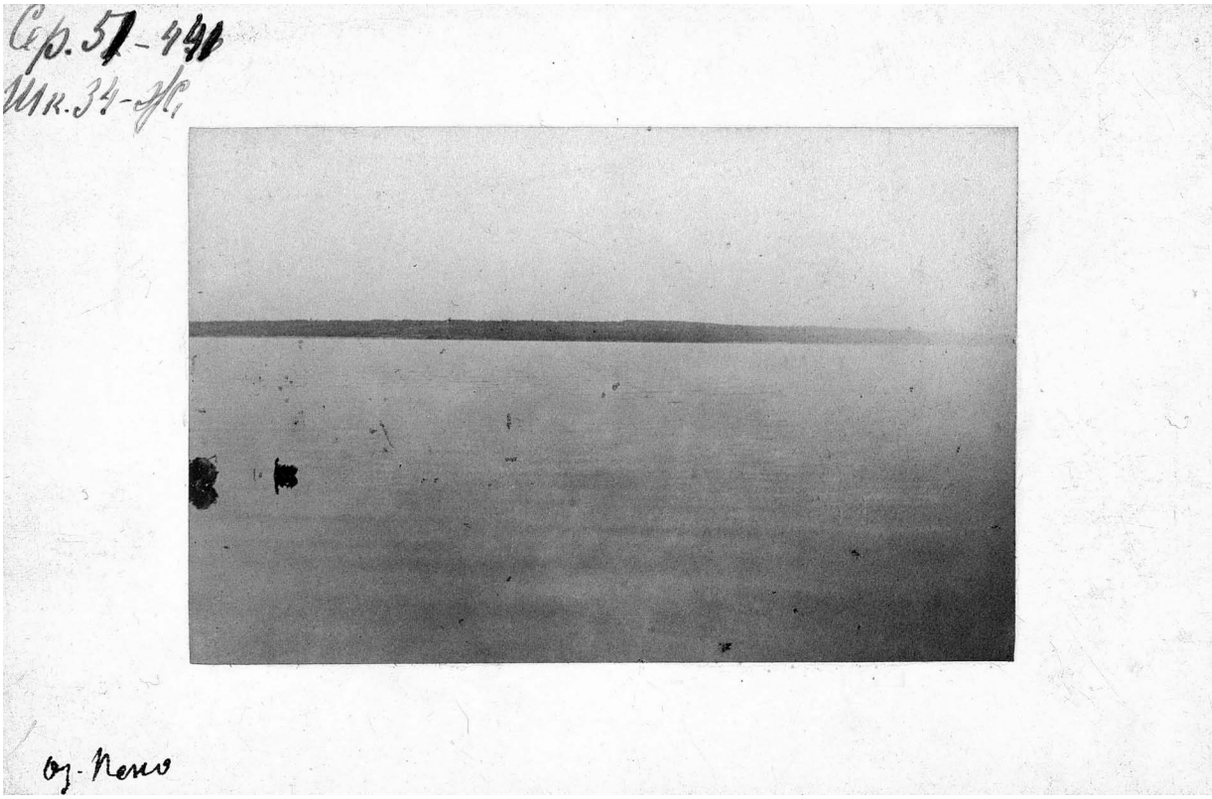
(2170) На следующем снимке мы видим исток реки Западная Двина из озера Охват-Жаденье (ныне Охват). Река — на заднем плане, а на переднем — «мелкий конец озера и (правее) — болотистая низина с двумя челноками у берега» [Там же, с. 67; 5, с. 30].

Анучин писал про верховья Западной Двины: «Одним из важнейших здесь является озеро Охват-Жаденье в Осташковском уезде Тверской губернии, принимающее в себя до 11 речек и выпускающее из себя Западную Двину. За начало последней принимается ручей, вытекающий из мохового болота, расположенного в даче удельного ведомства на водоразделе с Волгою» [Анучин, 1898, с. 27].

(2183) На этой фотографии мы видим место слияния трёх рек: Торопы, Западной Двины и Жижицы. Анучин отмечает, что в Западную Двину «впадает Торопа рядом с рекой Жижицей; впрочем, между устьями обеих рек имеется расстояние около 200 сажень. С правой стороны Торопы идут луга с рассеянными по ним дубовыми рощицами и отдельными деревьями, с левой — молодой лес; противоположный берег Двины — луговой. Весной, в половодье, вода повышается здесь на сажень, устья трёх рек сливаются в одно озеро …» [Анучин, 1897, с. 82]. Анучин измерял ширину, глубину и течение во всех трёх реках дважды — 18.07.1894 и 21.07.1895.

2207. Сер. 51-438
Шк. 34-Ж.

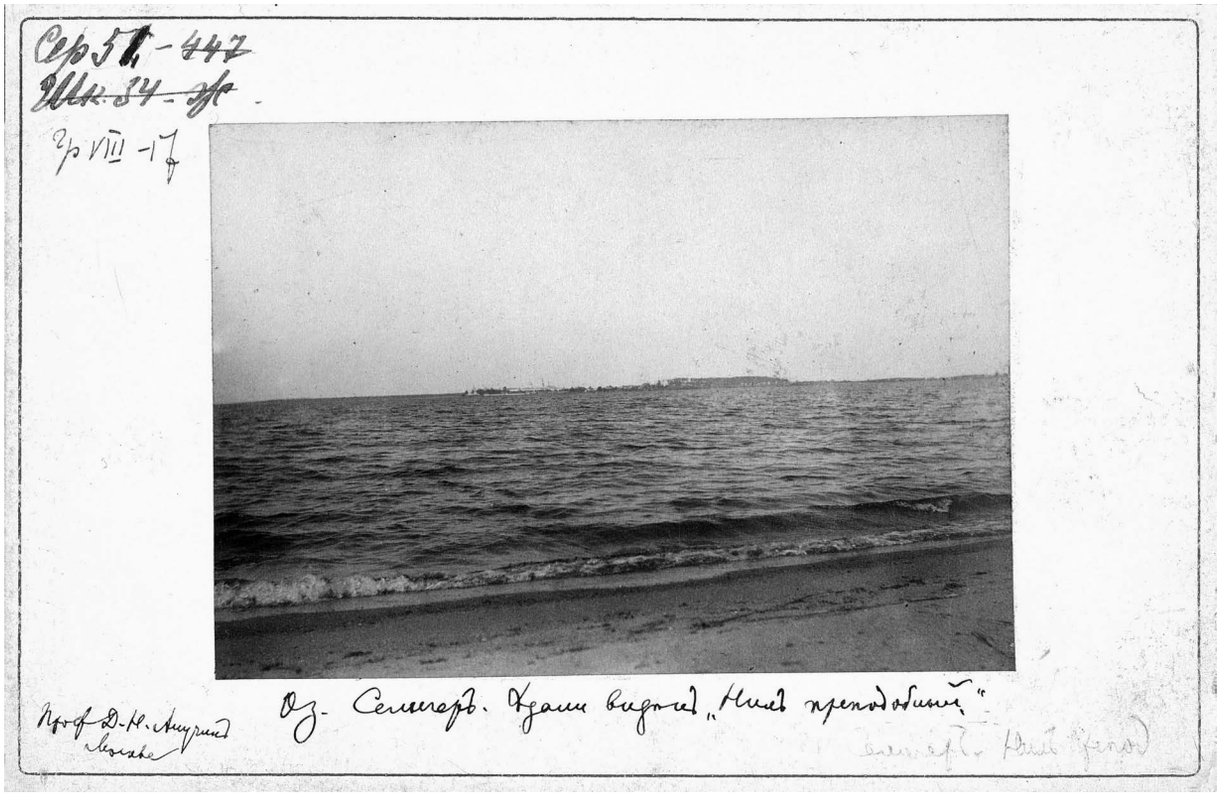
2210. Сер. 51-441
Шк. 34-Ж.

Озеро Пено

2211. Сер. 51-442
Шк. 34-Ж.

Пено

2216. Сер. 51-447
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

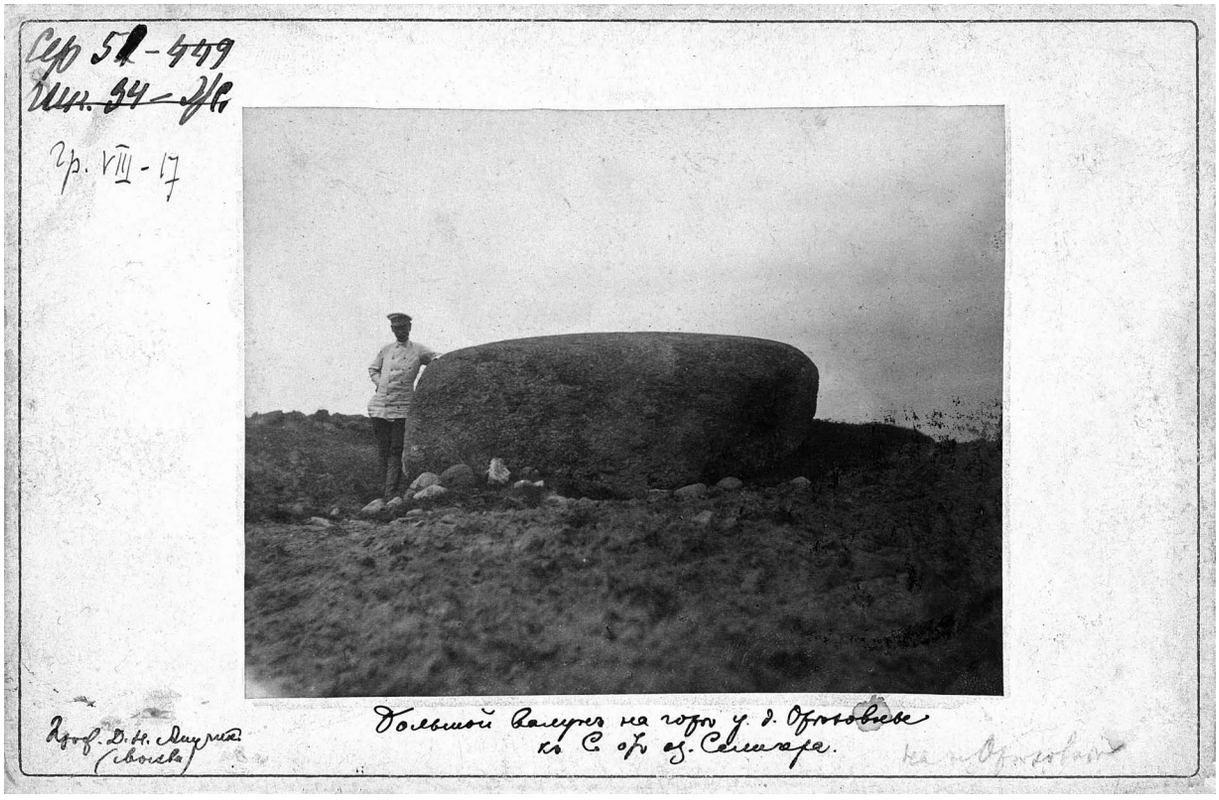
Оз. Селигер.
Вдали виден
«Нил преподобный»

2217. Сер. 51-448
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

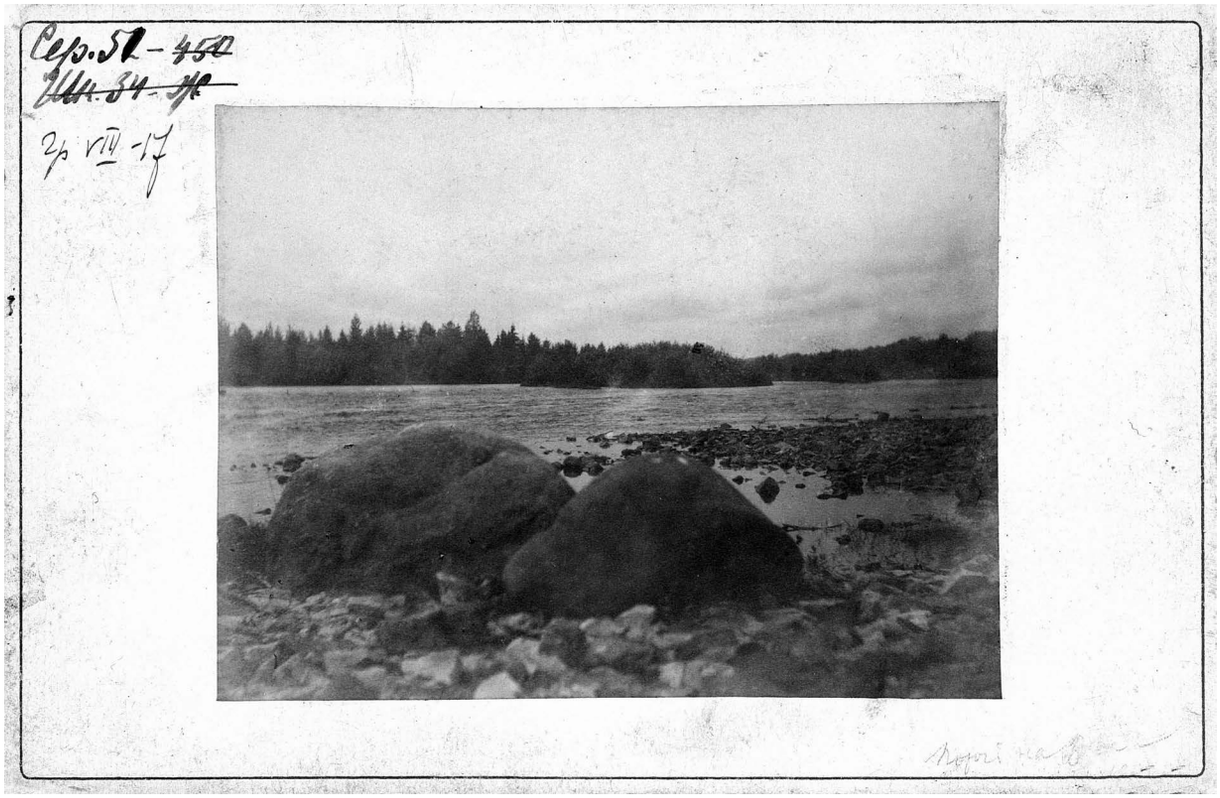
Приготовление
к сожжению «лядина»
(близ оз. Селигера)

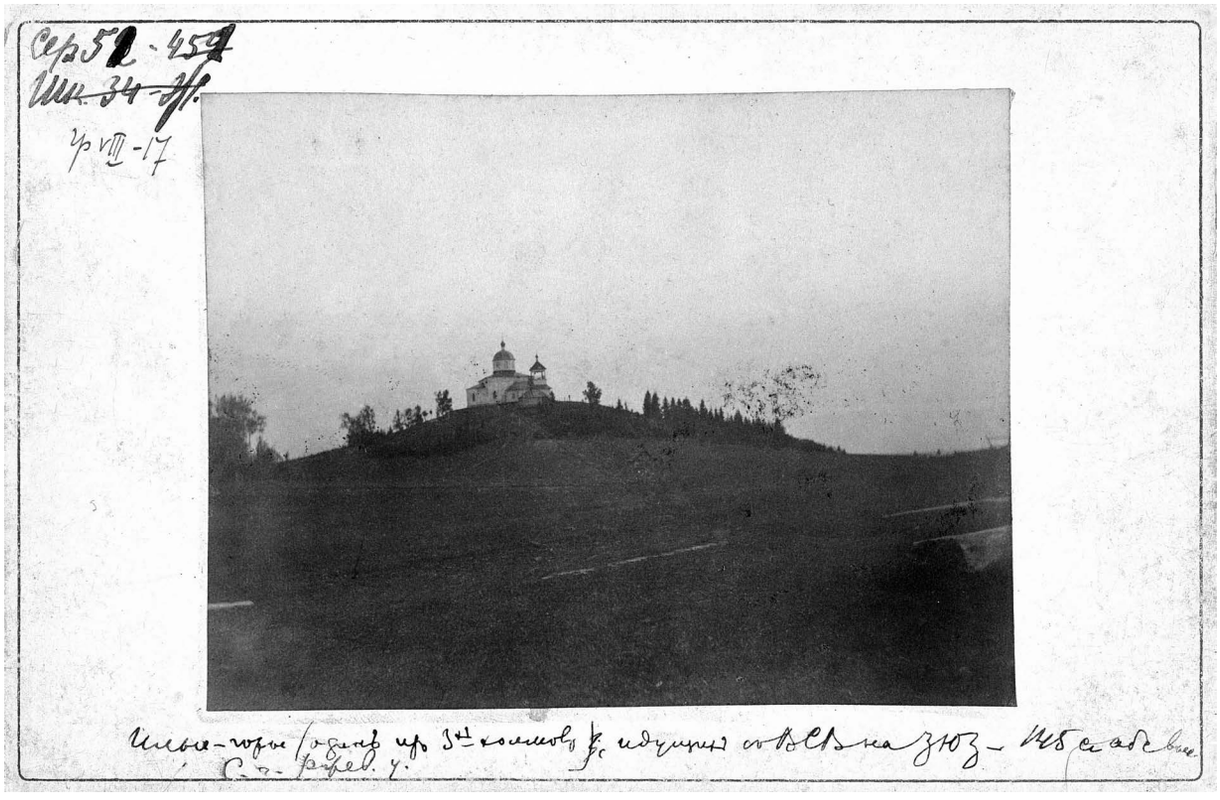
2218. Сер. 51-449
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

Большой валун
на горе у д. Ореховны
к С. от оз. Селигера

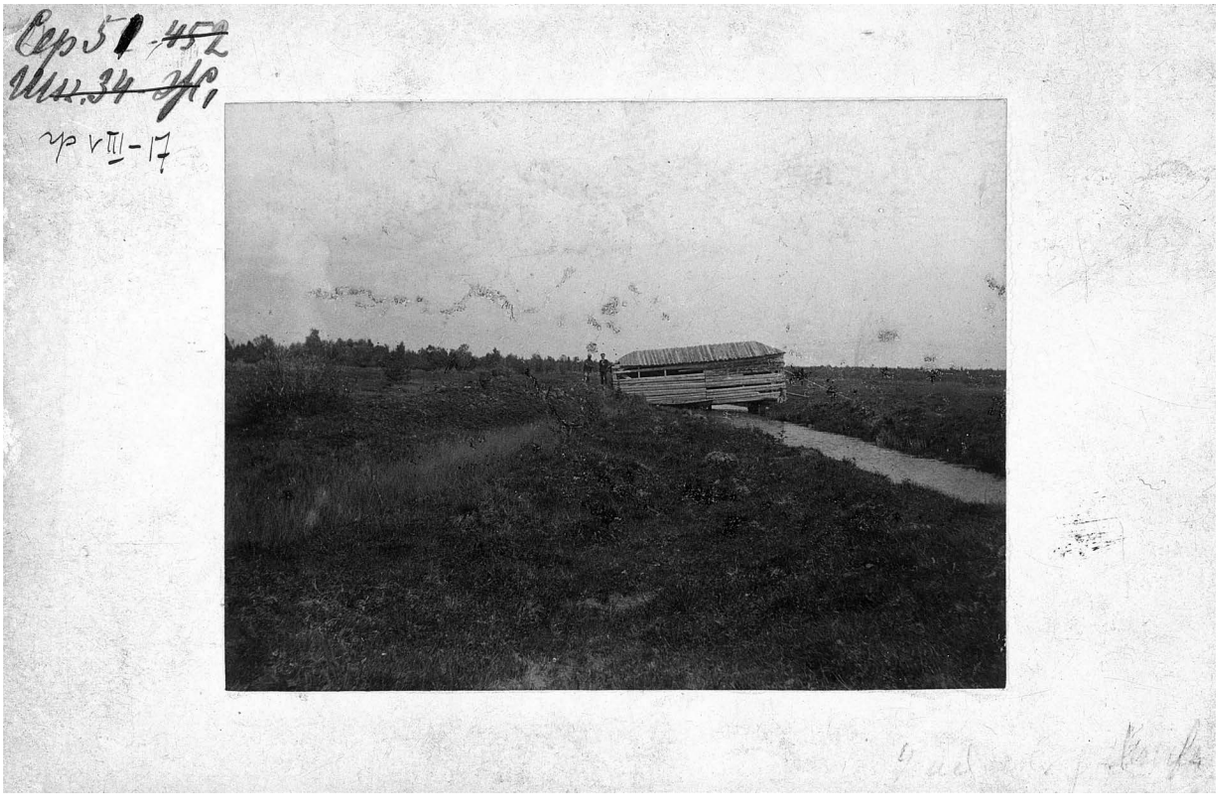
2219. Сер. 51-450
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2220. Сер. 51-451
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

Илья-горы
(один из 3-х холмов),
идущих с ВСВ на ЗЮЗ
[неразборчиво]

Ржевский уезд

2224. Сер. 51-452
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

У истока р. Москвы
(выше п. Бородино
и пос. Уваровка)

На водоразделе р. Воря
(бас. р. Угра, входит
в бас. р. Ока)

h = 310 м

2225. Сер. 51-453
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2227. Сер. 51-454
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

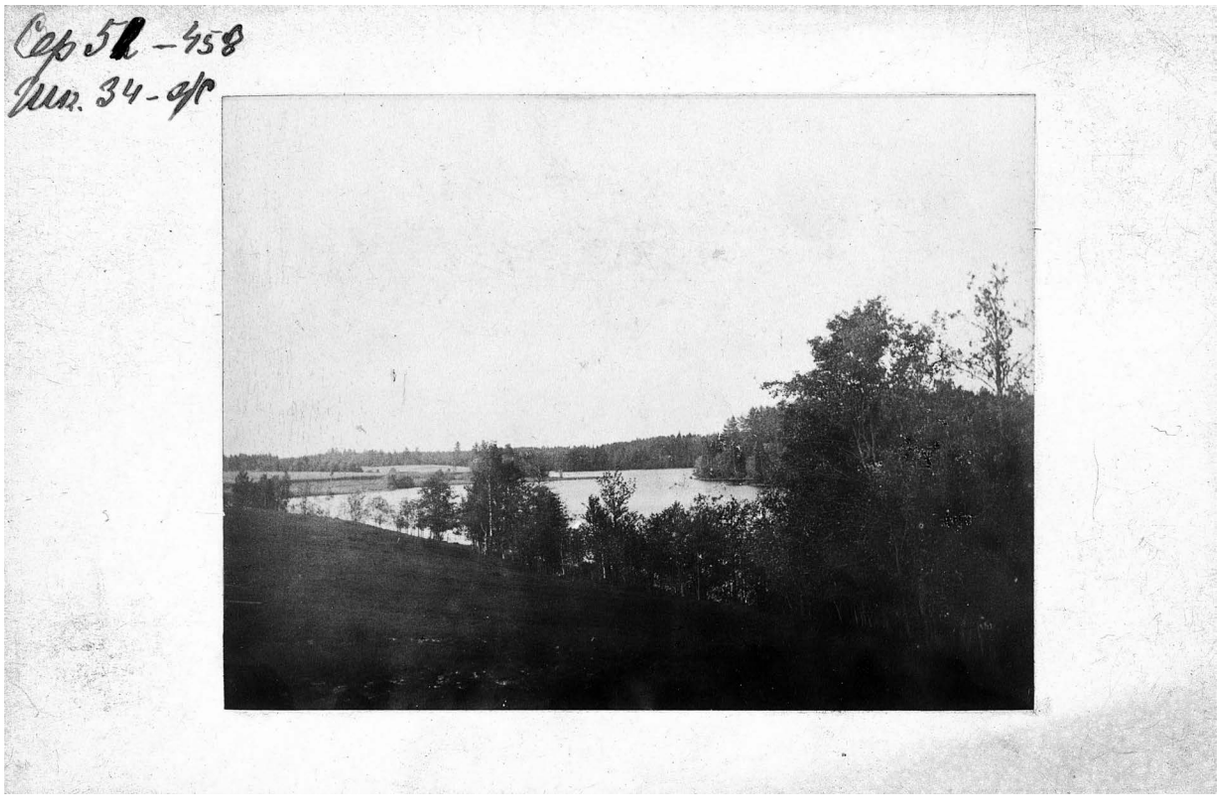
2228. Сер. 51-555
Шк. 34-Ж.

2229. Сер. 51-456
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2230. Сер. 51-457
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2231. Сер. 51-458
Шк. 34-Ж.

2232. Сер. 51-459
Шк. 34-Ж.

2233. Сер. 51-461
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2234. Сер. 51-462
Шк. 34-Ж.

2235. Сер. 51-463
Шк. 34-Ж.

2236.Сер. 51-464
Шк. 34-Ж.

2239. Сер. 56-542
Шк. 34-Ж.

Памятник Демидову
в Ярославле

2241. Сер. 56-544
Шк. 34-Ж.

Церковь св. Иоанна
в Ярославле

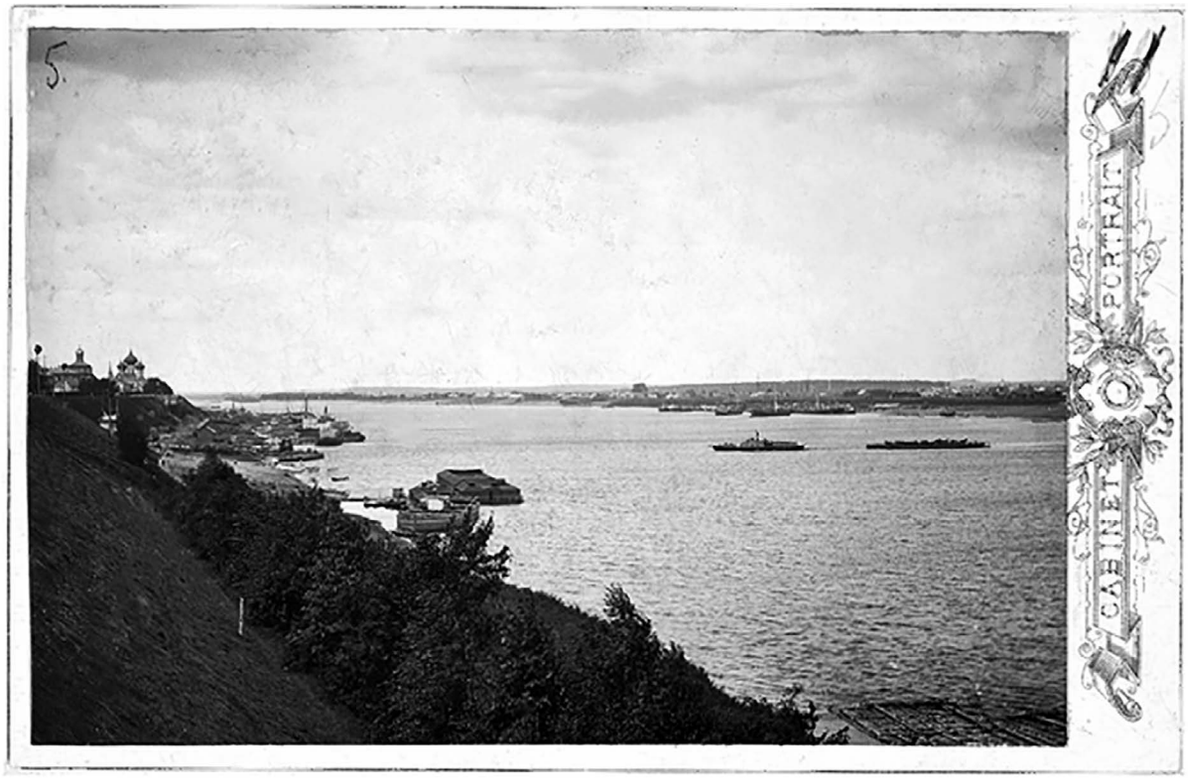
2240. Сер. 56-543
Шк. 34-Ж.

Вид на Волгу в Ярославле

2242. Сер. 56-545
Шк. 34-Ж.

Собор и лицей в Ярославле

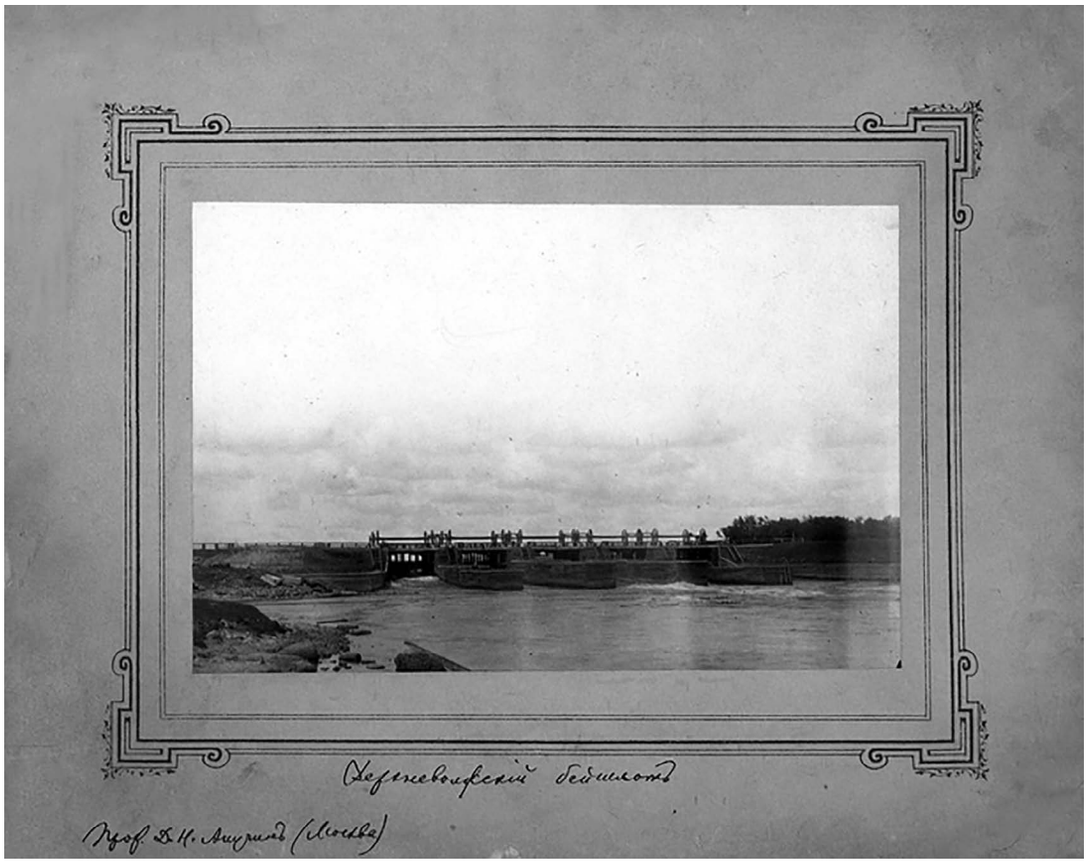
2243. Сер. 56-540
Шк. 34-Ж.

Вид на Волгу
с набережной
в Ярославле

2245. проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

оз. Пёно
(верховья Волги)

2246. проф. Д.Н. Анучин
(Москва)

Верхневолжский бейшлот

2247. Сер. 53-504
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

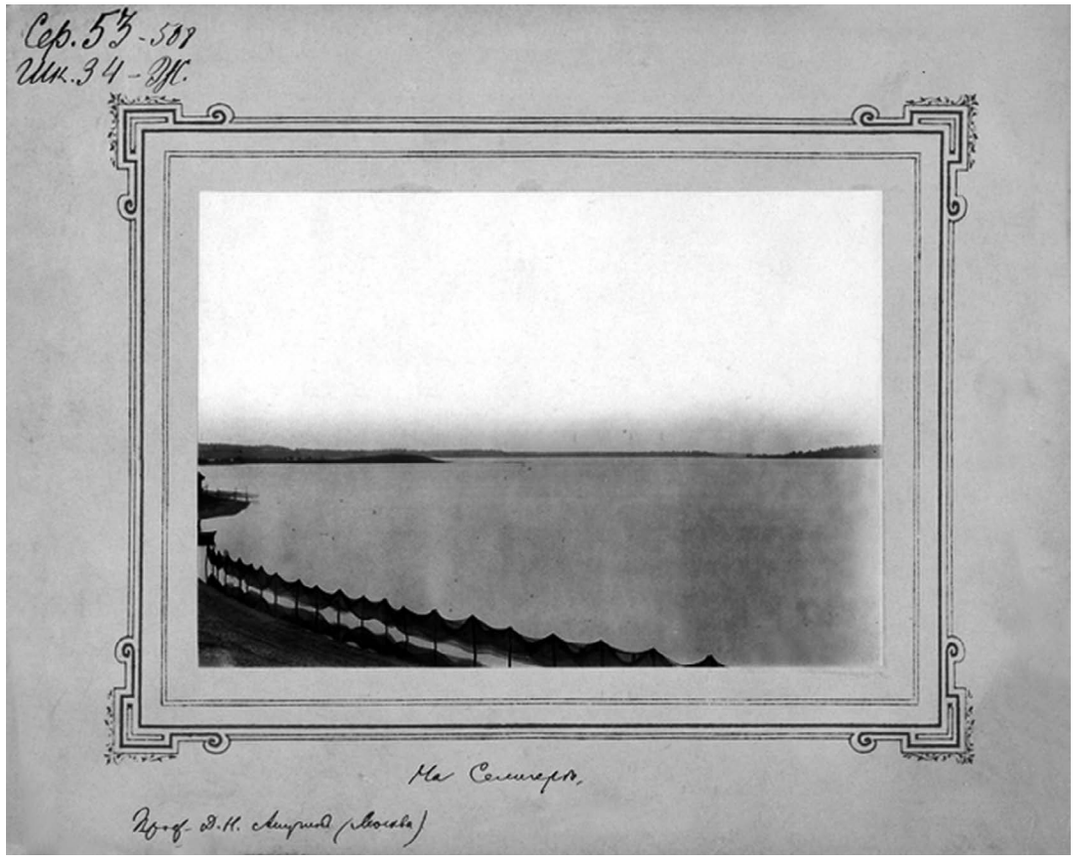
Мост через озеро у пос. Вселуг
(верховья Волги)

2248.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Озеро Вселуг (верховья Волги)

2249. Сер. 53-508
Шк. 34-Ж.

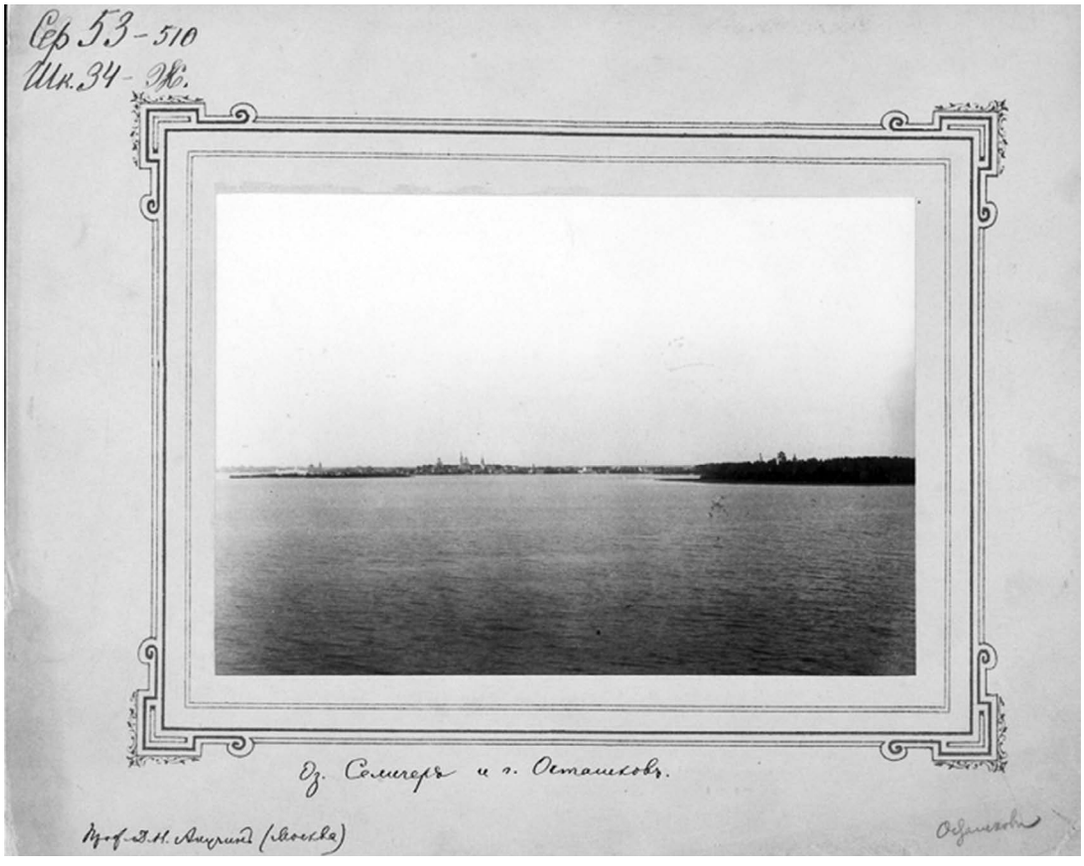
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

На Селигере

2250. Сер. 53-509
Шк. 34-Ж.

Селигер с колокольни
села Полнова (?)

2251. Сер. 53-510
Шк. 34-Ж.

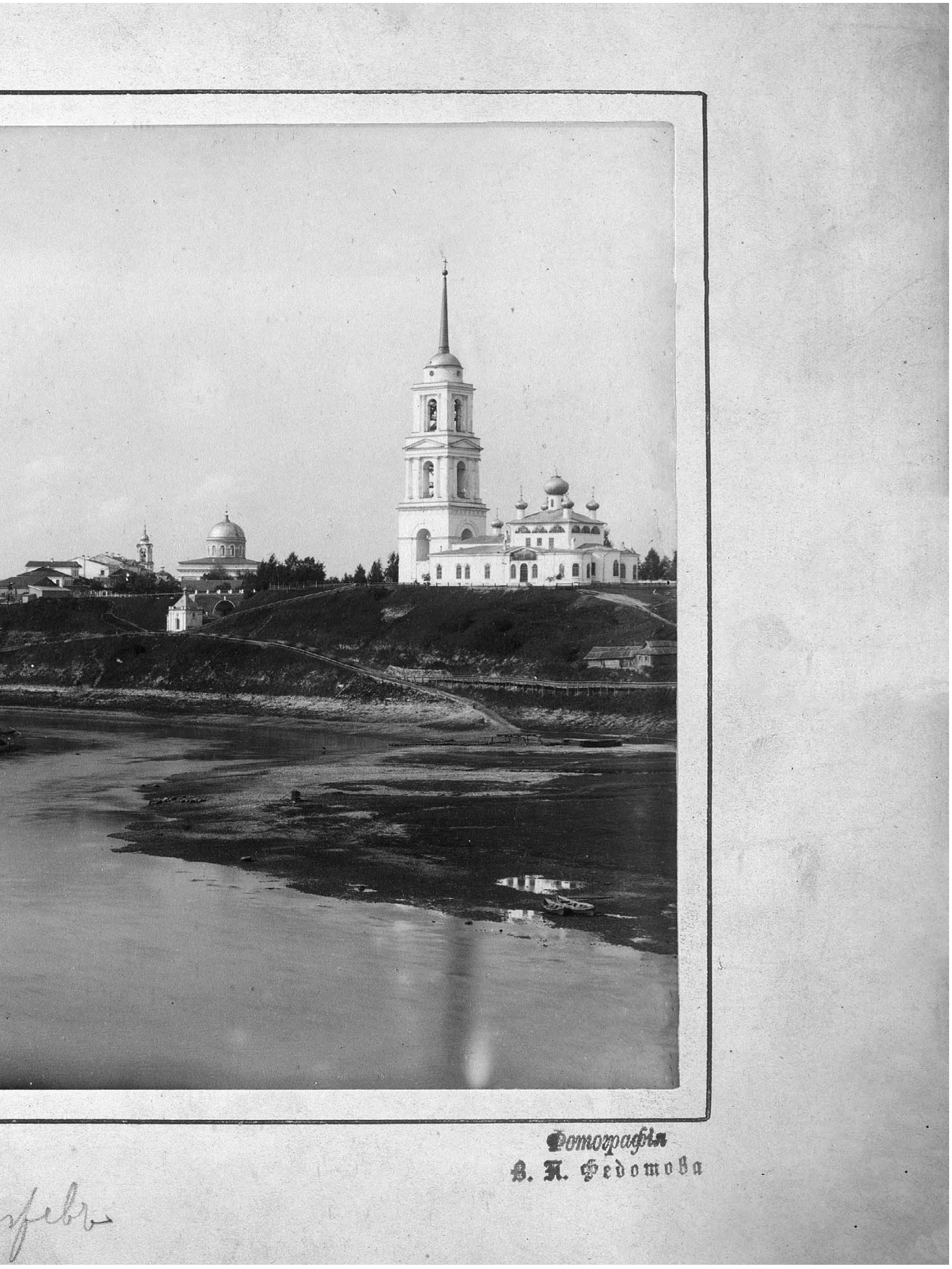
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Оз. Селигер и г. Осташков

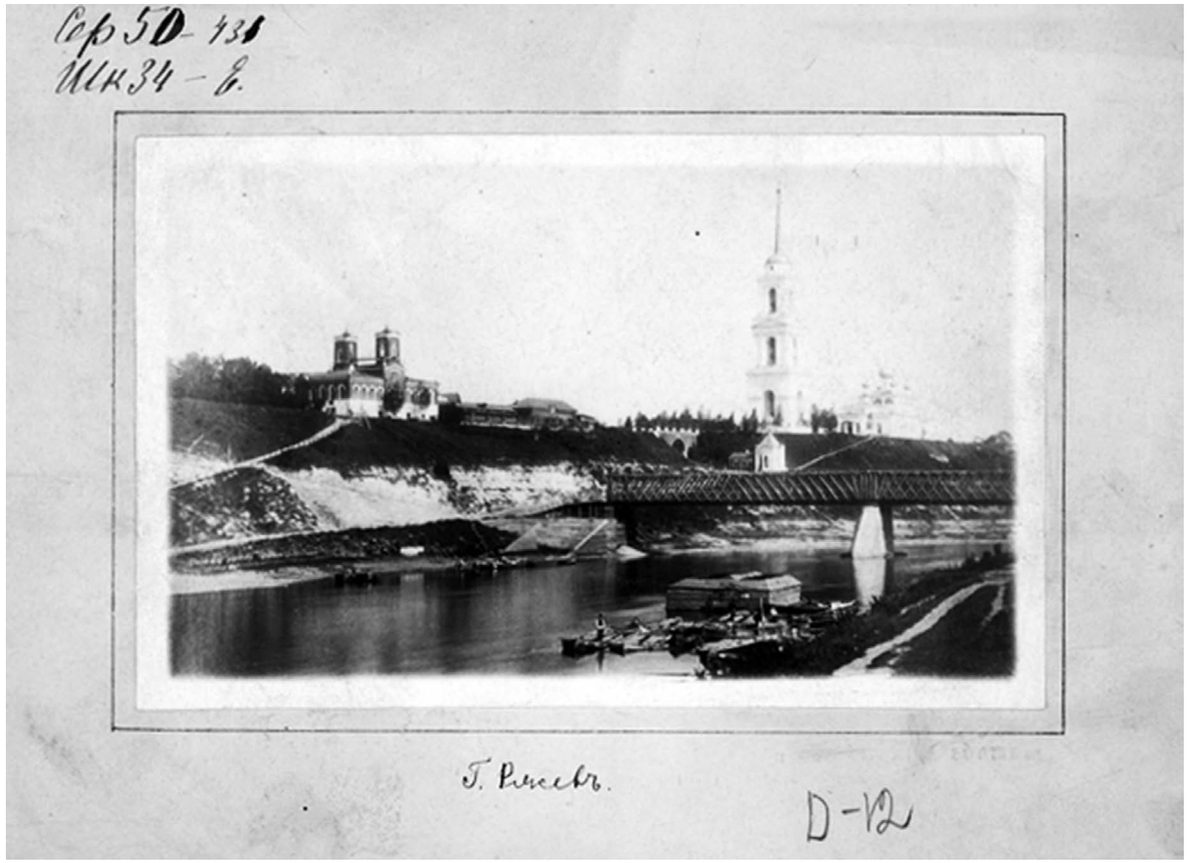

2253.

г. Ржев

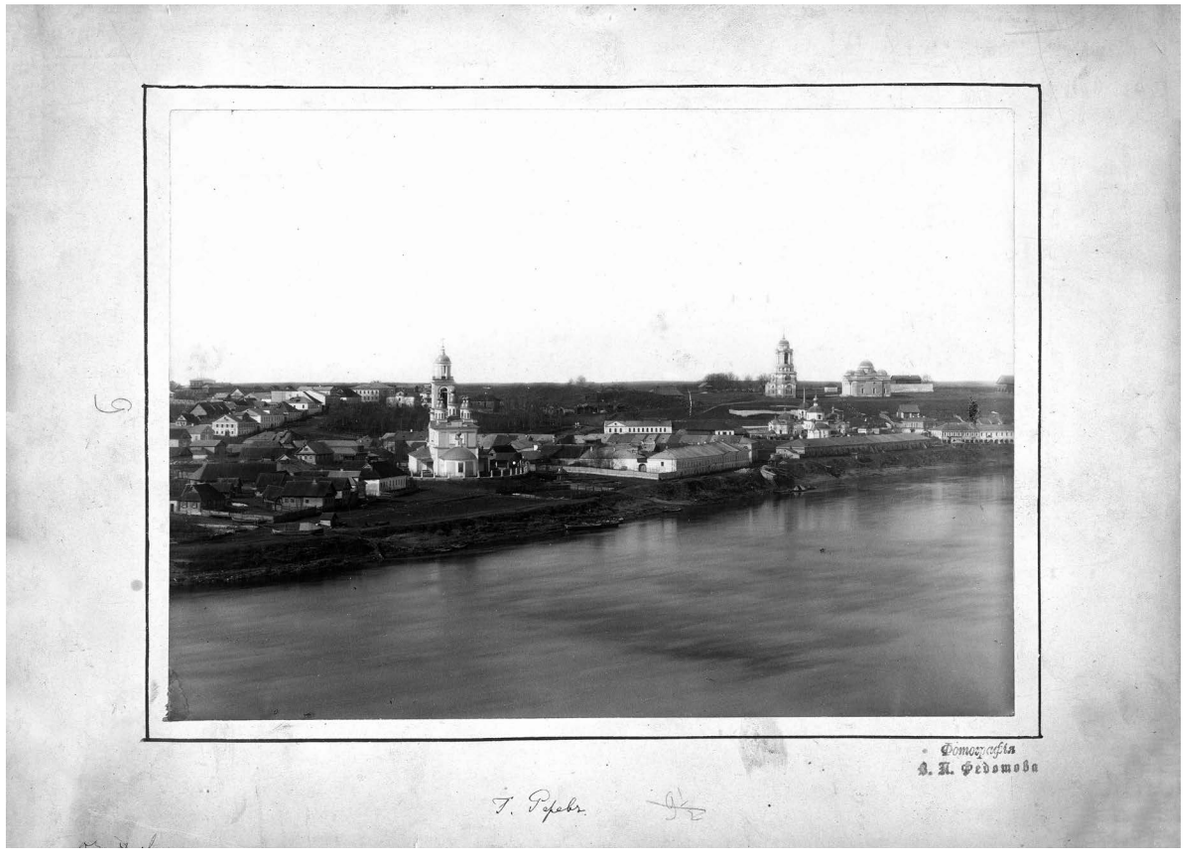

Фотографія
В. К. Федотова

2252. Сер. 50-431
Шк. 34-Е.

г. Ржев

2254.

г. Ржев

2.2. Русский Север (фотографии Я.И. Лейцингера, 1899 г.)

Освоение Русского Севера сыграло огромную роль в экономическом и стратегическом развитии России. Благодаря неустанному труду путешественников, учёных, исследователей наше государство получило доступ к освоению новых земель, богатым природным ресурсам, существенно расширило границы. История помнит имена замечательных людей, посвятивших себя Русскому Северу; это и люди науки — антропологи, биологи, географы, геологи, зоологи, экономисты, этнографы, и отважные путешественники — мореплаватели, искатели приключений, и меценаты, которые занимались организацией, оснащением и финансированием арктических экспедиций. Исследователи Русской Арктики запечатлели свои открытия не только в записях и документах, но и в различных изображениях новых земель — это эскизы, зарисовки, этюды художников, различные карты. Особую роль сыграла фотография, которая в XIX веке получила бурное развитие не только как искусство, но и как новая технология, быстро набирающая популярность среди учёных и путешественников как надежный способ фиксации объектов исследования и окружающего мира.

Художники, фотографы, картографы были не только верными помощниками первопроходцев, но и сами смогли совершить удивительные открытия, показав миру огромные просторы, несметные богатства и необыкновенную красоту северных широт. Их деятельность всегда была сопряжена с опасностью и лишениями, но никто из них не терял веры в успех дела и неистощимый интерес к нему. Кроме нечеловеческой физической нагрузки, художники и фотографы испытывали на себе и другие труд-

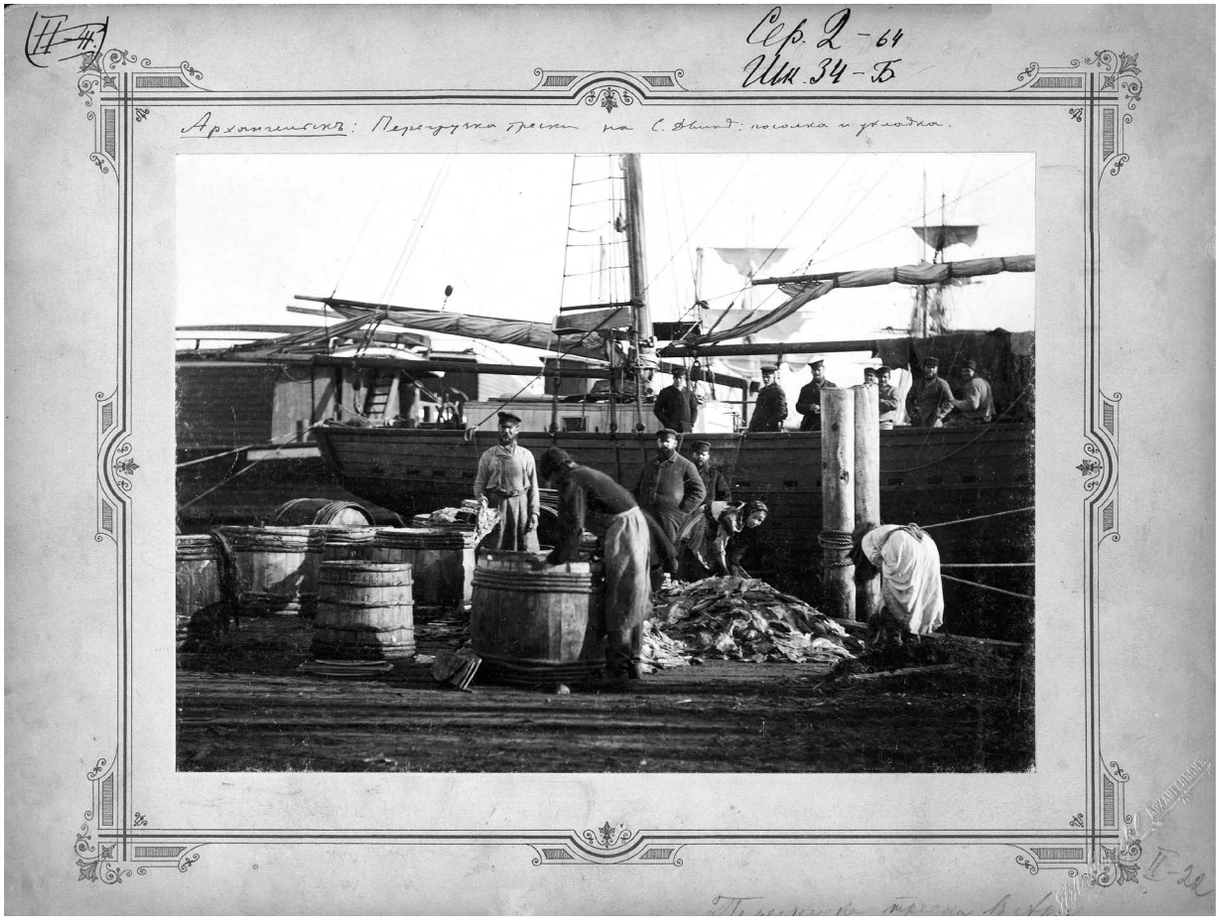

2266. Архангельск. Дом Петра Великого на набережной.

ности: как люди искусства они должны были заботиться о сохранности и исправности сложного и хрупкого инвентаря. Аппаратура того времени не могла выдерживать большие минусовые температурные аномалии.

Фотография в России XIX века быстро набирала популярность, развивалась стремительными темпами, одна за другой открывались фотомастерские. Фотографии приобретали и для себя, в личный и семейный архив, и в научных целях, и для официальной хроники. Профессия фотографа стала востребованной, интересной. Однако не так много было смельчаков, которые могли бы производить натурную съёмку в трудных погодных условиях — на пронизывающем ветру, в стужу, на берегу замёрзшего океана, среди дикого безлюдного края. Часть коллекции Д.Н. Анучина занимают фотографии известного в XIX–XX вв. фотографа Я.И. Лейцингера. Эти фотографии славились не только хорошим качеством, но и художественной ценностью.

Яков Иванович Лейцингер (1855–1914) — фотограф, путешественник, общественный деятель, родился в Вологодской губернии. Полный тёзка своего деда — Лейцингера Якоба Иоганна, швейцарского сыровара, приехавшего в Россию по приглашению для организации производства сыра, Яков Лейцингер с детских лет проявил себя как любознательный и деятельный человек. Ещё будучи гимназистом, юный Яков так увлёкся фотографией, что даже оставил учёбу, а после армейской службы открыл собственное фотодело в Вологде. Затем мастер переезжает в Архангельск, где также открывает собственный павильон, пристроив его к своему дому, а в 1884 г. получает исключительные права на фотосъёмки в городе и по всей губернии — в те времена на это надо было получить специальное разрешение. На фото Якова Лейцингера (2266) изображена набережная Архангельска, дом Петра Великого.

1600. Архангельск. Перегрузка трески, посолка и укладка.

Дом Петра Великого на набережной — это бревенчатый сруб, к которому был выстроен футляр. Со временем строение обветшало без должного внимания местных властей, и в 1934 г. его перенесли в музей-заповедник «Коломенское», который в 1960 г. вошёл в черту Москвы. Конечно же, в большей части от исторического внешнего вида практически ничего не осталось, и в настоящее время в Коломенском можно увидеть реконструированную копию здания.

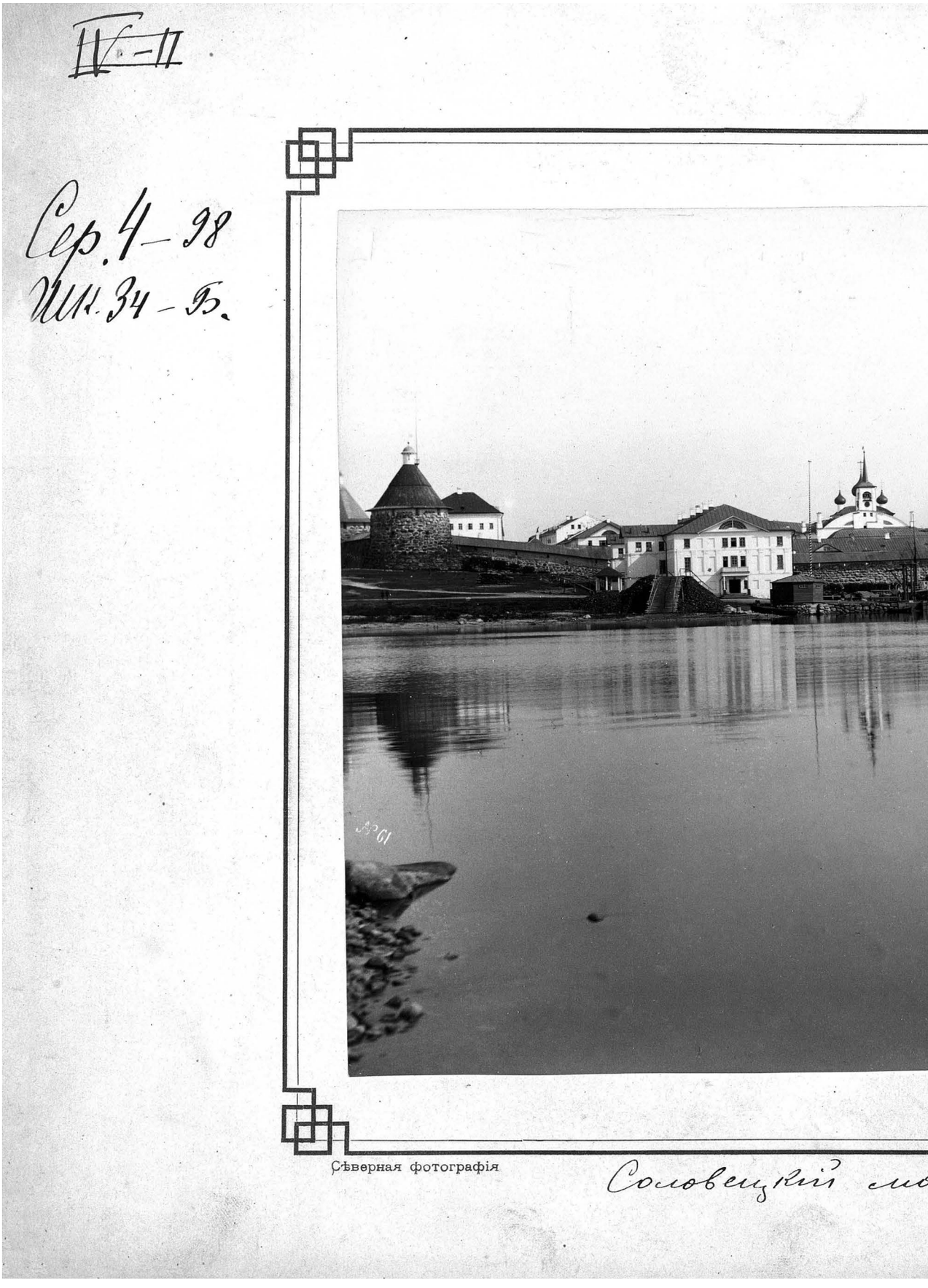
Тонкий силуэт храма с острым шпилем наверху на набережной — это церковь Успения Пресвятой Богородицы. У этого строения не менее драматичная судьба. Храм был основан ещё в 1625 г., его стены помнят посещение самого Петра I. Деревянное здание возрождали, укрепляли, реконструировали. В 1920 г. церковь Успения Пресвятой Богородицы была упразднена, а в 1930-е гг. снесена. Но в 1990-е гг. храм отстроили заново, на месте старого фундамента: г. Архангельск, ул. Логинова, дом 1 [Успенский храм. Архангельск (http://www.uspensky29.ru)].

Следующий снимок показывает жизнь Архангельска как портового города. На фотографии «Архангельск. Перегрузка трески на Северной Двине: посолка и укладка» (1600) ярко представлена жизнь северных промышленников. «Промышленниками» называли охотников, рыбаков — тех, кто «промышлял», то есть занимался добычей природных богатств щедрой северной земли. Только что с судна выгрузили прямо на дощатый настил у пристани богатый улов — треску. Рыбу обрабатывают тут же — две женщины, подвязавшись фартуками, её разделывают, мужчины укладывают в большие деревянные бочки. Моряки, собравшиеся на борту прибывшего судна, и те, кто принимают улов на берегу, смотрят в объектив фотоаппарата, и только укладчик и женщины продолжают своё дело, лишь одна из них подняла на фотографа уставшее лицо.

«Значение Севера для России было оценено ещё Петром Великим. Он три раза посетил Архангельск, и принятые им меры имели последствием …быстрое развитие торговли, промыслов и судоходства» [Энгельгардт, 1897] — писал губернатор Архангельской области Александр Платонович Энгельгардт (1845–1903), который в 1885 г. пригласил Якова Лейцингера в экспедицию по отдалённым уездам Архангельской губернии. Впоследствии фотографии, сделанные при посещении Кольского полуострова, Печоры, Мезени, Пинеги, Новой Земли, стали иллюстрациями книги Энгельгардта «Русский Север. Путевые записки». В ней можно увидеть удивительную природу северных земель, побережья Печенги, Кандалакши, Умбы, Колы, Княжьей Губы, а также быт, промыслы коренных народов — поморов, ненцев, саамов. И в других поездках, уже с другим архангельским губернатором, И.В. Сосновским, Я.И. Лейцингер выполнил фотографии Карелии, Печорского края, Ухты. И там его интересовал быт местных жителей — русских, ненцев, лопарей, коми.

Архангельская губерния была самой крупной в европейской части Российской империи. Вот что пишет П.П. Семёнов-Тян-Шанский в «Географо-статистическом словаре»: «Архангельская губерния занимала северную часть Европейской России и почти всё европейское прибрежье Северного Ледовитого океана, от границ шведской Лапландии до пределов Сибири, и заключала в своих пределах Белое море, а также острова Вайгач и Новая Земля (площадь территории — 80 771 960 десятин)» [Географо-статистический словарь…, 1863, с. 136].

Фотографии Соловецких островов. Соловецкий монастырь был не только крупным религиозным центром, но и местом культурной жизни, где широко развивались искусства — живопись, иконопись. В Соловецком монастыре были даже свои фотографы, например, послушник Василий Сорокин, а также художник и фотограф Александр Вьюшин, которых упоминает Е.П. Бронникова в статье «Фотография в северных монастырях» [Бронникова, 2006]. Но фотографии Якова Лейцингера,

2262. Соловецкий монастырь с моря.

12.

монастырь съ моря.

Въ Архангельскѣ.

II-21

сделанные на Соловецких островах, представляют собой особую ценность. Это не только внешний вид Соловецкого монастыря, быт его обитателей, местность, но и интерьеры святыни — библиотека, ризница, которые, к сожалению, в наши дни безвозвратно утрачены, и их можно увидеть только на фотографиях мастера. Именно его снимки — качественные, высокохудо жественные — являются достоверным историческим документом. Соловецкий цикл Лейцингера попал даже в коллекцию дома Романовых.

Художники Соловков были законодателями стиля, канонов. В эти места приезжали не только в поисках духовных истин, но и учиться высокому искусству. Здесь начинал свой творческий путь Александр Алексеевич Борисов (1866–1934), который впоследствии стал художником, воспевающим красоту и величие Арктики. Его картины и этюды вызывали большой интерес в мире искусства. Коллекцию его живописных произведений приобрёл для своей знаменитой галереи П.М. Третьяков. Но А.А. Борисов не ограничился изображением красот арктической природы, он стал заниматься решением проблем социально-экономического развития и транспортного освоения Крайнего Севера. «Север привлекал Борисова не только как художника и любознательного путешественника, но и как гражданина» [Назимова, 1959], — эти слова искусствоведа И.В. Назимовой справедливы будут и в адрес Я.И. Лейцингера.

2263. Соловецкий монастырь. Секирная гора.

Вот что пишет А.П. Энгельгардт: «12 июня 1895 года, на пароходе «Чижов» я отбыл из Архангельска, в сопровождении инспектора телеграфов, действительного статского советника Кормилева, телеграфных инженеров Новицкого и Менделеева, чиновника особых поручений Янушковского и фотографа Лейцингера. После 16-ти часов довольно бурного плавания, мы подошли к Соловецким островам и остановились у пристани Соловецкого монастыря, где нас ожидал радушный приём, которым всегда отличалась эта гостеприимная обитель» [Энгельгардт, 1897, с. 20].

На другом фото Я.И. Лейцингера мы видим Секирную гору (2263) — холм высотой более 70 метров, находящийся на северо-западе Соловецкого острова, между озёрами Подсекирное с западной стороны и Долгое — с восточной. На горе расположен Вознесенский скит Соловецкого монастыря, главным храмом которого является трёхъярусная одноглавая церковь-маяк на Секирной горе — Церковь Вознесения Господня. К скиту ведёт лестница от дороги, а с вершины горы открывается замечательный вид на северную часть соловецкого острова. Секирная гора получила своё название согласно легенде — рыбаки со своими жёнами, поселившиеся у подножья горы, пытались изгнать братию из этих мест, оскорбляя и высмеивая послушников. Тогда явившиеся ангелы высекли жену рыбака,

после чего никто, кроме иноков, не осмеливался заводить поселения.

На фото Я.И. Лейцингера (2262) мы видим не только великолепный ансамбль храмов и строений, но и отражение его в спокойной глади воды. А.А. Борисов так вспоминал свои годы учёбы на Соловецких островах: «После природы родных лесов Вологодской губернии, наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на север хотя и до того рассказы и описания полярных путешественников не давали душе моей покоя» [Борисов, 1907, с. 4]

На фото, подписанном «Восточное побережье Архангельской губернии. Чумы мезенских самоедов», запечатлён повседневный быт самоедов: большой семьёй расположились они у своих чумов, сложенных из жердей и покрытых оленьими шкурами. Мужчины, женщины с маленькими детьми на руках одеты в тёплые национальные костюмы — меховые шапки-самоедки, шубы — малицы и совики, сшитые из оленьих шкур сапоги. Рядом стоят большие сани — нарты, и тут же мы видим невысокого северного оленя — главное богатство самоедов. Оленей запрягали в сани, оленину употребляли в пищу, шкуры животных использовали для строительства чумов и шили одежду и обувь. Слева стоят несколько мужчин — это не самоеды, вероятно — русские или зыряне. Охотники, рыбаки, путешественники и учёные, приезжая в эти места, облачались в тёплую национальную одежду. В книге исследователя Арктики, художника А.А. Борисова «В стране холода и смерти» мы находим следующее наблюдение: «Самоеды вообще чрезвычайно гостеприимны. Когда попадает путешественник к ним, то они тащат на стол всё, что у них есть самое лучшее — белый хлеб, коровье масло, которое они считают лучшим лакомством в мире, водку и проч. Если это случается в тундре, далеко от берега моря и нет дров для того, чтобы вскипятить чайник и сварить «котёл», как говорят самоеды, то они выбирают сани, которые похуже, и рубят их на дрова» [Бурлыкина, 2015, с. 62].

На фото мы видим самоеда в традиционной одежде жителя Заполярья — малице, сидящего на нартах, с длинным шестом в руках, чтобы управлять собаками. Ездовые собаки, верные спутники самоедов, спокойно и невозмутимо ждут поездки по бескрайней ледяной пустыне.

1602.
Восточное побережье Архангельской губернии.
Чумы мезенских самоедов.

2264.
Новоземельский самоед.

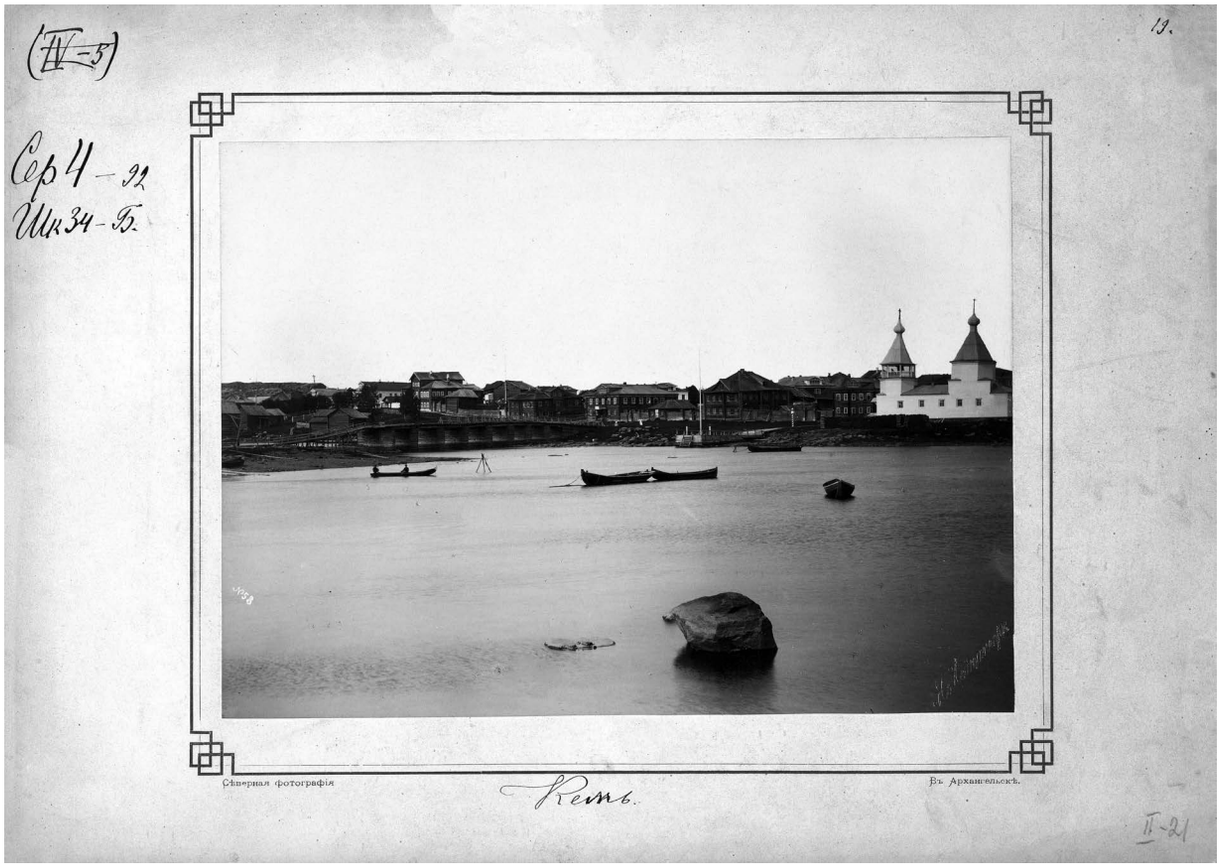
2256. Мезень.

2257.
Мезенцы на промысле в пути.

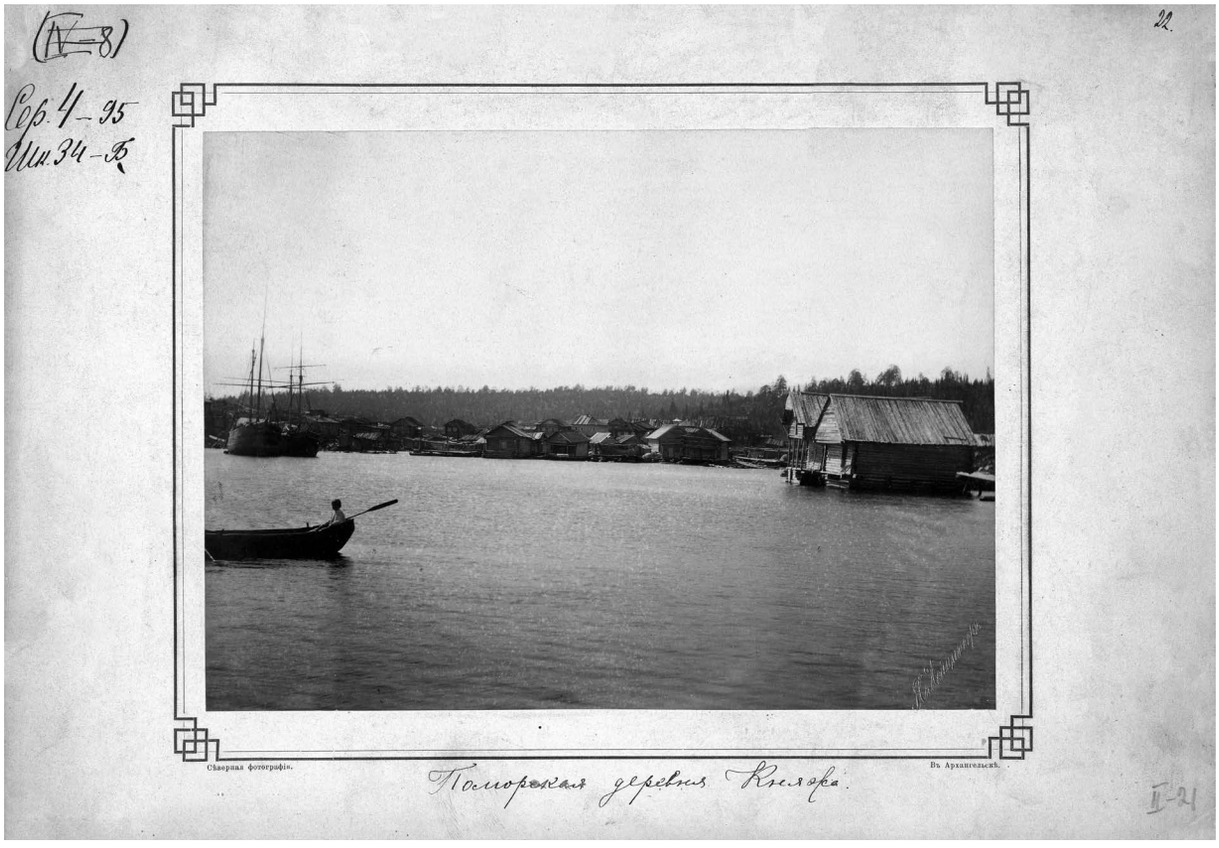
2258.
Уездный город Онега.

2259.Кемь.

2260.
Вид с реки Двины.

2261.
Поморская деревня Княжа.

2265. Пустозер.

Порт Александровский. Еще одну интересную страницу нашей истории раскрывает цикл фотографий, посвященных порту Александровский. Однако прежде чем говорить об этих фотографиях, необходимо совершить небольшой экскурс в историю и рассказать о возникновении порта Александровский. Россия к середине XIX в. осталась практически без военно-стратегического контроля над принадлежащей ей огромной территорией Русского Севера: Кольским полуостровом и островами западной части Ледовитого океана. Несколько столетий эта территория была обделена вниманием со стороны государства, так как считалось, что эта окраина России застрахована от каких-либо посягательств на неё своей дикостью и отдалённостью. Однако с наступлением благоприятных климатических условий с 60-х годов XIX столетия норвежские зверобойные суда начали вести активный промысел в Баренцевом море. Потеря Русского Севера стала реальной.

Нельзя сказать, что правительство Российской империи совсем не понимало значения Севера. В 1880 г. был поставлен вопрос о создании незамерзающего военного порта с морской базой, который мог бы обеспечить беспрепятственный выход в Мировой океан. Большую роль в процессе оживления интереса к Русскому Северу сыграл С.Ю. Витте — министр финансов Российской империи.

В 1894 г. им была организована весьма представительная поездка с целью определения места для будущего порта. От императора Александра III он получил указание «найти там такого рода незамерзающую гавань, где можно было бы строить большой военный флот, такую гавань, которая послужила бы нам главною морскою базою». Объехав весь Мурман, экспедиция С.Ю. Витте остановила свой выбор на Екатерининской гавани, лежавшей у самого входа в Кольский залив. С.Ю. Витте писал: «Такой грандиозной гавани я в своей жизни не видел» [Витте, 1924, с. 321]. Екатерининская гавань (залив), именовавшаяся ранее Корабельной, получила своё название в XVIII в. в честь императрицы Екатерины Великой [Гидрографическое описание, 1843, с. 220]. На её берегах не одно десятилетие базировались поморы-промысловики, а в 1724–1729 гг. здесь находились владения казённого Кольского китоловства, основанного по указу Петра I.

И только в 60-х гг. XIX в. здесь появились первые переселенцы, объединившиеся в 1895–1896 гг. в Екатерининское сельское общество [Полярный…, 1999, с. 4].

По результатам поездки С.Ю. Витте был сделан подробный доклад Александру III, в котором говорилось, что Екатерининская гавань «никогда не замерзает, весьма обширна, легко может быть защищаема, откуда наш флот будет иметь прямой доступ в океан». В своем проекте С.Ю. Витте учитывал специфику севера и предлагал «устроить очень сильное электрическое освещение, для постоянной связи с центром провести телеграф и соединить гавань двухколейной железной дорогой с Петербургом» [Смурова и др., 2016, с. 95–96].

Но Александр III, не успев сделать распоряжения по проекту, умер, а в правительстве С.Ю. Витте поддержки не получил. Однако от своей идеи он не отказался и, видоизменив, внес её на рассмотрение в Государственный совет. В новом варианте проекта уже не говорилось о создании военно-морской базы, а предлагалось строительство коммерческого порта: «в видах правильного развития нашей торговли на Севере и ослабления её зависимости от иностранных купцов следует безотлагательно приступить к устройству на Мурманском берегу удобного для стоянки судов коммерческого порта, который вместе с тем служил бы и административным центром». Эта инициатива была принята, и по распоряжению Николая II на строительство порта были выделены деньги. Общее руководство строительством возлагалось на архангельского губернатора А.П. Энгельгардта [Открытие города…, 1899, с. 7]. В 1896 г. в Екатерининской гавани началось возведение портовых сооружений, жилых и административных зданий будущего города.

Главным сооружением города был порт, который оборудовался по последне-

му слову техники. Чтобы удобно было загружать и разгружать суда, несколько сот метров береговой части выровняли и облицевали камнем, устроив по верху набережную. Крупнотоннажные суда разгружались у специальной пристани. Суда снабжались водой по 200-метровому водопроводу. Пристань соединялась с товарными складами, пожарным обозом и бассейном для хранения пресной воды железнодорожными ветками, отходившими от магистрали протяжённостью 1,5 км, проложенной вдоль всего поселения. Параллельно проходило шоссе длиной около 600 м. Новый русский город на берегу северной бухты, среди скал, был построен в рекордно короткие сроки.

По единственной улице — «проспекту» — были выстроены одноэтажные типовые жилые дома. Вдоль них тянулись деревянные тротуары, а мостовую заменяла железная дорога, которая, кроме хозяйственных нужд, использовалась горожанами для прогулок на вагонетках. За рельсами начинались огороды. Далее находился каменный бассейн с пресной водой, дававший более 20 тысяч вёдер воды в сутки, и общественные бани. Город финансировался из государственной казны, а всё его население числилось служащими. Это уникальное строительство было полностью профинансировано государством и успешно завершилось благодаря «неуклонной энергии монарших предначертаний» и энергии и усилиям С.Ю. Витте и А.П. Энгельгардта» [Там же].

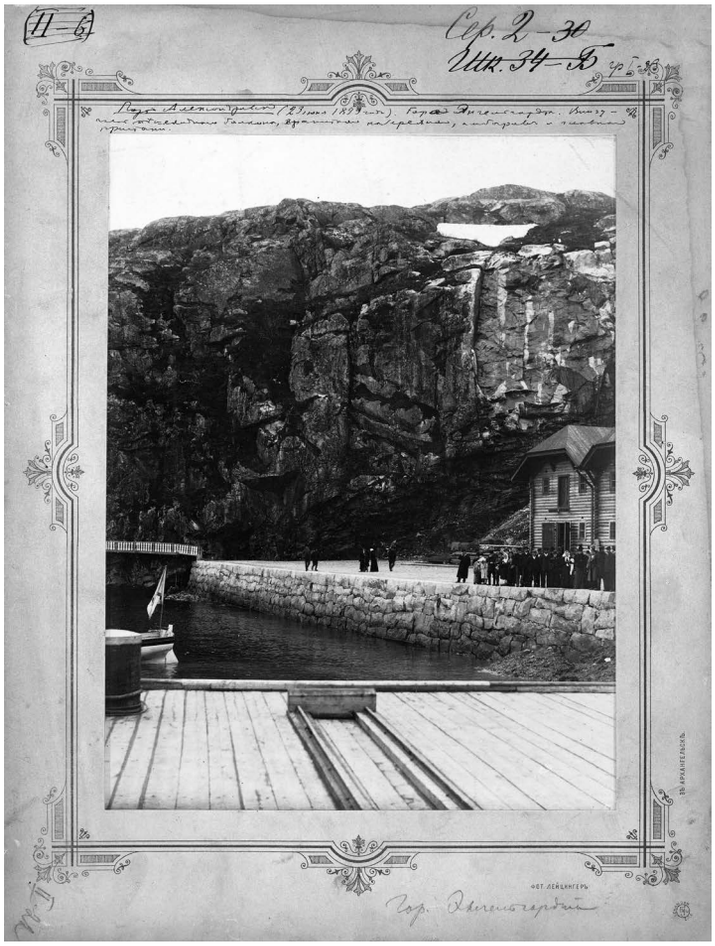
Официальной датой основания города считается 24 июня 1899 г., когда в присутствии Великого князя Владимира Александровича, многочисленных гостей (как иностранных, так и русских) состоялось его открытие. На праздник открытия прибыли: крейсер «Светлана», военный гидрографический пароход «Пахтусов», крупнейшие пароходы Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, норвежский броненосец «Торденшельд», пароход научно-промысловой экспедиции «Андрей Первозванный» и др. [Там же]. В торжественной обстановке перед собравшимися было оглашено «мнение Государственного совета от 7 июня 1899 г. о присуждении городскому поселению и порту Екатерининской гавани названия «Александровск» и переименовании Кольского уезда в Александровский» [Архангельские…, 1899]. Строительство и благоустройство города и порта продолжалось и после его официального открытия. Этот молодой северный город в дореволюционное время славился не только великолепно оснащённым портом, но и своим училищем, больницей, двумя научными учреждениями — Мурманской научно-промысловой экспедицией и Мурманской биологической станцией.

Мурманская биологическая станция Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей располагалась примерно в 800 м от города. Здесь работали многие будущие великие учёные: С.А. Аверинцев, К.М. Дерюгин, Г.А. Кожевников, В.А. Яшнов, Г.Г. Абрикосов, С.А. Северцов, С.Г. Крыжановский, Е.Ф. Гурьянова, П.В. Ушаков, Л.П. Зенкевич, В.В. Шулейкин, А.В. Иванов и уже известные в то время В.И. Вернадский и Н.А. Ливанов. Станция просуществовала до 1935 г., когда её закрыли в связи со строительством на Мурмане северной военно-морской базы.

Украшением города была церковь святителя Николая Чудотворца, а в версте от города построили часовню Покрова Пресвятой Богородицы [Гоппен, 1900]. Тяжёлые испытания пришлось пережить жителям Александровска в годы Первой мировой войны. Но особые изменения в жизни северного порта произошли после революции. В 20-е годы XX в. в связи с решением о строительстве здесь главной морской базы Северного флота СССР церковь Николая Чудотворца была разрушена, а позднее, в конце 20-х годов, и город Александровск был понижен в статусе до села, а затем переименован в село Полярное. Гору Энгельгардта переименовали в гору Ленина. Окончательно город был разрушен после посещения Екатерининской гавани И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым и С.М. Кировым, которые прибыли сюда 22 июня 1933 г. на буксире «Буревестник» в поисках места для создания военно-морской базы. Вскоре после этого гавань

1592.
Фото встречи Великого князя Владимира Александровича 23.06.1899.

1569.
Набережная города Александровска на фоне горы Энгельгардта.

закрыли и началось строительство базы. В результате практически все дореволюционные строения были снесены, и до наших дней сохранились только деревянные склады-пакгаузы на пристани. 6 ноября 1935 г. над Полярным был поднят государственный и военно-морской флаги СССР. Теперь Полярный стал главной базой Северного флота. Во время Великой Отечественной войны только Полярный выстоял, тогда как все основные военно-морские базы страны — Севастополь, Одесса, Лиепая, Таллин — были захвачены врагом. В настоящее время Полярный — город Российской Федерации в Мурманской области [Вехов, 2005].

В фотоархиве Д.Н. Анучина сохранилось 25 фотоснимков на 22 листах с изображением порта Александровский в период его становления.

Все фотографии сняты фотографом Я.И. Лейцингером, а рукописные подписи к ним сделаны рукой Д.Н. Анучина.

Ниже представлены фотографии г. Александровска из фотоархива Д.Н. Анучина. Фотография от 23 июня 1899 г. (1592) запечатлела встречу Великого князя Владимира Александровича и осмотр им города перед торжественной церемонией открытия порта.

На следующей фотографии (1569) — вид на гранитную набережную, амбары, часть пешеходного балкона и главную пристань (на фоне горы Энгельгардта, названной в честь архангельского губернатора А.П. Энгельгардта).

Далее представлен порт Александровский во время церемонии открытия города, проходившей 24 июня 1899 г. на площади у Никольского храма (1594). После торжественной церемонии открытия состоялся парад военных моряков, покровителем которых считается Николай Чудотворец. Символично, что главным событием этого исторического момента стало освящение церкви Николая Чудотворца.

На фото 1563 видна железная дорога у берега Екатерининской гавани, выше по склону - гранитная складка шоссе.

На фото 1565 запечатлено шоссе от главной пристани на юго-запад, в город; вда-

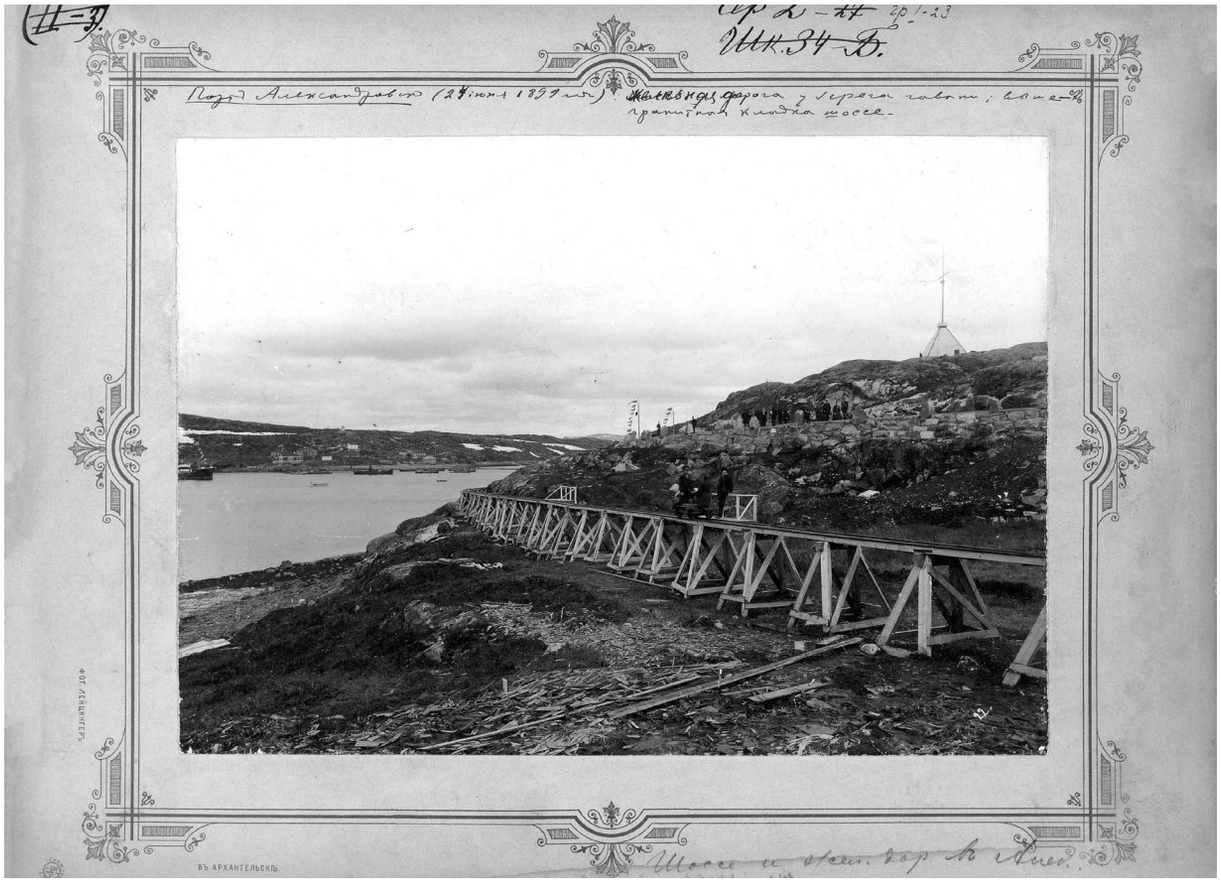
ли — пешеходный балкон. По другую сторону гавани — здание администрации пароходства.

На следующих фотографиях — гора Энгельгардта с пешеходным балконом, город со стороны пешеходного балкона (видна главная пристань, гранитная набережная, амбары и шоссе.

Далее — общий вид на единственную городскую улицу со школой, административными зданиями и больницей (1561). На следующих фотографиях изображены гавань порта «Александровский», администрация пароходства «Мурман» и его здание, пристань мурманского пароходства и вид в глубь гавани на север (1560, 1583). К сожалению, все объекты, изображённые на имеющихся в фотоархиве фотографиях, в настоящее время не сохранились. Но эти чудом сохранившиеся и дошедшие до нас снимки иллюстрируют интереснейшую историю России, благодаря нашим замечательным предшественникам по музейному делу и особенно Дмитрию Николаевичу Анучину.

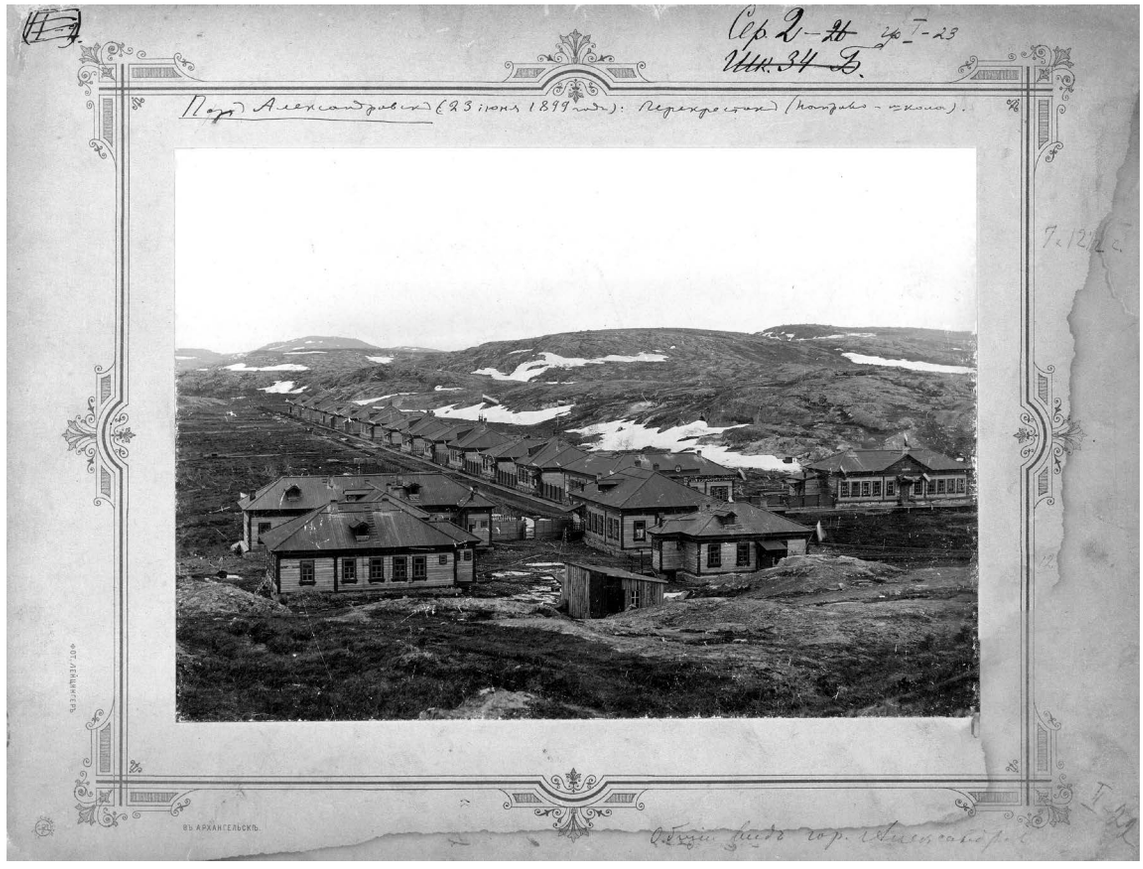
1565.
Набережное шоссе от главной пристани на юго-запад. На фото изображено шоссе от главной пристани на юго-запад, в город; вдали — пешеходный балкон.
По другую сторону гавани — здание администрации пароходства.

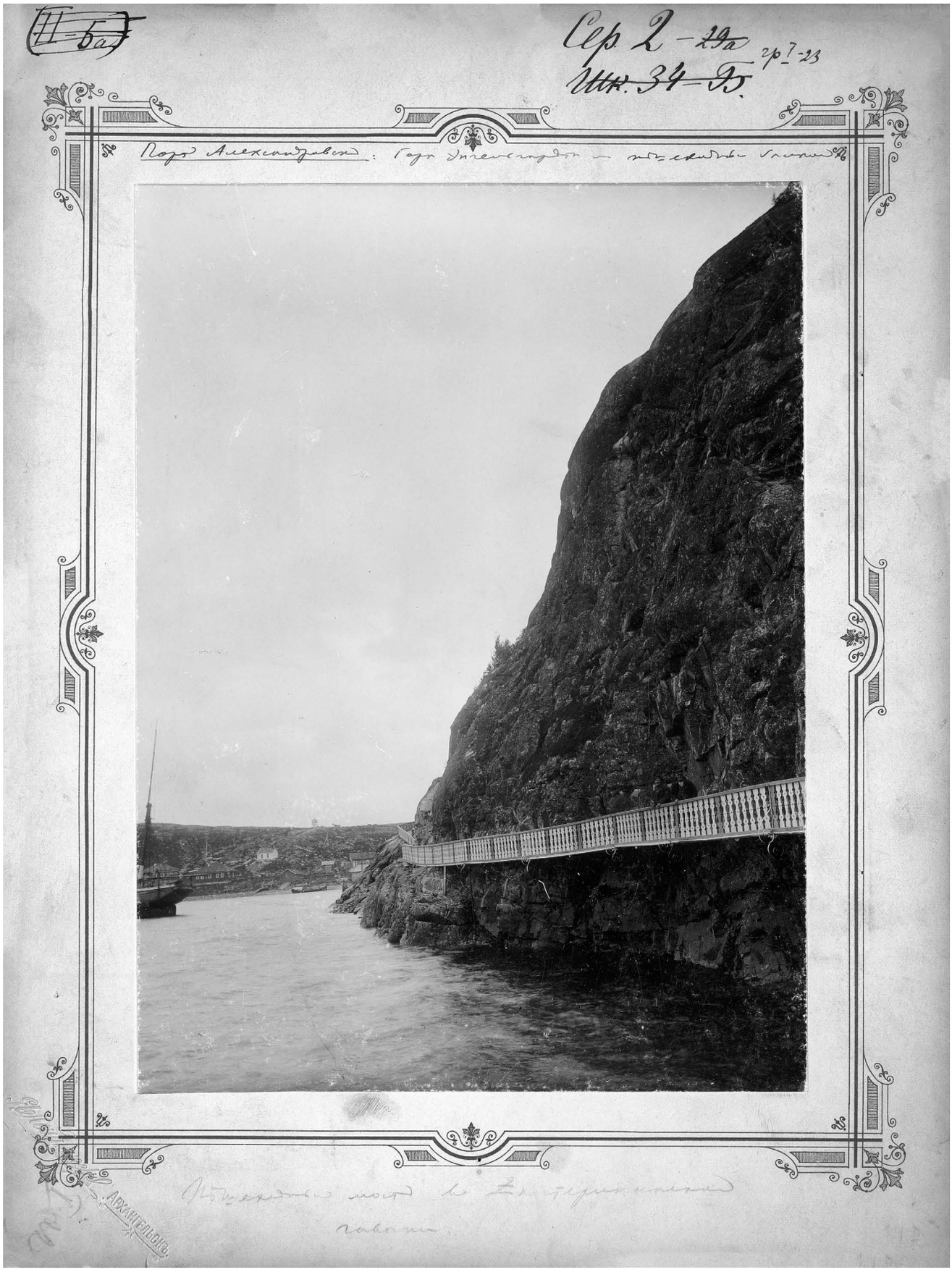
1563. Железная дорога у берега Екатерининской гавани. Видна железная дорога у берега гавани; выше по склону — гранитная кладка шоссе.
На шоссе — Великий князь с сопровождающими лицами во время осмотра города.

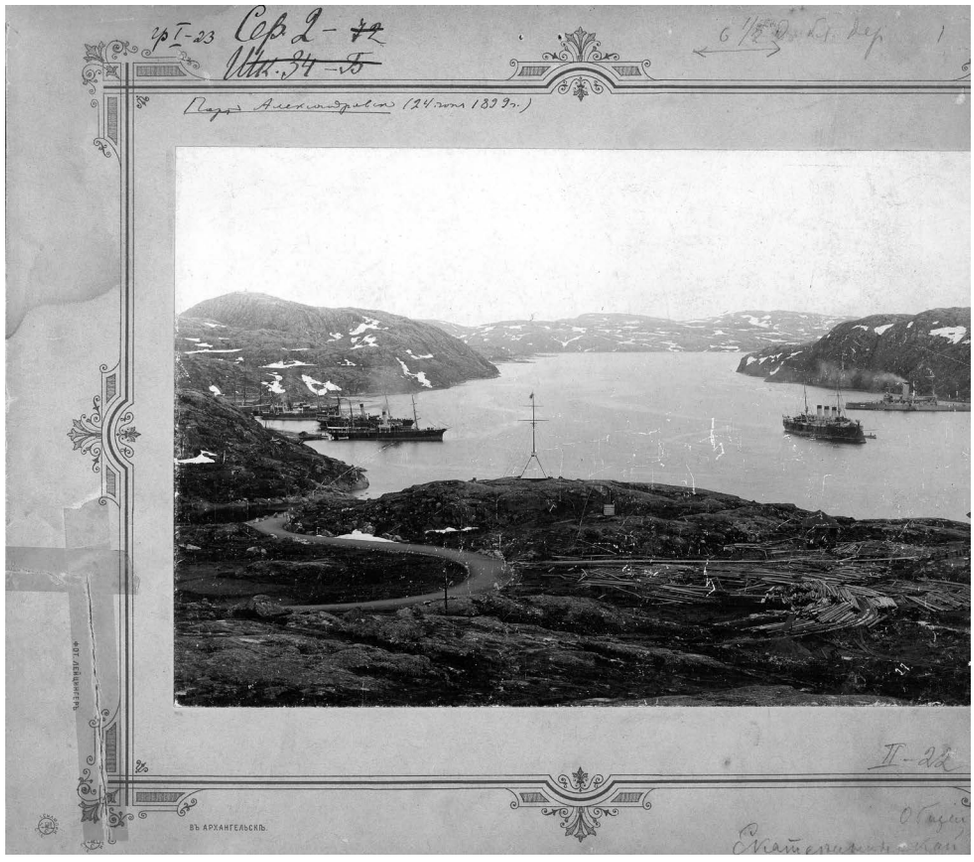
1594. Церемония открытия города 24.06.1899 на площади перед Никольским храмом.

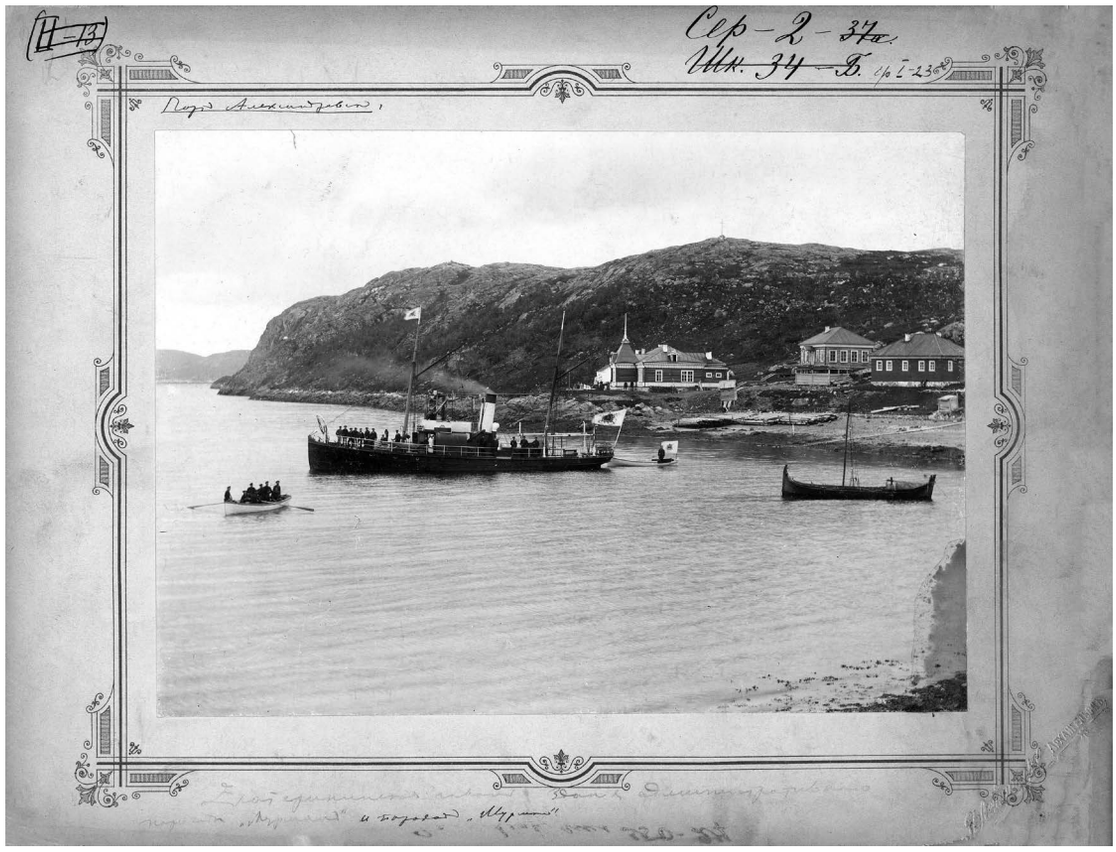
1561. Городская улица со школой, административными зданиями и больницей.

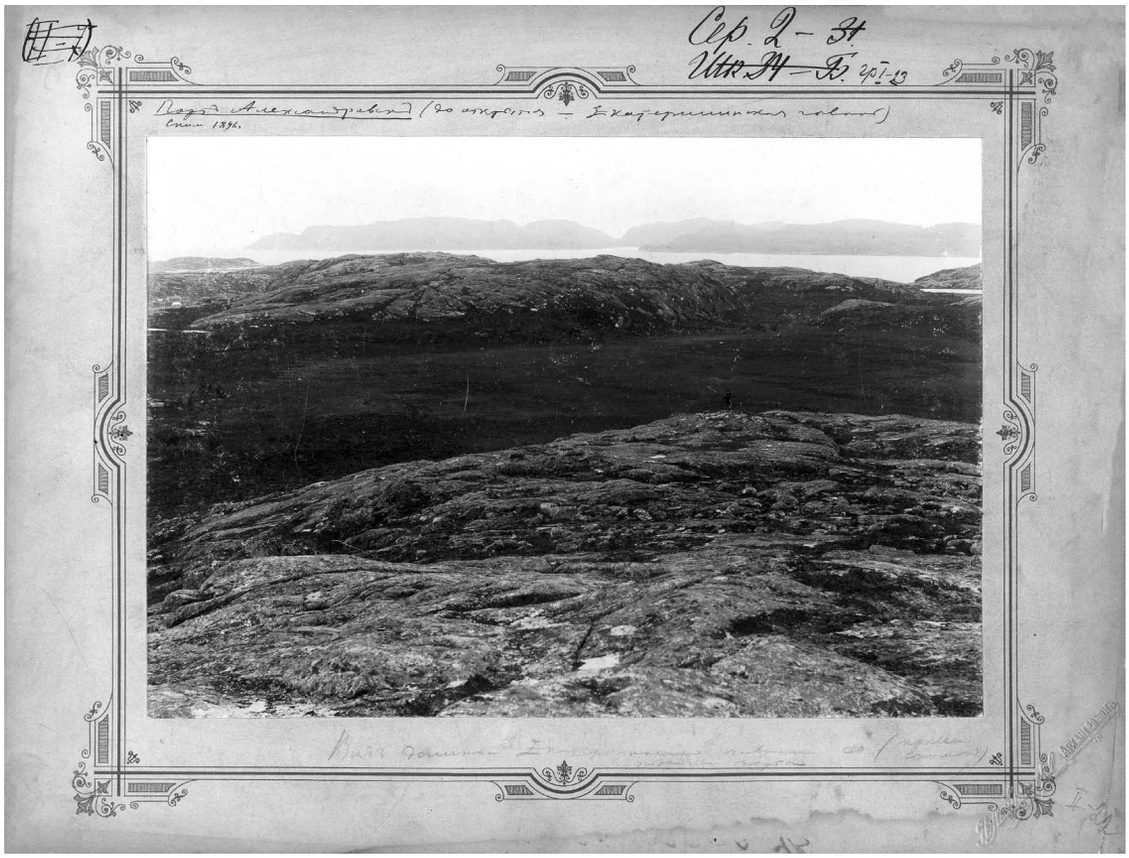
1567. Гора Энгельгардта с пешеходным балконом.

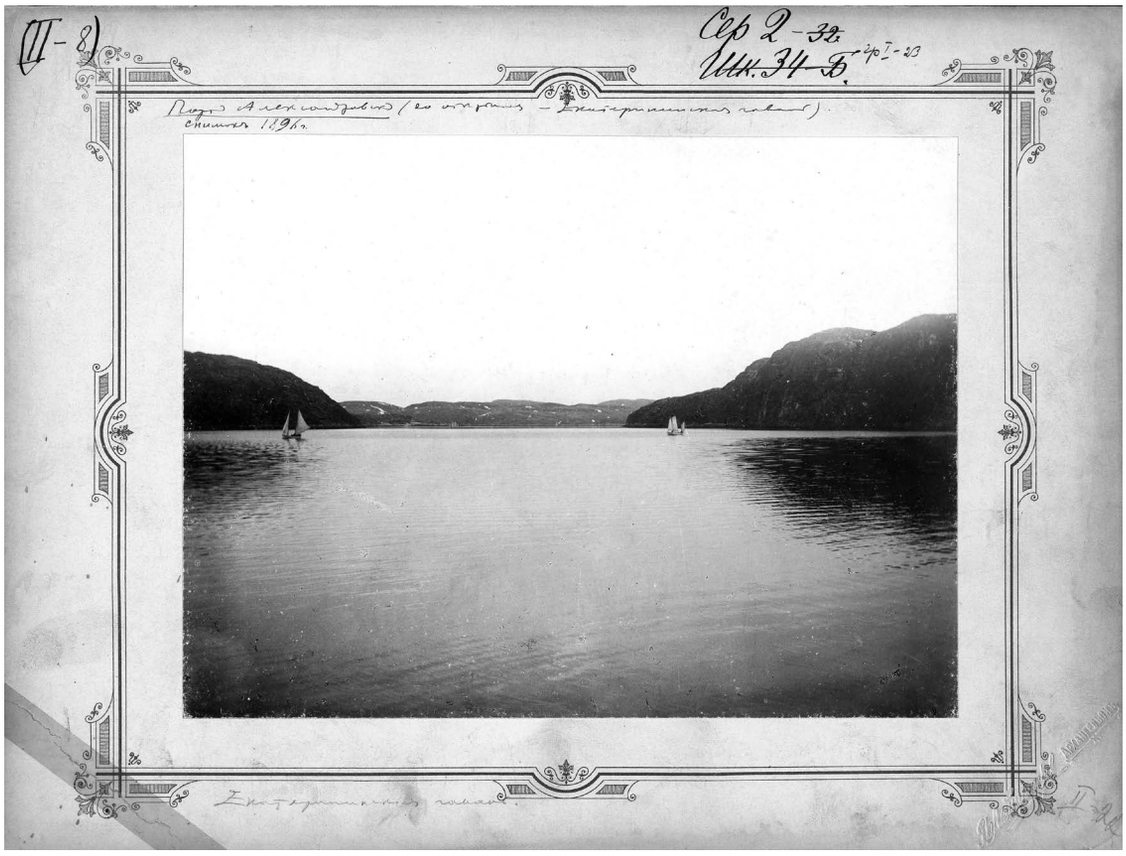
1560. Порт Александровский.
Пристань мурманского срочного пароходства (слева) и вид в глубь гавани на север.

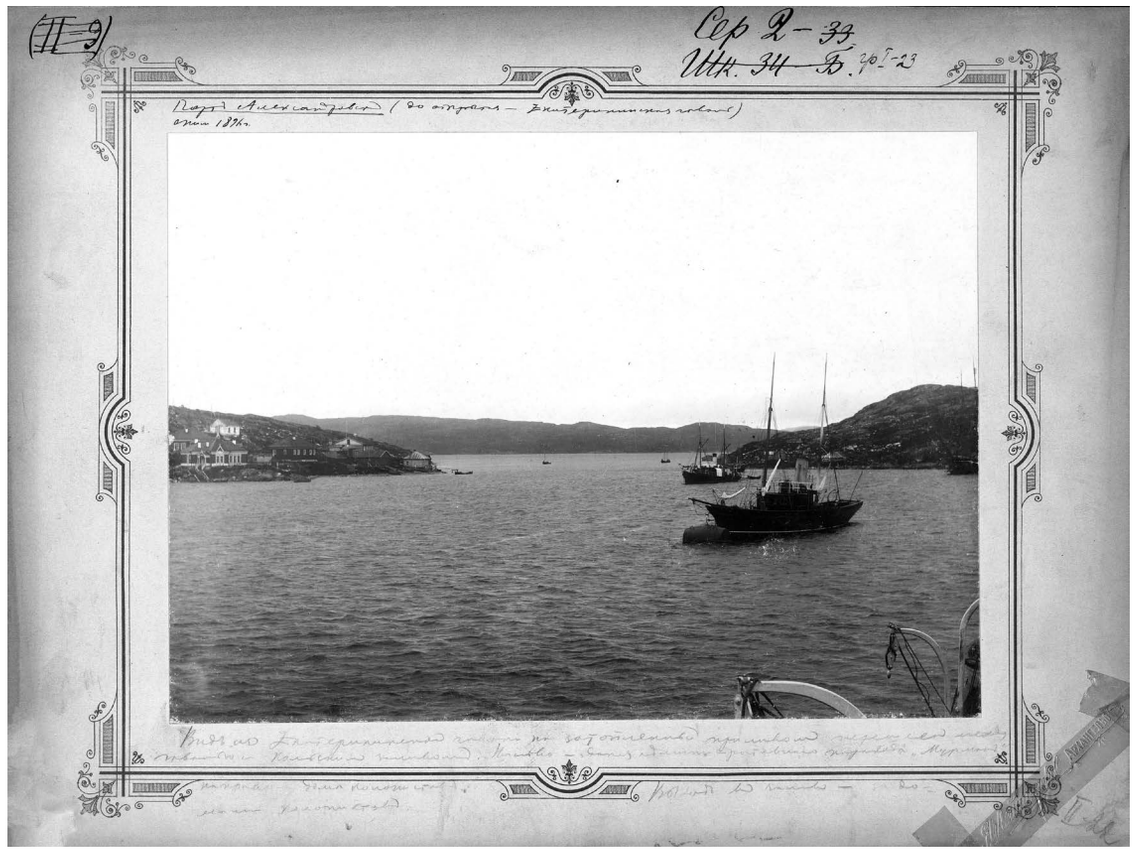
1583. Гавань порта «Александровский», администрация пароходства «Мурман» и его здание.

1571. Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань). Снимок 1896 г.

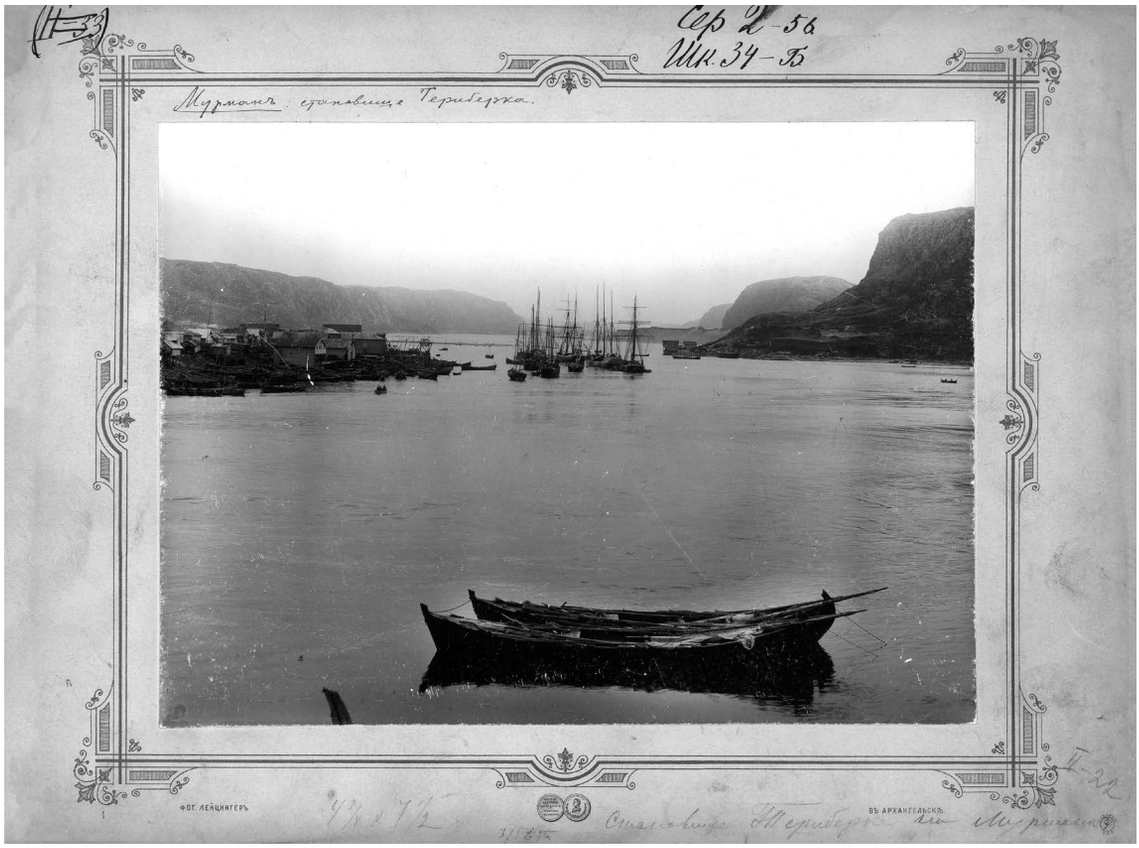
1573. Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань). Снимок 1896 г.

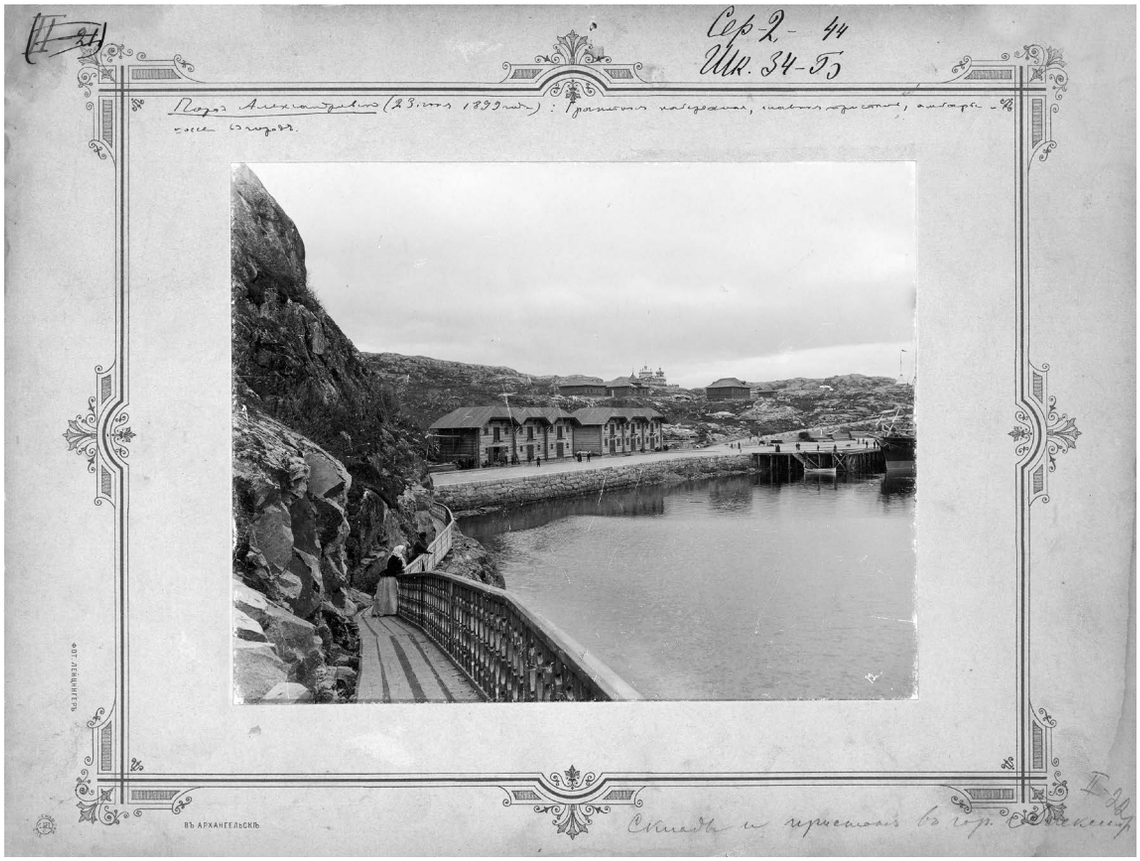
1575. Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань). Снимок 1896 г.

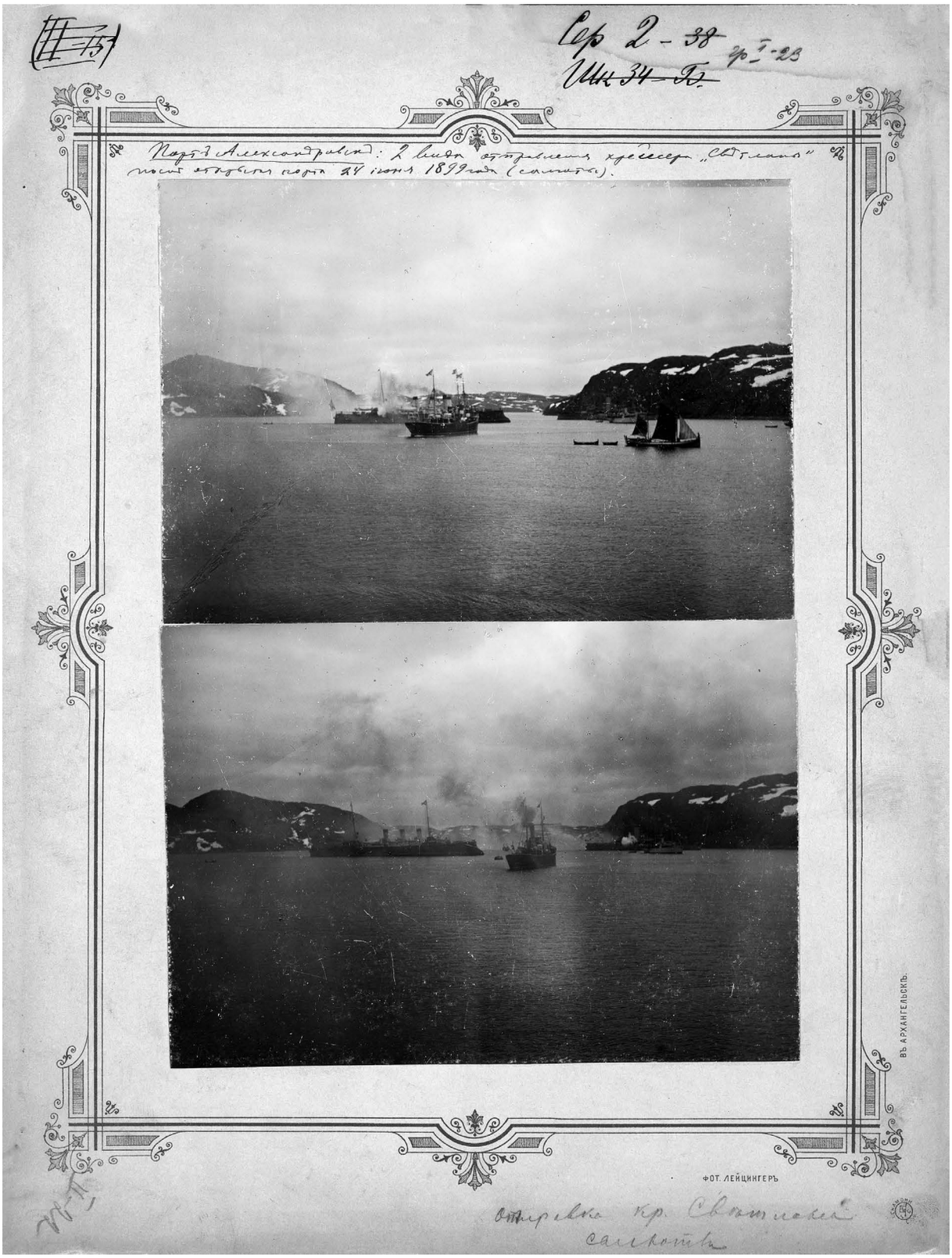
1577. Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань). Снимок 1896 г.

1596.
Мурман.
Становище Териберка.

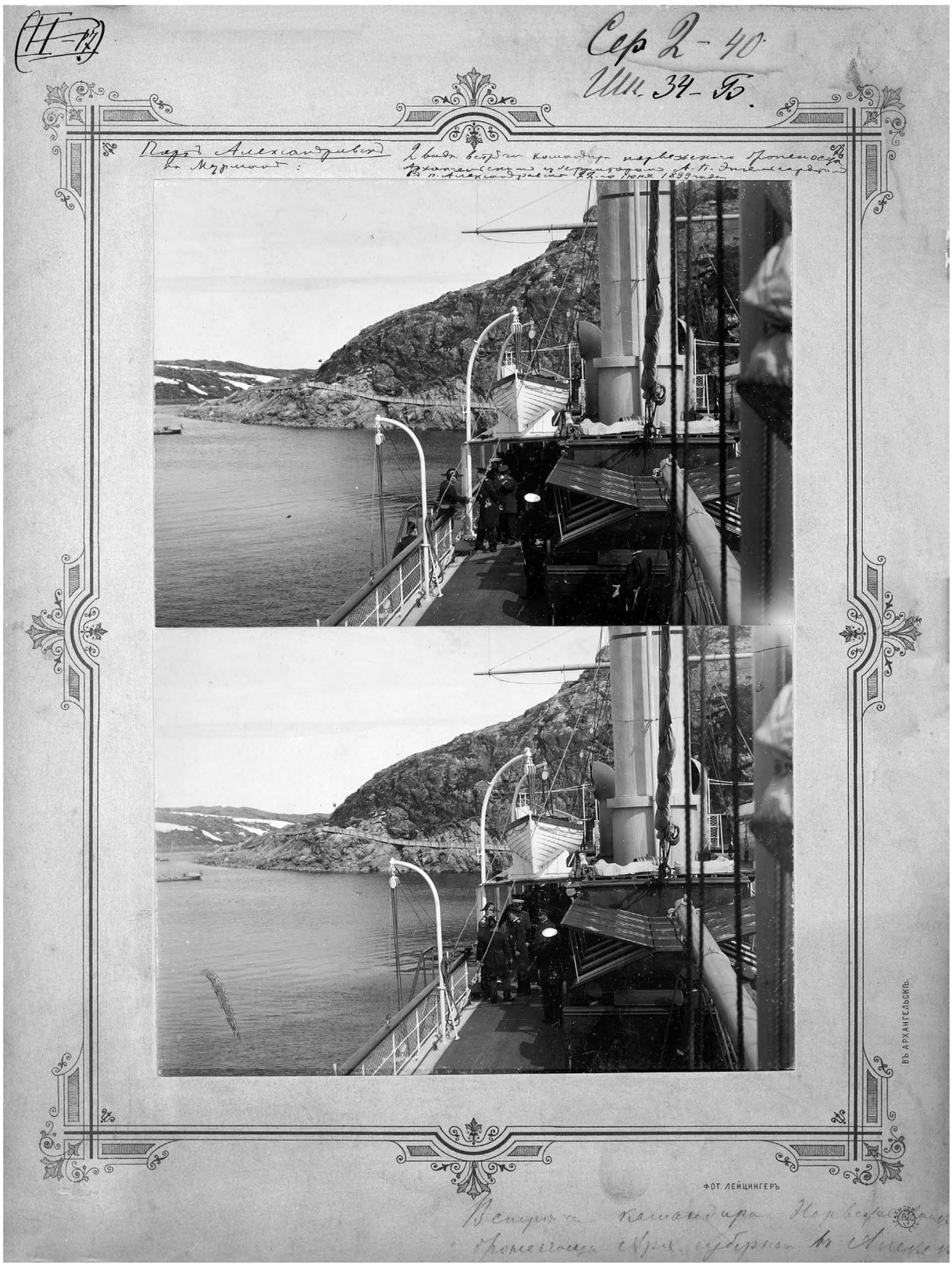
1590.
Порт Александровский.
23 июня 1899 г.
Гранитная набережная,
главная пристань, амбары
и шоссе в город.

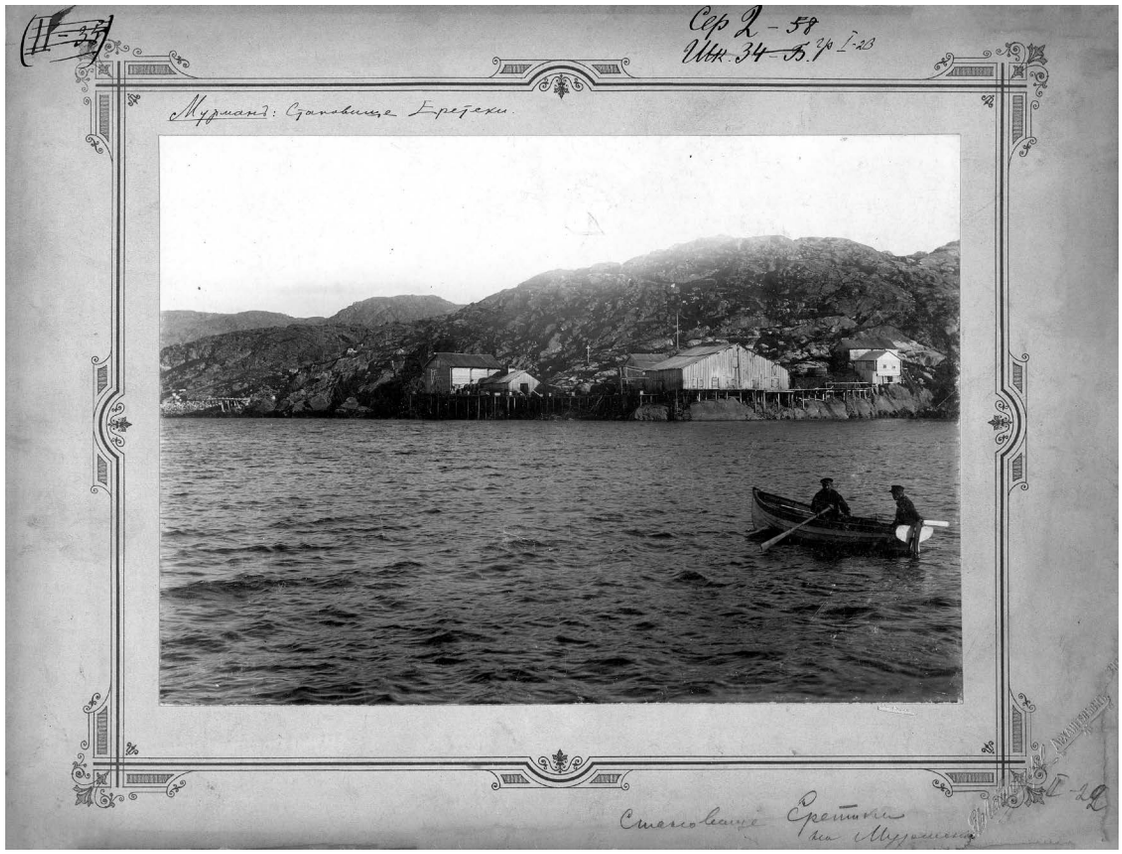
1585.
Порт Александровский: два вида отправления крейсера «Светлый» после открытия порта 24 июня 1899 г.(салют).

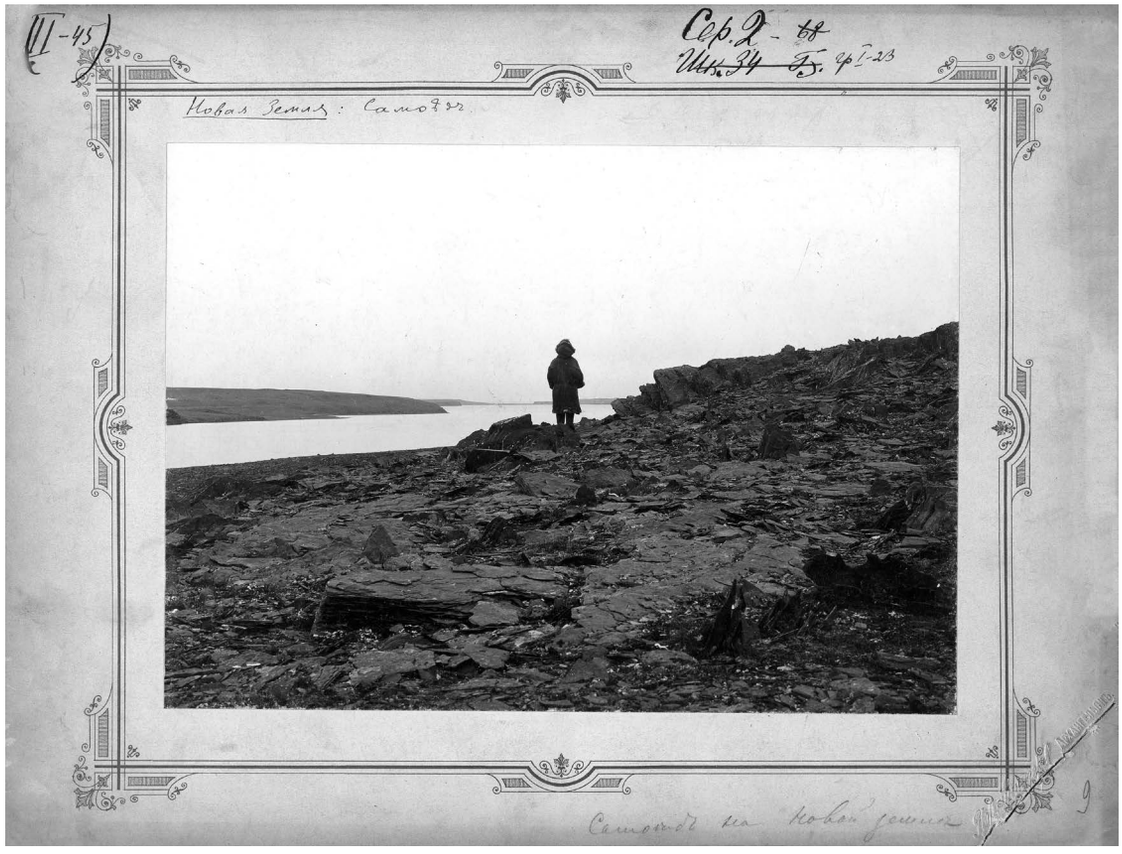
1587.
Порт Александровский: два вида главной портовой пристани 24 июня 1899 г.

1588.
Порт Александровский на Мурмане: два вида встречи командира норвежского броненосца Архангельским губернатором А.П. Энгельгантом в порту Александровский 22 июня 1899 г.

1598.
Мурман: Становище Еретехи.

1604.
Мурман: Становище Еретехи.

1606.
Новая Земля:
Самоед и собаки.

1608.
Архангельск:
Гавань С. Двины.

2.3. Шпицберген. Экспедиции 1899–1901 гг.

Фотографии из архива Д.Н. Анучина, эти бесценные документы, позволили осветить ещё одну важную страницу истории, написанной благодаря тяжёлому труду и риску российских исследователей во благо развития науки и укрепления позиций страны. Цикл фотографий из 36 снимков посвящён экспедиции по градусному измерению дуги меридиана в северных широтах земного шара, на островах архипелага Шпицберген, в 1899–1901 гг.

Шпицберген — обширный полярный архипелаг в Северном Ледовитом океане общей площадью 61 022 км^2, состоящий из трёх крупных островов (Западный Шпицберген, Северо-Восточная Земля, остров Эдж), семи небольших и множества маленьких. Постоянно обитаем лишь самый большой — Западный Шпицберген (37 673 км^2), где находятся административный центр (город Лонгйир) и ещё 4 посёлка. На других островах люди (не более десятка) живут только в летний период. Численность населения всего архипелага около 2600 человек (из них 69,9 % норвежцы, 18,3 % русские и украинцы). Более половины площади архипелага покрывают ледники, и около половины территории занимают природоохранные зоны — заповедники и заказники.

Архипелаг и прибрежные воды — демилитаризованная зона. Современный международно-правовой статус архипелага определил Шпицбергенский трактат, подписанный 39 странами в 1920 г. в Париже в ходе переговоров по итогам Первой мировой войны и закрепивший суверенитет Норвегии. Согласно Закону о статусе Шпицбергена от 17.06.1925 он стал территориальной единицей Королевства Норвегия. Хозяйственную деятельность на архипелаге помимо этой страны осуществляет только Российская Федерация (за которой зафиксирован «особый статус»), имеющая на острове Западный Шпицберген населённый пункт (посёлок) Баренцбург, а также законсервированные посёлки Пирамида и Грумант. На островах два официальных языка — норвежский и русский [Шпицберген: история, …].

История освоения Шпицбергена. Архипелаг имеет давнюю историю освоения: сравнительная близость к материку и относительно лёгкая доступность влекли сюда многих смелых, любознательных и предприимчивых людей. В этой истории, помимо попыток заселения, факты о зверобойном и китовом промыслах, поисках полезных ископаемых, добыче каменного угля, знаменитых полярных экспедициях. Здесь мы кратко осветим период до рубежа XIX–XX веков, к которому относятся фотографии коллекции Д.Н. Анучина.

Предположительно, первыми обнаружили архипелаг викинги — отважные мореходы и охотники. Название «Свальбард» — «холодная земля» (так называют острова и современные норвежцы) — впервые упоминается в исландских сагах XII века [Зингер, 1981]. В середине XVI века на архипелаге существовали поселения русских поморов, называвших его Грумант, что доказала Шпицбергенская экспедиция Института археологии РАН под руководством В.Ф. Старкова: по всем берегам Западного Шпицбергена археологи находят многочисленные поморские становища [Старков, 1998].

Позже, в 1596 г., имя «Шпицберген» («острые горы») дал островам голландец Виллем Баренц [БСЭ, 1969, т. 29, с. 471]; он же впервые нанёс их на европейские карты. Поскольку здесь обитало множество китов, в XVII–XVIII веках район использовался разными странами в качестве базы китобойного промысла. Когда животные были практически истреблены, утилитарный интерес к островам угас (до того времени, пока в середине XIX в. не были выявлены запасы каменного угля), но началась история научного изучения Шпицбергена.

Полный обход вокруг островов первым осуществил в 1707 г. голландский китобой К. Гальс. Внутренняя часть архипелага долго оставалась неизвестной, поскольку охот-

ники и китобои, путешественники и учёные посещали лишь прибрежные районы и редко заходили вглубь. Первый переход через Шпицберген совершил в 1896 г. англичанин М. Конвей с группой исследователей, пройдя вдоль части его восточного побережья [Шпицберген — территория…]. Затем на архипелаге побывало множество знаменитых исследователей, включая Ф. Нансена, Р. Амундсена, Э. Шеклтона. Интерес к Шпицбергену усилился в конце XIX века, когда круглогодичный доступ (свободные ото льдов воды и относительно мягкий климат) сделал его основной базой для полярных арктических экспедиций. Благодаря неослабевающему интересу к региону, его особому международному статусу, Шпицберген стал одним из наиболее изученных районов Арктики, своеобразным научным полигоном, природа и ресурсы которого исследуются специалистами разных стран. Весомый вклад в изучение внесла, в частности, Россия: на карте Шпицбергена российская история освоения отражена более чем 150 топонимами с фамилиями и именами российских учёных, путешественников и промысловиков [Там же]. И первая морская научная экспедиция к Шпицбергену была осуществлена Россией: по инициативе М.В. Ломоносова, составившего проект освоения Северо-Восточного морского прохода к Берингову проливу от Шпицбергена, в 1764–66 гг. его посетили экспедиции известного мореплавателя В.Я. Чичагова. Хотя задача прохождения к берегам Америки на неприспособленных для плавания во льдах парусных судах оказалась невыполнима, были собраны ценные сведения о северо-западной части архипелага, природе и истории Груманта. Мастерство моряков в тяжёлых арктических условиях было оценено высоко на государственном уровне, тем не менее дальнейшие путешествия «по Ледовитому морю» на долгое время были признаны неперспективными [Беляев, 2013; Зингер, 1981].

Вторая половина XVIII века ознаменована бурным расцветом русских промыслов на Груманте (где нередко оставались зимовать до 200 поморов), но к середине XIX столетия эта деятельность прекратилась из-за конкуренции иностранных промышленников.

Градусные измерения на Шпицбергене. Следующим важным научным предприятием в истории исследования Шпицбергена русскими стала деятельность по градусным измерениям. Это было продолжение начатых в западных губерниях России больших астрономо-геодезических работ, завершившихся в 1855 г. измерением огромной (более 25°) дуги меридиана, простирающейся от устья Дуная до берегов Северного Ледовитого океана.

В конце XVIII века было установлено, что географические координаты наземных наблюдений не совпадают с координатами, выведенными из астрономических вычислений, что очень мешало решению задач картографии, навигации и морских плаваний. За полтора века до того размер и форму Земли определил Жан Пикар, живший в XVII веке, инициатор создания Парижской обсерватории. Предположив, что Земля не имеет точной формы шара, он с ошибкой всего 0,1 % измерил длину дуги меридиана между Парижем и Амьеном, применив для угловых измерений изобретённые им инструменты [БСЭ, 1969, т. 29, с. 526]. Астрономические и математические труды учёных того периода, в т. ч. Ньютона, подтвердили наличие у Земли полярного сжатия, а к середине XVIII века уменьшение длины одного градуса меридиана у экватора было установлено непосредственными измерениями [Дуга Струве, …].

Чтобы обосновать форму Земли, до того обозначаемую словом «шар», в качестве «геоида», учитывающего «сплющенность» планеты у полюсов и все крупные неровности рельефа, требовались научные уточнения.

Практические работы в этом направлении были начаты в 1816 г. и длились около 40 лет. В основу измерений была положена научная идея, разработанная основателем и первым директором Пулковской обсерватории В.Я. Струве. Названная по имени создателя, «Геодезическая дуга Струве» представляла собой сеть из 265 триангуля-

ционных пунктов (каменных кубов с длиной ребра 2 м), имевшую протяжённость более 2820 км. Это было первым измерением фигуры Земли в истории России, и по научным результатам стало крупным национальным достижением. Материалы обработки измеренных дуг меридианов и параллелей использовались в течение 130 лет, пока в конце 1950-х гг. не наступила эра спутниковых технологий.

Продолжением «Дуги Струве» на север, в арктическую зону, стала дуга меридиана "Свальбард" (Шпицберген). В 2005 г. 34 сохранившиеся пункта «Дуги Струве» на территории Норвегии, Швеции, Финляндии, России, Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, Молдавии и Украины были утверждены Комитетом ЮНЕСКО по Всемирному наследию в качестве памятника Всемирного культурного наследия [Там же].

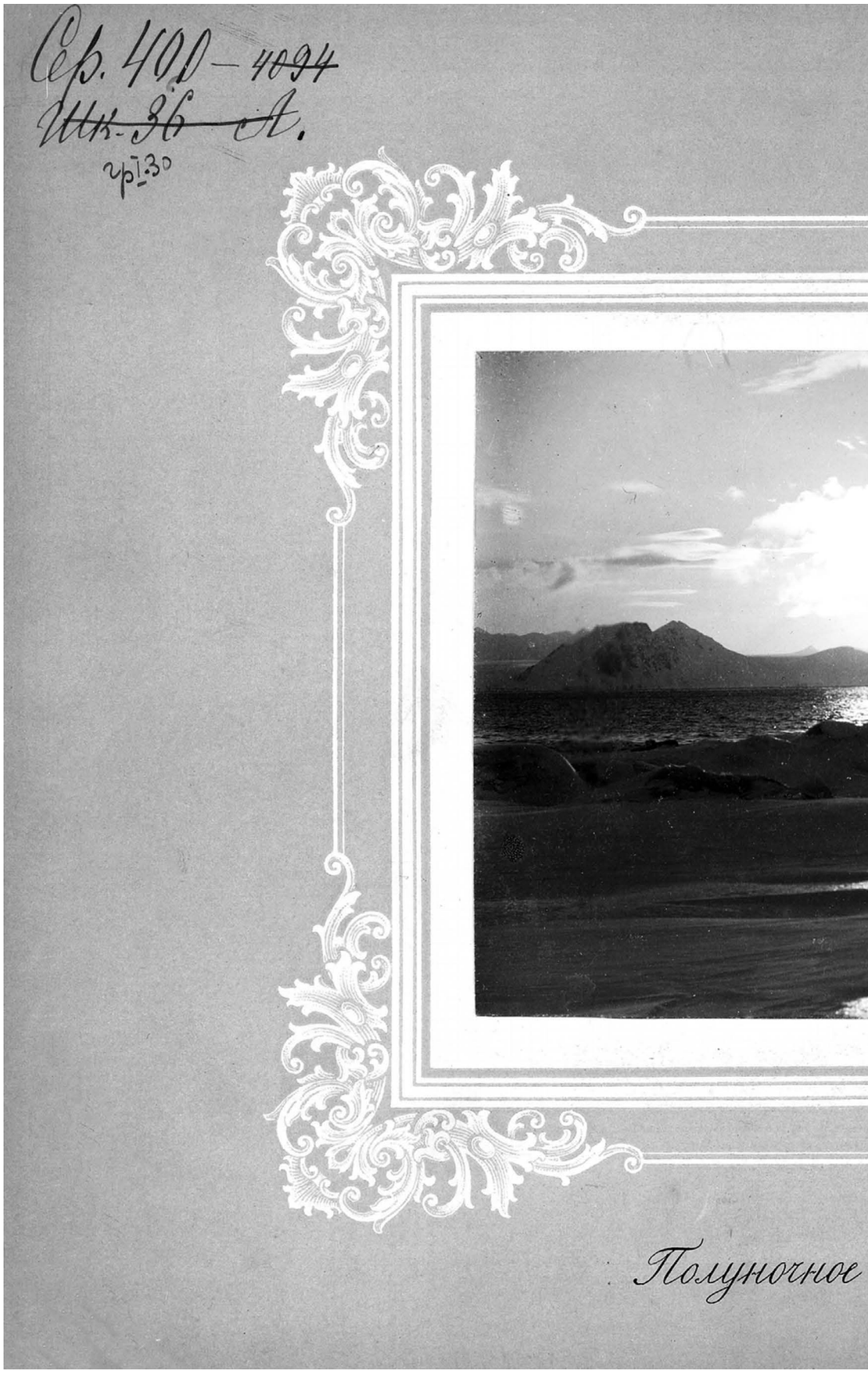
Мысль о градусном измерении на Шпицбергене была высказана впервые англичанином Сэбином в 1823 г. [Васильев, 1915]. Но такое предприятие требовало крупных финансовых вложений, объединения большого числа участников, и идея не была осуществлена. На рубеже XIX–XX веков внешнеполитическая подоплёка — укрепление позиций в Арктике — дала толчок для активизации научных исследований в этом регионе. В 1898 г. от Академии Наук Швеции поступило предложение к российским коллегам о проведении на островах Шпицбергена совместных градусных измерений с целью определения сжатия Земли [Ефимов, 1958]. В переговорах участвовали представители королевской семьи Швеции и Российской императорской семьи. Для координации работ была образована межгосударственная комиссия по градусным измерениям дуги меридиана: Россию представлял Великий князь Константин Константинович Романов (двоюродный брат Александра III, занимавший пост президента Академии Наук), Шведско-Норвежское королевство — кронпринц Густав.

Для руководства работами были созданы две комиссии: при Российской АН Особая комиссия в составе академиков О.А. Баклунда, Ф.А. Бредихина, Ф.В. Шмидта, А.П. Карпинского, М.А. Рыкачёва, а также двух будущих академиков Б.Б. Голицына и Ф.Н. Чернышёва. Шведскую Комиссию также представляли известные учёные: А. Норденшельд, А. Дунер, Э. Едерин, де Гир [Беляев, 2013].

Работы по градусному измерению велись с 1899 до 1901 г. Предполагалось разбить триангуляционную сеть из 22 объектов протяжённостью 470 км: от крайнего южного пункта на мысе Кейльхау (юг Западного Шпицбергена) до крайнего северного на о. Росса. База работ шведов располагалась на севере архипелага — в бухте Трейренберг (близ устья пролива Хинлопен). Русскую базу изначально планировали основать на мысе Лив юго-западной части о. Эдж, но из-за сложных навигационных условий пришлось высадиться на юго-западе острова Западный Шпицберген, в заливе Горнзунд (Хорсунн). Хотя это оказалось далеко от предполагаемого места проведения работ, один из участников экспедиции А.С. Васильев характеризовал случившееся положительно: вместо научного подчинения шведам появилась возможность работать независимо от них, а научное соревнование всегда плодотворно, что и показало дальнейшее [Васильев, 1915].

К тому же погодные условия оказались здесь более благоприятными для будущей зимовки. Фотографии иллюстрируют некоторые эпизоды этого чрезвычайно сложного по поставленным задачам и их осуществлению мероприятия. Все снимки имеют лаконичные подписи в старорусском написании (типографским способом либо карандашом), чаще давая общее представление о месте съёмки, природном объекте или явлении. В ряде случаев на фото можно видеть людей, выполняющих какие-либо работы или просто позирующих, однако фамилии участников экспедиции (то, что особенно важно) не обозначены.

База российской научной экспедиции была построена в месте высадки, у подножия горы Горнзунд (это самая высокая точка южного Шпицбергена — 1492 м); разборные дома и мебель привезли в трюмах судов. Посёлок, которому в честь вел. кня-

1663.
Полуночное солнце
в заливе Горнзунд.

2

солнце въ Горизунде.

зя Константина Константиновича дали название Константиновский, состоял из нескольких построек. Среди них большой и, по воспоминаниям членов экспедиции, комфортный дом (с жилыми комнатами сотрудников, рабочими кабинетами и кают-компанией, где было даже пианино), метеорологическая площадка, вспомогательные здания (использовавшиеся для хранения угля, продуктов, научного оборудования и приборов).

Начальником экспедиции назначили штабс-капитана корпуса военных топографов Дмитрия Дмитриевича Сергиевского (1867–1920), который непосредственно руководил работами первые два сезона. Всего состоялось 4 полевых сезона (обобщённые сведения представлены в таблице). В общей сложности 522 дня (три лета и одну зиму) потребовалось затратить русским исследователям на то, чтобы в неимоверно тяжёлых условиях выполнить порученное дело и дополнительно обогатить науку новыми важными данными о природных особенностях Шпицбергена. В совокупности во всех сезонах числилось 50 человек, но по факту — меньше, так как некоторые из них участвовали неоднократно. Так, астроном-геодезист А.С. Васильев работал во всех экспедициях, астроном-геодезист В.В. Ахматов — трижды, дважды — астрономы-геодезисты Д.Д. Сергиевский и И.И. Сикора, геолог Ф.Н. Чернышёв (руководитель работ двух последних сезонов) и ещё 7 человек прочих специальностей.

В состав экспедиций, помимо астрономов-геодезистов, геологов и топографов, входили физики, натуралист, механик, врач и даже художник [Беляев, 2013; Зингер, 1981].

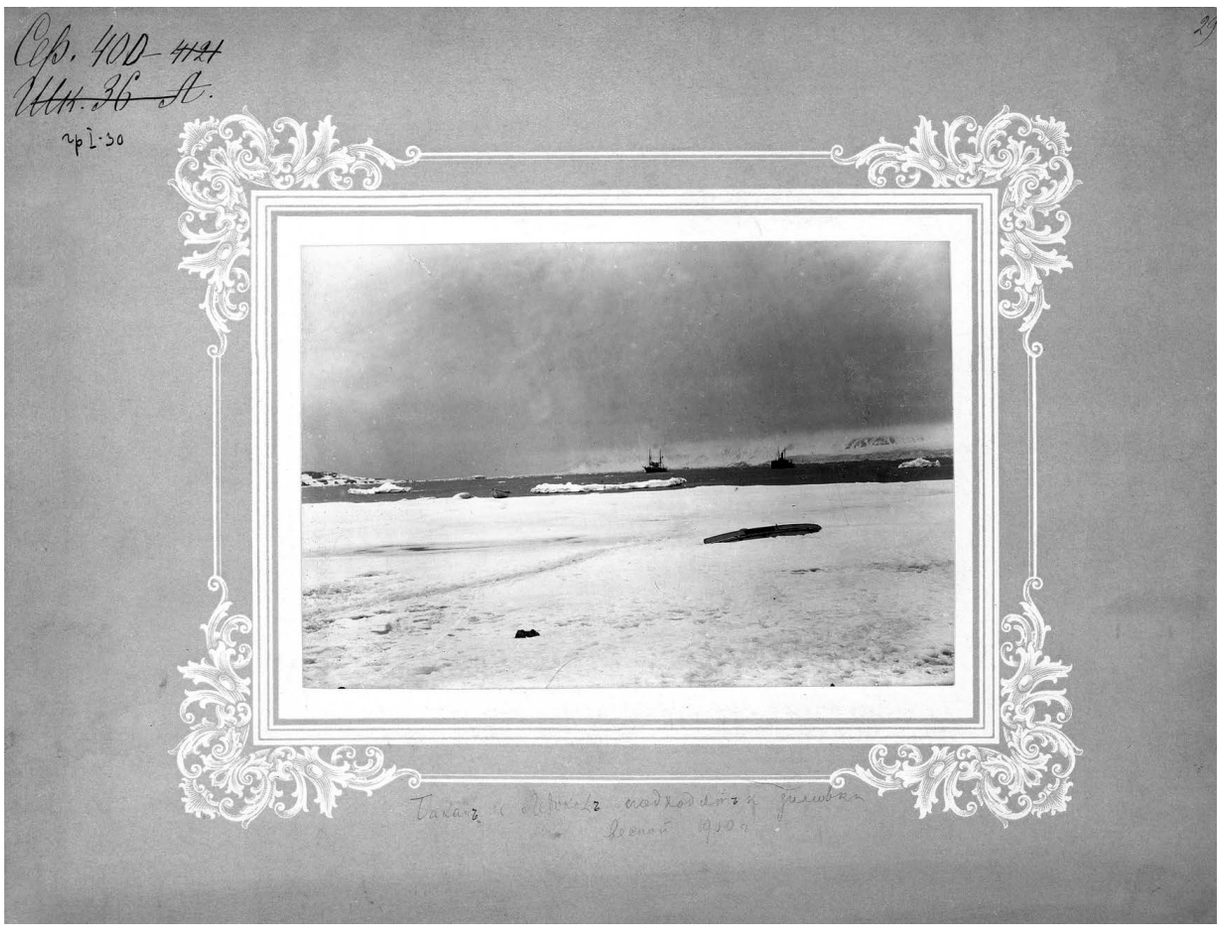
Огромный вклад в работу внесли моряки обслуживающих экспедицию судов — мезенские поморы, выполнявшие самые тяжёлые работы по строительству базы и установлению геодезических знаков. Моряки военно-транспортного корабля «Бакан» и ледокола № 2 парусно-механического хода помимо своей основной работы (перевозка морем в нужные районы Шпицбергена членов экспедиции и оборудования) участвовали в доставке по суше строительных материалов, продуктов, топлива, научной аппаратуры. Так, команда «Бакана» поднимала на высоту 1200 м в 12 км от берега провизию, необходимую для всех работающих внутри Шпицбергена (в том числе для собак) [Васильев, 1915]. По данным из книги Александра Семёновича Васильева (1868–1947) «На Шпицберген и по Шпицбергену во время градусного измерения» [Там же], русско-шведская флотилия состояла из пяти судов, время от времени сменяемых. На снимке мы можем увидеть два судна, обслуживавших шведскую экспедицию в 1899 г., затёртые льдами в бухте Вирго: военный корабль «Свенскбунд» и грузовое судно «Рюрик» на крайнем северо-западе острова Западный Шпицберген.

В ходе первой краткой экспедиции русскими исследователями были проведены наблюдения лишь на двух юго-западных пунктах Шпицбергена. Затем суда отплыли в Россию, а 7 специалистов и 12 матросов остались на зимовку для продолжения наблюдений. В этот и следующие полевые сезоны походы по малоизведанным районам Шпицбергена в поисках мест, подходящих для размещения пунктов триангуляционной сети, проходили в весьма нелёгких условиях: густые туманы и штормовые ветры, нехватка продовольствия, случались встречи с белыми медведями. Для опорных пунктов выбирали наиболее высокие точки рельефа, куда снаряжение и оборудование переносили на себе, а жили в палатках без утепления. По воспоминаниям А.С. Васильева, в 1900 г. «было 5 месяцев ужасного, до невероятности тяжёлого труда: холод, голод, … приходилось иногда быть жестоким и с собаками, и с людьми» [Васильев, 1915, с. 56]. Не раз жизнь участников экспедиций висела на волоске: зимой работу осложняли скрытые под снегом глубокие трещины ледников, длительные метели и морозы; даже летом температура иногда опускалась до –13–14°С. Но, вопреки всем трудностям, намеченные опорные пункты были установлены, координаты их вычислены.

В план полевых работ русской экспедиции входила установка опорных пунктов

триангуляционной сети и оборудование их измерительными и астрономическими приборами на обеих сторонах Стур-фиорда, а также в центральной части острова Западный Шпицберген, что позволило бы соединить русский участок работ с сетью шведов, работавших на севере. Одним из первых соорудили пункт на восточном берегу фиорда (район горы Кельхау высотой 676 м на северо-западе острова Эдж). Туда отправился отряд из шести человек: на снимке мы видим, как одетые по-походному мужчины идут рядом с гружёными, запряжёнными лайками нартами (в руках двоих винтовки — защита от белых медведей). Справа от нарт — начальник отряда Д.Д. Сергиевский, слева — астроном И.И. Сикора, остальные четверо — рабочие (матросы). Вслед идущим смотрит (предположительно) научный руководитель экспедиции Феодосий Николаевич Чернышёв (1856–1914). На дальнем плане — гряда островершинных скал, покрытых снегом, это так называемые нунатаки.

Для большего территориального охвата участники экспедиции разбивались на группы («партии»), проводившие работы в разных частях архипелага. На том же этапе был совершён переход поперёк острова Западный Шпицберген (на восточный его берег) отрядом, руководимым А.С. Васильевым. На фотографии — он сам, с длинной палкой для управления ездовыми собаками в руках, стоит слева от гружёных нарт (к слову, партии перемещались порой на санях при 18–20 собаках); справа — четверо рабочих (матросов с корабля «Бакан»); впереди (с сумкой через плечо) — студент О.О. Баклунд (географ, биолог). Лишь со второй попытки, с неоднократным риском для жизни, отряду удалось выйти к заданной цели — г. Геджехог, где на высоте 630 м также был установлен сигнал в виде усечённой пирамиды из обломков горных пород.

1689.
«Бакан» и ледокол подходят к зимовке (весна 1900 г.).

1669.
База Русской научной экспедиции — посёлок Константиновский.

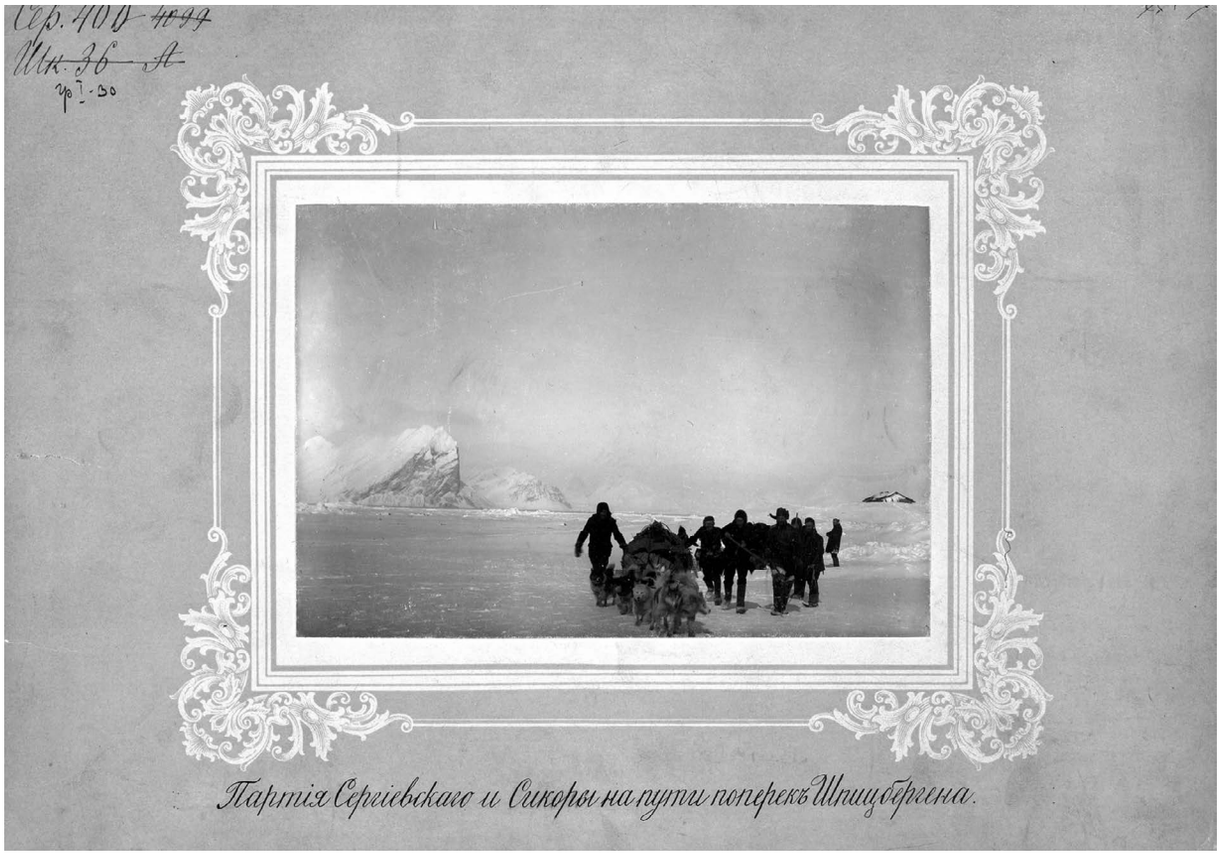
лнд. 1900!
итиновскій осенью 1899 года.
акурей.

1676. Русские зимовщики 1899/1900 г. Зимовщики расположились на крыльце основного здания базы.
В первом ряду слева направо: И.И. Сикора (астроном), А.Р. Бейер (физик, метеоролог), А.С. Васильев (астроном, начальник отряда), Д.Д. Сергиевский (начальник экспедиции, топограф), В.В. Ахматов (астроном), А.А. Бунге (врач), Ган (механик); во втором, третьем и четвёртом рядах — моряки с разных кораблей северного флота.

Изображения А.С. Васильева мы чаще всего встречаем на снимках — ведь он работал во всех четырёх сезонах. На следующей фотографии — вид на залив Бельзунд (Беллсунн) на западном берегу Зап. Шпицбергена. На переднем плане фигуры трёх человек у горной расчистки (предположительно А.С. Васильев, Ф.Н. Чернышёв и О.О. Баклунд), изучающих состав горных пород и делающих замеры координат для установки геодезического знака. Возможно, это одна из попыток поиска подходов к центральному району Западного Шпицбергена. Вершины гор, выступающие над поверхностью ледникового покрова, типичны для периферийных районов Гренландии и Антарктиды.

Большой победой русских исследователей стало восхождение на высшую точку Шпицбергена (1658 м) — гору Ньютона в центре архипелага. Изначально это не входило в план их работ. Но три попытки шведов поставить там центральный триангуляционный знак и связать в единую систему северную и южную части сети не увенчались успехом; знак был сооружён русской партией во главе с А.С. Васильевым [Беляев, 2013; Васильев, 1915; Ефи-

1668.
Партия Сергиевского и Сикоры на пути поперёк Шпицбергена.

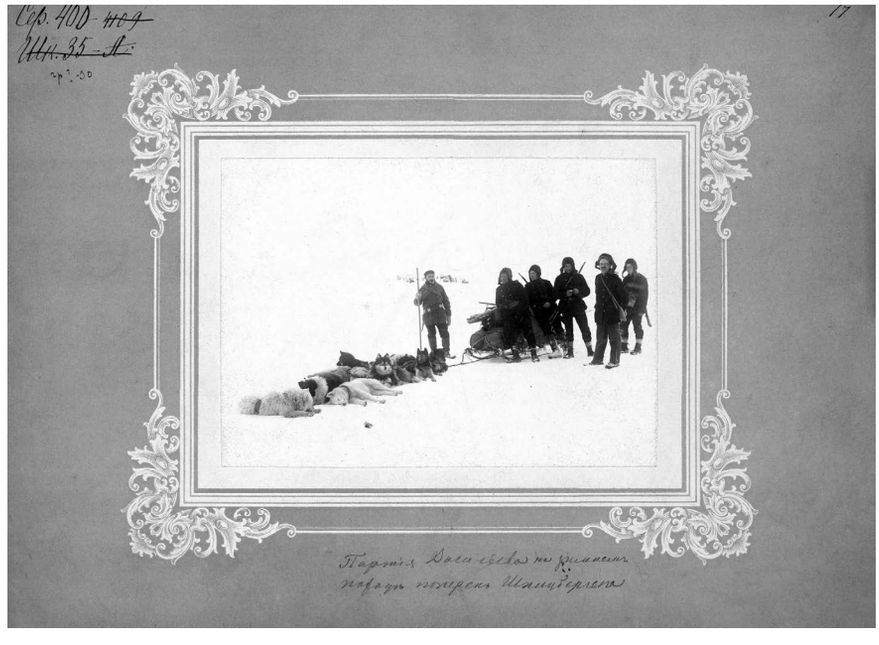
мов, 1958]. Новое название горе, прежде называвшейся Сванберг, дал именно он. Расположенную к юго-востоку гору без названия назвал горой Чернышёва (1316 м), северо-восточнее есть гора адмирала Макарова (1446 м), а весь горный комплекс, перекрытый громадным ледником, назван им Ермак.

Так на карте Шпицбергена появились новые топонимы (и это лишь несколько примеров), связанные с Россией. Окончание работ по созданию триангуляционной сети состоялось летом 1901 г. Видно, что поперёк горной долины на единой линии расположено не менее четырёх таких устройств.

Основные работы русской экспедиции в тот сезон были сосредоточены в центральной ледяной области Западного Шпицбергена. Из-за тяжёлой ледовой обстановки суда к месту высадки — леднику Негри в верхней части пролива Стур-Фьорд — сопровождал ледокол «Ермак». Вместе с мезенскими поморами учёные проделали изнурительный поход по горам и ледникам и, достигнув горы Чернышёва, соорудили на её вершине каменную пирамиду (в загромождённой камнями местности приходилось работать ломами).

Такие же геодезические знаки из обломочного материала местных горных пород

1677.
Партия Васильева на зимнем походе поперёк Шпицбергена.

1688.
Шведские суда,затёртые
льдами в бухте Вирго.

...ро. Шведскія суда – Свенскзунд
...Катерининская пещера.

1680.
Вид на залив Бельзунд

были построены и в других местах, в том числе на вершине плато Агард на восточном берегу острова Западный Шпицберген. На фотографии рядом с пирамидой высотой около четырёх метров, имеющей форму прямого конуса, — двое участников экспедиции (один из них А.С. Васильев, второй не установлен), настраивающих геодезический инструмент для определения координат данной точки наблюдения.

Ледокол новейшего типа «Ермак», построенный по проекту русского флотоводца С.О. Макарова в Англии, проходил испытания в условиях тяжёлых льдов у Шпицбергена. Первые два плавания (краткое — с 3 по 7 июня, а также с 15 июля по 16 августа 1899 г., когда судно обогнуло часть архипелага) сорвались из-за пробоин, потребовавших ремонта. В ходе третьего плавания (6–11 июня 1901 г.) к месту назначения были доставлены научные сотрудники и грузы. Во всех заходах велись научные исследования по навигации, астрономии, ледоведению, биологии, геологии и т.п.

Один из сигналов триангуляционной сети под названием «Пирамида» сохранился до наших дней и внесён в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Экспедиция по градусным измерениям на Шпицбергене, ставшая крупной вехой в истории полярных исследований, оказалась весьма результативной. По данным А.С. Васильева, в ходе комплекса работ были оборудованы сигналами 14 пунктов основной базисной сети, на них же измерены горизонтальные и вертикальные углы; астрономические определения широт и азимутов выполнены на 11 пунктах, в шести точках определено ускорение силы тяжести [Васильев, 1915].

На основе топографической съёмки, произведённой на площади в 10 тыс. км, а также мензульной съёмки всей береговой линии и значительной части внутренних районов составлена карта той части Шпицбергена, которая ранее не была освещена.

Добавим, что помимо астрономо-геодезических работ измерялись глубины Стур-фьорда и выявлялись места новых якорных стоянок, проводились метеорологические, геологические, геоморфологи-

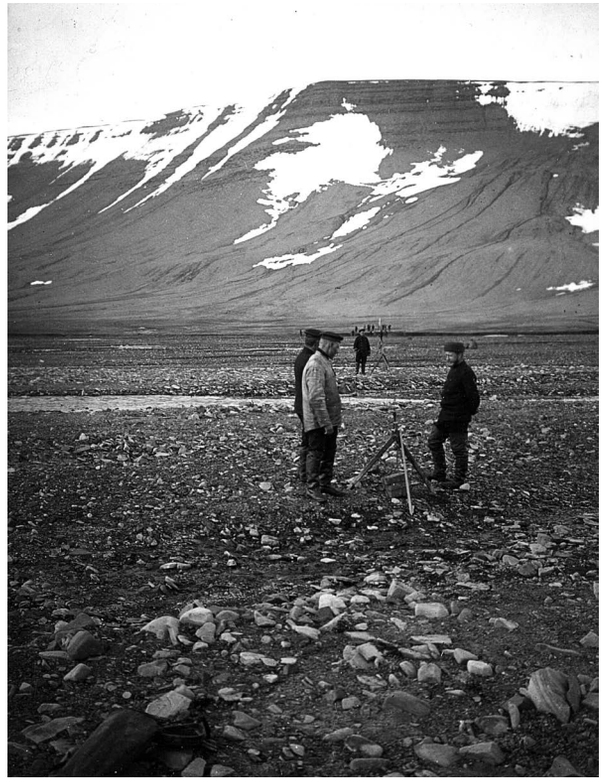
ческие, гляциологические, зоологические и ботанические наблюдения, позволившие выяснить многие природные особенности Западного Шпицбергена [Ефимов, 1958].

По следам русских учёных на Шпицбергене. Уже в XXI веке (более чем через 100 лет) российские путешественники повторили маршрут своих великих предшественников. Участники организованной Русским географическим обществом экспедиции «Полярный меридиан Шпицберген» летом 2014 г., передвигаясь пешком или на парусной яхте, обследовали около трёх десятков точек геодезической сети дуги меридиана Свальбард; маршрут составил примерно 3000 км [По следам русских …].

На горе Чернышёва был обнаружен один из самых важных знаков исторической геодезической сети: сложенная из глыб гранита четырёхметровая каменная пирамида с вмонтированным в неё металлическим российским флагом, сохранившимся лишь частично. Термометры, размещённые внутри оставленного прежней экспедицией металлического тубуса, показали самую высокую (+4°C) и самую низкую (ниже –40°C) температуры. Были найдены и другие геодезические знаки Дуги меридиана Свальбард: установленные русскими на горе Кейльхау в бухте Бельсунн, горе Баклунд близ ледника Негри и др., а также сигналы, сооружённые шведскими исследователями. Измерение расстояния между историческими геодезическими точками с помощью современных технологий показало разницу всего несколько миллиметров!

Российско-шведская экспедиция 1889–1901 гг. по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген стала первым удачным опытом проведения комплексных научных исследований в высоких широтах Арктики. Она по праву считается одним из крупнейших научных предприятий рубежа XIX–XX вв., в ходе которого задача уточнения размеров земного эллипсоида и величины его сжатия была успешно решена (в соответствии с возможностями, представленными наукой того времени).

Поход русской полярной экспедиции геодезистов вошёл в историю исследований Арктики, составив в ней одну из самых блестящих страниц, а Дуга меридиана Свальбард (Шпицберген) послужила исходной сетью современной картографии Арктики.

1655. Рабочий момент четвёртого сезона экспедиции — измерение базиса у склона горы Гельвальд на восточном берегу о. Западный Шпицберген.
На переднем плане — укреплённый на треноге геодезический прибор, применяемый для измерения расстояния между точками координат географических объектов; рядом — группа изтрёх человек (справа А.С. Васильев, слева двое рабочих).

1651. Пирамида — на вершине плато Агард.

1653.
Хребет Софии в Горнзунде

1657.
[неразборчиво]

Сер. 402 4138
Шк. 36-А

1659.
С [неразборчиво] Гельвальда на восточную часть залива [неразборчиво]

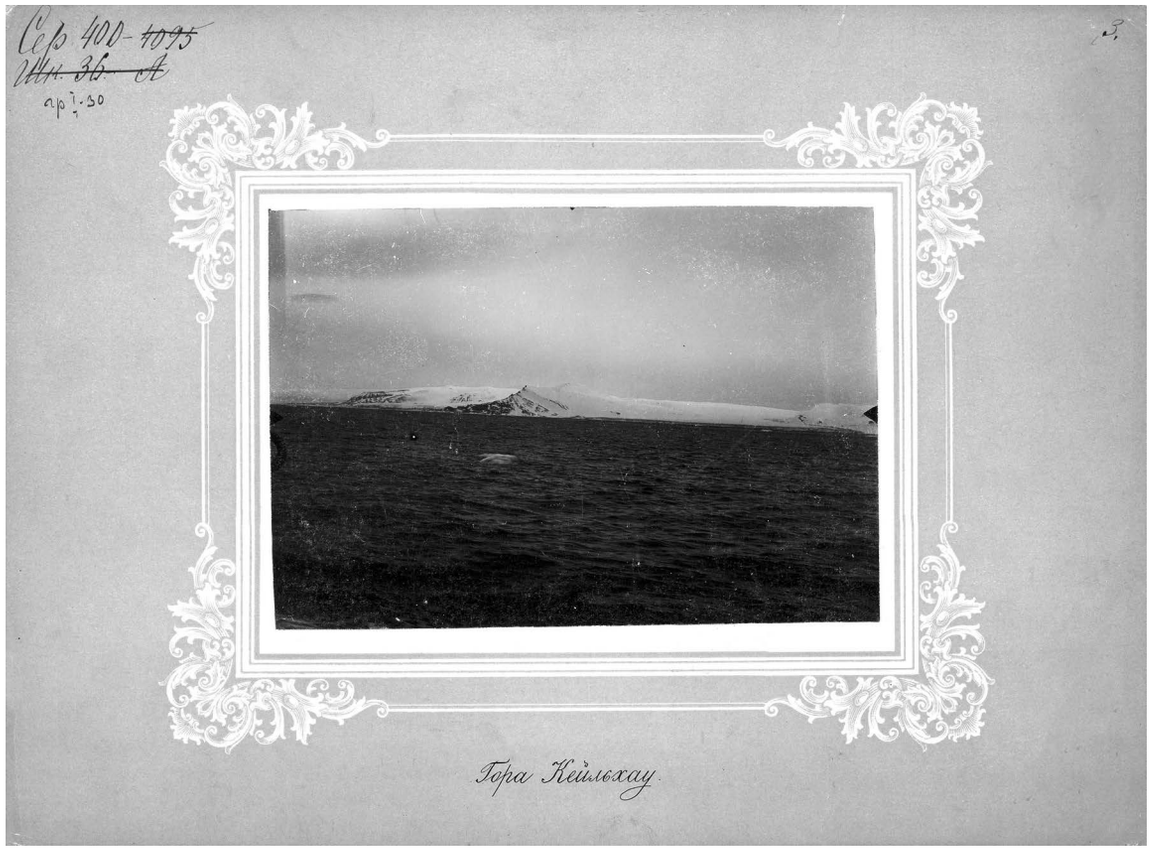
Сер. 402-4141
Шк. 36-А

Берег Шпицбергена

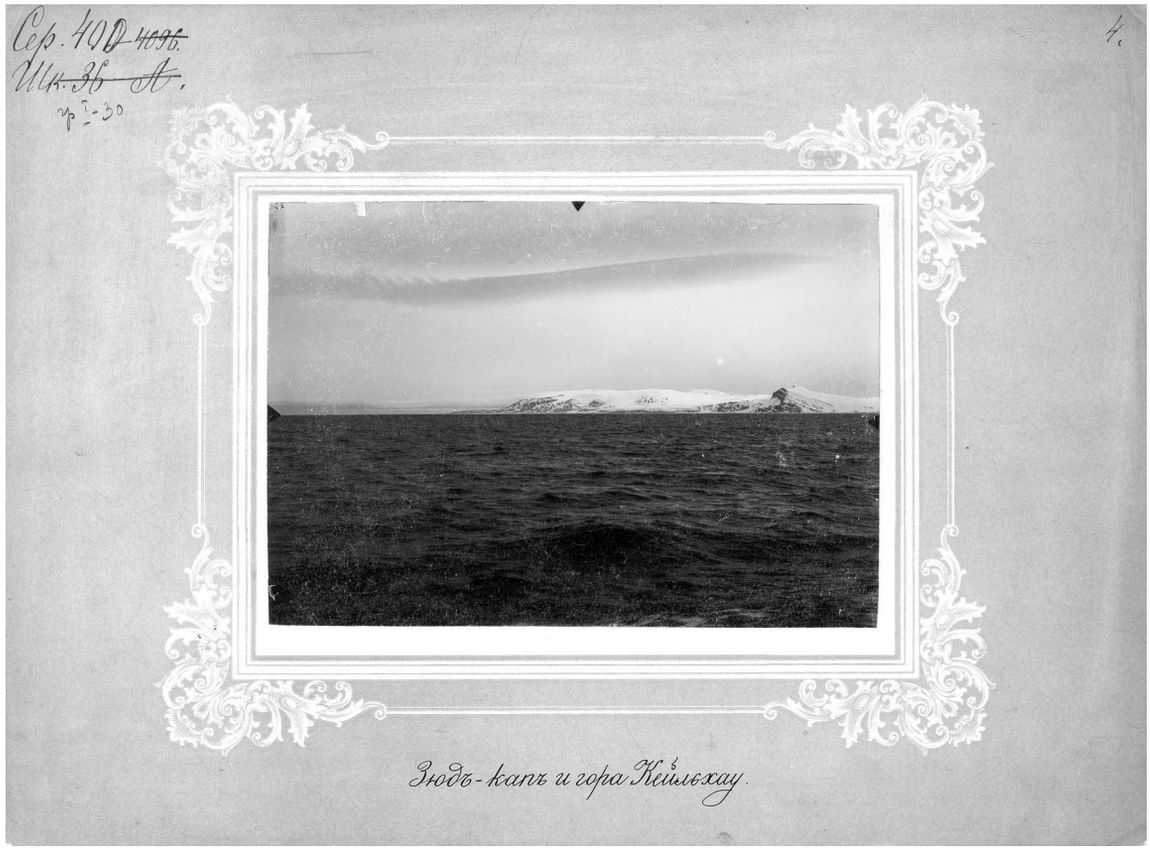
1662.
Сер. 400-4093
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Горнзунд-тинд, высшая гора южного Шпицбергена

1664. Сер. 400-4095
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Гора Кейльхау

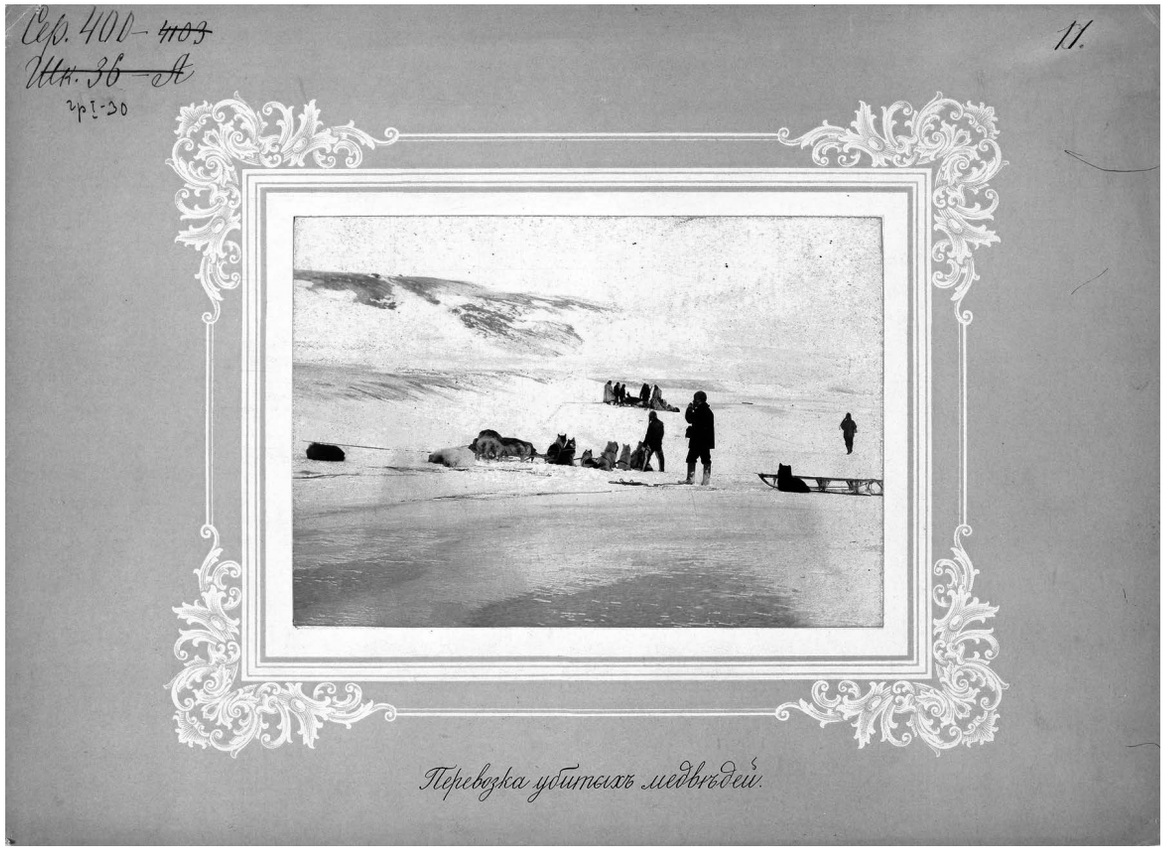
1665. Сер. 400-4096
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Зюд-кап и гора Кейльхау

1666. Сер. 400-4097
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Клас-билен-бай
в Айсфьорде

1670. Сер. 400-4103
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Перевозка убитых медведей

1667. Сер. 400-4098
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Вынос льда из бухты Госс

6.

да изъ бухты Госсъ.

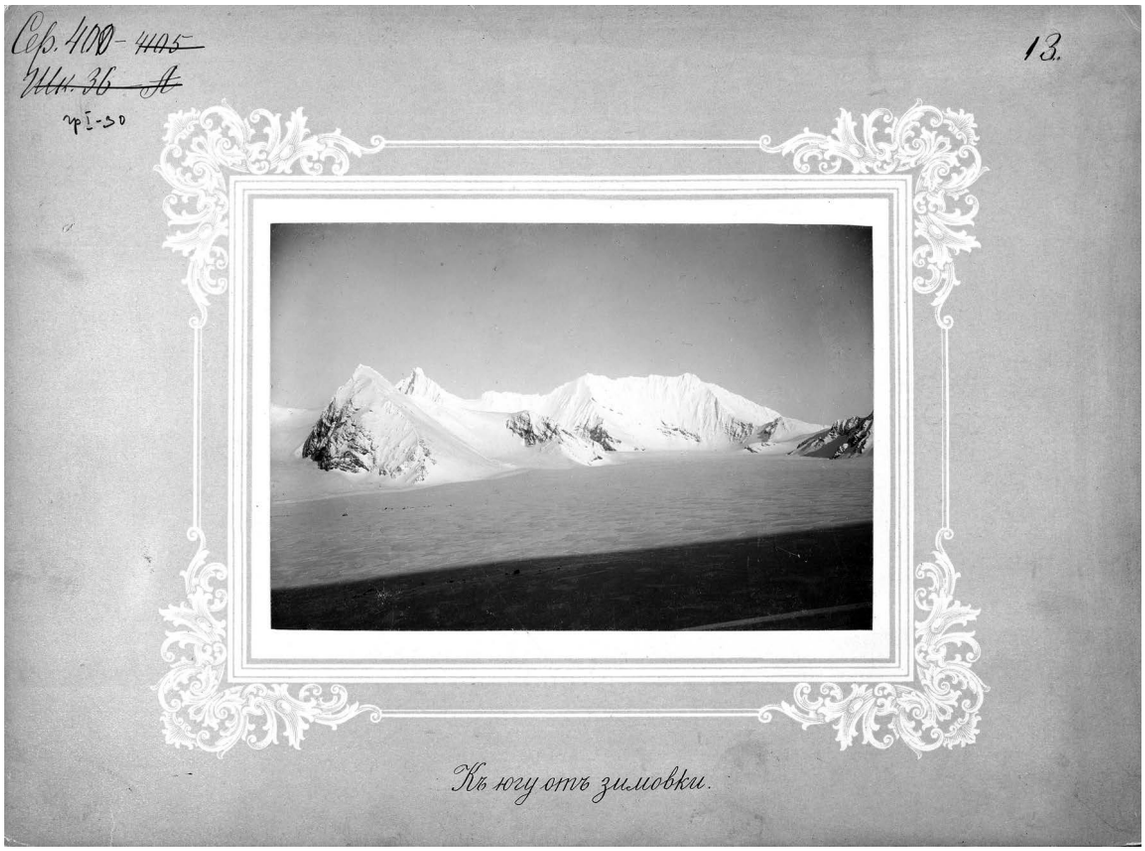
1671. Сер. 400-4102
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Последняя медведица,
убитая 13 мая 1900 года

1672. Сер. 400-4104
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Русская зимовка
после шторма

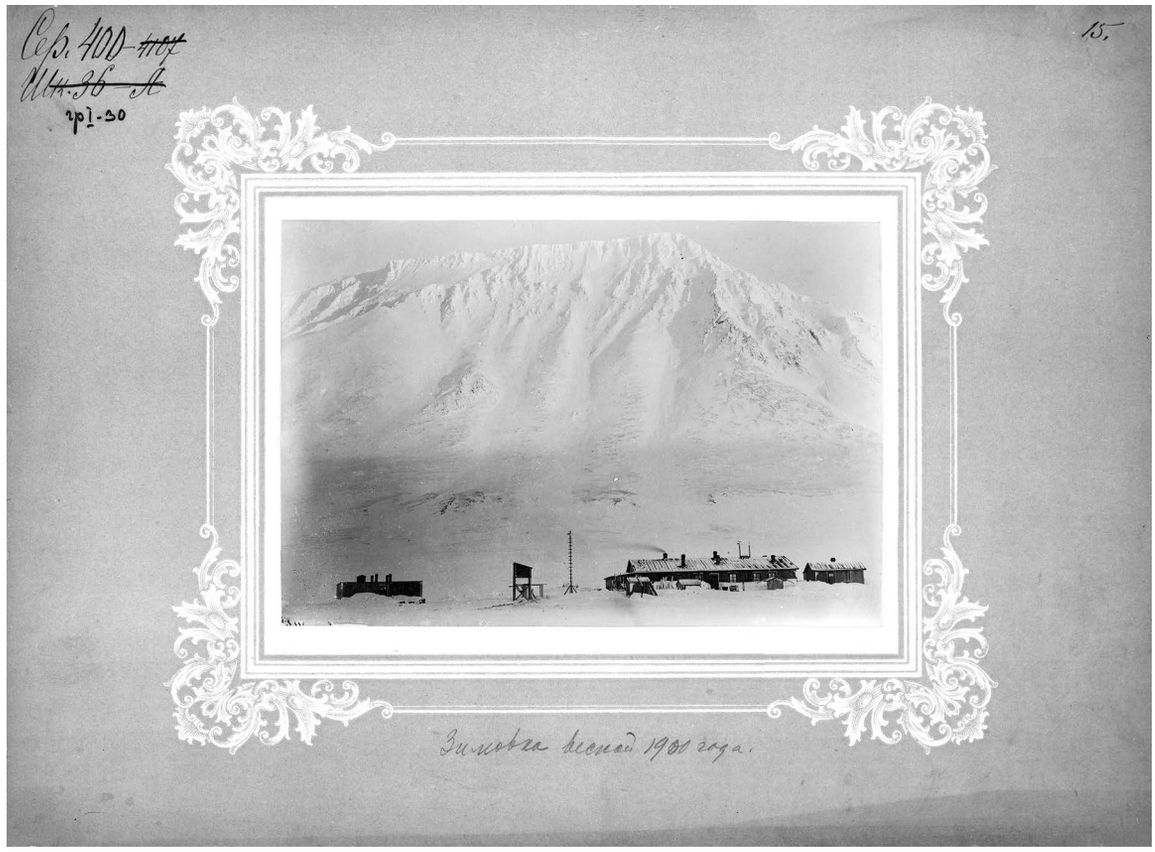
1673. Сер. 400-4105
Шк. 36-А
Гр. I - 30

К югу от зимовки

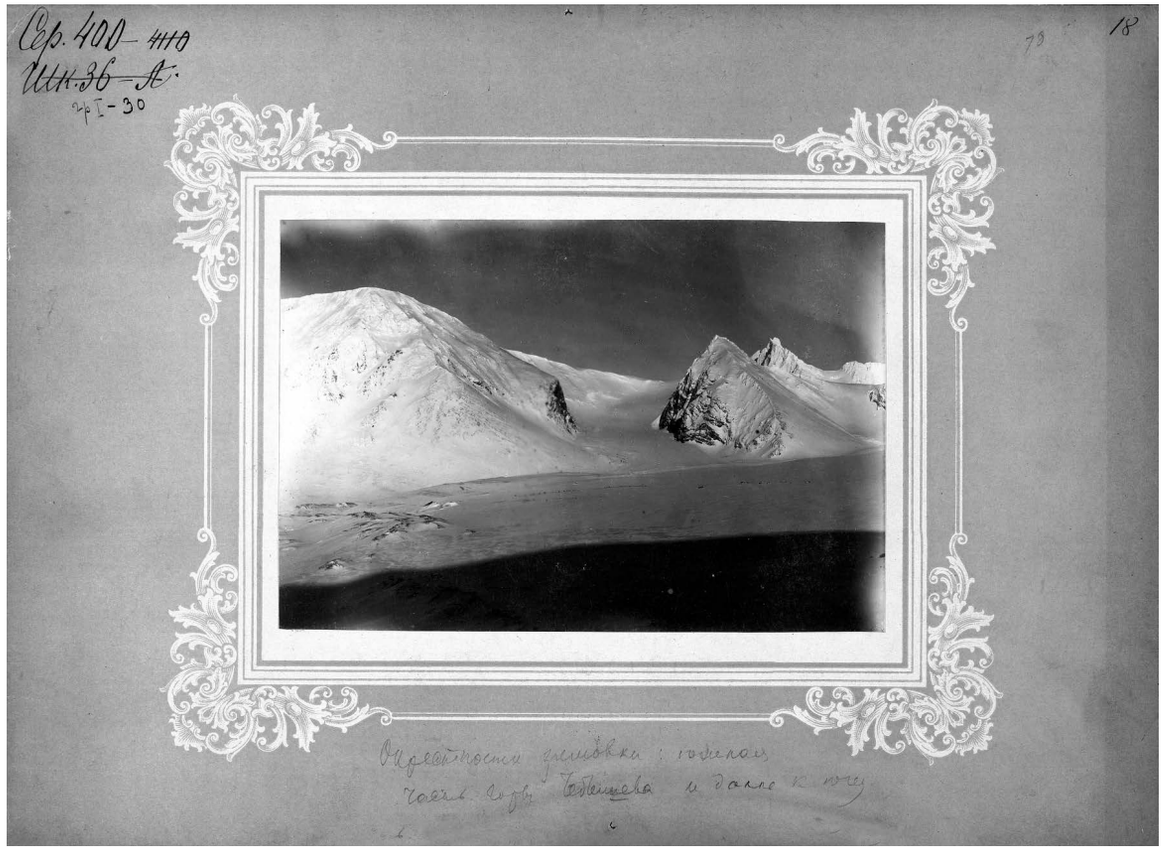
1674. Сер. 400-4106
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Подъем партии Васильева
на ледник к югу от зимовки

1675. Сер. 400-4107
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Зимовка весной 1900 года

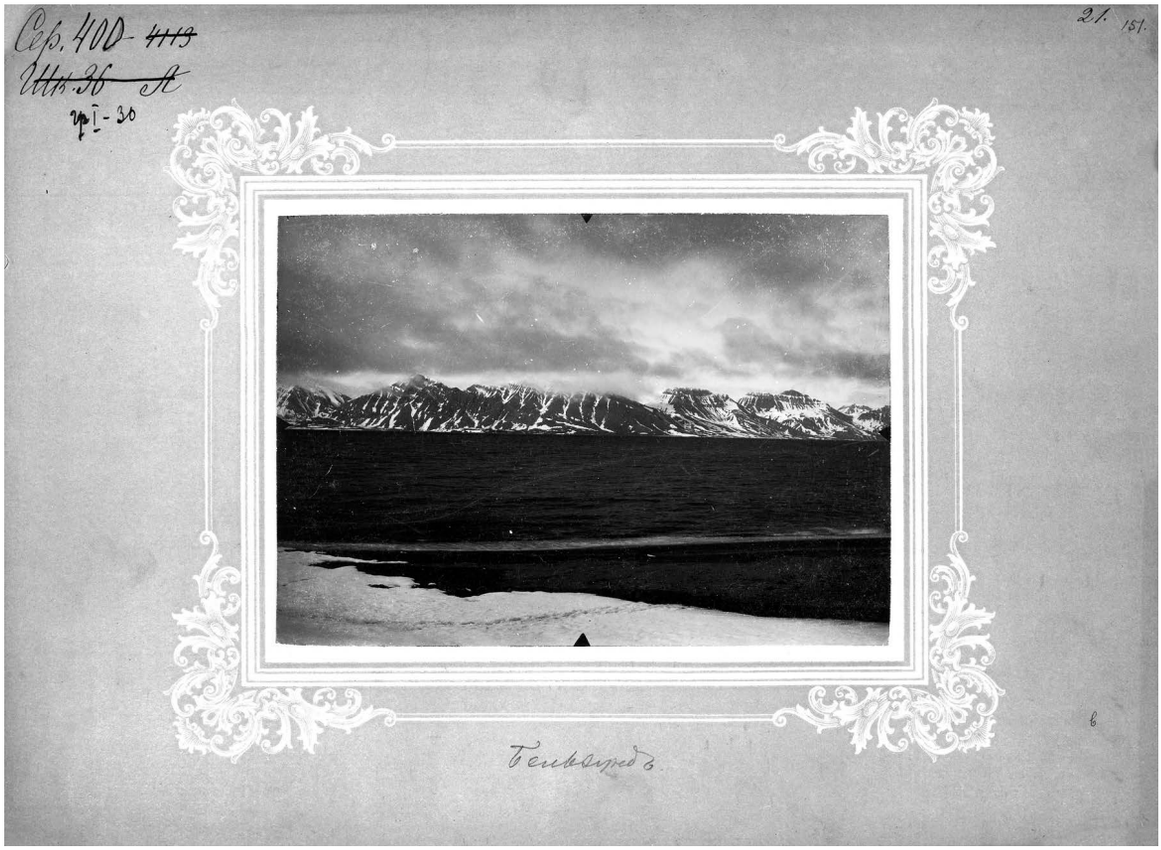
1678. Сер. 400-4110
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Окрестности зимовки:
южная часть горы Чебышева
и далее к югу

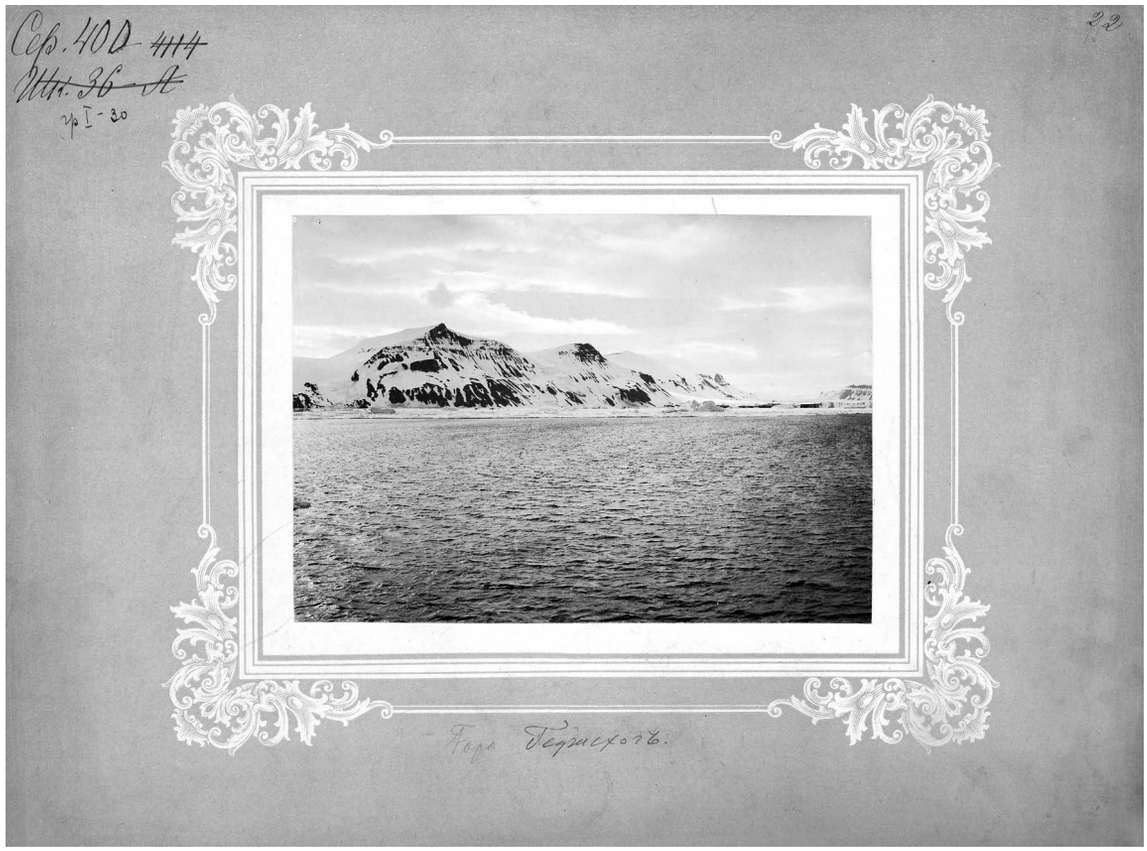
1679. Сер. 400-4111
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бельхунд

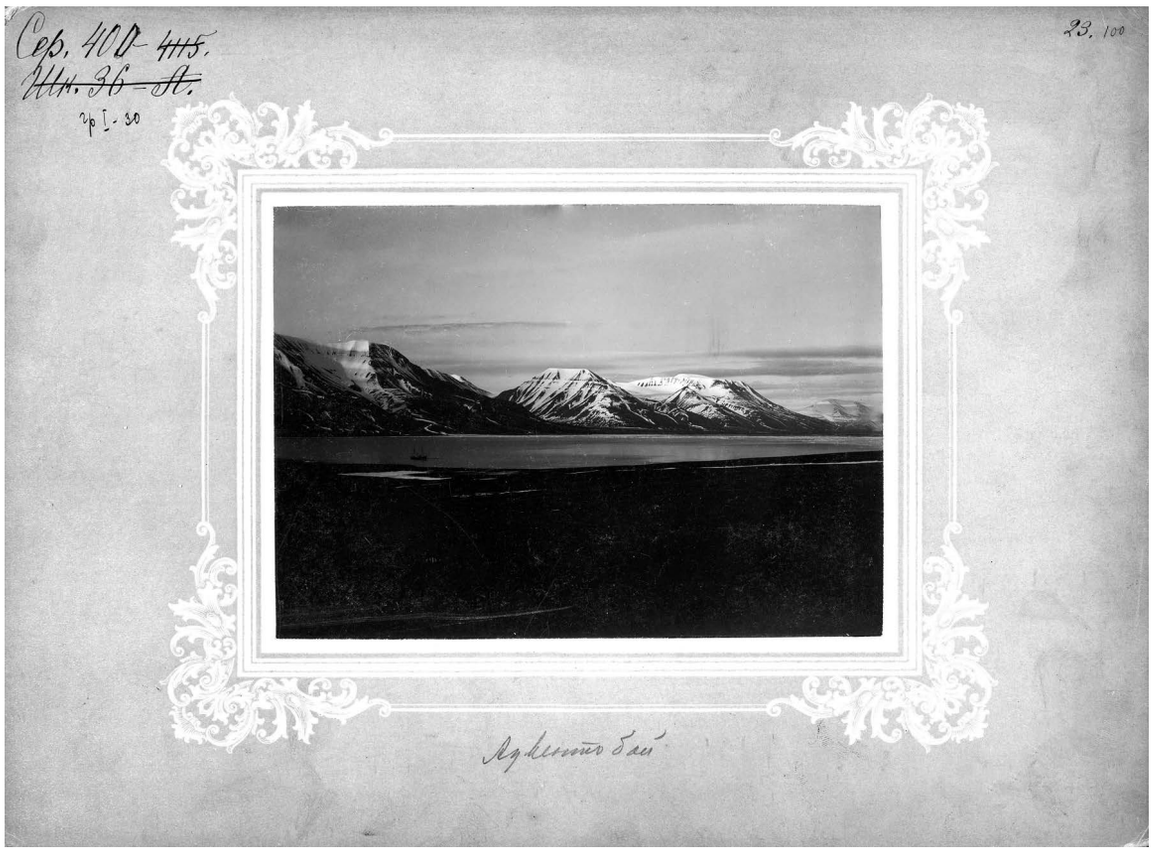
1681. Сер. 400-4113
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бельхунд

1682. Сер. 400-4114
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Гора Геджсхог

1683. Сер. 400-4115
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Адвент бай

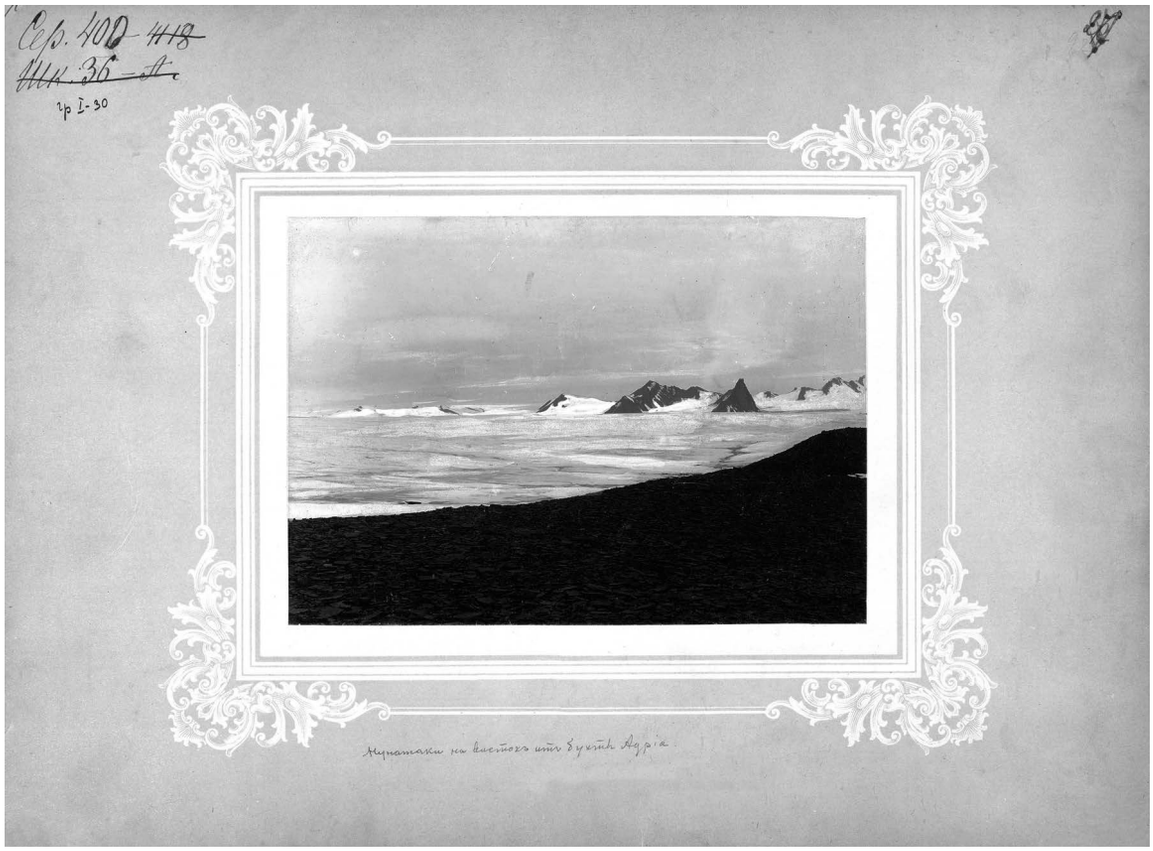
1684. Сер. 400-4116
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Адвент бай

1685. Сер. 400-4118
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Хребет Марии у бухты Ауриа

1686. Нунатаки
на восток от бухты Ауриа.

1687. Сер. 400-4119
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Южный берег Айсугборда

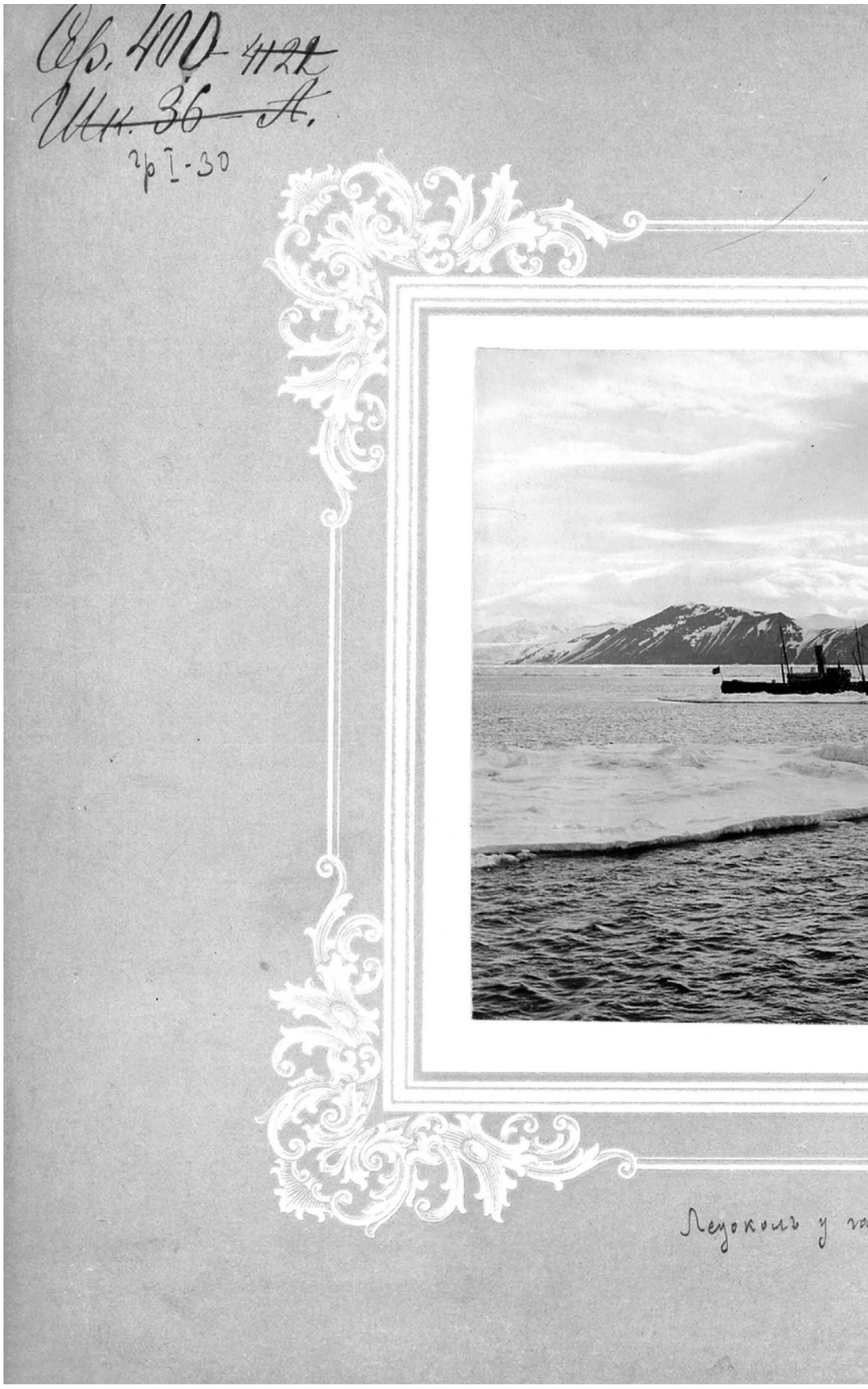
1694. Сер. 401-4128
Шк. 36-А
Гр. I

Ледник Горн и нунатаки цепи Бредихина

1695. Сер. 401-4127
Шк. 36-А

Ледник Горнзундтинда

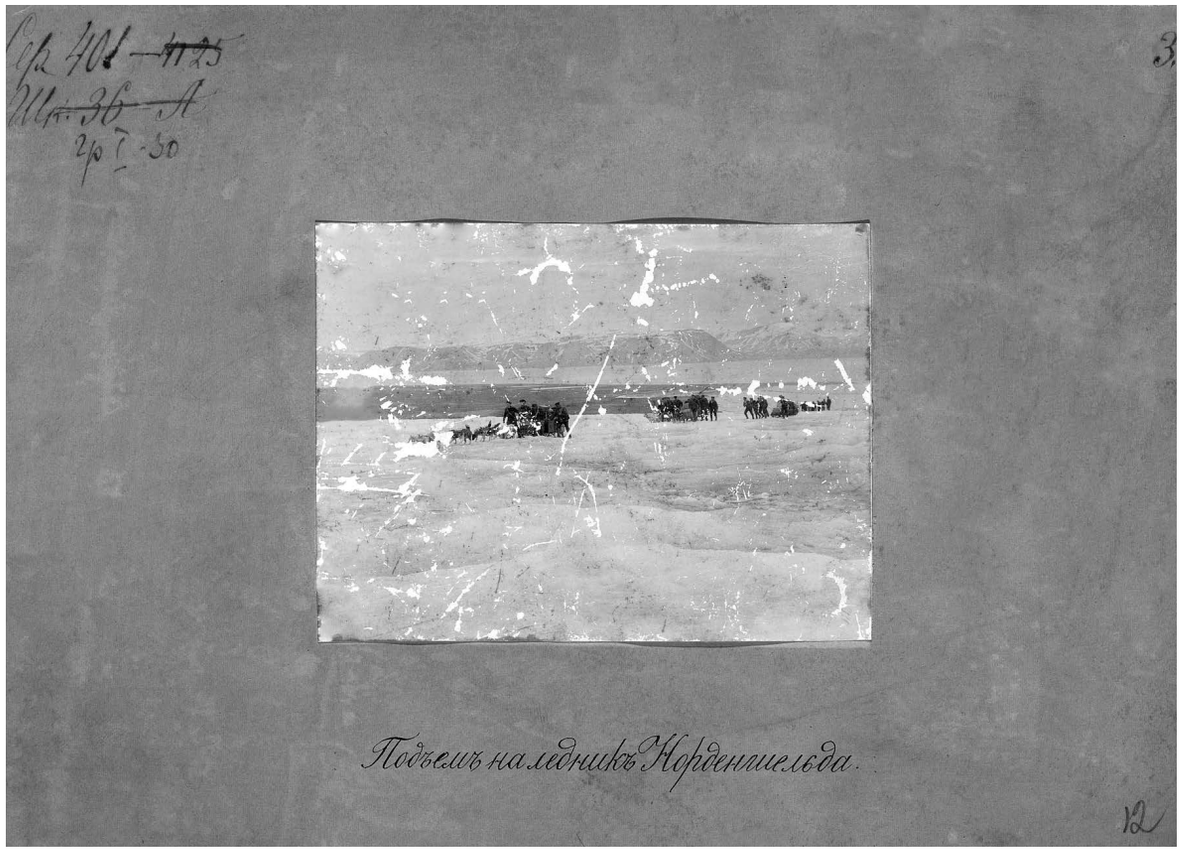

1690. Сер. 400-4122
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Ледокол у гавани «Бетти»

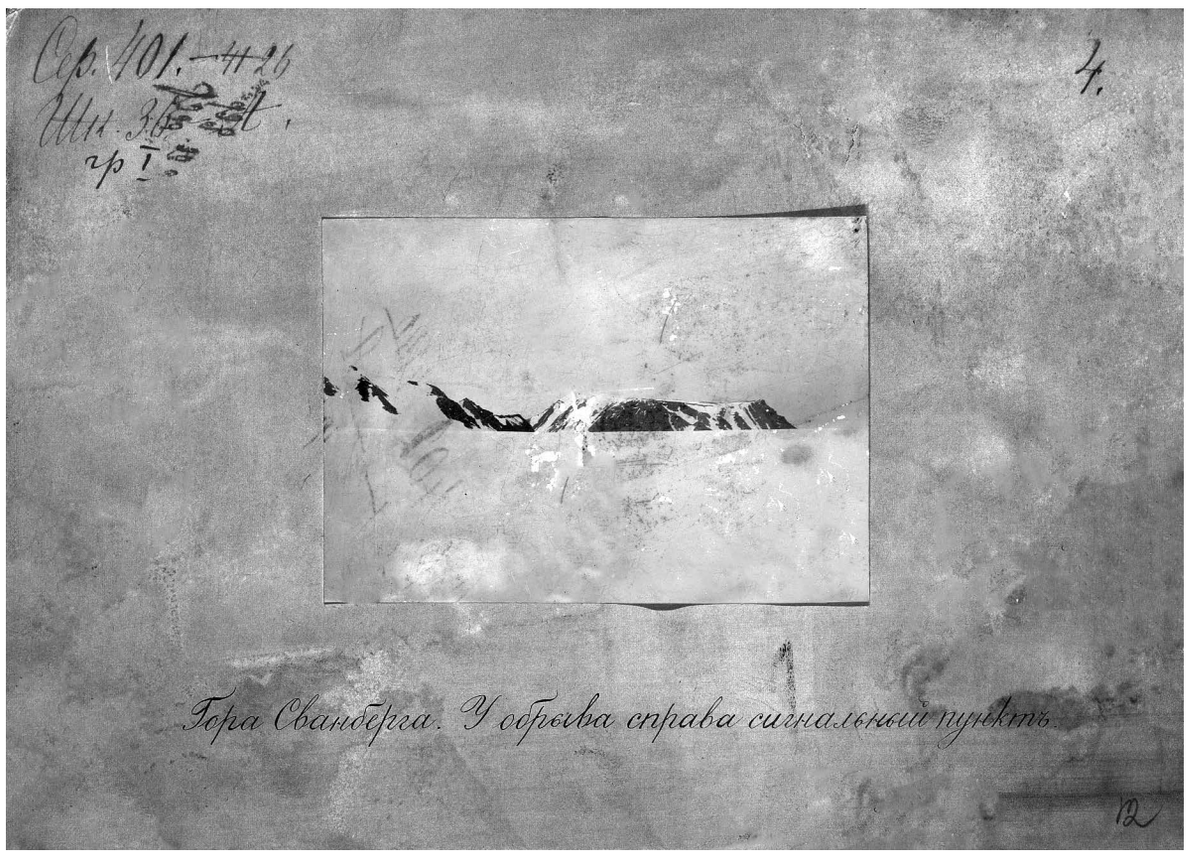

dann „Tessem".

1696. Сер. 401-4125
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Подъем на ледник Норденшельда

1697. Сер. 401-4126
Шк. 36-А
Гр. I

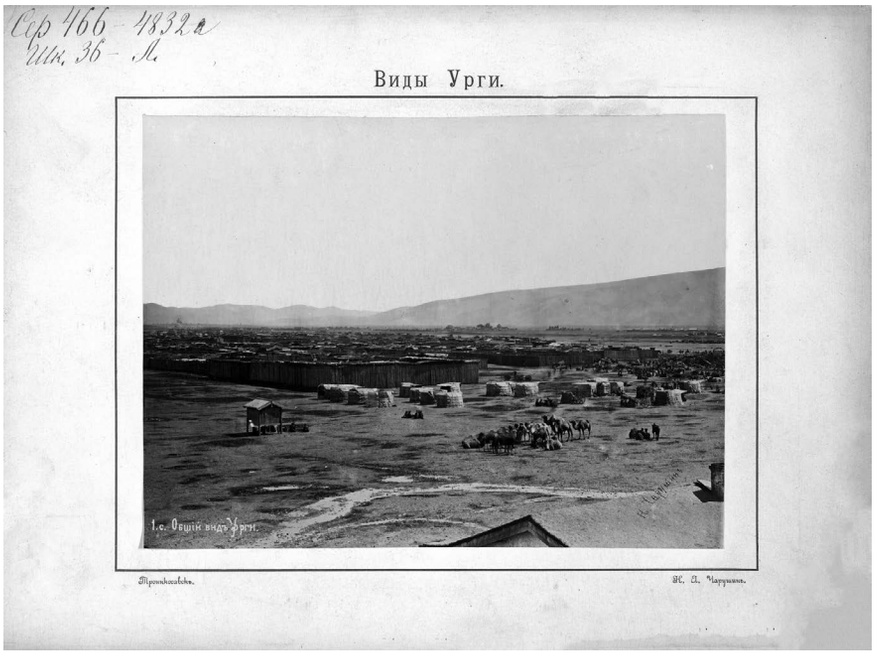
Гора Сванберга. У обрыва справа сигнальный пункт

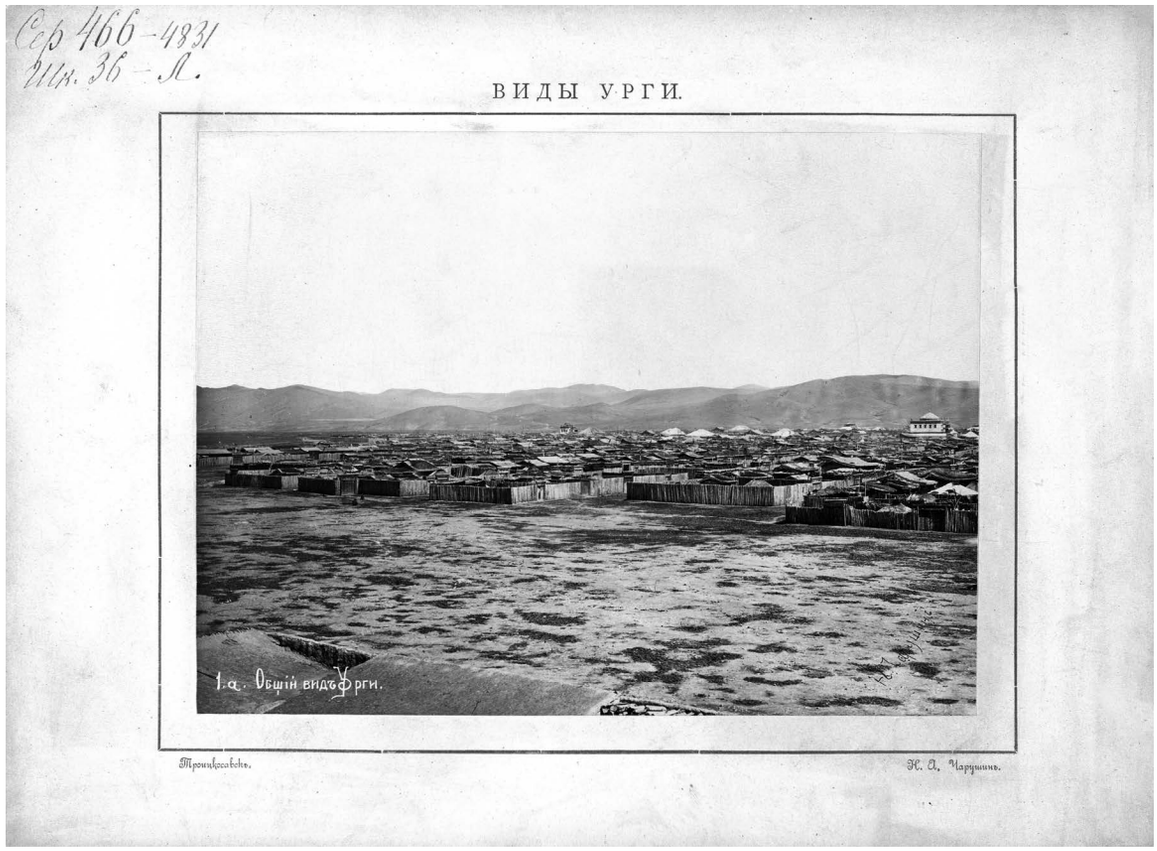
2.4. Экспедиция Г.Н. Потанина в Монголию 1886 г. (фотографии Н.А. Чарушина)

Г.Н. Потанин (1835–1920) — российский исследователь Центральной Азии и Сибири. В 1863–1899 годах (с перерывами) совершил ряд экспедиций: на озеро Зайсан, в горы Тарбагатай, в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет, на Большой Хинган; открыл (совместно с М.В. Певцовым) котловину Больших Озёр. Совместно с женой — А.В. Потаниной (1843–1893) собрал ценные этнографические материалы.

Публикуемые ниже 34 фотографии выполнены Николаем Аполлоновичем Чарушиным (1851–1937) во время экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию в 1886 году. Н.А. Чарушин не был учёным, а известен как общественный и революционный деятель, народник, член БОП (Большого общества пропаганды), позже народный социалист и кадет. Обучался в приходском и уездном училищах, в гимназии, в Петербургском технологическом институте, где сблизился с членами кружка «чайковцев». Вёл пропаганду среди рабочих Петербурга и Вятки. Женился на А.Д. Кувшинской. В 1874 г. арестован, заключён в секретную камеру Литовского замка, затем в Петропавловскую крепость. Имел лишь одно свидание с братом в течение более чем трёхлетнего заключения. Приговорен к 9 годам каторги. По дороге на каторгу заболел тифом, в Иркутскую тюрьму привезён в бессознательном состоянии. После выздоровления отправлен вместе с женой в Нижнекарийскую тюрьму. Весной 1879 г. вышел в вольную команду, табельщик горного ведомства. Жена Чарушина работала в лазарете помощницей. После отмены 01.01.1881 вольной команды вернулся в тюрьму, где принимал участие в издании журналов «Кара», «Кара и Кукиш», в устройстве концертов. В апреле 1881 г. вышел на поселение, вместе с женой и дочерью, родившейся на Каре, жил и работал в приисковой конторе Давендинского прииска. Через год переселился в Нерчинск, где занимался обучением детей и фотографией. В 1886 г. переехал с семьей в Троицкосавск, основал фотографию. Совместно с И.И. Поповым, А.М. Лушниковым, С.Г. Стахевичем и другими ссыльными открыл библиотеку, этнографический музей и отделение РГО. В 1888 г. участвовал в экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию в качестве фотографа. Из этой экспедиции он привез богатую фотографическую коллекцию этнографического содержания. В августе 1895 г. по разрешению властей выбыл в Вятку, где и прожил остаток жизни. Н.А. Чарушников написал книгу воспоминаний [Чарушин, 1926], которая является бесценным источником сведений об истории революционного движения в России.

2757. Общий вид Урги
Н.А. Чарушин

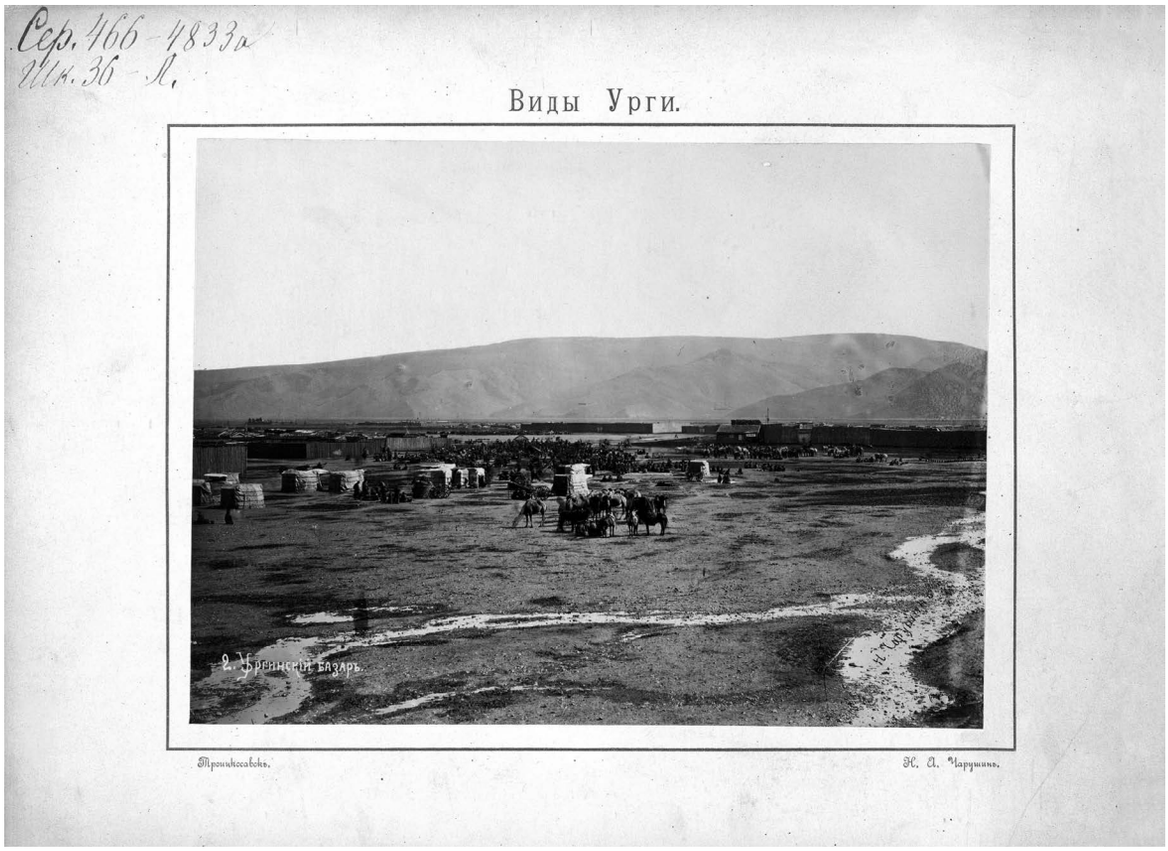
2758. Общий вид Урги

Н.А. Чарушин

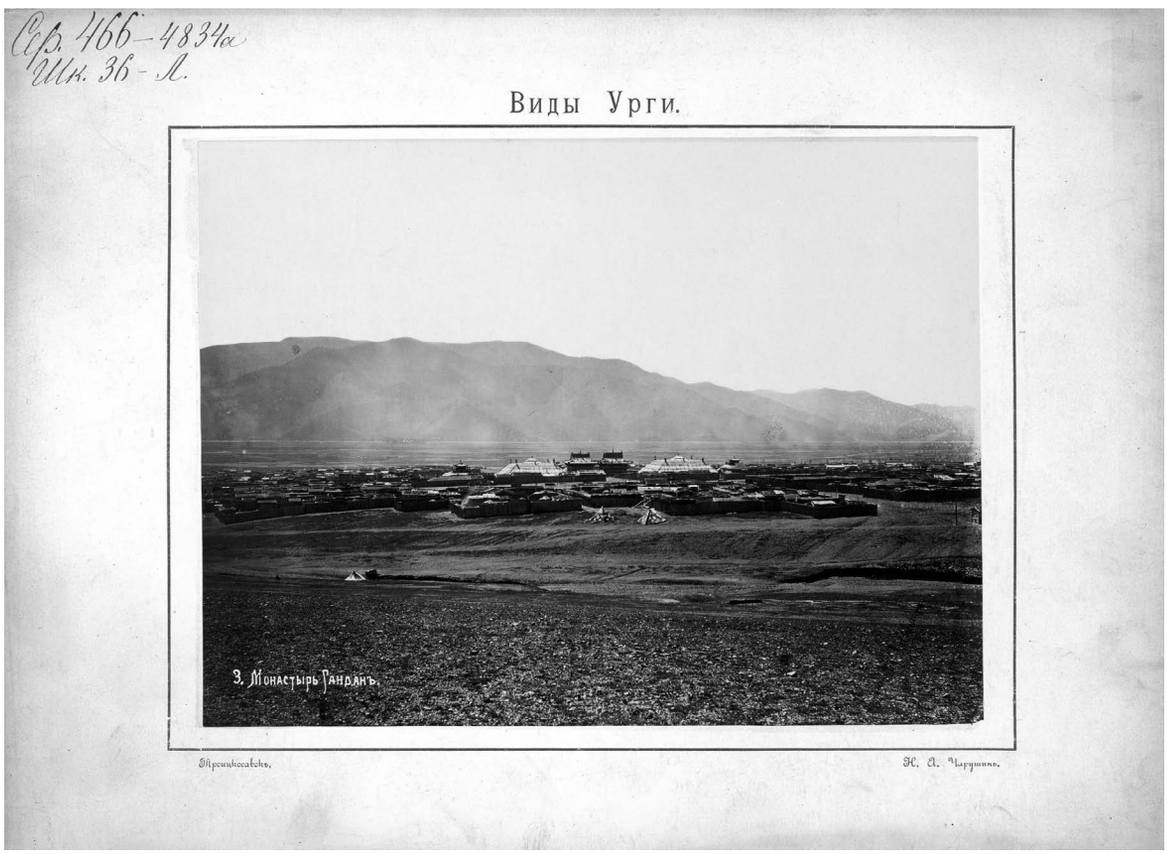
2759. Общий вид Урги

Н.А. Чарушин

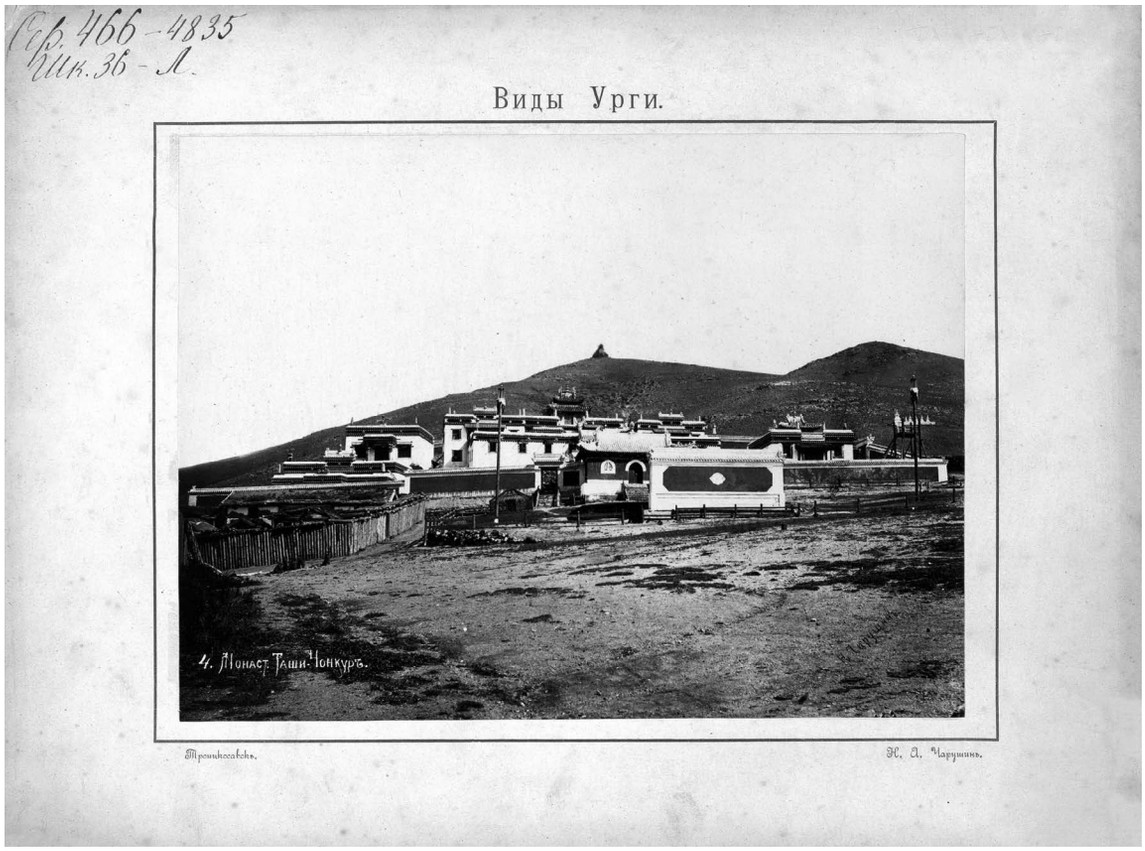
2760. Ургинский базар

Н.А. Чарушин

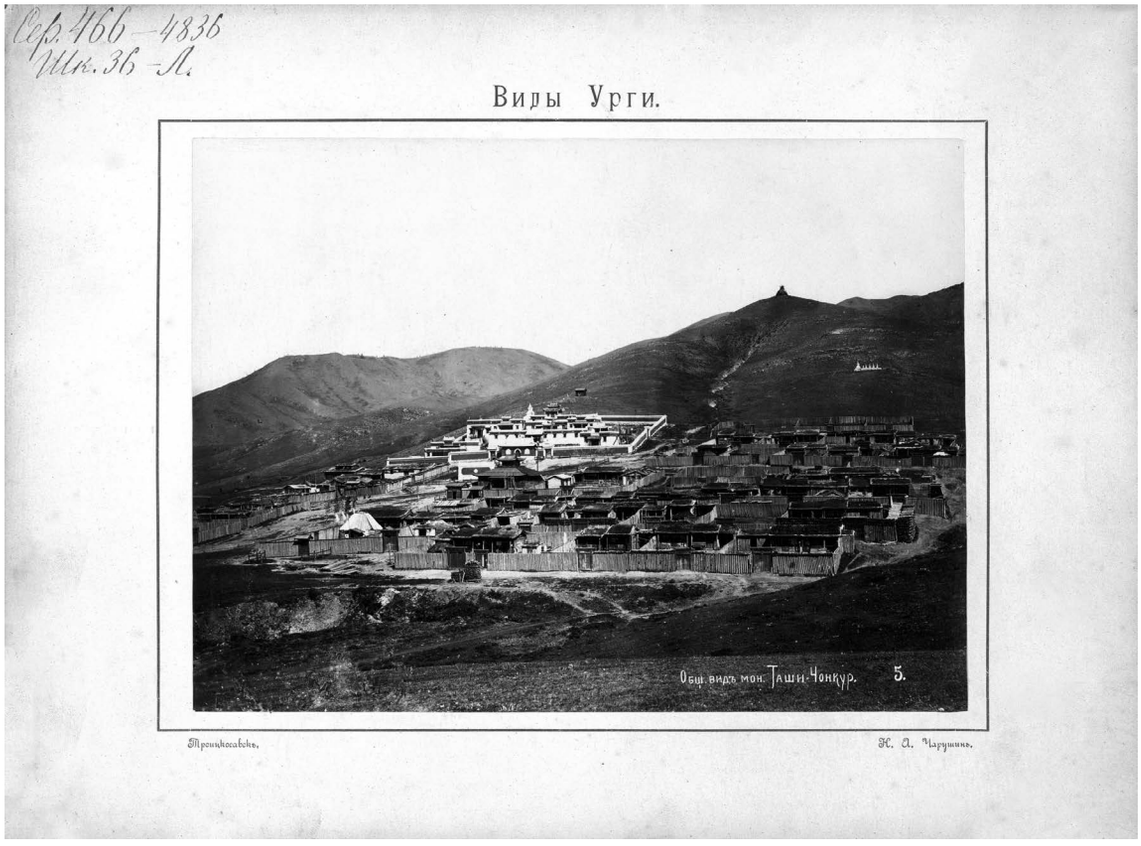
2763. Монастырь Гандан

Н.А. Чарушин

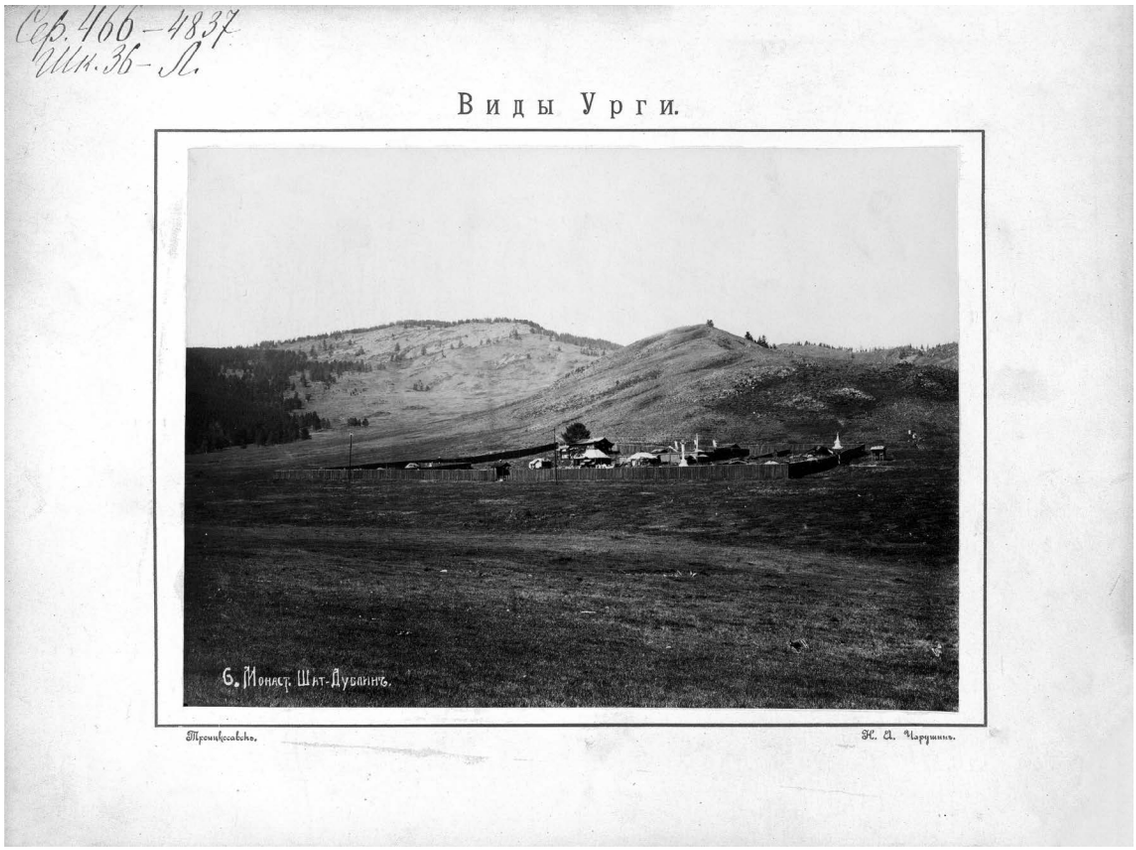
2766.
Монастырь Таши-Чонкур

Н.А. Чарушин

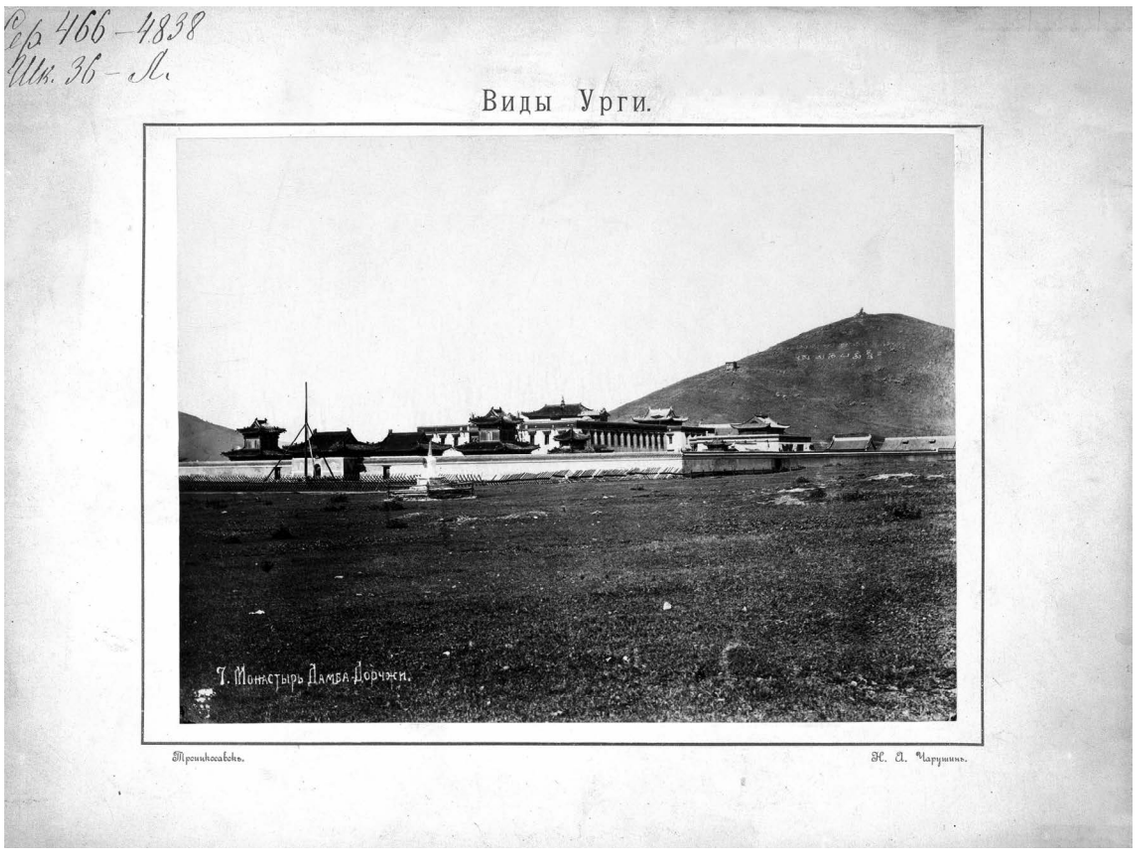
2768.
Общий вид монастыря
Таши-Чонкур

Н.А. Чарушин

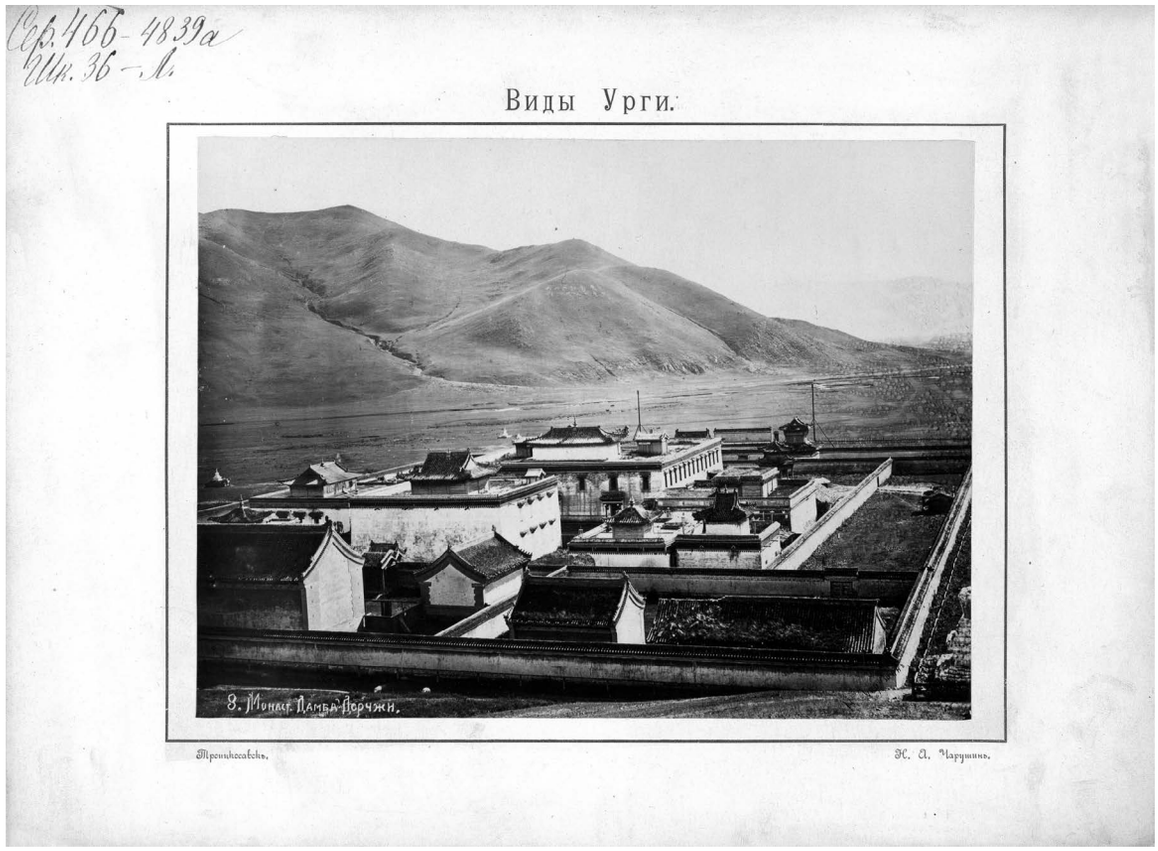
2769.
Монастырь Шат-Дуслин

Н.А. Чарушин

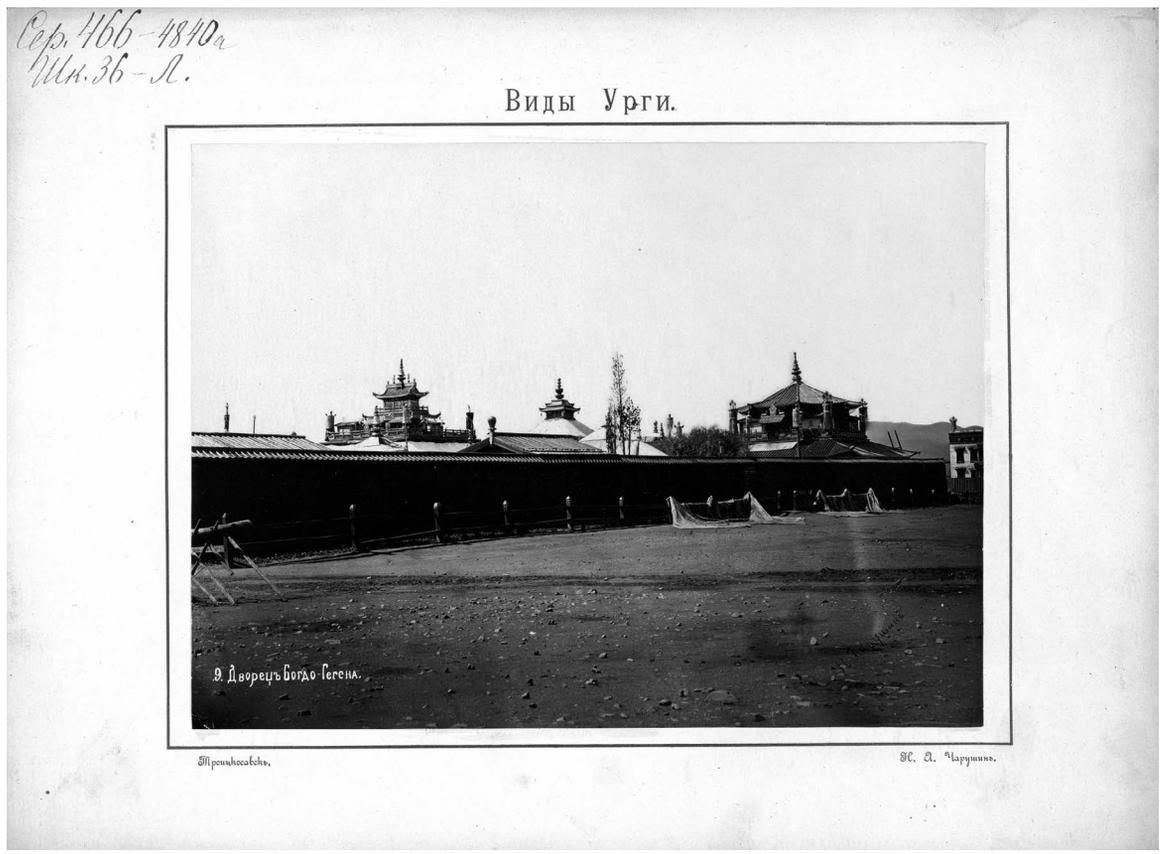
2770.
Монастырь Дамба-Дорчжи

Н.А. Чарушин

2771.
Монастырь Дамба-Дорчжи

Н.А. Чарушин

2774.
Дворец Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

2776.
Дворец Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

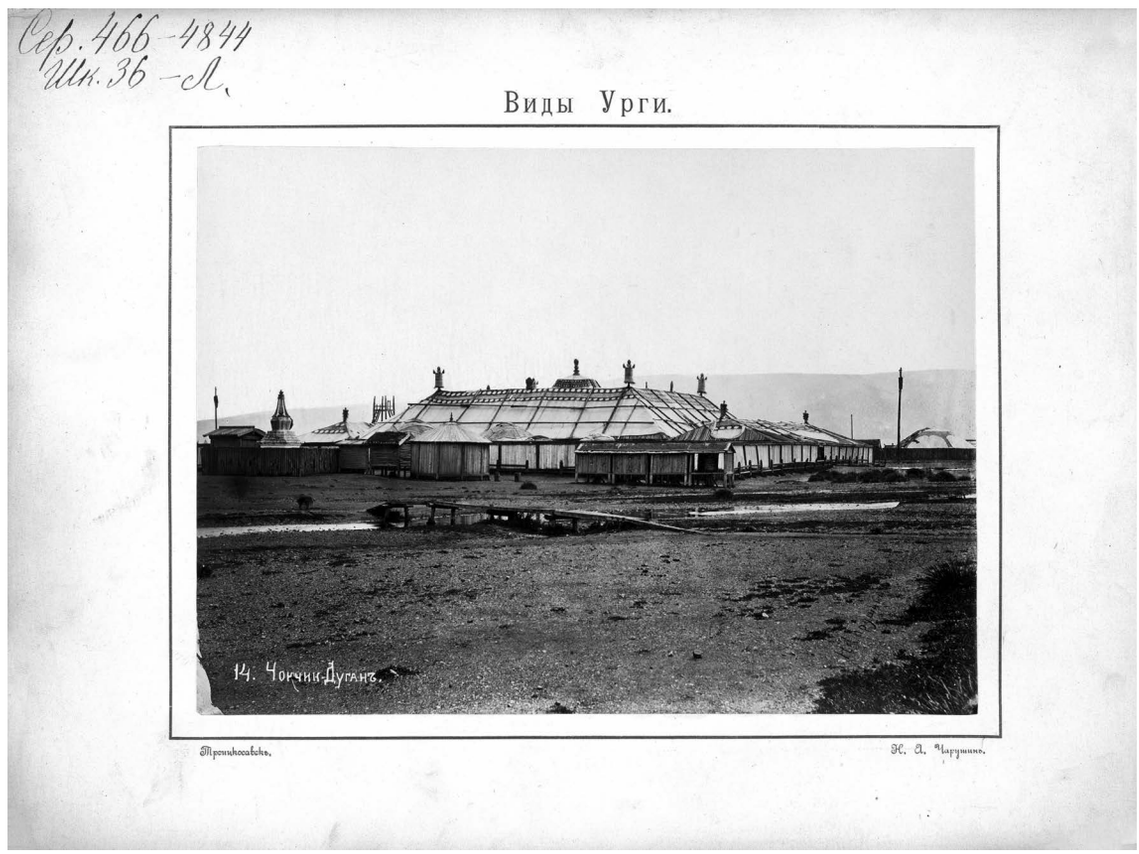
2778.
Летняя резиденция Б. Гегена

Н.А. Чарушин

2780.
Голын-Суме

Н.А. Чарушин

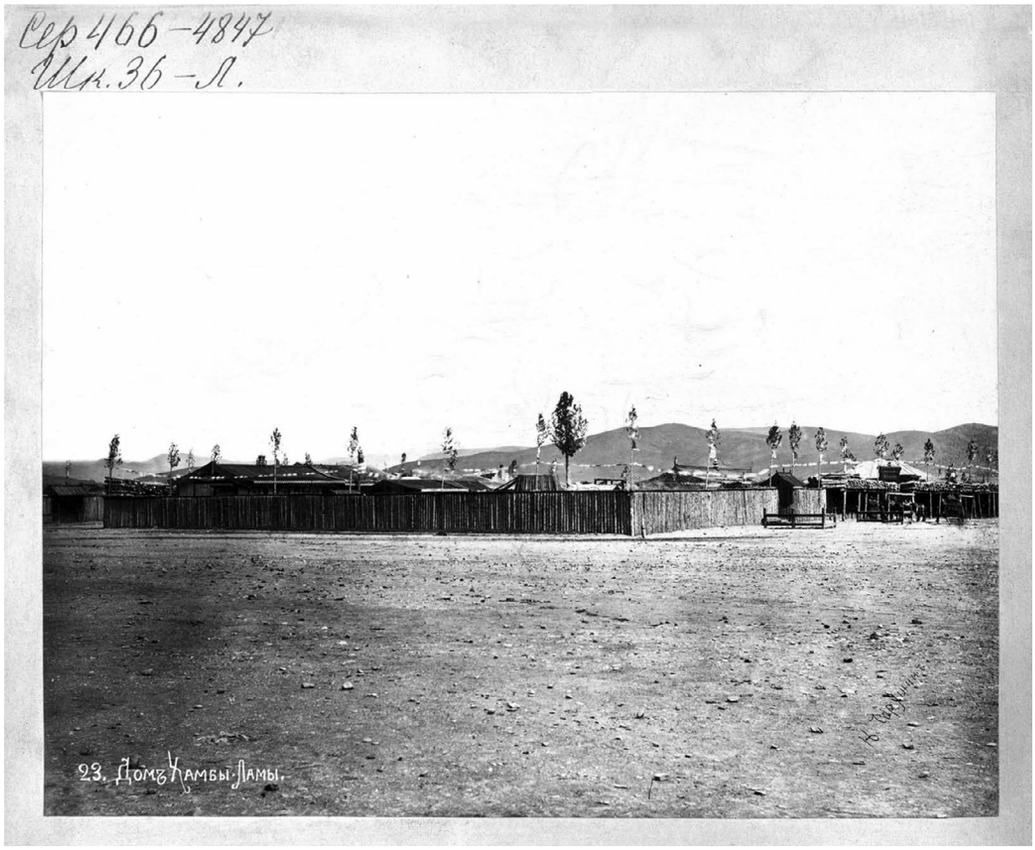
2782.
Чокчик-Дуган

Н.А. Чарушин

2783.
Сангай-Сумэ (Кумирия)

Н.А. Чарушин

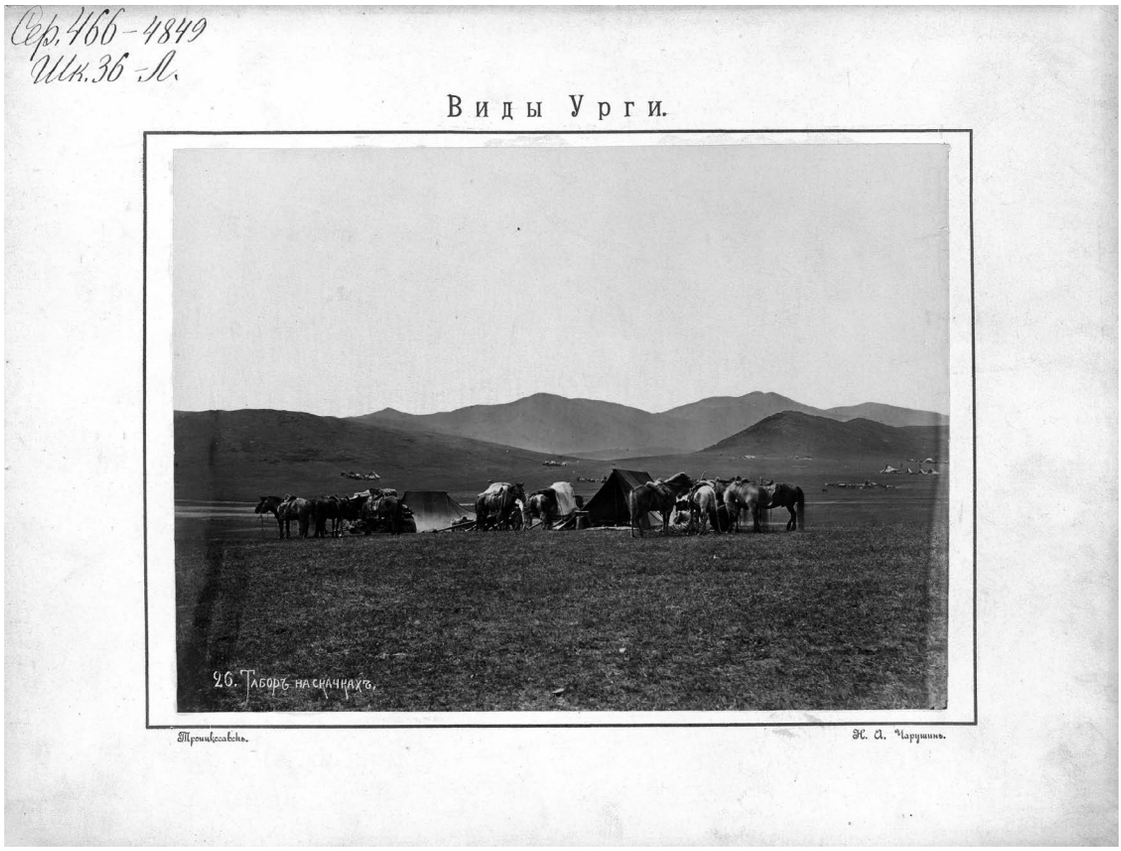
2785.
Дом Хамбы-Ламы

Н.А. Чарушин

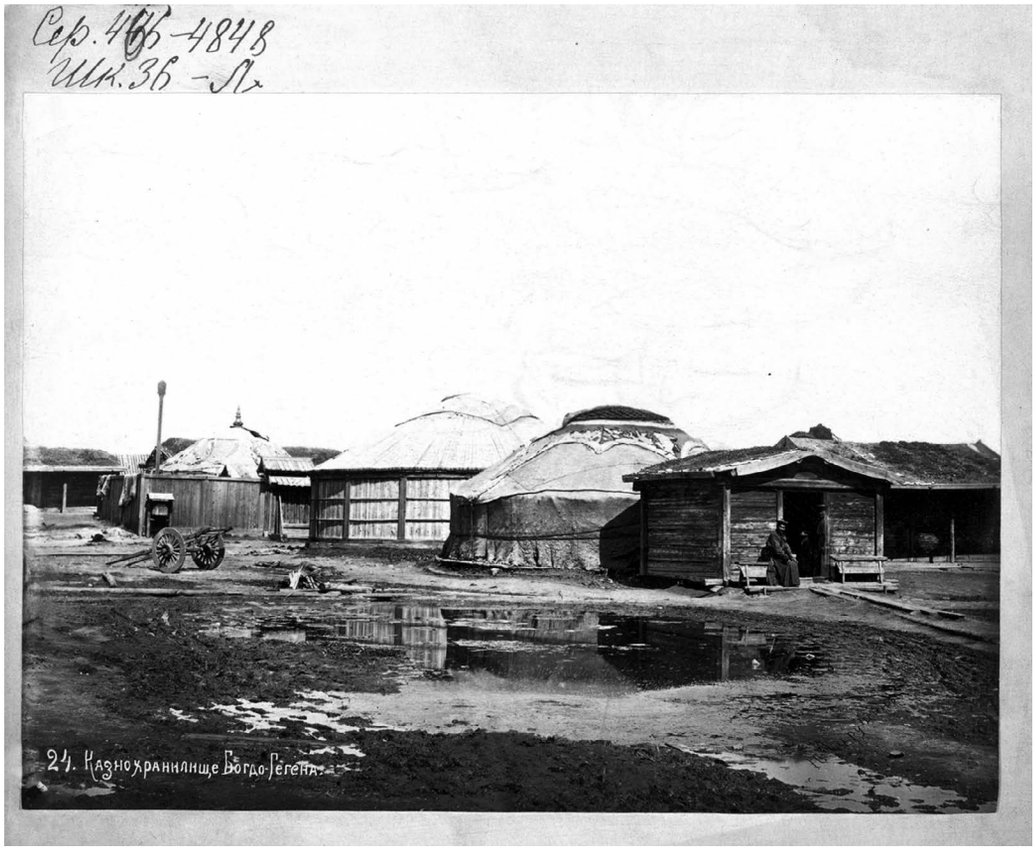
2784. Ямпай. Почётные ворота

Н.А. Чарушин

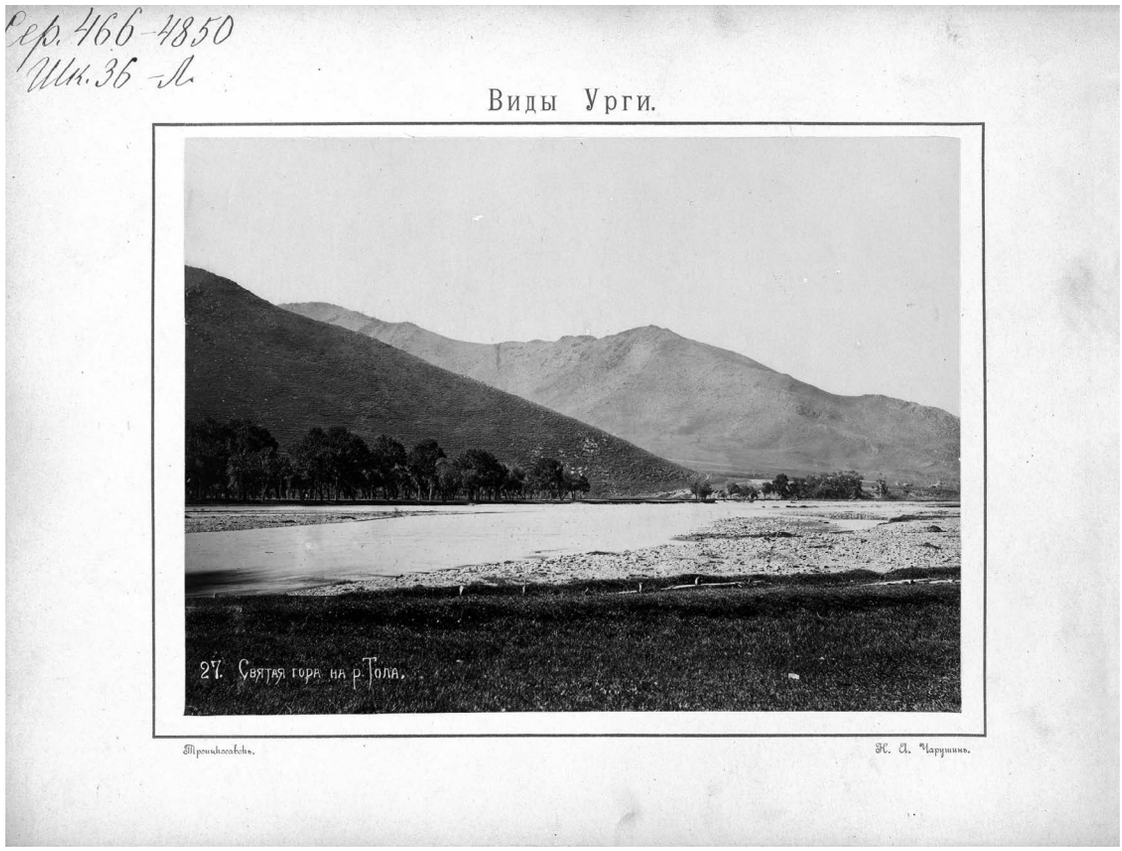
2787.
Табор на скачках

Н.А. Чарушин

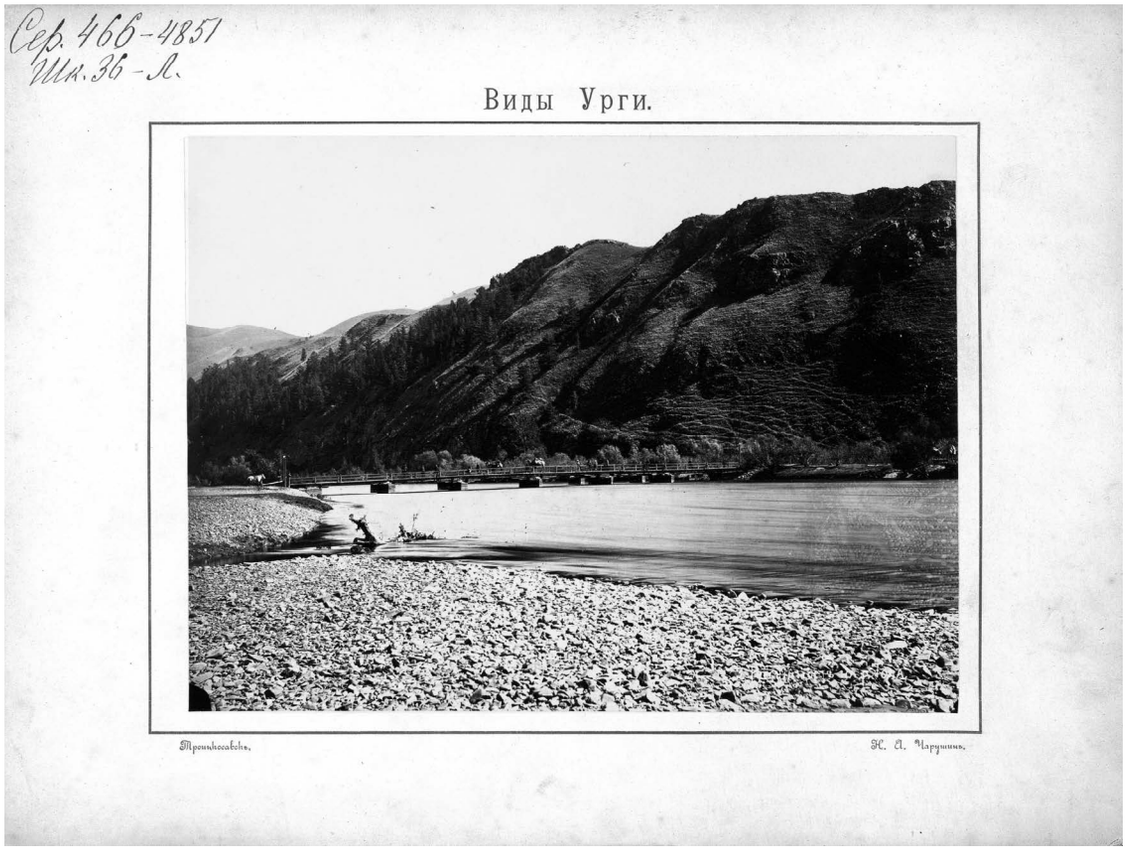
2786.
Казнохранилище
Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

2788.
Святая гора на р. Тола

Н.А. Чарушин

2789.
Русский мост на р. Тола

Н.А. Чарушин

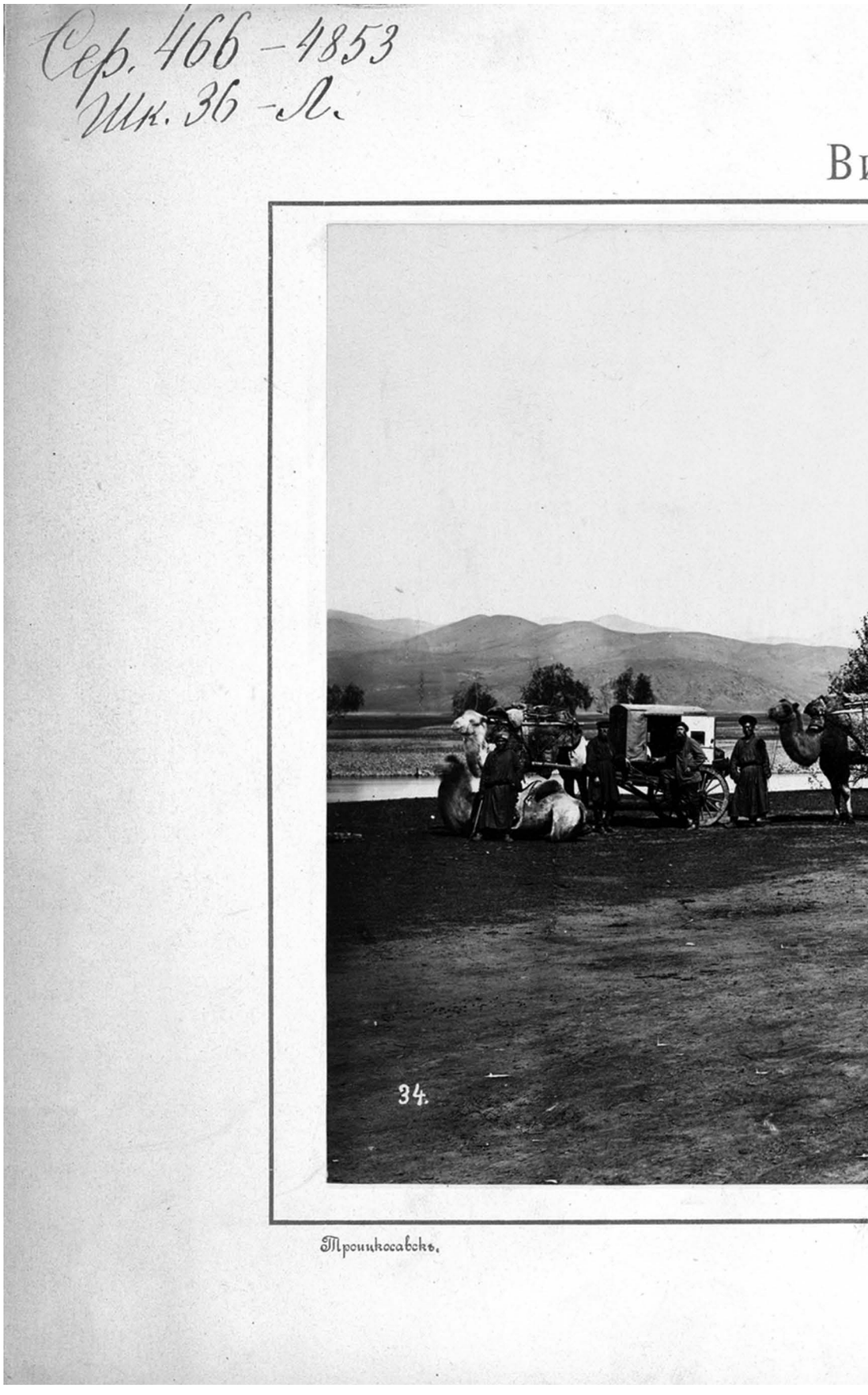
2790.
Дом купца Воробьева

Н.А. Чарушин

2792.
Русское консульство

Н.А. Чарушин

2791.
Караван прибыл на ярмарку

иды Урги.

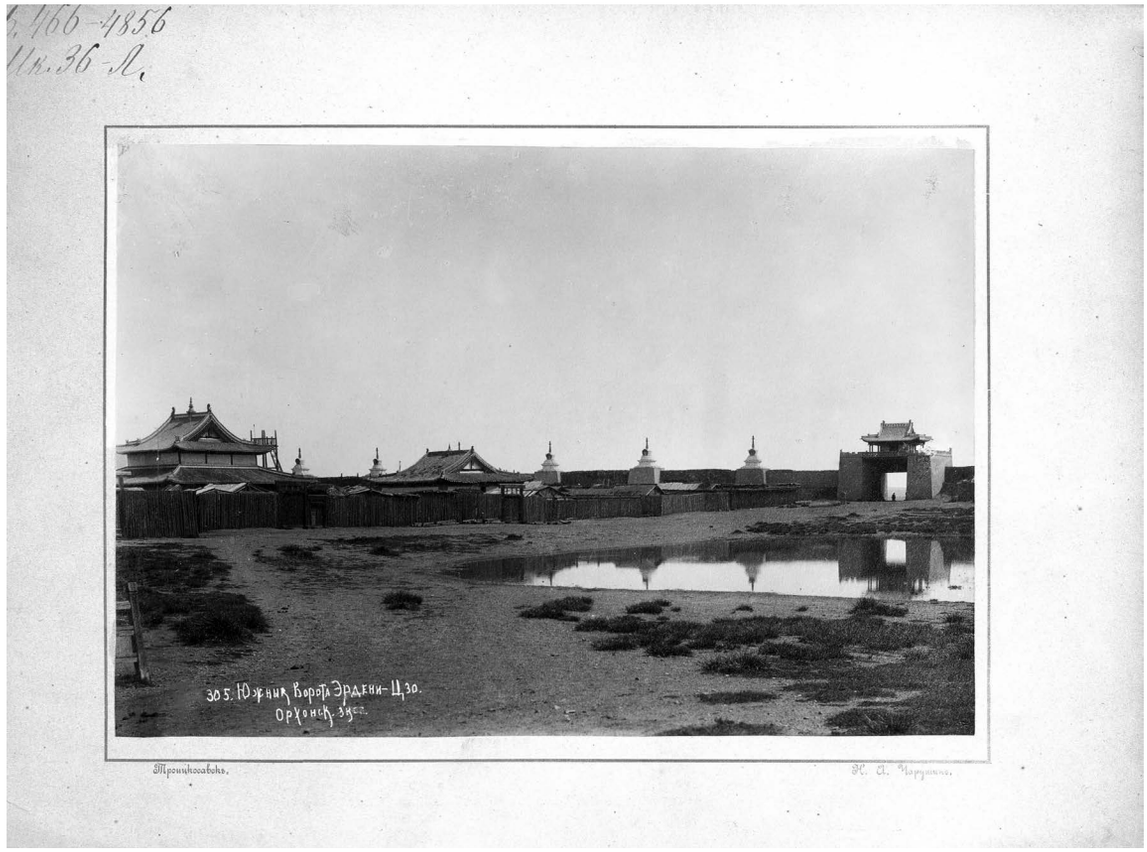

Н. А. Чарушинъ.

2793. Развалины
Цаган-Галгасуна на Толе.
Орхонская экспедиция

Н.А. Чарушин

2794.
Южные ворота Эрдени-Цзо.
Орхонская экспедиция

Н.А. Чарушин

2796. Кумирия врачей

Н.А. Чарушин

2797.
Усыпальница Гегенов в Гандане

Н.А. Чарушин

2798. Субурганы у Гандана

Н.А. Чарушин

2799. Хурдэ молитв. мельница

Н.А. Чарушин

2800. Котлы для варки чая

Н.А. Чарушин

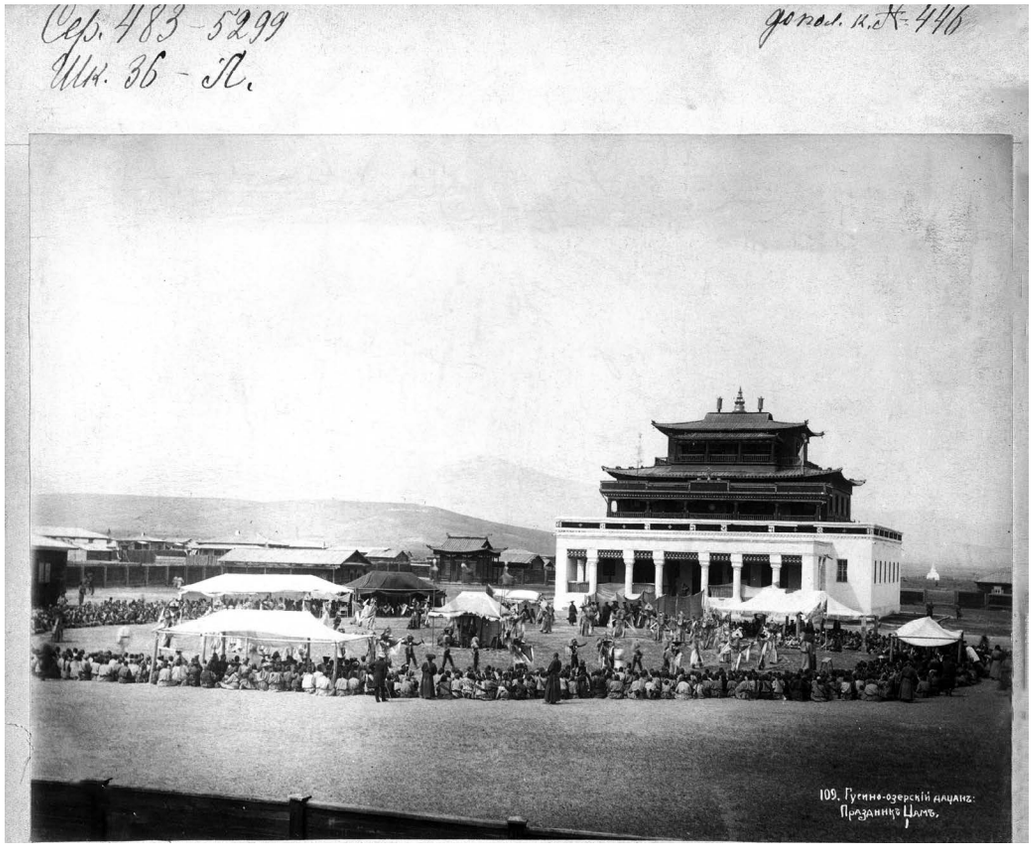
2801. Внутренность чайн. склада

Н.А. Чарушин

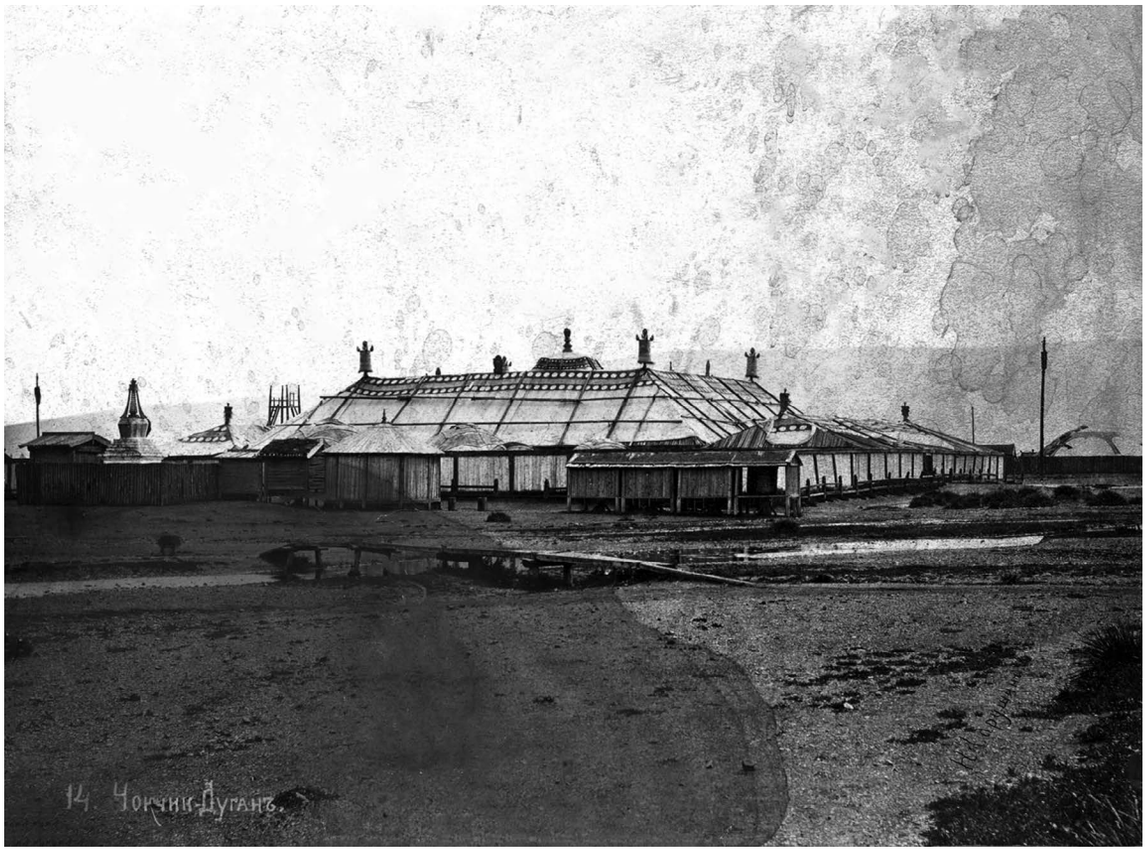
2802. Гусино-озерский дацан

Н.А. Чарушин

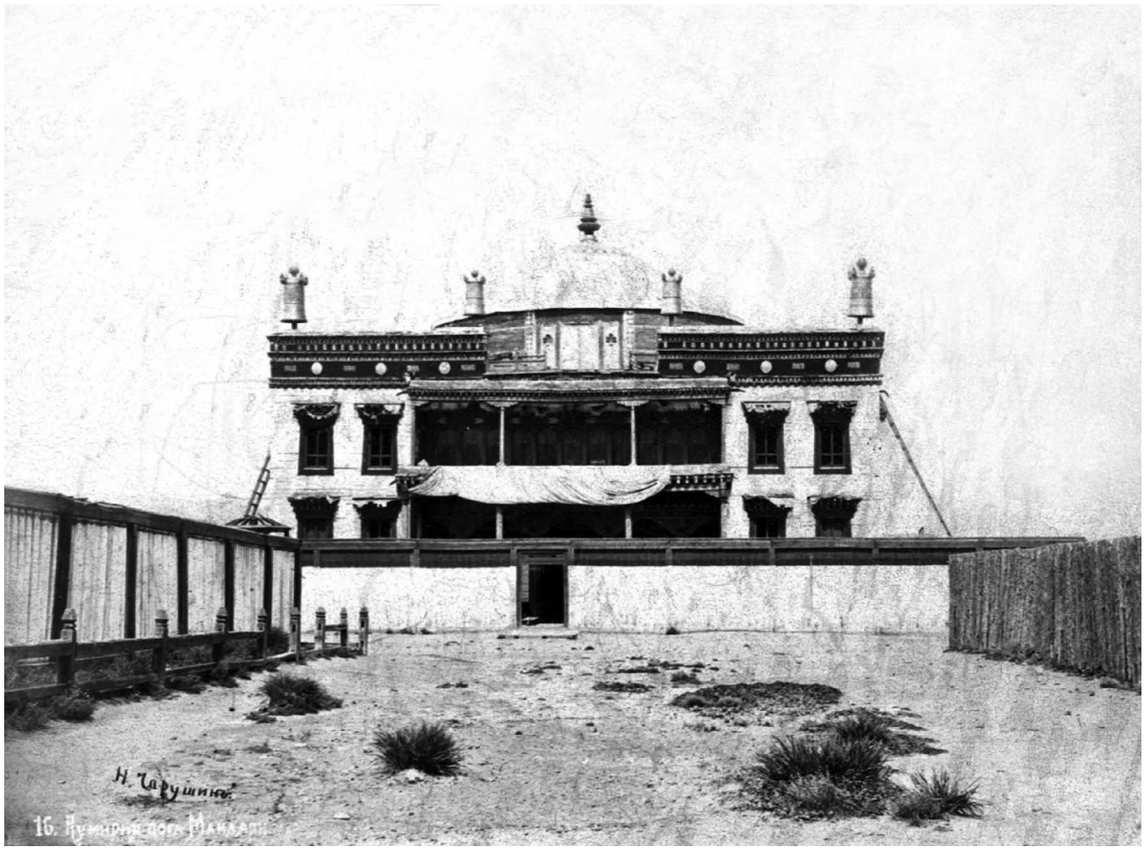
2803. Гусино-озерский дацан.
Праздник Цам

Н.А. Чарушин

2805. Чокчик-Дуган

Н.А. Чарушин

2806. Кумирня

Н.А. Чарушин

2809.
Жена брата
Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

2810.
Настоятель монастыря Эрдени-цзу. Хубельган

Н.А. Чарушин

2811.
Ирдыни-Хубельган

Н.А. Чарушин

2813. Монгол, лама
Ирдыни-Хубельган

Н.А. Чарушин

2.5. Путешествие Э.Р. Циммермана в Среднюю Азию 1887 г. (фотографии Э.Р. Циммермана)

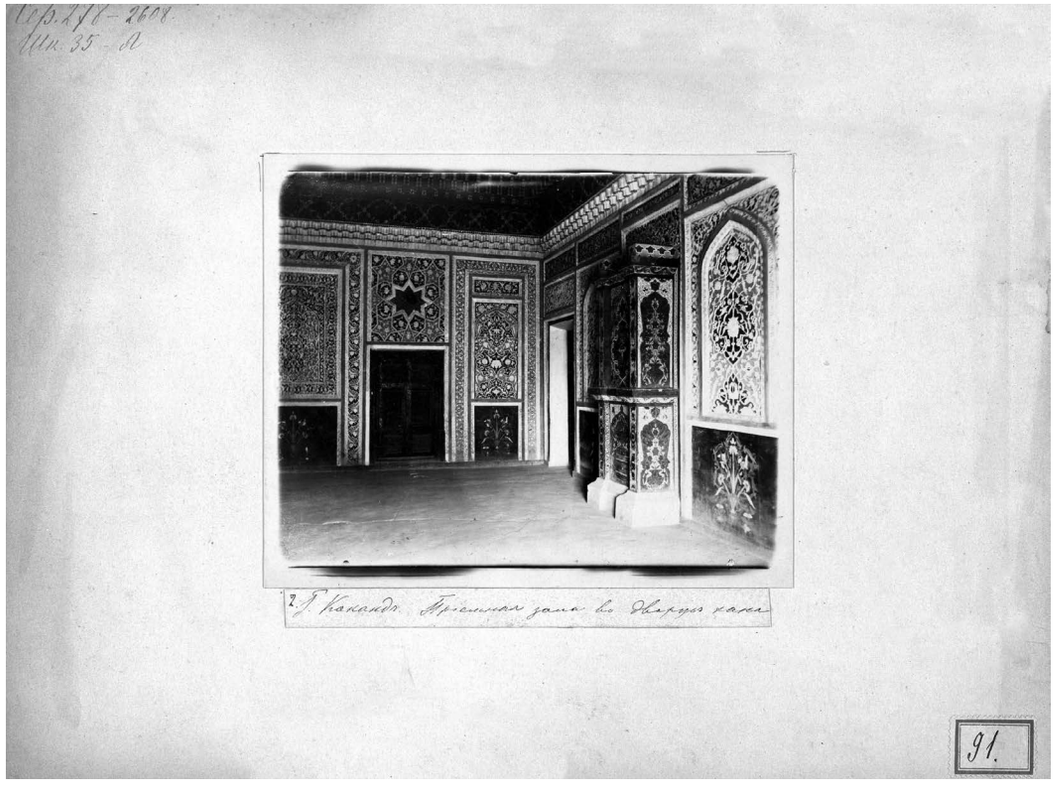
В архиве Д.Н. Анучина есть цикл фотографий с сюжетами из Самарканда и Бухары, которые сопровождаются надписью, сделанной рукой Д.Н. Анучина: «От Э.Р Циммермана 17 декабря 1890 года». Эти фотографии сделаны Э.Р. Циммерманом во время его путешествия по Средней Азии, описанного им в брошюре «В глубь Азии: Поездка в Самарканд», которая была напечатана в Москве в типографии И.Д. Сытина и Ко в 1893 году.

Циммерман Эдуард Романович (1822–?) — известный в конце XIX века писатель-путешественник, родился в 1822 г.; образование получил на математическом факультете Московского университета.

В 1857 г. совершил вместе с князем М.И. Хилковым путешествие по Соединенным Штатам Северной Америки и по Венесуэле, а в 1869 и 1870 году — вторично по Североамериканским Соединенным Штатам. 8 лет спустя Циммерман посетил в кругосветном путешествии Австралию, Новую Зеландию, Гавайские острова и Северную Америку.

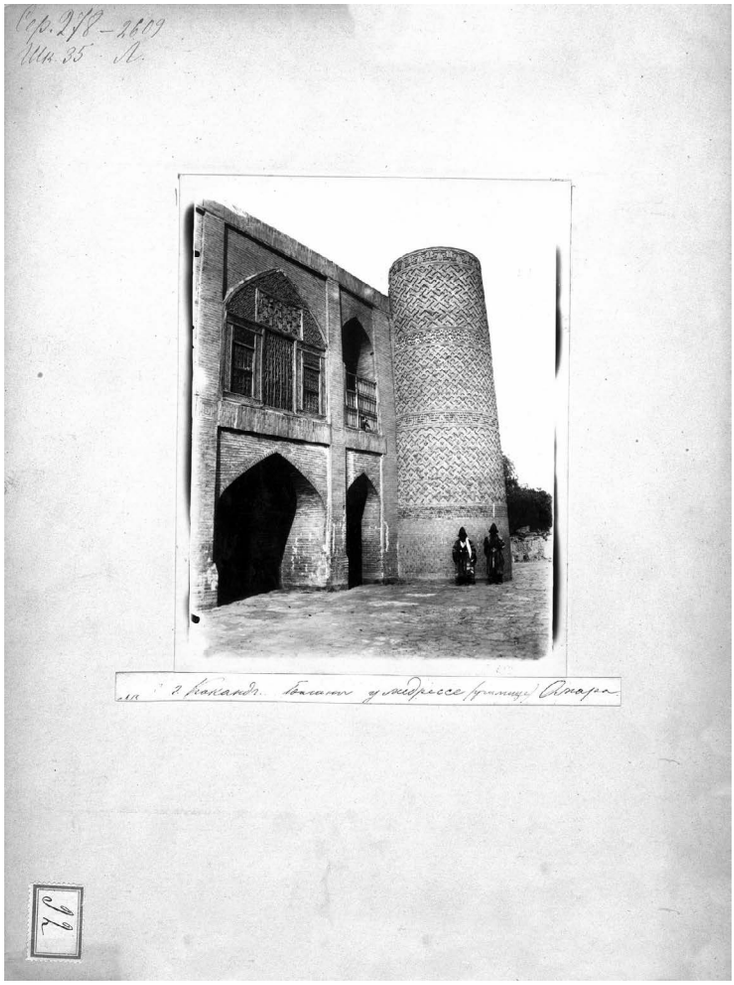
Описание первого путешествия Циммермана помещено в «Русском вестнике» (1858 и 1859 и отдельно), второго в «Русской летописи» (1870 и отдельно), третьего в «Отечественных записках»; есть отдельное издание для юношества. Кроме того, Циммерман напечатал «Путевые очерки о поездках его по Средней Азии, Египту, Тунису и Алжиру» («Русская мысль», 1897 и позже) и по Сибирской железной дороге (1901) в «Вестнике Европы» (1903, январь и февраль).

Журнальные очерки и книги Э.Р. Циммермана написаны очень интересно, живым и красочным языком, а содержание свидетельствует о незаурядном уме и наблюдательности автора. После 1903 года его имя не встречается среди авторов журналов и книг, он исчез из общественной жизни. В справочниках и энциклопедиях даже отсутствует дата его смерти.

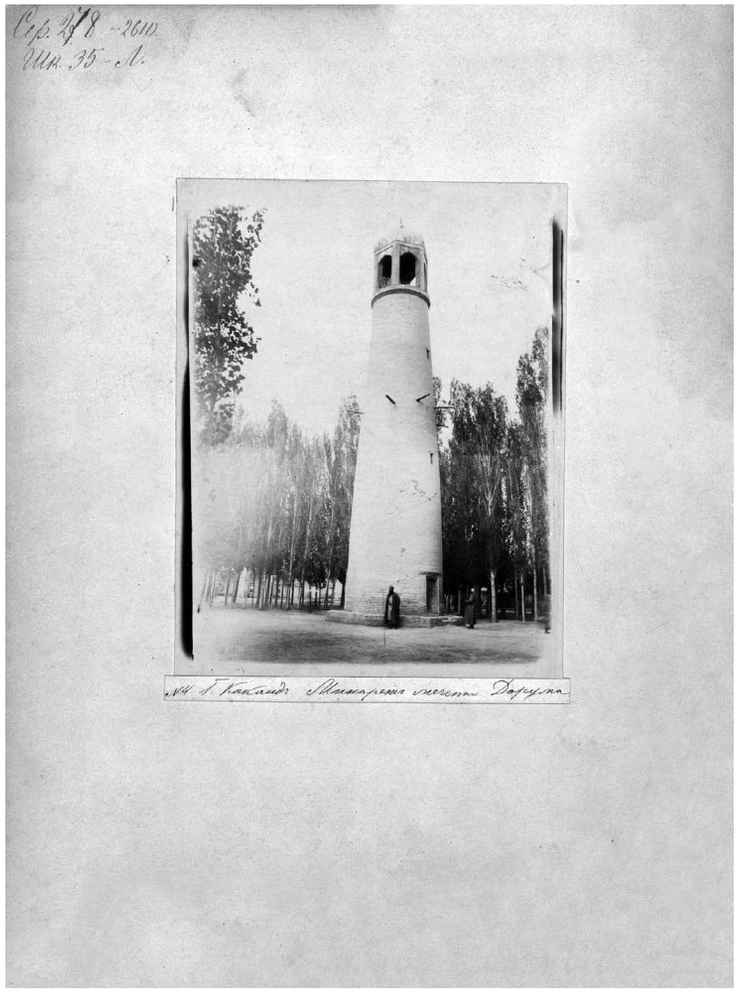
3263. Сер. 278 – 2608
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Приемная зала во дворце хана

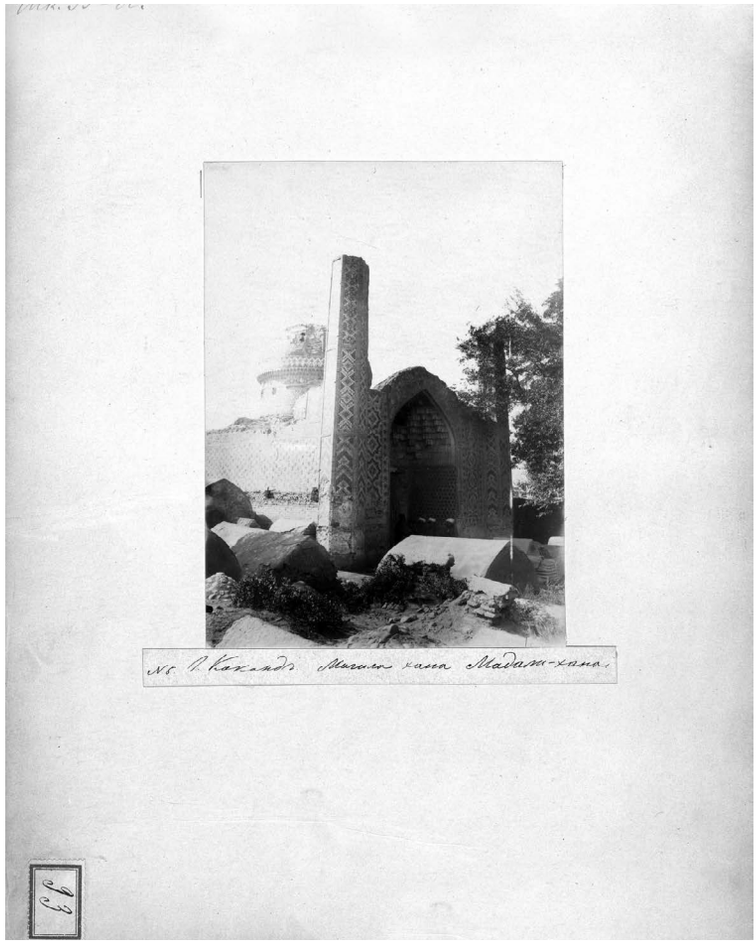
3264. Сер. 278 – 2609
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Башни у медресе (училище)
Омара

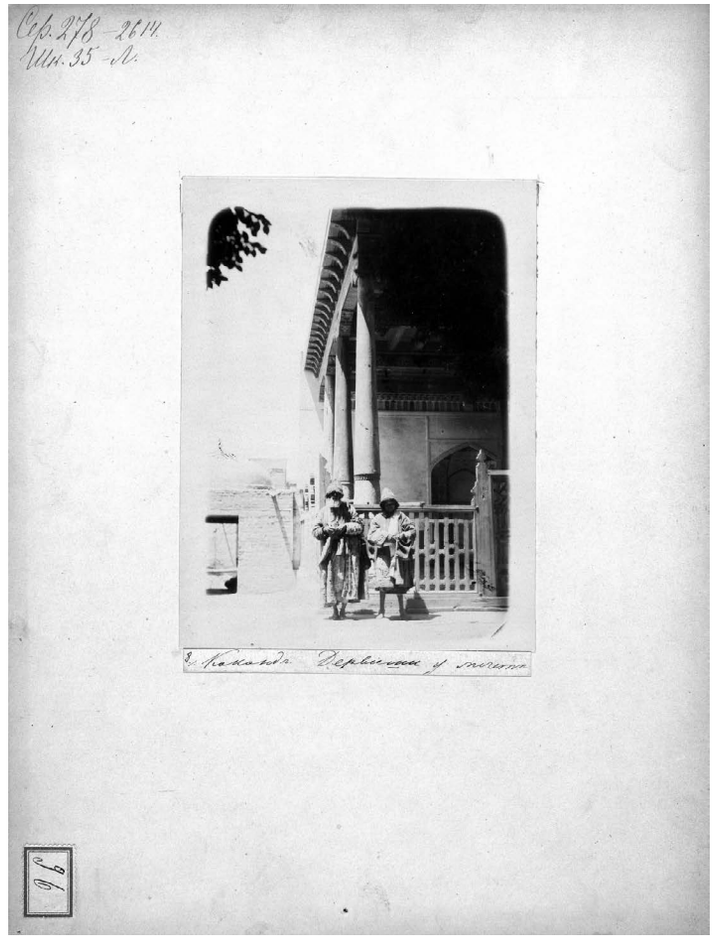
3265. Сер. 278 – 2610
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Минарет мечети Джума

3266. Сер. 278 – 2611
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Могила хана Мадали-хана

3269. Сер. 278 – 2614
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Дервиши у мечети

3267. Сер. 278 – 2612
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Каменный мост Алим-кулы

3268. Сер. 278 – 2613
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Медресе-казы

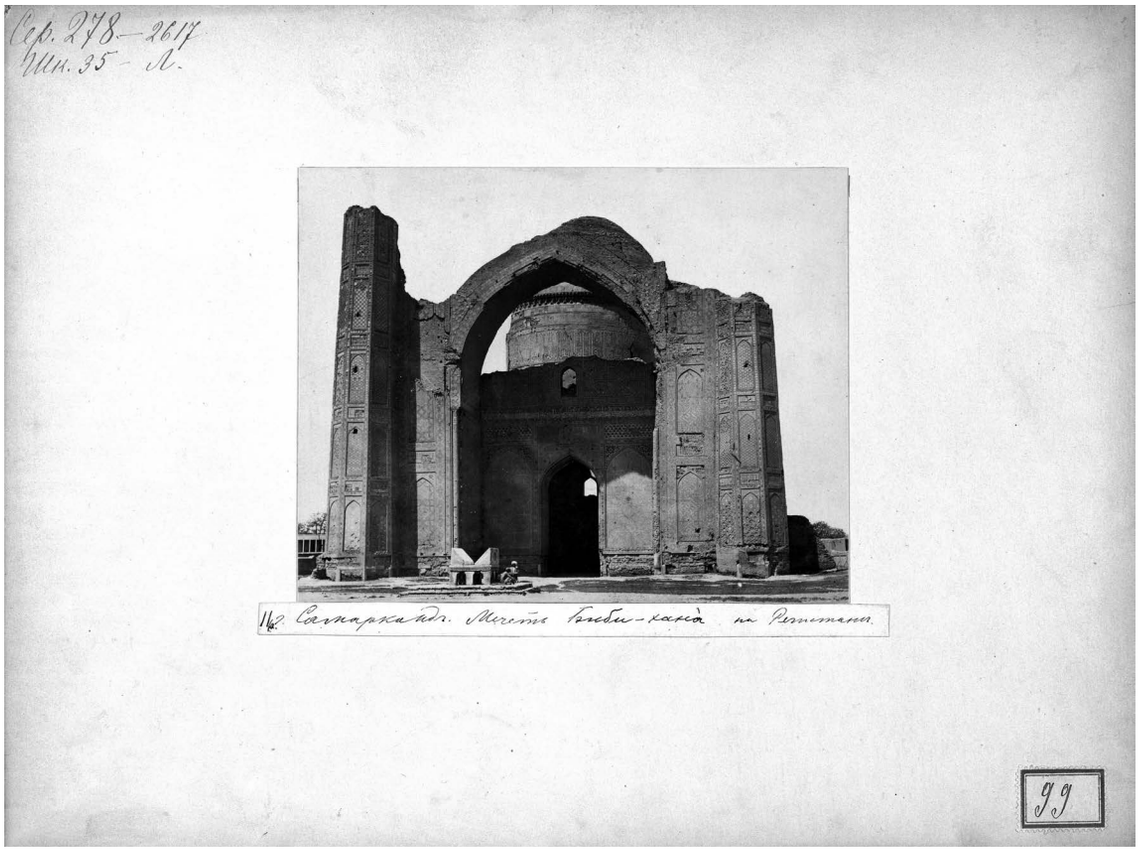
3270. Сер. 278 – 2615
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Дорога в Ташкент.
Могила Хидзира

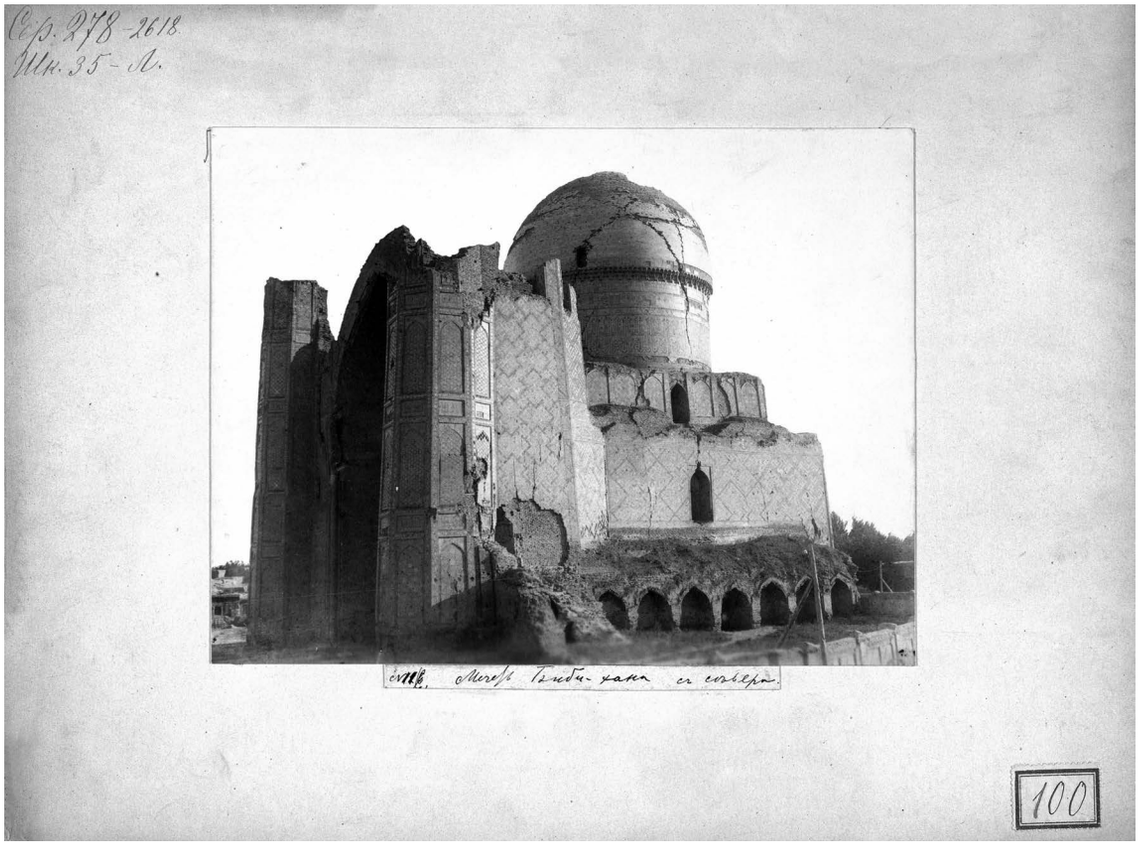
3271. Сер. 278 – 2616
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд. Регистан
(род нашей площади
с соборами в Кремле)

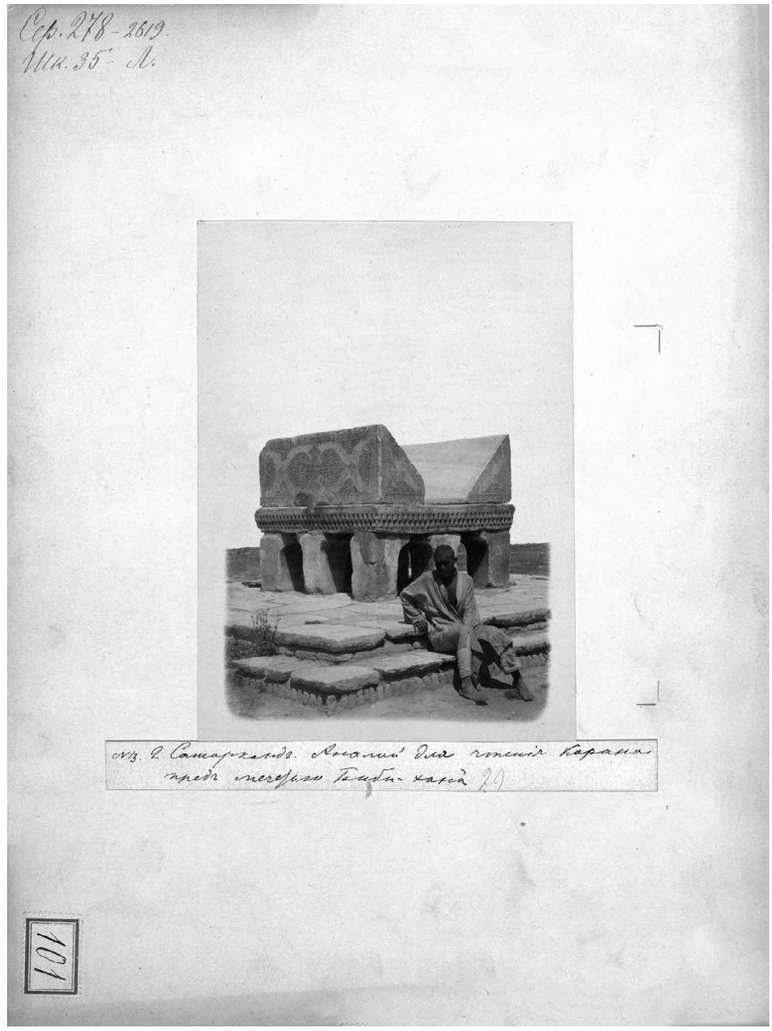
3272. Сер. 278 – 2617
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Мечеть Биби-ханы
на Регистане

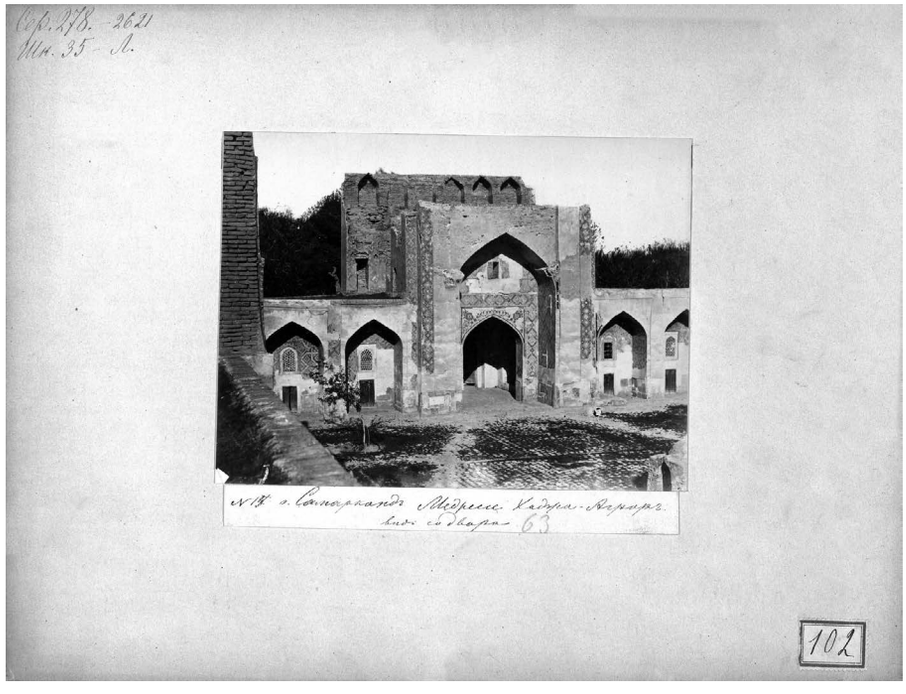
3273. Сер. 278 – 2618
Шк. 35-Л.

[Г. Самарканд.]
Мечеть Биби-ханы с севера

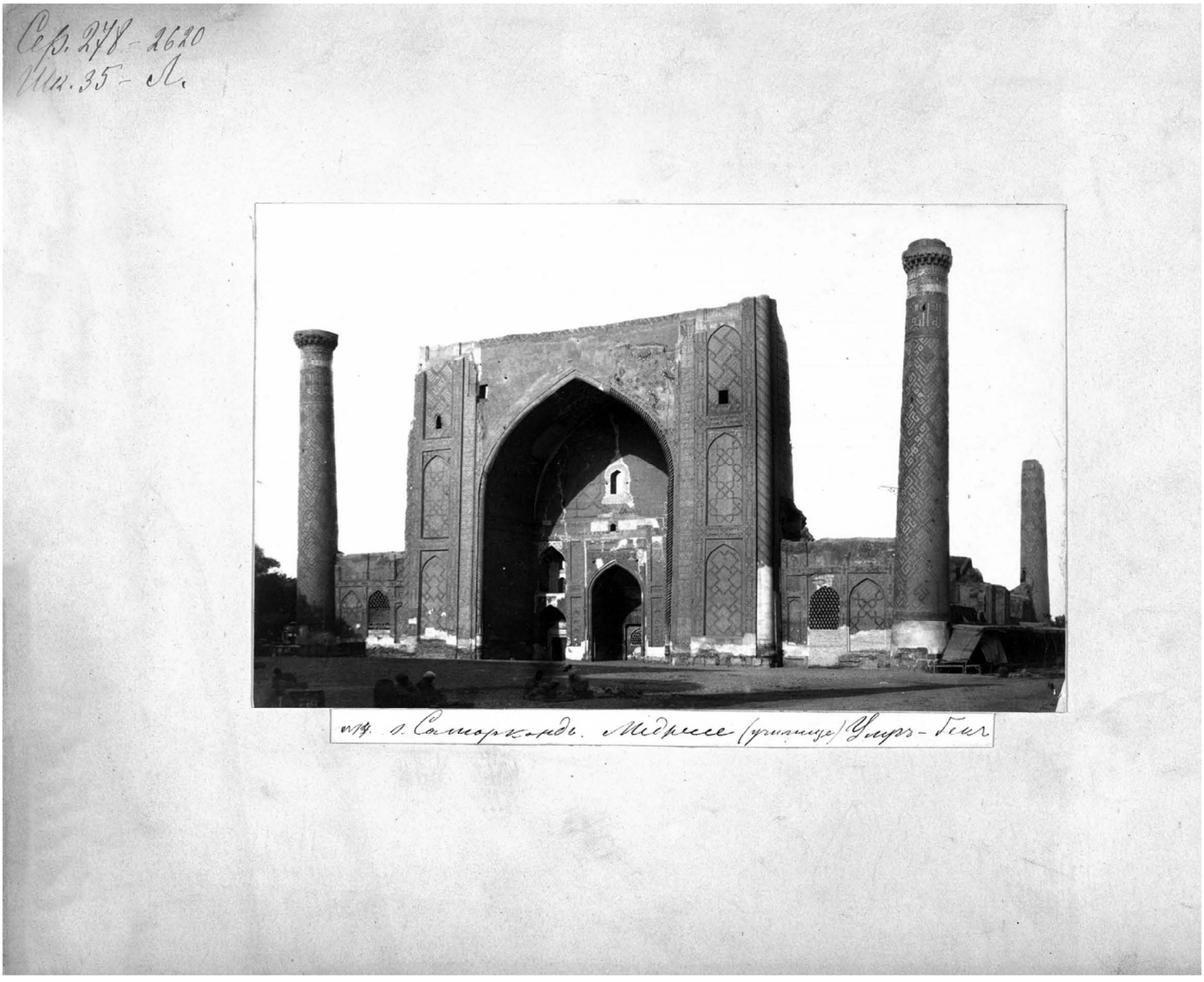
3274. Сер. 278 – 2619
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Аналой для чтения Корана
перед мечетью Биби-ханы

3276. Сер. 278 – 2621
Шк. 35-Л.

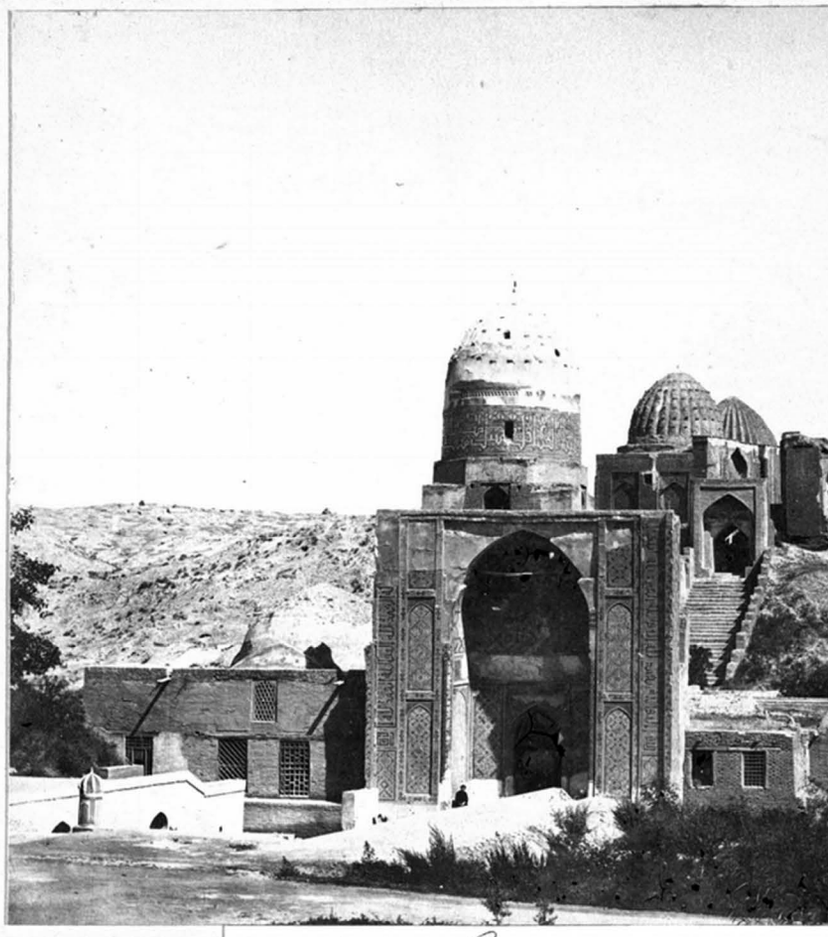
Г. Самарканд.
Медресе Ходжа-Аграр.
Вид со двора

3275. Сер. 278 – 2620
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд. Мечеть
(училище) Улуг-бека

Сер. 278–2625
Отд. 35 – Л.

Аф. с. Самарканд.

3278. Сер. 278 – 2623
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Шахи-Зинда

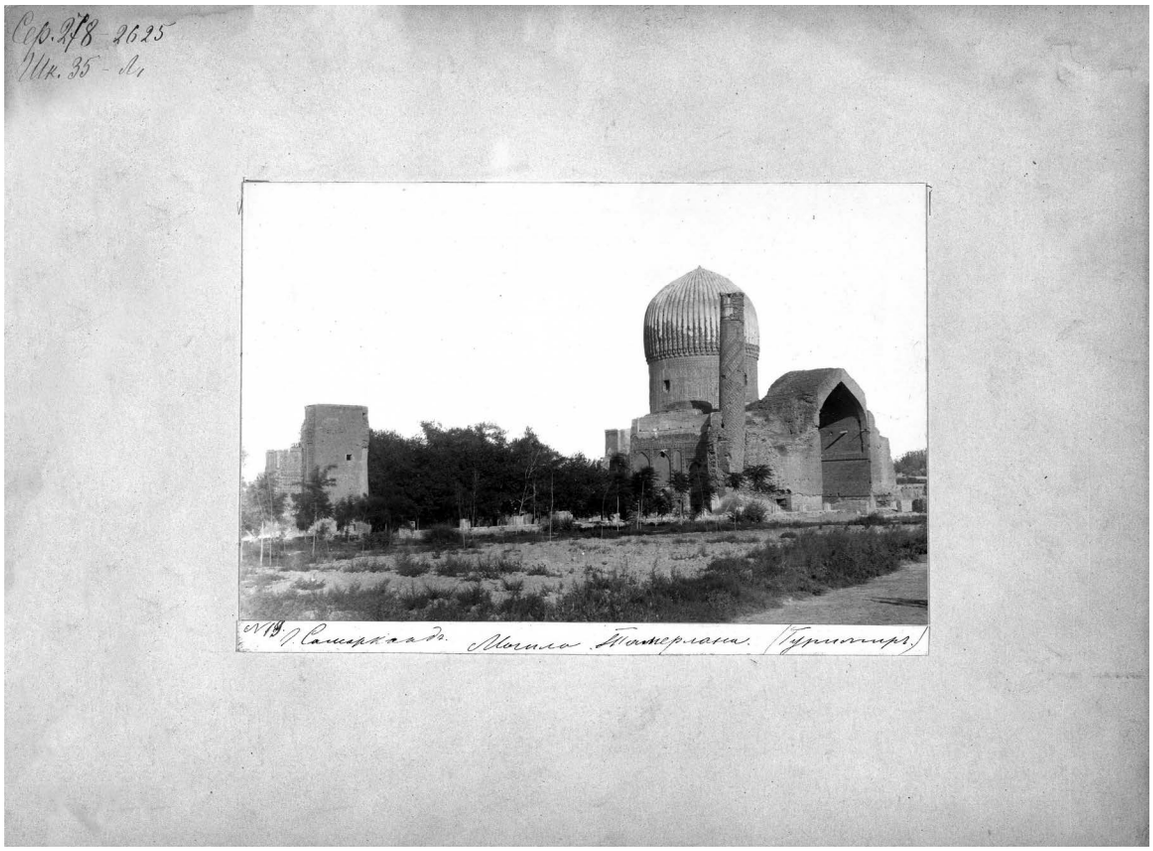
3279. Сер. 278 – 2624
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Внутренний вид мечети
Шахи-Зинда

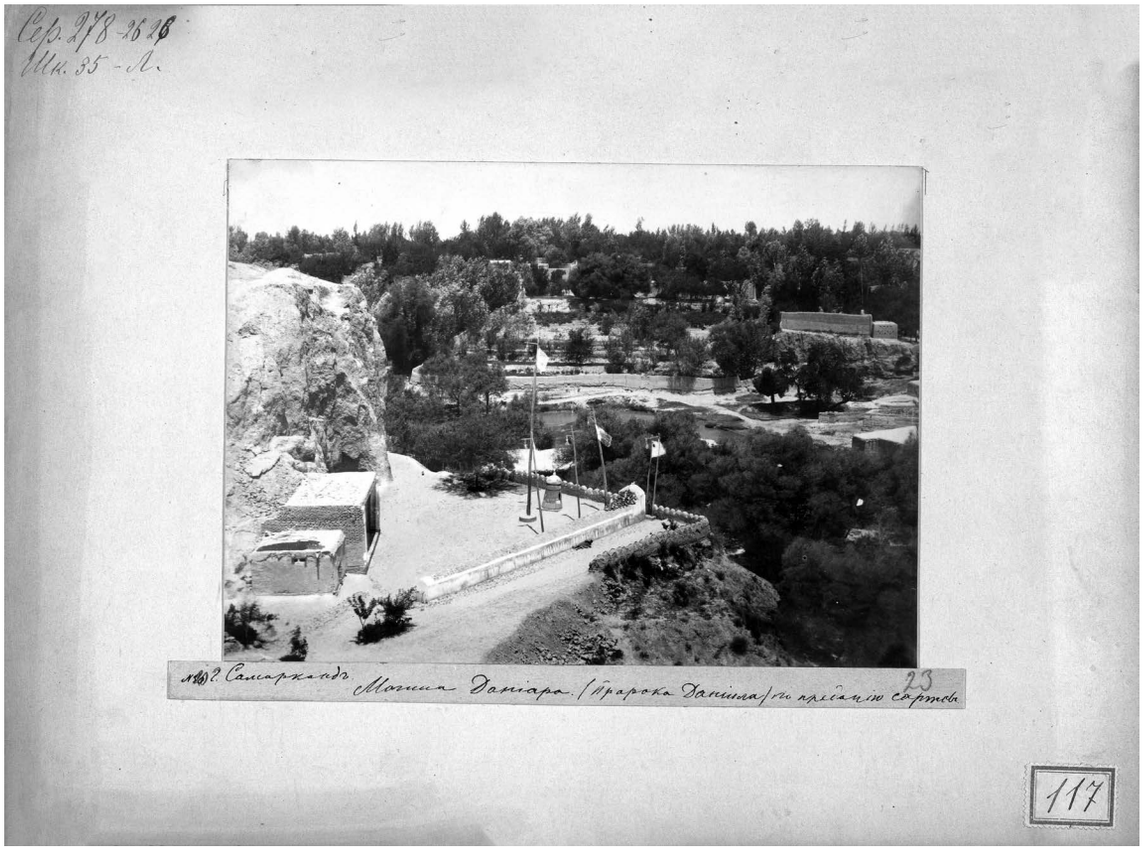
3280. Сер. 278 – 2624
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.

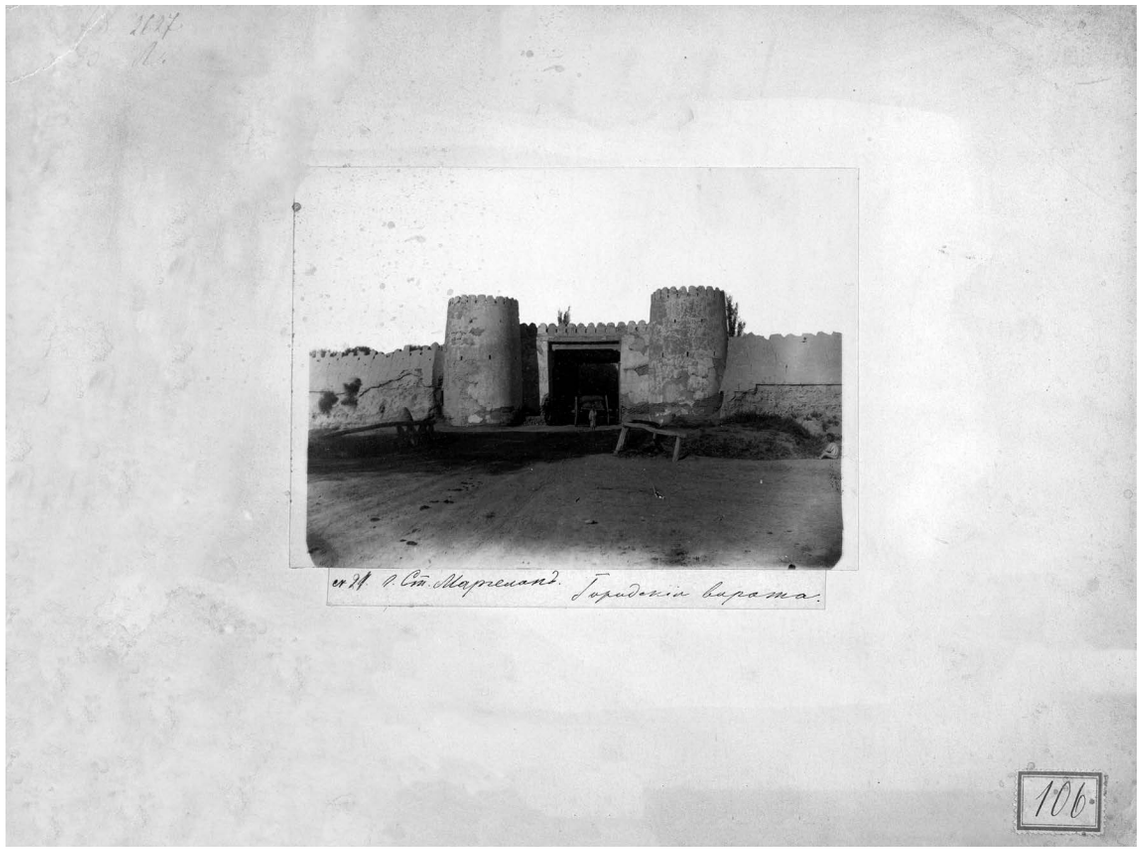
3282. Сер. 278 – 2625
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Могила Тамерлана (Гурэмир)

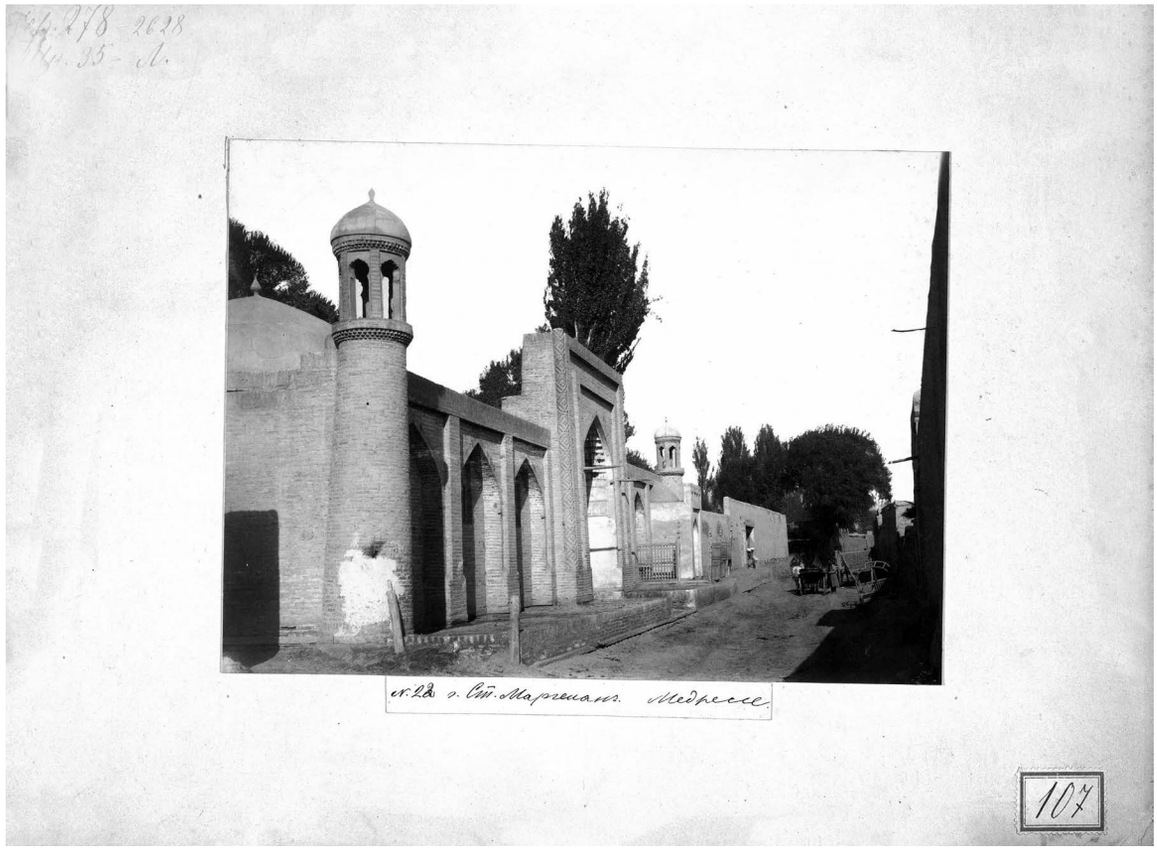
3283. Сер. 278 – 2626
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Могила Данияра
(пророка Даниила)
по преданию сартов

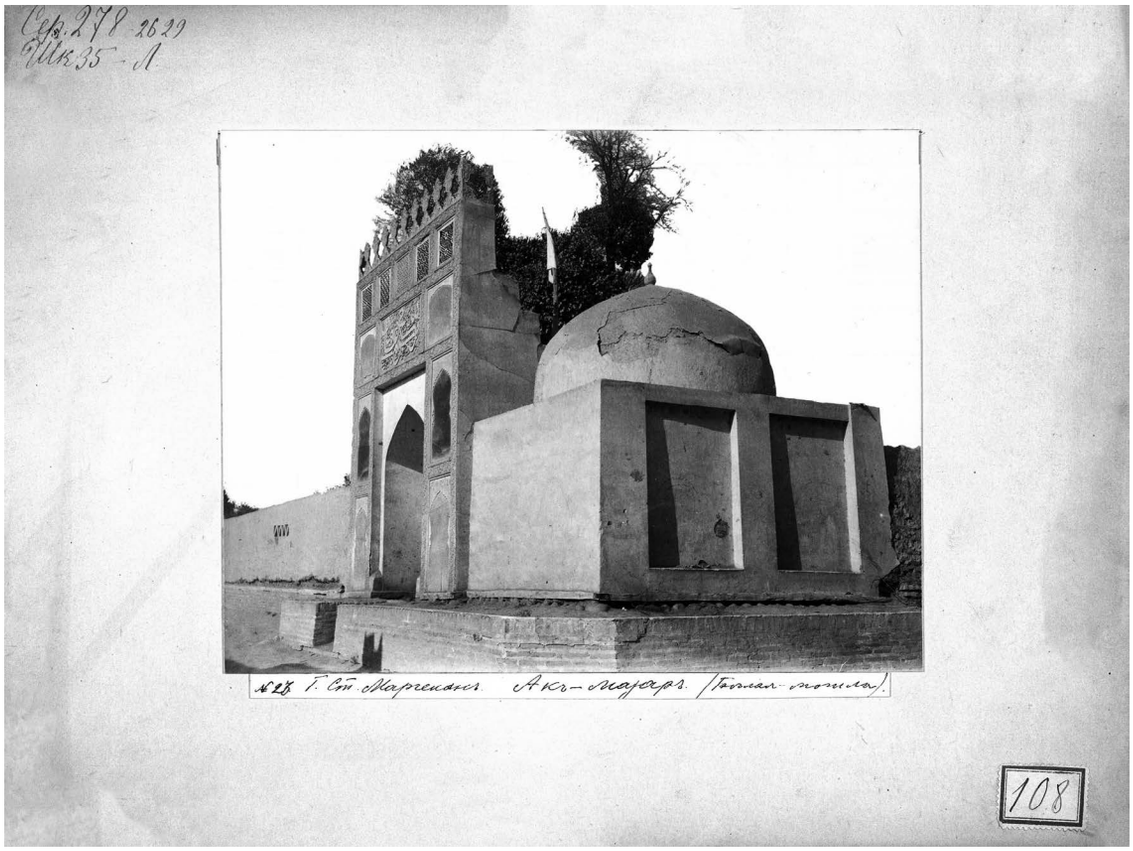
3284. Сер. 278 – 2627
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Городские ворота

3285. Сер. 278 – 2628
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан. Медресе

3286. Сер. 278 – 2629
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Ак-мазар (Белая-могила)

3287. Сер. 278 – 2630
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Вход к могиле
какого-то хаджи (святого).
На дороге в Андижан

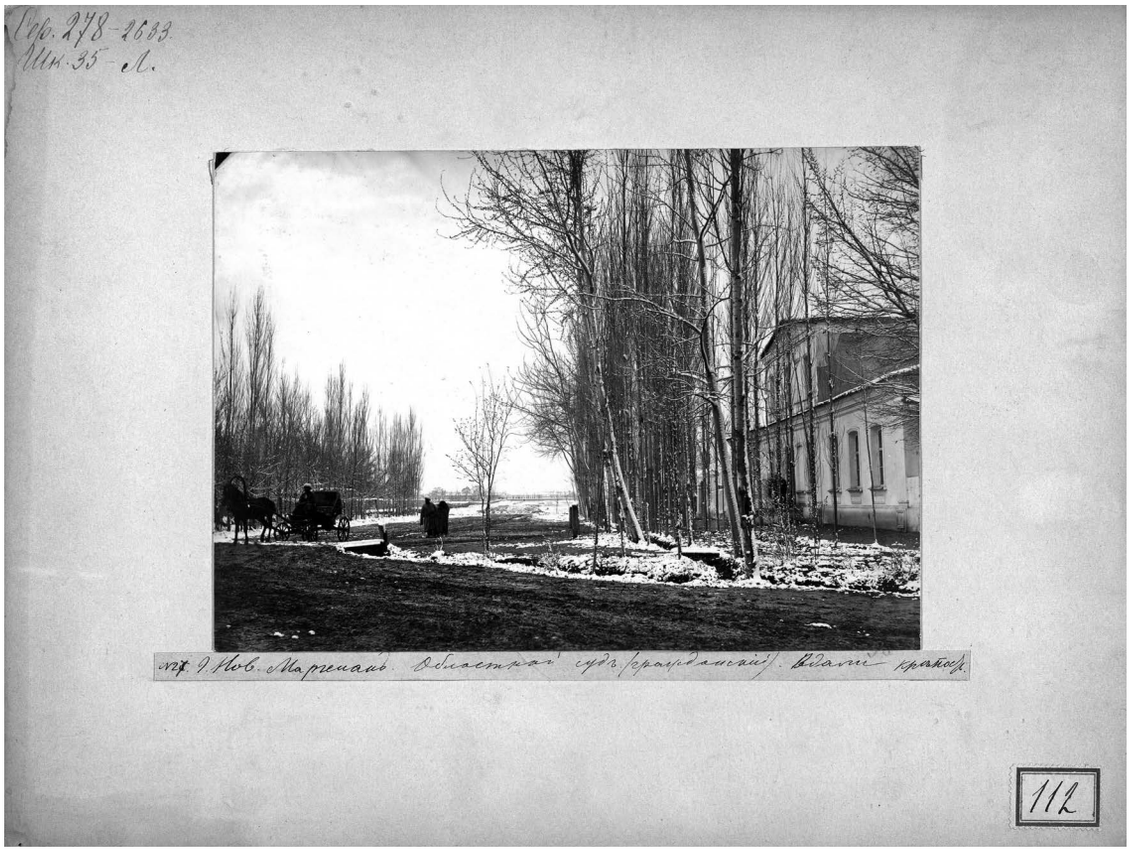
3288. Сер. 278 – 2631
Шк. 35-Л.

Г. Н. Маргелан (русский).
Большая улица (главная)

3289. Сер. 278 – 2632
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Комендантская улица
в декабре 1887 г.

3290. Сер. 278 – 2633
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Областной суд (гражданский).
Вдали – крепость

3291. Сер. 278 – 2634
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Городской сад у церкви.
Мостик с острова на пруду

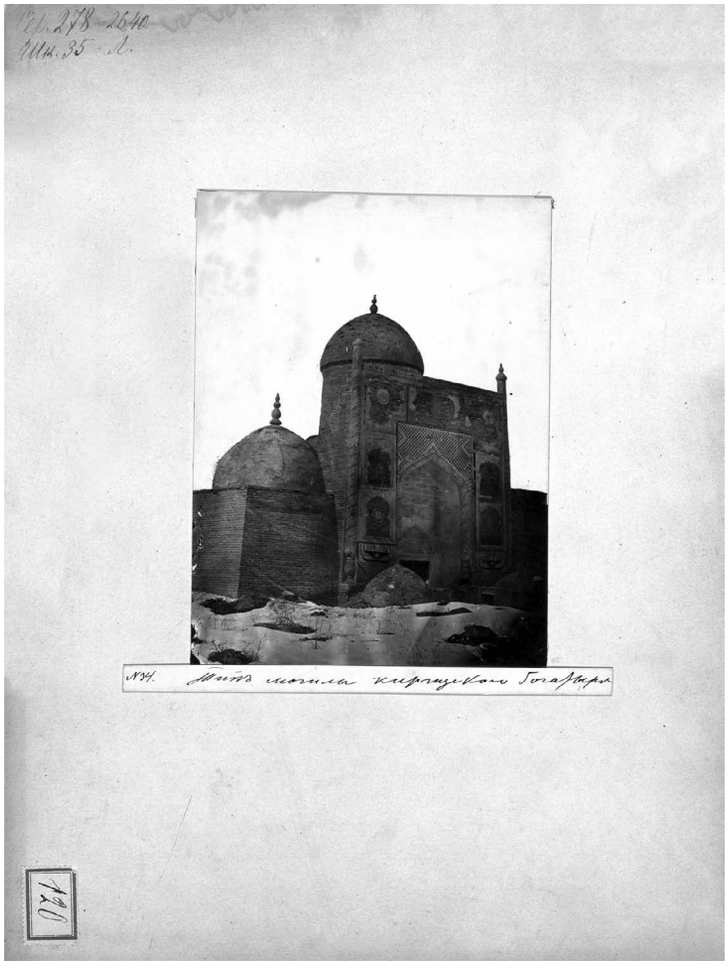
3292. Сер. 278 – 2635
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Городской сад (№2)
по речке Маргелан-сай зимою

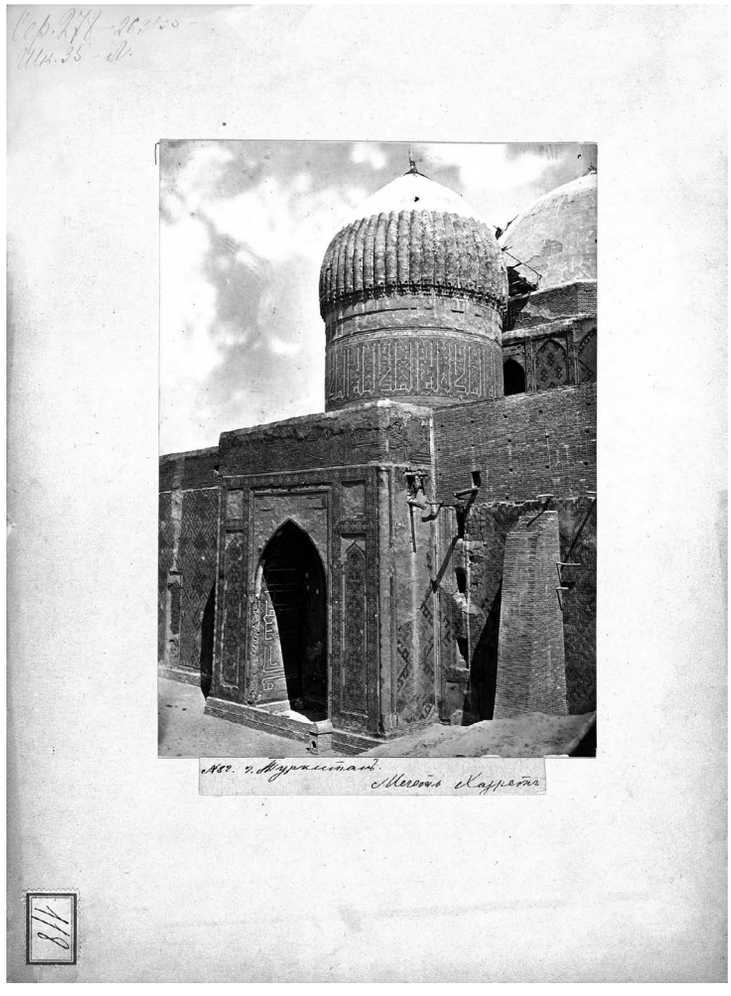
3293. Сер. 278 – 2636
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Маргеланское
военное собрание

3297. Сер. 278 – 2640
Шк. 35-Л.

Тип могилы киргизского
богатыря

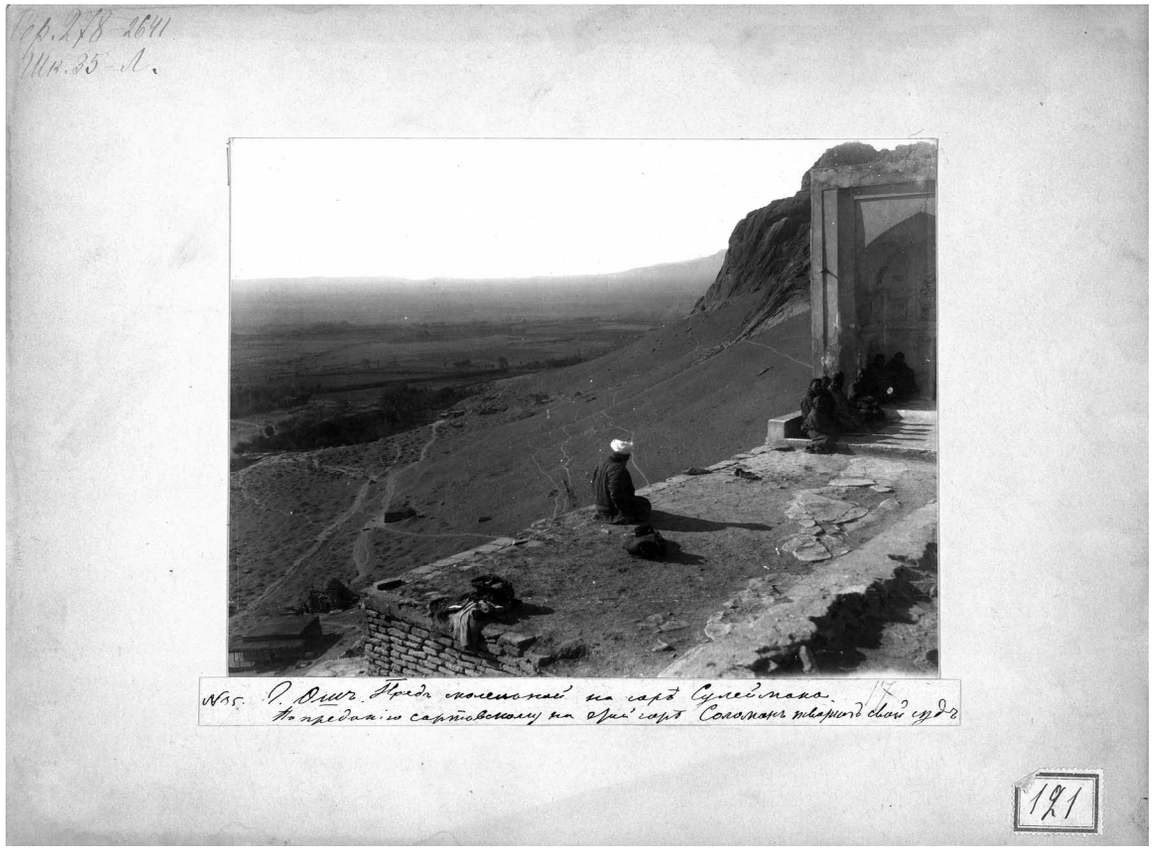
3295. Сер. 278 – 2638
Шк. 35-Л.

Г. Туркестан.
Мечеть Хазрет

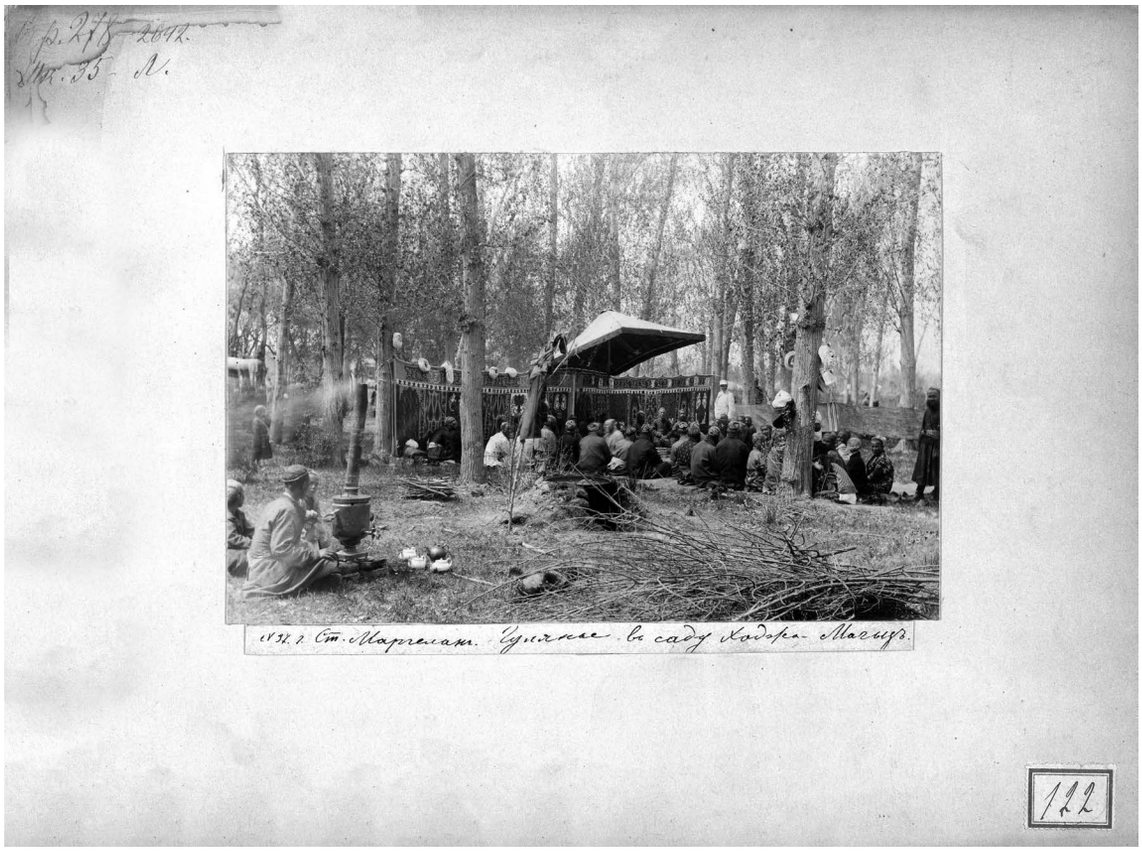
3296. Сер. 278 – 2639
Шк. 35-Л.

Г. Андижан. Медресе
(училище) Бай-бача

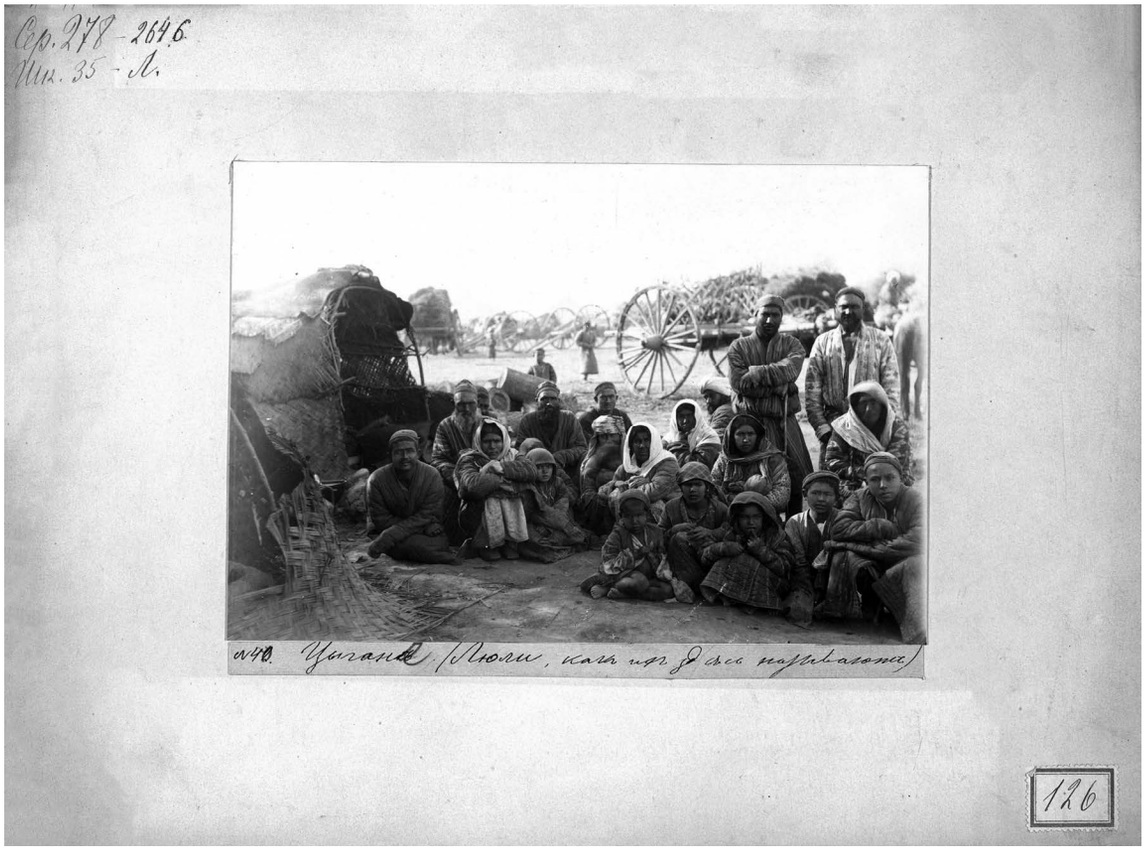
3298. Сер. 278 – 2641
Шк. 35-Л.

Г. Ош.
Пред молельней на горе
Сулеймана. По преданию
сартовскому на этой горе
Соломон творил свой суд

3299. Сер. 278 – 2642
Шк. 35-Л.

Ст. Маргелан.
Гуляние в саду Ходжа-Магыз

3303. Сер. 278 – 2646
Шк. 35-Л.

Цыгане (люли,
как их здесь называют)

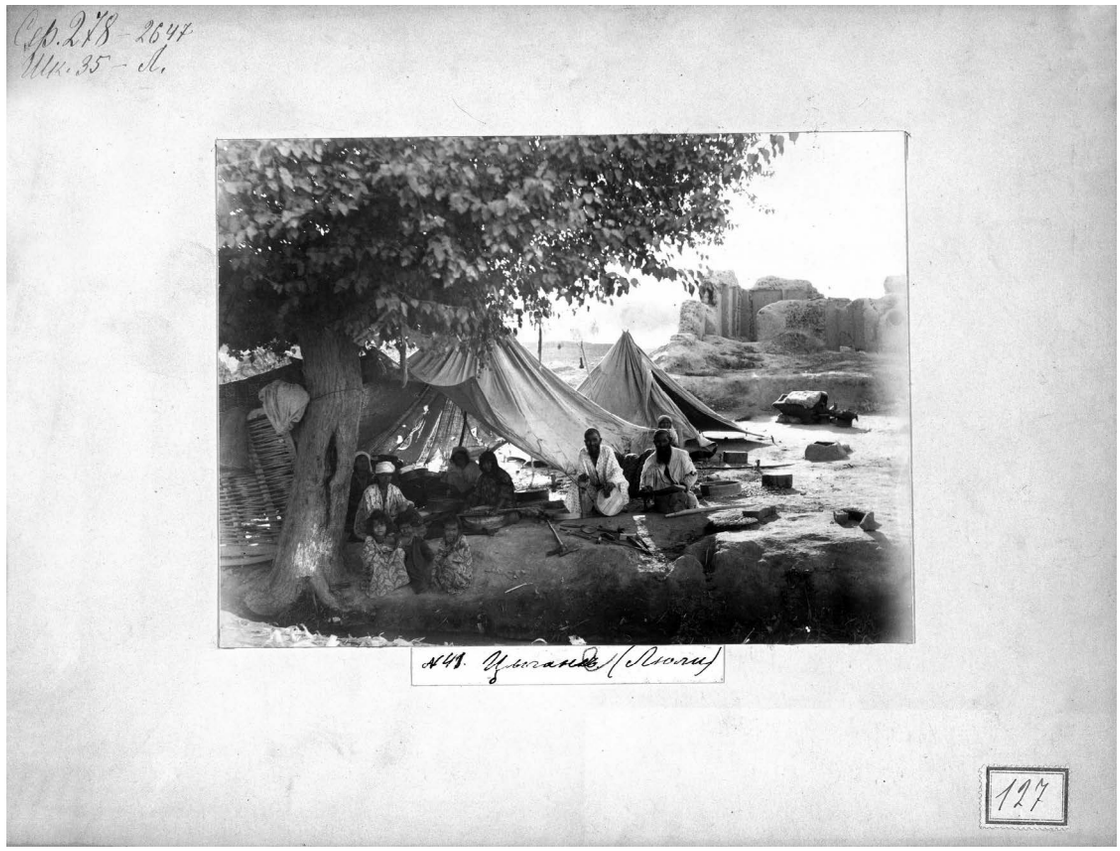
3294. Сер. 278 – 2637
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан. Концерт в доме Военного собрания

[illegible] въ дали Каспійскаго Саврасія.

116

3304. Сер. 278 – 2647
Шк. 35-Л.

Цыгане (люли)

3306. Сер. 278-2649
Шк.35-Л
№43 Туркмены

3308. Сер. 278 – 2651
Шк. 35-Л.

Улица, ведущая к базару

3309. Сер. 278 – 2652
Шк. 35-Л.

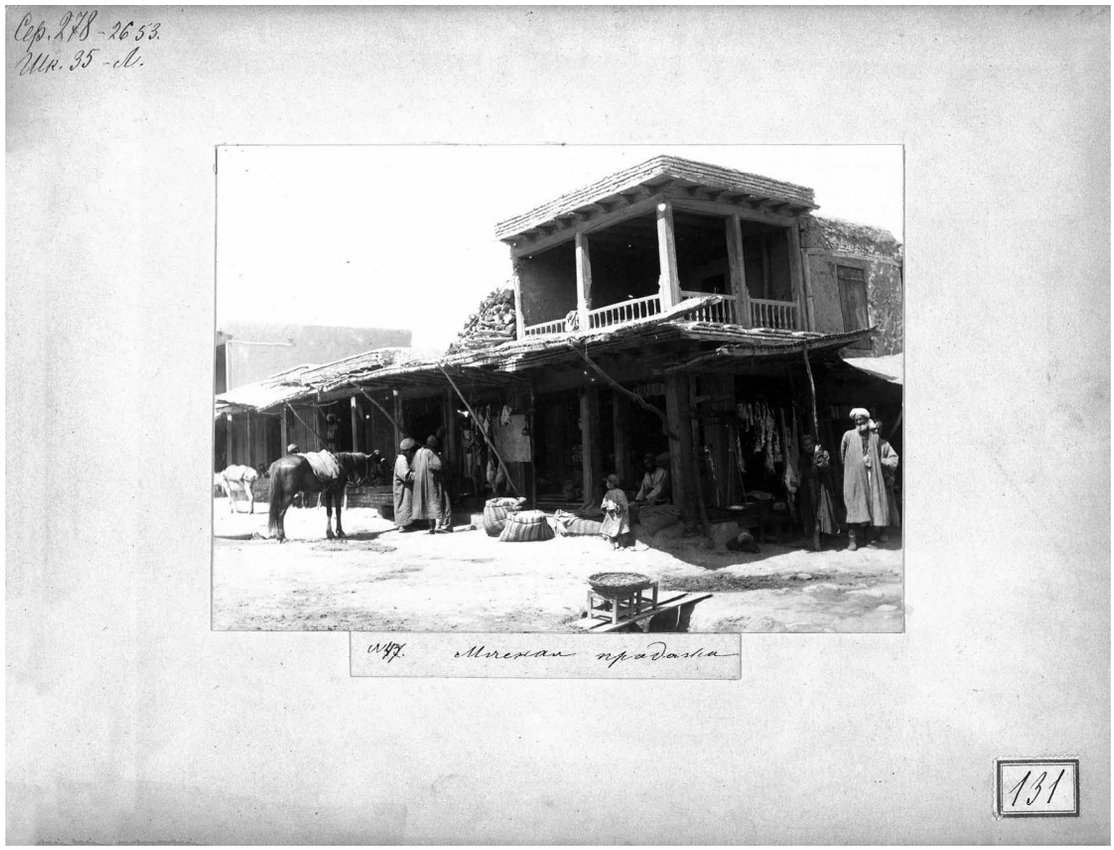
Крытый базар

Cfs. 278-2648
Пл. 35 - л.
N42

3305. Сер. 278 – 2648
Шк. 35-Л.

[заклеено] школа

3310. Сер. 278 – 2653
Шк. 35-Л.

[неразборчиво] продажа

3311. Сер. 278 – 2654
Шк. 35-Л.

Продажа плетеных изделий

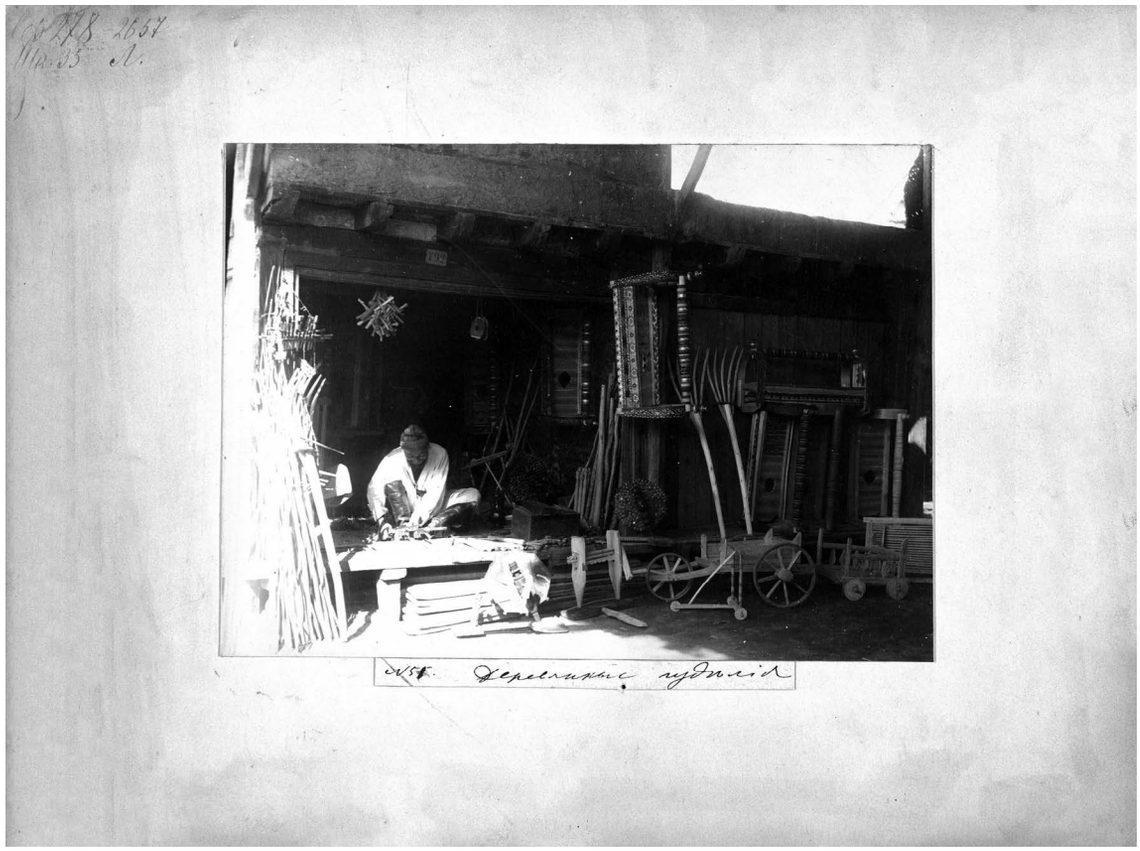
3312. Сер. 278 – 2655
Шк. 35-Л.

Продажа фруктов

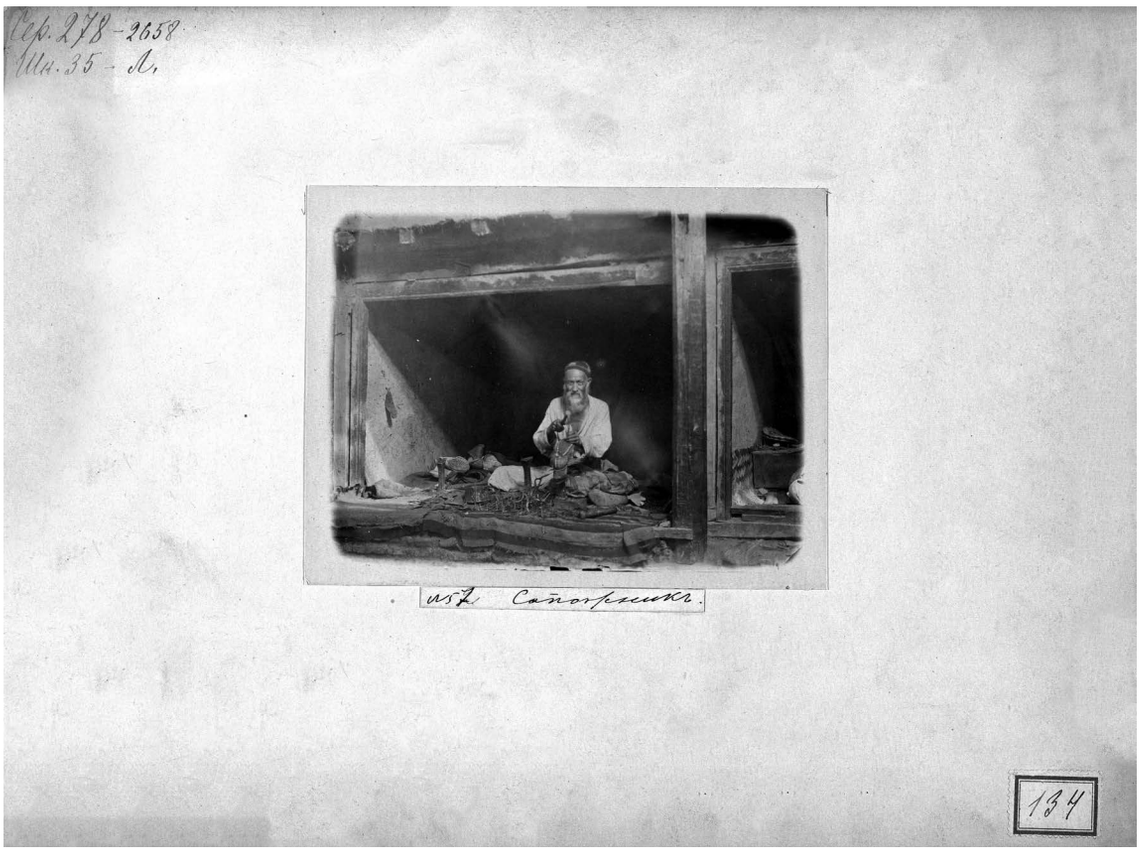
3313. Сер. 278 – 2656
Шк. 35-Л.

Гребенщики

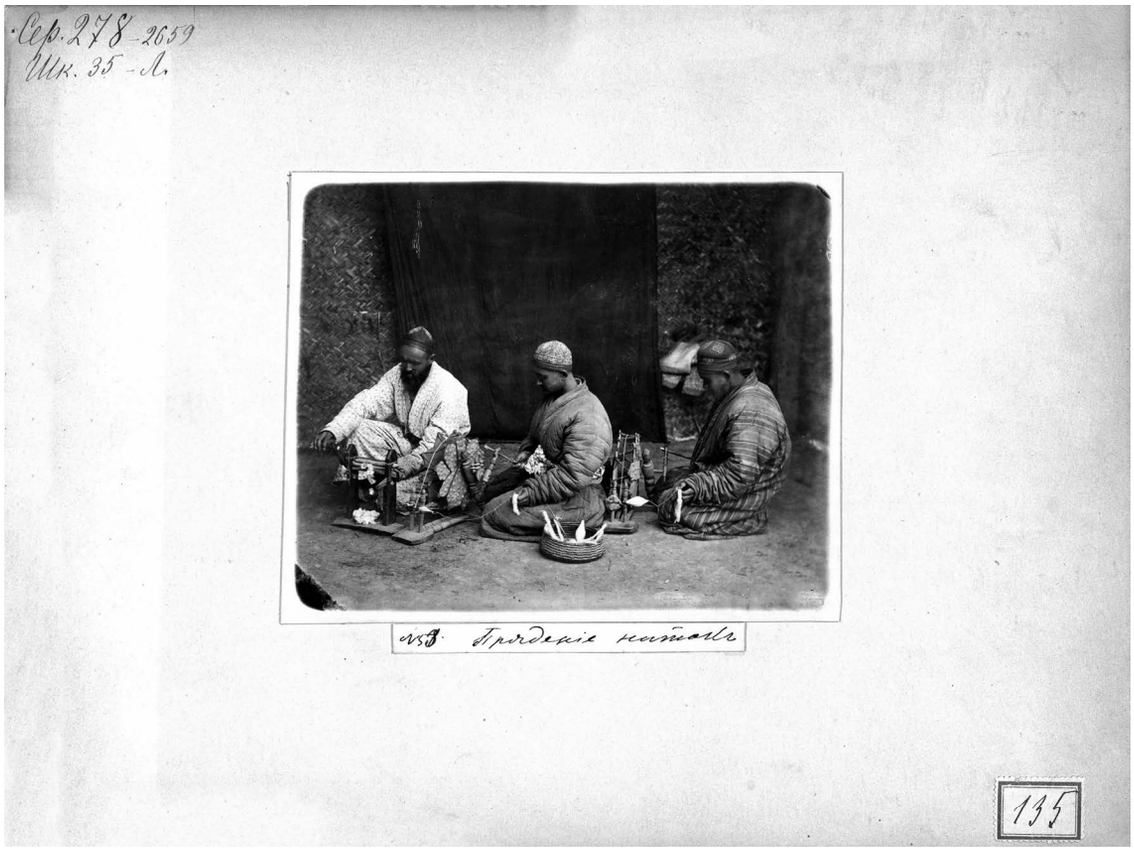
3314. Сер. 278 – 2657
Шк. 35-Л.

Деревянные изделия

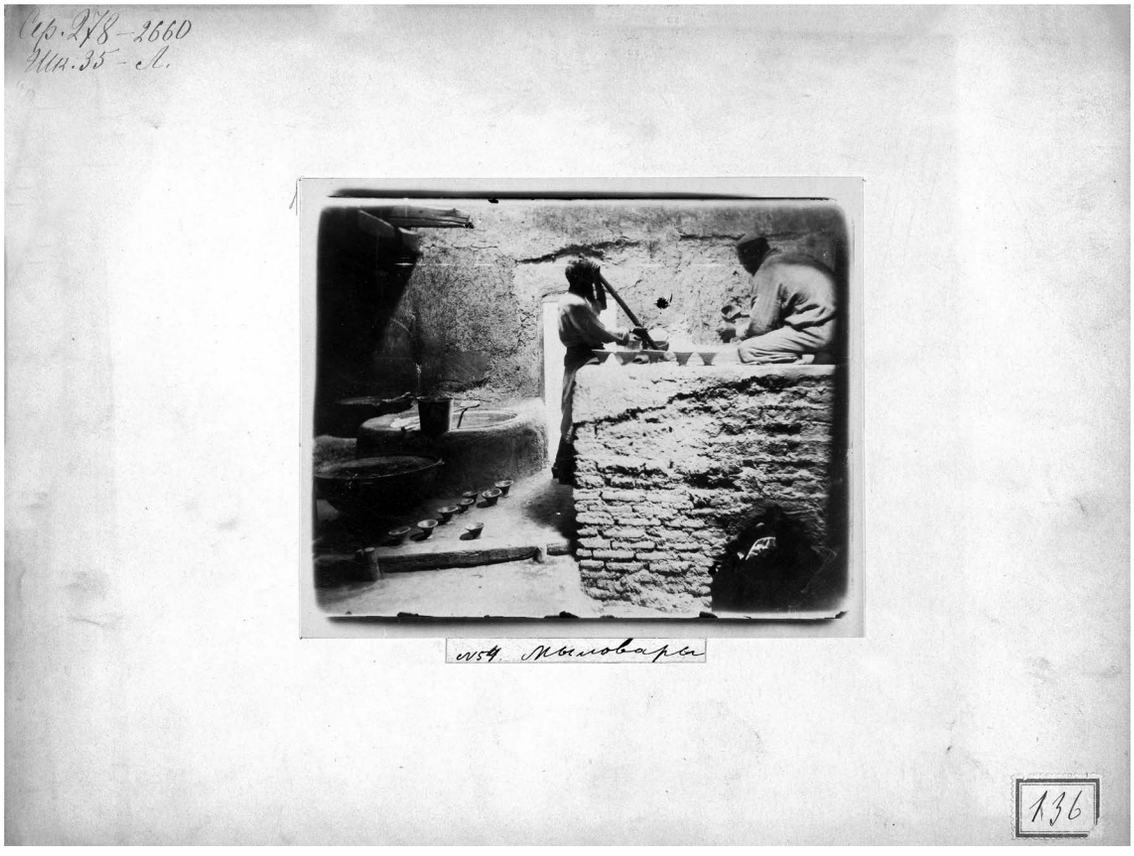
3315. Сер. 278 – 2658
Шк. 35-Л.

Сапожник

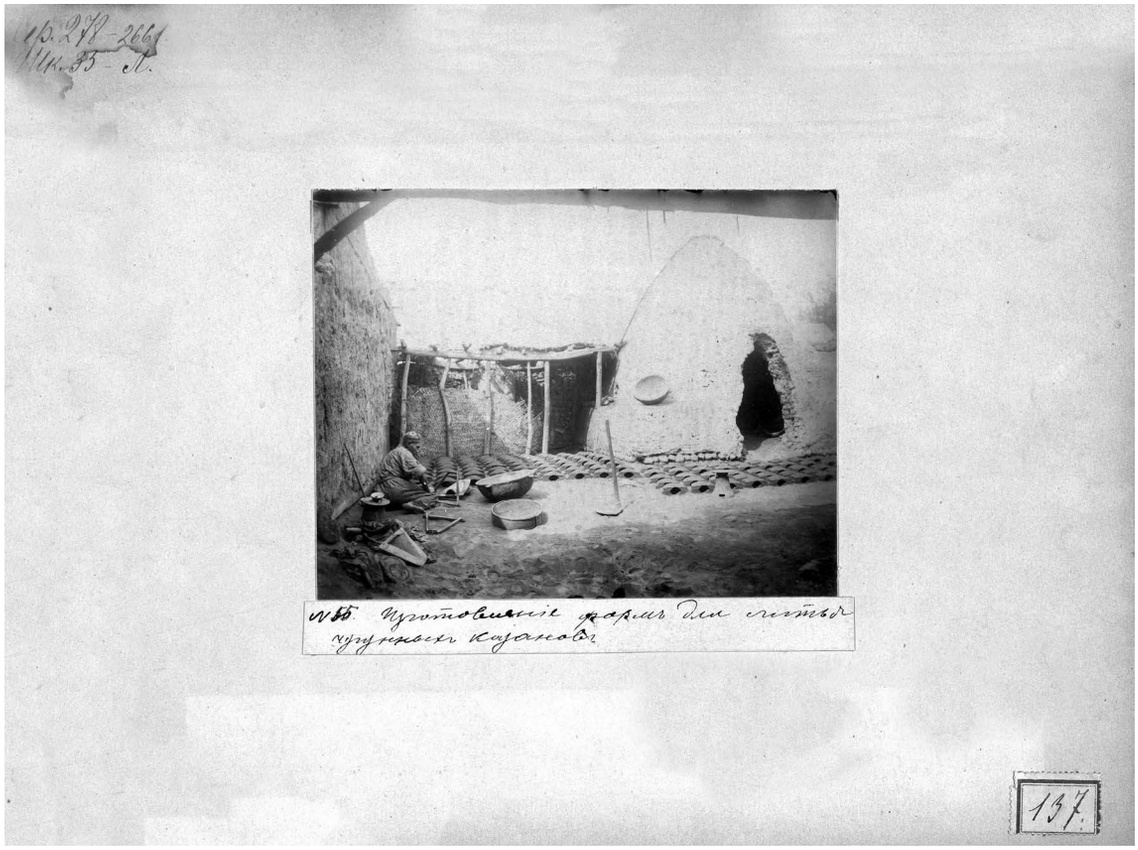
3316. Сер. 278 – 2659
Шк. 35-Л.

Прядение ниток

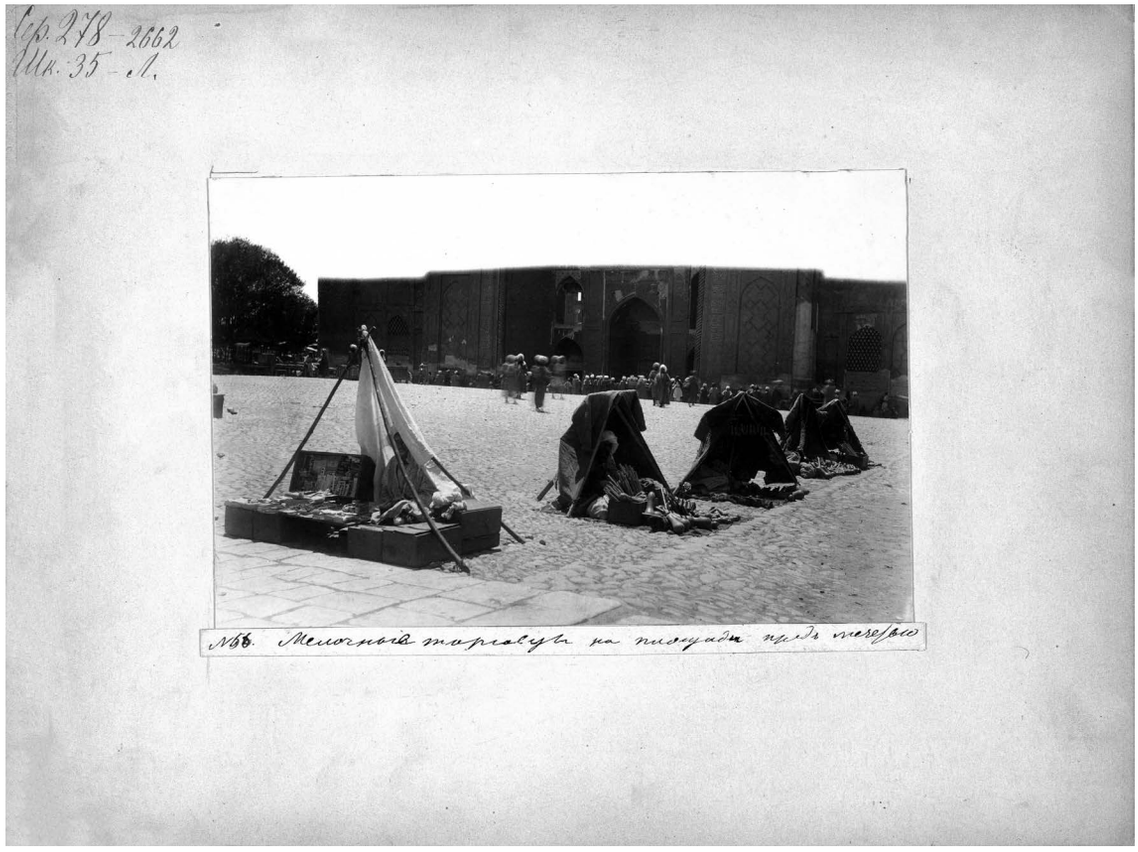
3317. Сер. 278 – 2660
Шк. 35-Л.

Мыловары

3318. Сер. 278 – 2661
Шк. 35-Л.

Изготовление форм
для литья чугунных казанов

3319. Сер. 278 – 2662
Шк. 35-Л.

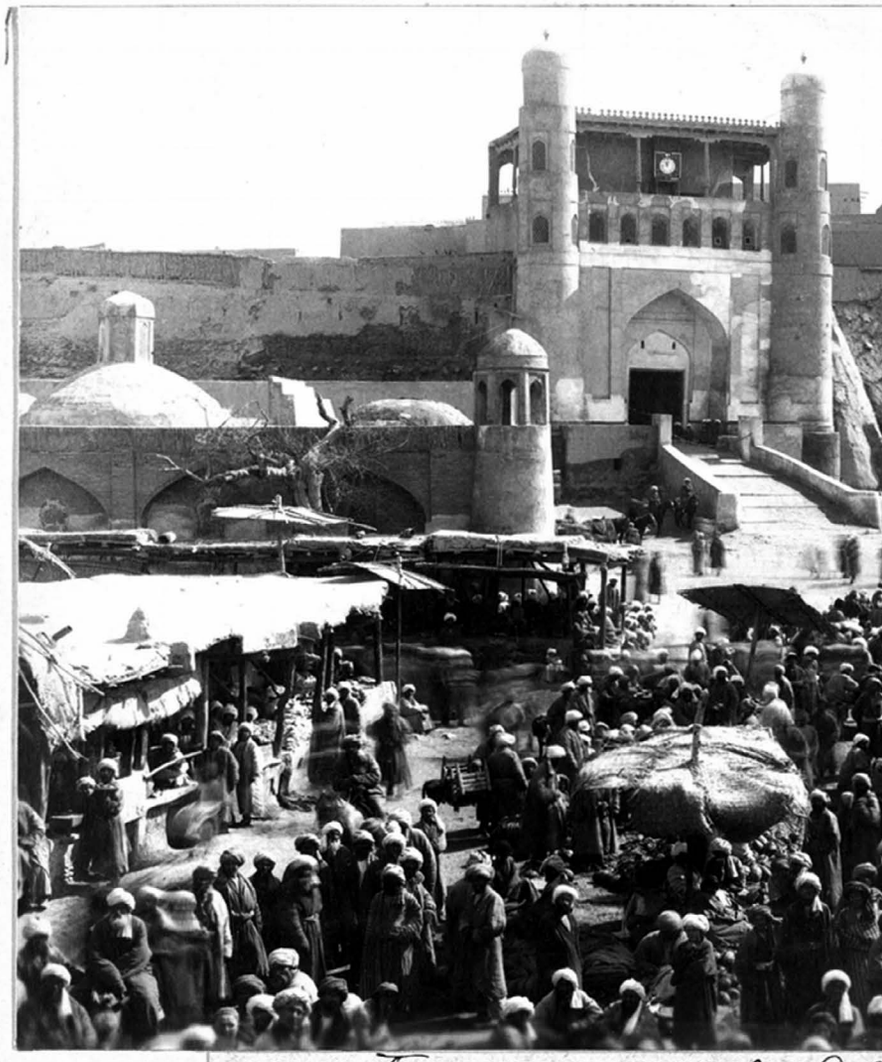
Мелочные торговцы
на площади перед мечетью

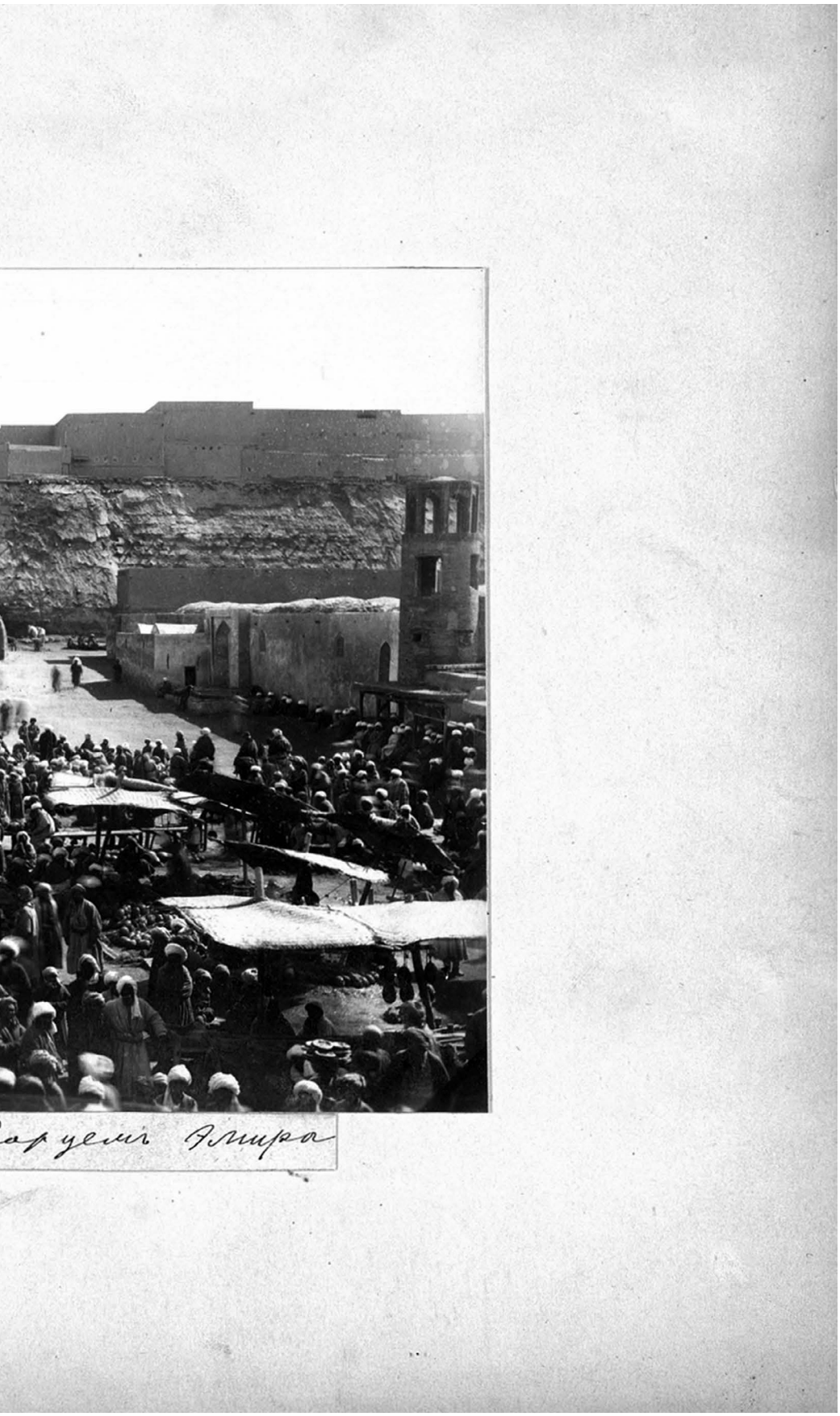
3323. Сер. 278 – 2666
Шк. 35-Л.

Базар в деревни (в кишлаке)

Ср. 278 - 2650
Шк. 35 - Л.

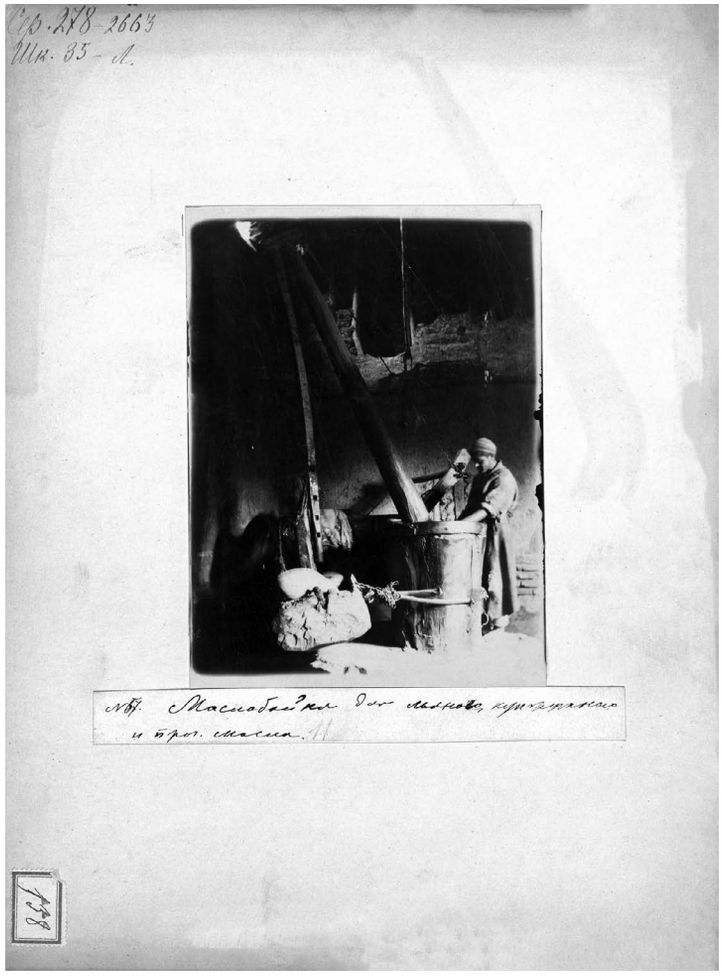

№ 34 г. Бухара. Вид в

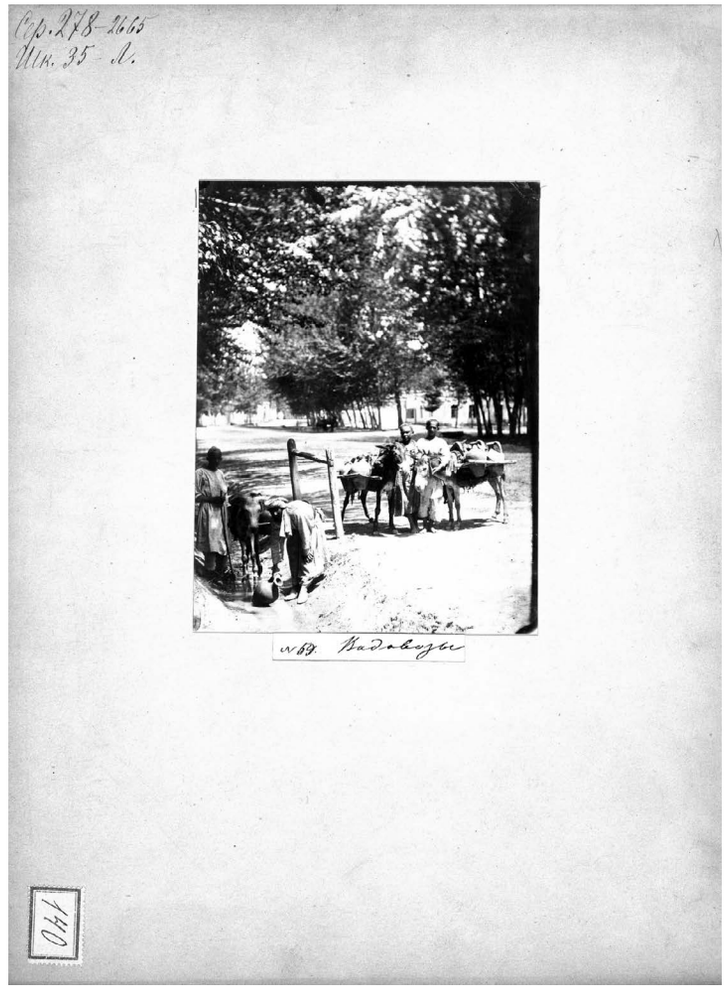
3307. Сер. 278 – 2650
Шк. 35-Л.

Г. Бухара. Пред дворцом эмира

3320. Сер. 278 – 2663
Шк. 35-Л.

Маслобойки для льняного,
кунжутного и прочего масла

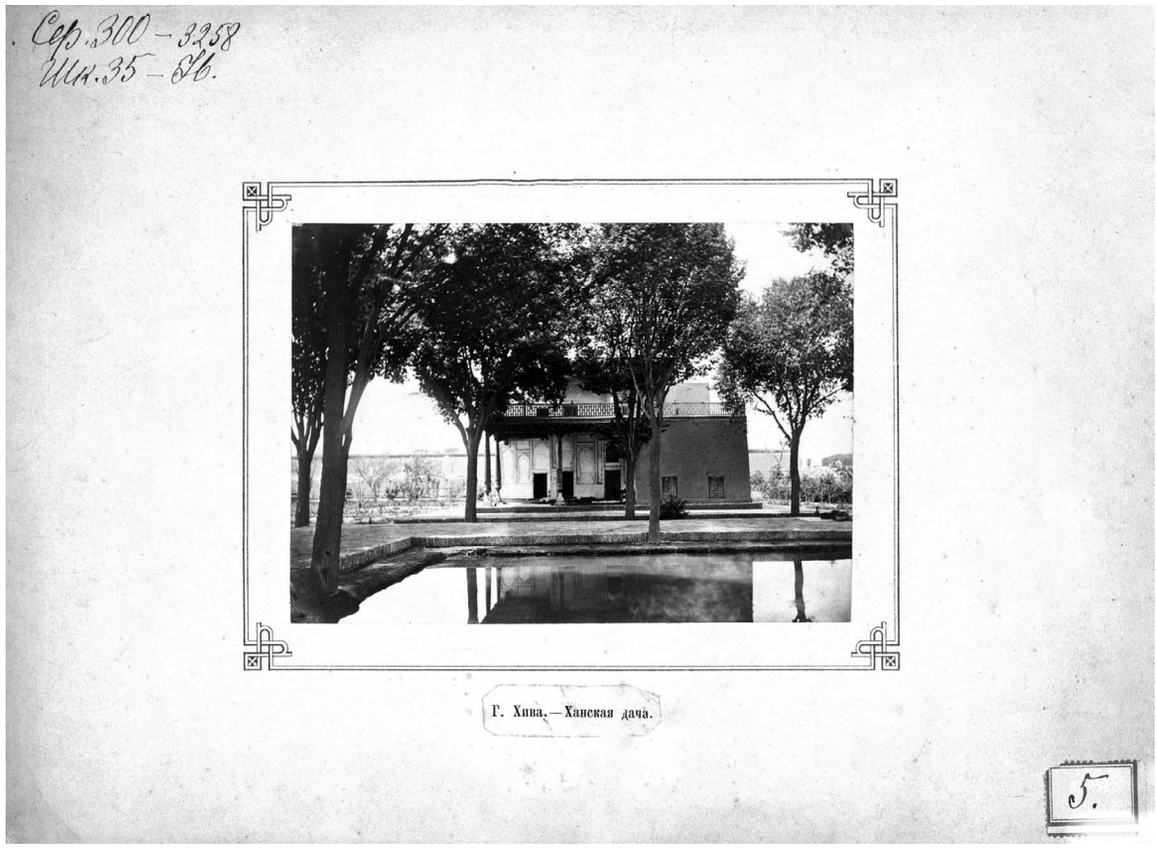
3322. Сер. 278 – 2665
Шк. 35-Л.

Водовозы

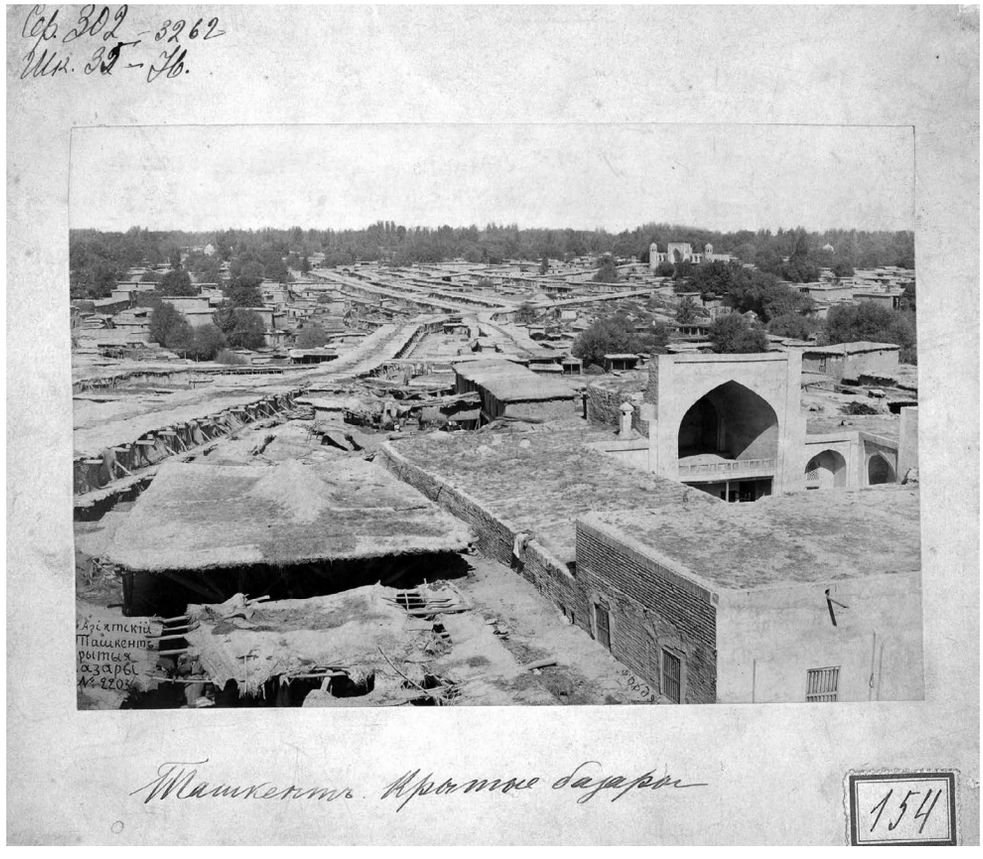
3325. Сер. 300 – 3259
Шк. 35-Н.

Степь

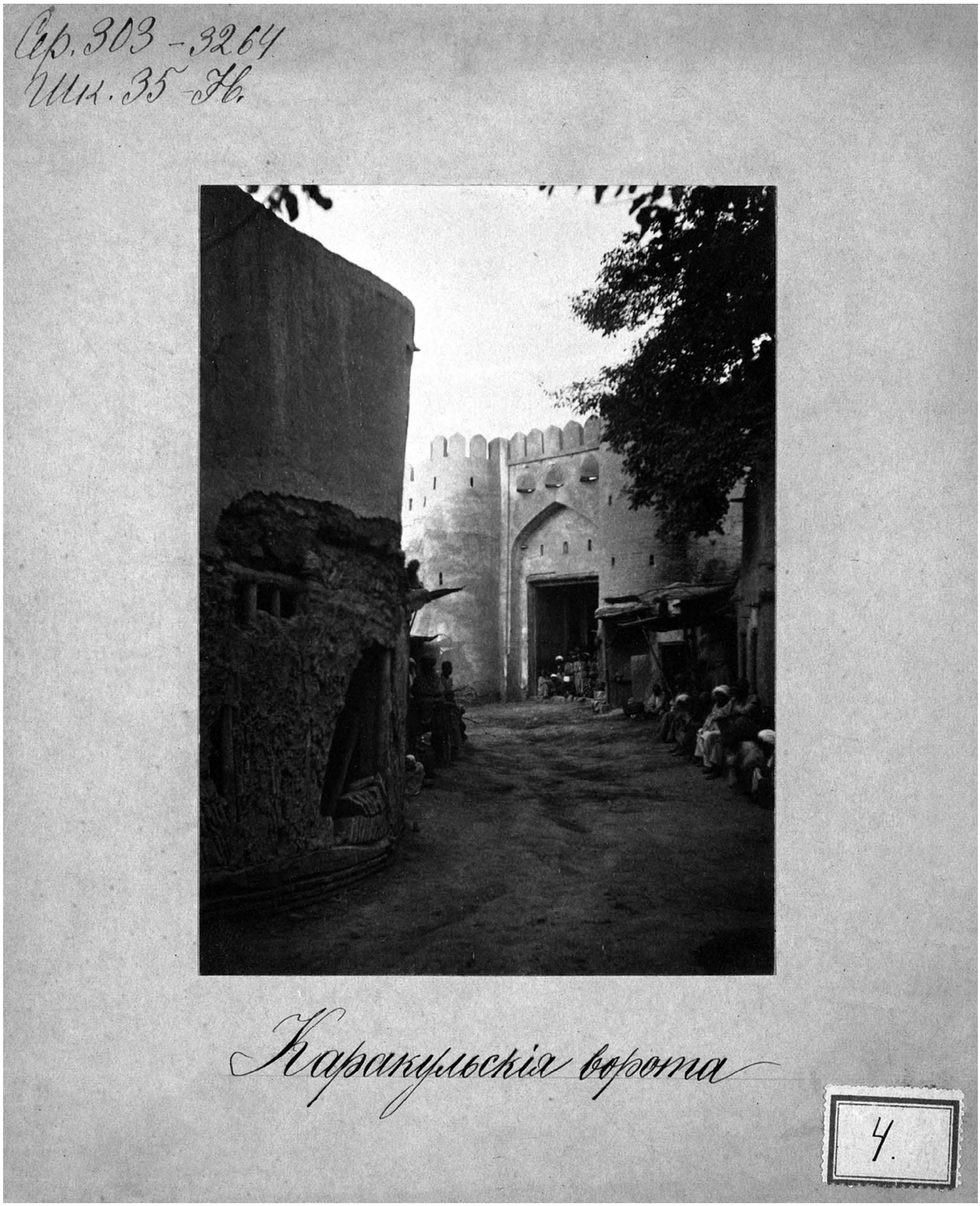
3332. Сер. 300 – 3258
Шк. 35-Н.

Г. Хива. Ханская дача

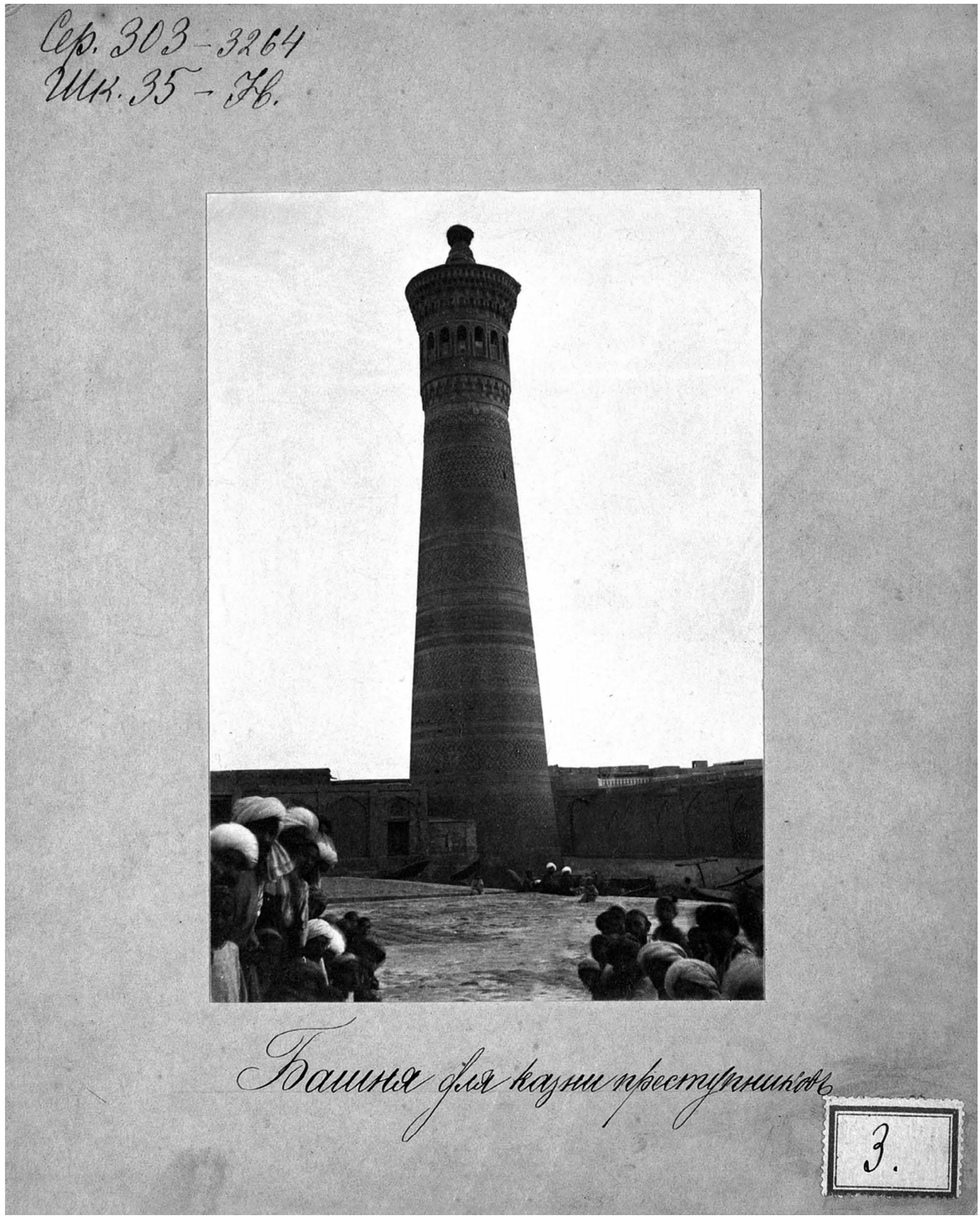
3336. Сер. 302-3262
Шк. 35-Н.

Ташкент. Крытые базары

3341. Сер. 303-3264
Шк. 35-Н

Каракульские ворота

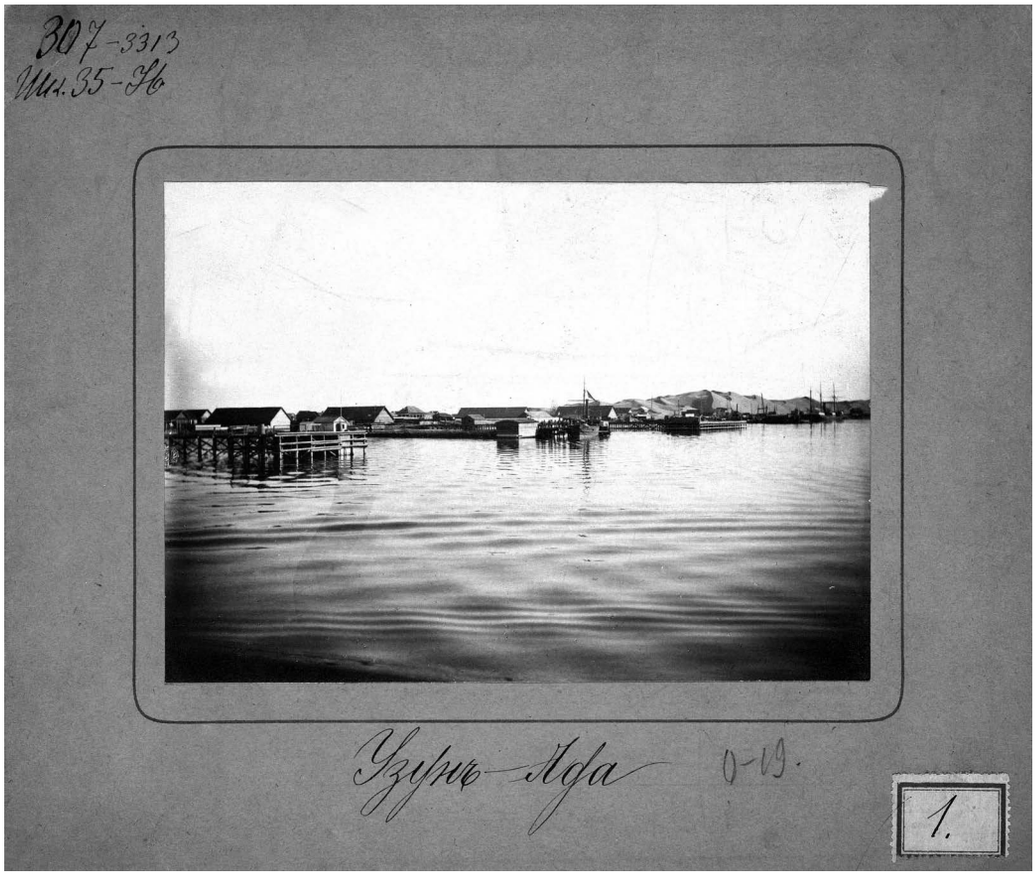
3339. Сер. 303-3264
Шк. 35-Н

Башня для казни преступников
(*вообще это минарет мечети Пои–Калян*)

3337. Сер. 302-3263
Шк. 35-Н.

Самарканд.
Сартовская арба
для перевозки кладей

3343. Сер. 307-3313
Шк. 35-Н

Узунь-Ада

2.6. Кавказ и Киргизия в фотографиях экспедиций С.Г. Григорьева 1894–1895 гг.

Среди географов первой половины XX века С.Г. Григорьеву принадлежит особое, почётное место. Талантливый педагог и исследователь, С.Г. Григорьев своей педагогической, научной и общественной деятельностью много способствовал развитию географии в дореволюционной России, а затем и советской географии.

С.Г. Григорьев проводил широкую педагогическую и общественную работу в области распространения географических знаний, преподавая географию во многих учебных заведениях Москвы и выступая с публичными лекциями и докладами, принимал энергичное участие в реорганизации школы, как средней, так и высшей, и в организации исследовательских работ. Вместе с тем он был неутомимым исследователем-путешественником и развивал наиболее привлекавшую его отрасль географии — страноведение.

С.Г. Григорьев родился 12 октября 1874 г. в Москве, в 1892 г. окончил с серебряной медалью 1-ю Московскую гимназию и в том же году поступил на естественное отделение Московского университета. Интерес к естествознанию пробудился у Григорьева ещё в раннем детстве.

В университете он учился у крупнейших естествоиспытателей того времени — К.А. Тимирязева, М.А. Мензбира, А.П. Павлова и др. Он готовился стать зоологом, работая под руководством М.А. Мензбира. В студенческие и в ближайшие после окончания университета годы им были выполнены работы «Строение крыла у насекомых» и «О скелете Scuphirhynchus». Однако путь учёного-зоолога был прерван в самом начале. В 1896 г., перед окончанием университета, С.Г. Григорьев был арестован по обвинению в политической неблагонадёжности, после ареста был оставлен под надзором полиции, и, хотя и был допущен к государственным экзаменам и окончил университет с дипломом 1-й степени, оставление при университете, а следовательно, и торный путь к научной работе оказались для него невозможными.

После окончания университета С.Г. Григорьев начал преподавать географию в средней школе и перешел к исследовательским работам в области географии.

Интерес С.Г. Григорьева к природе выходил далеко за пределы одной отрасли естествознания. Уже студентом он наряду с зоологией занимался и ботаникой, много путешествовал с этой целью в различных частях Европейской России, на Кавказе и в Средней Азии, и уже в 1898 г., через два года после окончания университета, вышла его первая печатная работа «К флоре северной границы чернозёма».

Яркий педагогический талант С.Г. Григорьева раскрылся во всей полноте уже в ранний период его деятельности. Вместе с группой других преподавателей, А.А. Крубером, А.С. Барковым и С.В. Чефрановым, он выступает как преобразователь преподавания географии в России, находившегося в то время на крайне низком уровне.

Вооружённые глубокими и широкими познаниями по географии и различным отраслям естествознания, с тщательно продуманными методическими предпосылками, четыре московских географа приступили к созданию учебных руководств по географии. По свидетельству А.С. Баркова, С.Г. Григорьев был душою всей четвёрки. Именно ему эти учебные руководства обязаны прежде всего яркостью и живостью языка, обилием запоминающихся описаний ландшафтов.

Одновременно с созданием учебников большую работу проводит С.Г. Григорьев в педагогических общественных организациях того времени. Он принимает энергичное участие в работе Географо-педагогической комиссии при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). В 1905–1906 гг., когда Московское педагогическое общество развернуло свою работу в весьма радикальном

направлении, Григорьев работал в качестве его секретаря. В те же годы он состоял председателем Союза деятелей средней школы и участвовал в нелегальном съезде этого Союза в Финляндии.

В преподавании географии С.Г. Григорьев придавал большое значение использованию преподавателем своих личных наблюдений и впечатлений от посещения им разных стран и районов. В связи с этим Григорьев всё свободное время посвящал поездкам для ознакомления с различными странами и ландшафтами. Его поездки с этой целью охватили густой сетью маршрутов Европейскую часть СССР и некоторые местности Азиатской части; кроме того, он побывал и во многих зарубежных странах. В Европейской части СССР С.Г. Григорьев изъездил, как с целью сбора материалов для своей педагогической работы, так и с научно-исследовательскими целями, многие области центральной и южной части Русской равнины, Крым, Кавказ, Урал; особенно интересовал его Север, где он изучал Заимандрский район Кольского полуострова и полуостров Канин. В Азиатской части СССР Григорьев побывал на Памире и в других частях Средней Азии, на Алтае и в Зауралье. Из зарубежных стран Григорьев путешествовал по Турции, Греции, Италии, Германии, Швейцарии, Франции, Австрии и Венгрии, Сирии, Палестине и Египту. Ряд поездок он совершил со своими учениками по средней школе и со студентами Московского университета. Григорьев привозил из своих поездок богатейший материал для передачи его своим ученикам и слушателям лекций. Он совершил восхождения на вулканы Везувий и Этну, знакомился с карстовыми ландшафтами Крыма и Западной Европы, озёрами Северной Италии, ледниками Альп, Средней Азии и Кавказа.

Богатство личных наблюдений вместе с блестящим талантом лектора придавали большую живость и красочность его лекциям в аудиториях учебных заведений Москвы и его докладам в научных обществах и публичным лекциям, неизменно привлекая большое число слушателей.

В 1908–1909 гг. С.Г. Григорьев выдержал при Московском университете магистерский экзамен по географии у Д.Н. Анучина и в 1909 г. начал работать в университете приват-доцентом по кафедре географии. В том же году Д.Н. Анучин передал ему свой курс общего землеведения. Кроме того, в 1910/11 учебном году С.Г. Григорьев читал курс географии Западной Европы (Италия и Голландия) и курс географии России (Туркестан).

Однако и на этот раз работа С.Г. Григорьева в Московском университете была вскоре прервана. В 1911 г., вместе с группой других профессоров и преподавателей, С.Г. Григорьев уходит из университета в знак протеста против реакционно направленной деятельности министра просвещения Л.А. Кассо. [Колотилова и др., 2019]. В письме к Д.Н. Анучину он писал: «…я знаю, что рискую не только работой в университете, что рискую потерять (быть может надолго, быть может навсегда) свою 15-летнюю службу по Мин. нар. просв., рискую лишиться своего любимого детища — средней школы… и все-таки не могу отказаться от подачи мотивированного заявления о невозможности для меня состоять преподавателем университета в данную минуту». И далее: «…аресты и высылки студентов, отмена правил о собраниях, присутствие и постоянное вмешательство полиции, инсценированные лекции, увольнение глубоко уважаемых мною людей… — всё это такие факты, что… не выразить по поводу их протеста я не могу…»

По выходе из университета С.Г. Григорьев возвратился к преподаванию в средней школе. С 1913 г. он читал лекции в Московском сельскохозяйственном институте [Тимирязевская академия], в Народном университете имени Шанявского и на Высших женских курсах. В 1915 г. С.Г. Григорьев был одним из организаторов состоявшегося в Москве первого съезда преподавателей географии. В Московский университет С.Г. Григорьев мог вернуться только весной 1917 г.; сначала он работал там в качестве приват-доцента, а в 1918 г. был избран профессором. В университете С.Г. Григо-

рьев продолжал дело реорганизации преподавания, начатое им ещё в годы молодости. Он принял большое участие в организации преподавания на вновь созданном после Октябрьской революции географическом отделении физико-математического факультета. С не меньшей энергией взялся С.Г. Григорьев за создание ряда новых курсов. В послереволюционные годы он читал курсы: сравнительного страноведения, биогеографии, географии СССР, курс географии внеевропейских стран и др.

Разработанная С.Г. Григорьевым методика преподавания географии, созданные им учебные руководства и курсы в высших учебных заведениях оказали большое влияние на ряд поколений преподавателей географии и научных работников-географов, привлекали в ряды географов новые, молодые силы и неизменно способствовали развитию географии. Ю.М. Шокальский после смерти Григорьева писал: «Ему многим обязана русская школа в постановке правильного преподавания географии. Это дело было тогда совершенно новое везде в Европе… Успех и польза его трудов вознаградили его сторицею, и в области этого главного предприятия его жизни — память о нём не умрет».

Как ученый-географ С.Г. Григорьев был прежде всего страноведом. «Страноведение, — пишет он в одной из своих работ, — изучает различные географические элементы в их совокупности, в их взаимной связи, в их взаимодействии, пытаясь выяснить зависимость этих элементов друг от друга…; другими словами, страноведение делает из фактов выводы, конечным следствием которых является выяснение общих географических законов». Из этого понимания страноведения вытекает общий комплексный характер исследовательских работ Григорьева. Вслед за первыми более специальными работами по зоологии и ботанике, указанными выше, и работой по изучению озёр Ростовского уезда, все последующие исследования С.Г. Григорьева носят характер именно комплексного изучения местности. Стремясь создать «цельную географическую картину» (как он писал в одной из своих работ) изучаемой территории, Григорьев тем не менее со всей тщательностью подходил к изучению отдельных элементов ландшафта, рассматривая каждое явление в связи с общим ландшафтом.

Ряд лет С.Г. Григорьев проводил исследования на Кавказе — в районах Черноморского побережья Кавказа, в районе Кисловодска, принимал участие в экспедиции по обследованию Кавказского заповедника. В работе «Долины окрестностей Кисловодска», отмечая характерную черту Кисловодского плато — глубокие и узкие долины рек, С.Г. Григорьев указывает на связь их направления с общим наклоном пластов и трещинами пород, зависимость формы долин от петрографического состава пород и объясняет их генезис работой обильных вод в результате отступания ледников с последующей моделировкой склонов долин агентами выветривания и эоловой эрозии в фазу послеледникового усыхания.

Наибольший интерес вызывали у С.Г. Григорьева малоисследованные места нашей родины, «белые пятна» на ее карте. К такого рода исследованиям относятся короткая, но давшая ценные результаты поездка в 1921 г. на западное побережье озера Имандра и трёхгодичная (1905, 1913 и 1914) экспедиция на полуостров Канин, которую С.Г. Григорьев возглавлял по поручению Русского географического общества. Первоочередной задачей экспедиции явилась съемка территории полуострова. В результате этой работы и обработки других картографических материалов была составлена карта полуострова Канин в масштабе 1 : 617 000.

В 1905 г. экспедиция С.Г. Григорьева посетила северную оконечность полуострова — мыс Канин Нос. В 1913 г. экспедиция прошла на оленях от устья реки Чижи на западном побережье Канина на север вдоль центральной части полуострова, пересекла возвышенность Канин Камень и вышла на мыс Канин Нос. В 1914 г. работы экспедиции охватили южную часть Канина от пос. Нижняя Мгла — к восточному побережью полуострова — по долинам рек Голубницы, Чёши и Чижи — западное побе-

режье до Нижней Мглы. Результатом работ экспедиции стала выполненная С.Г. Григорьевым монография «Полуостров Канин», первый том которой вышел в 1929 г. Второй том монографии Григорьев не успел закончить, и материалы этой второй части работы остаются до сих пор неопубликованными.

Кроме материалов собственных исследований, С.Г. Григорьев систематически печатал обзоры новой географической литературы по разным странам и рецензии. Много статей он написал для энциклопедических словарей — словаря Граната, Большой и Малой советских энциклопедий. Результатом его работы по истории исследования Антарктиды стала книга «Шестая часть света» и выдержавшая несколько изданий книга «Вокруг Южного полюса».

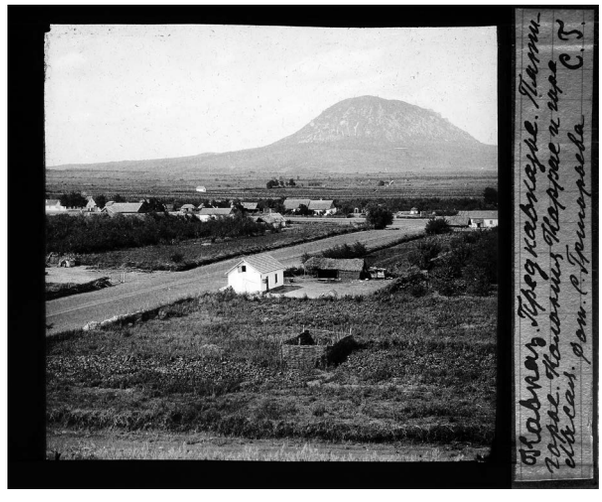
Большую работу проводил С.Г. Григорьев по организации географических исследований. Он состоял членом Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, членом Государственного комитета по охране природы, председателем географического отделения, а затем и всей естественно-исторической секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, заместителем председателя географического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Организационную и консультационную работу вёл С.Г. Григорьев в течение многих лет в Российском обществе туристов, а впоследствии в Обществе пролетарского туризма, в ВОКСе и других организациях и научных обществах.

А.А. Борзов писал в некрологе о С.Г. Григорьеве: «Возможность передать другим всё то, что узнал, проработал сам, — вот в чём был главный одухотворяющий всю жизнь стимул… Его имя уже вошло в историю русской географии, в историю развития и распространения географических знаний в нашей стране, так же как и в историю русской школы первой четверти XX века. И здесь, и там оно займёт видное место на почётной странице» [Спрыгина, 1959].

На фотографии изображен вид на небольшое сельское поселение, колонию Каррас, расположенную у подножья горы. Селение имеет чёткий план улиц, расположенных перпендикулярно друг к другу. Улицы застроены одинаковыми одноэтажными удлинёнными домами, стоящими на значительном расстоянии друг от друга. Вокруг каждого дома — придомовая территория с хозяйственными постройками и садом, огороженная забором. Чёткое единообразие в организации поселения свидетельствует об организованности и едином укладе жизни населения, проживающего в этом селе.

На дальнем плане фотографии — гора Лысая, по форме — вулкан с чётко выраженными крутыми склонами и округлой вершиной. Нижние части склонов горы поросли густым лесом. Верхние части склонов и вершина горы — безлесны. Видны выходы горных пород (вулканогенного состава?), слагающих гору.

В 1801 г. по велению императора Александра I «с целью распространения трудолюбия, ремесла и христианства среди горских народов магометанского и языческого исповедания» на восточном склоне горы Бештау, в старом татарском поселении Каррас, миссионерами Эдинбургского библейского общества на казённых землях была организована колония Каррас. В 1809 г. в помощь колонистам для обработки земли переселились первые немцы из Саратовской губернии. В 1819 г. рядом с Каррасом была учреждена немецкая Николаевская колония (с 1831 г. — Констан-

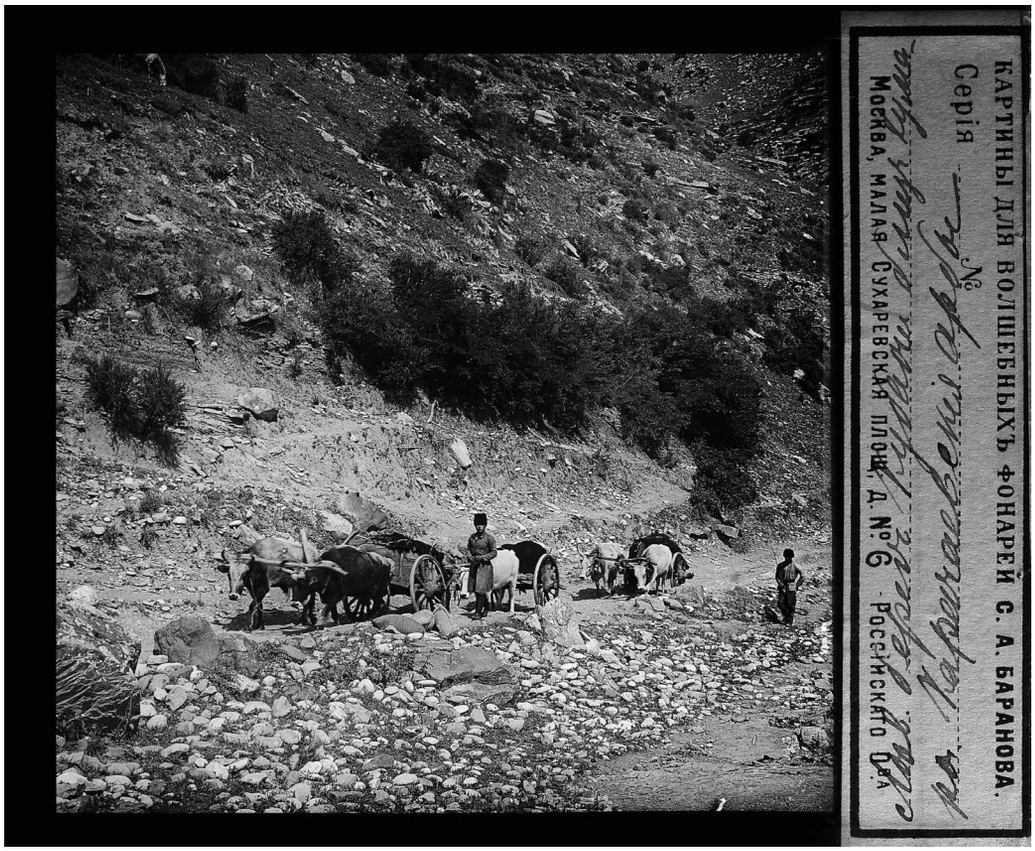
Img 0298.
Вид колонии Каррас
у подножия горы Лысая.
Фото С.Г. Григорьева
(ок. 1900 года).

тиновская). В середине XIX века немецкие поселения были примером удивительной чистоты, благоустроенности, обилия зелени, цветов и фруктов, вкусной и недорогой еды. К 1940 г. немцы составляли 90 % населения колонии. В 1941 г. немецкое население было вывезено в северный Казахстан, Узбекистан, на Урал и в Сибирь. Колония Каррас стала называться поселком Николаевское, который позже (1983 г.) был объединён с курортным поселком Иноземцево и вошёл в состав города-курорта Железноводск.

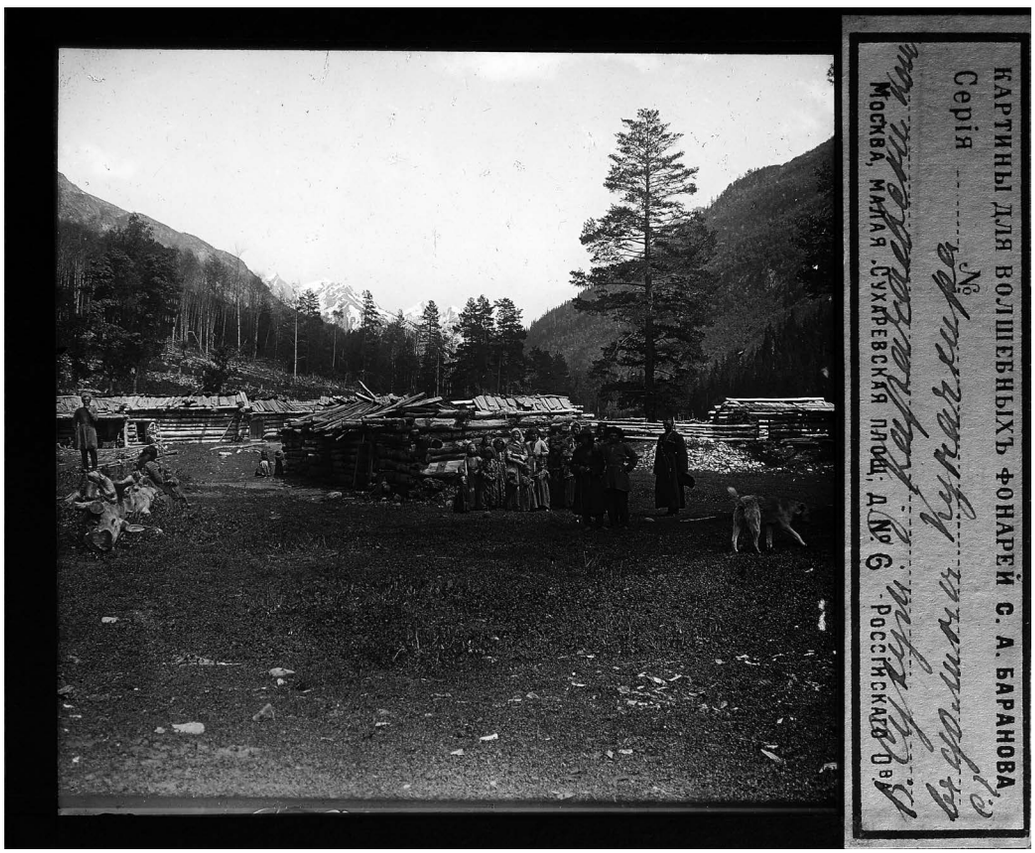
Освоение природных ресурсов в виде минеральных вод началось с 1801 г. Московский военный врач Ф.П. Гааз открыл первую купальню на ручье Горячий. В 1803 г. началось освоение минеральных вод как курорта. В 1804–1812 гг. — годы эпидемии чумы и войн с Турцией, Персией и Францией — строительство курорта отложено. Лечились в основном раненые служивые люди. После Отечественной войны 1812 г. возобновилось обустройство курорта: строительство каменных ванн и каменной лестницы на гору Горячая (бывшая гора Змиева).

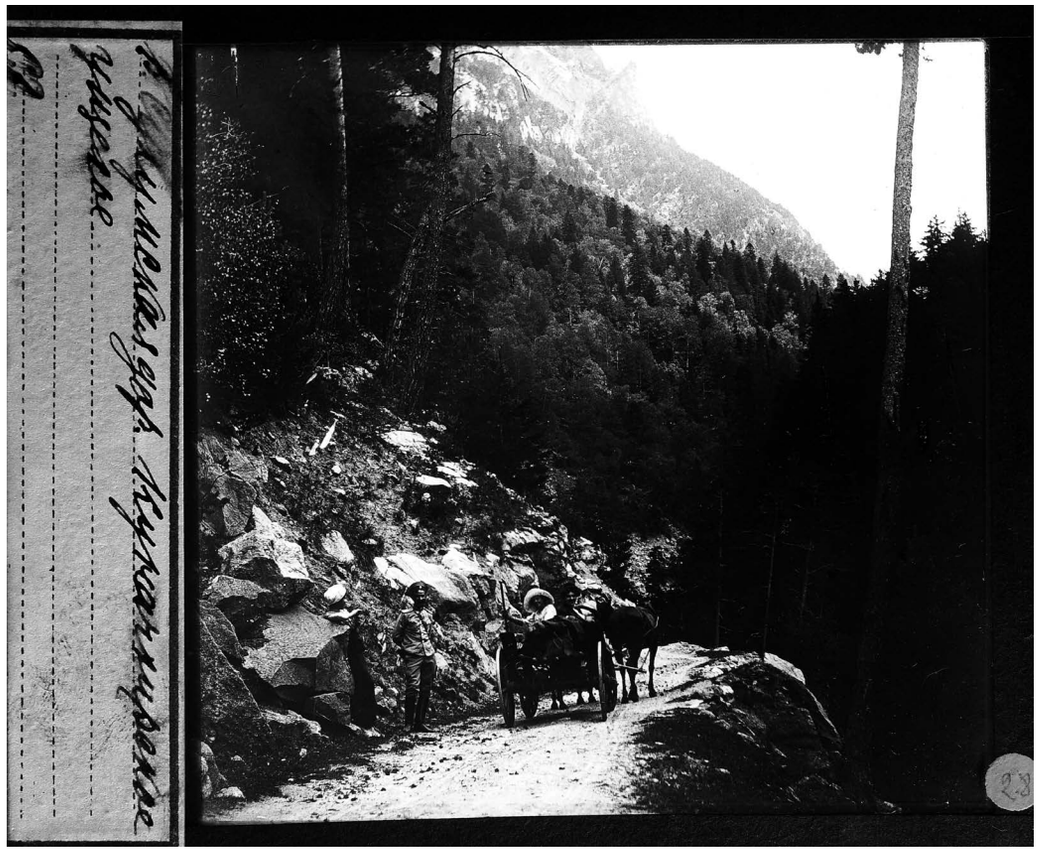
Img0450.
В. Сухумская дор.
Вид вверх на дол. Тиберды от Сентинского аула.
[Фото С. Григорьева]. ИЭА

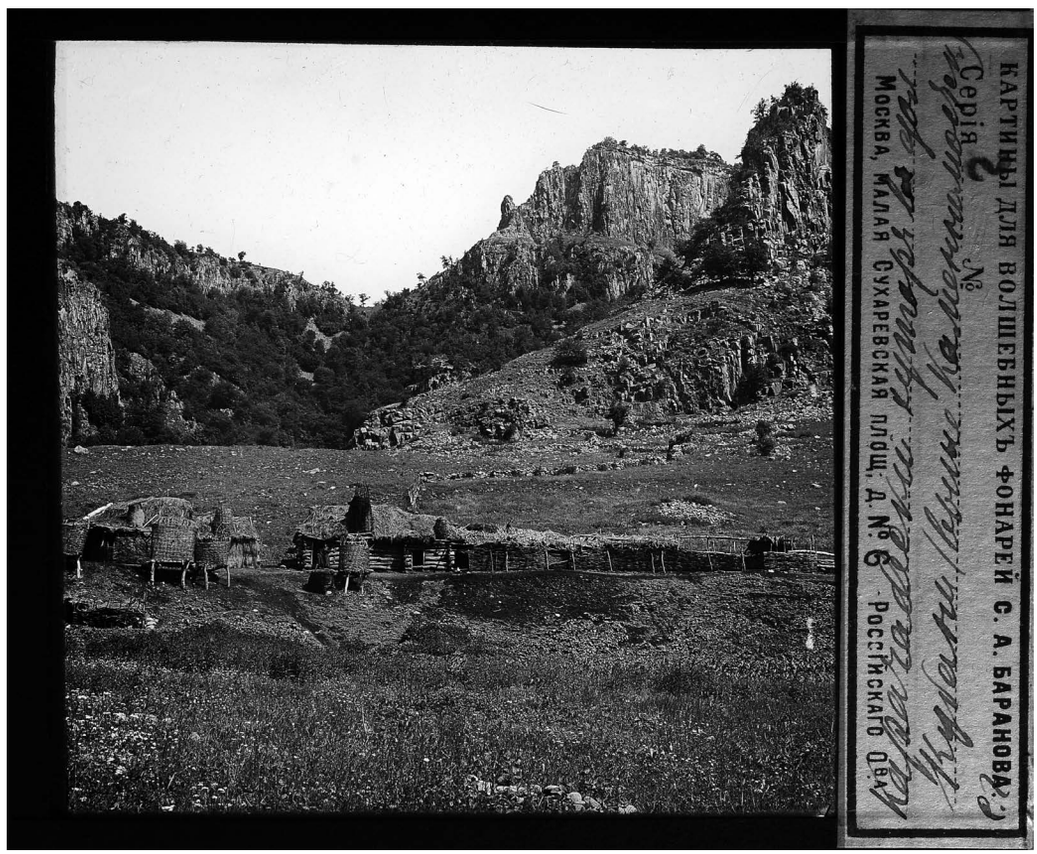
Img0451.
Лев. берег Кубани близь Кумары. Карачаевские арбы. [Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

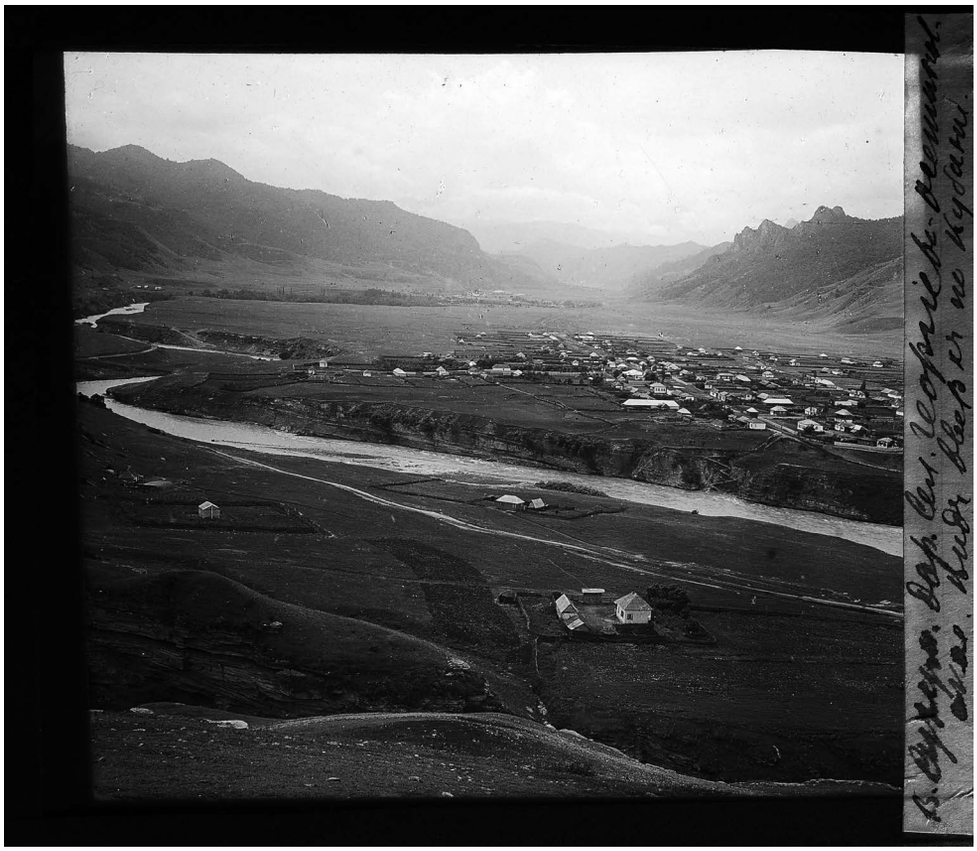
Img0453.
В. Сухум. д. Карачаевский кош в долине Куначкира. [Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

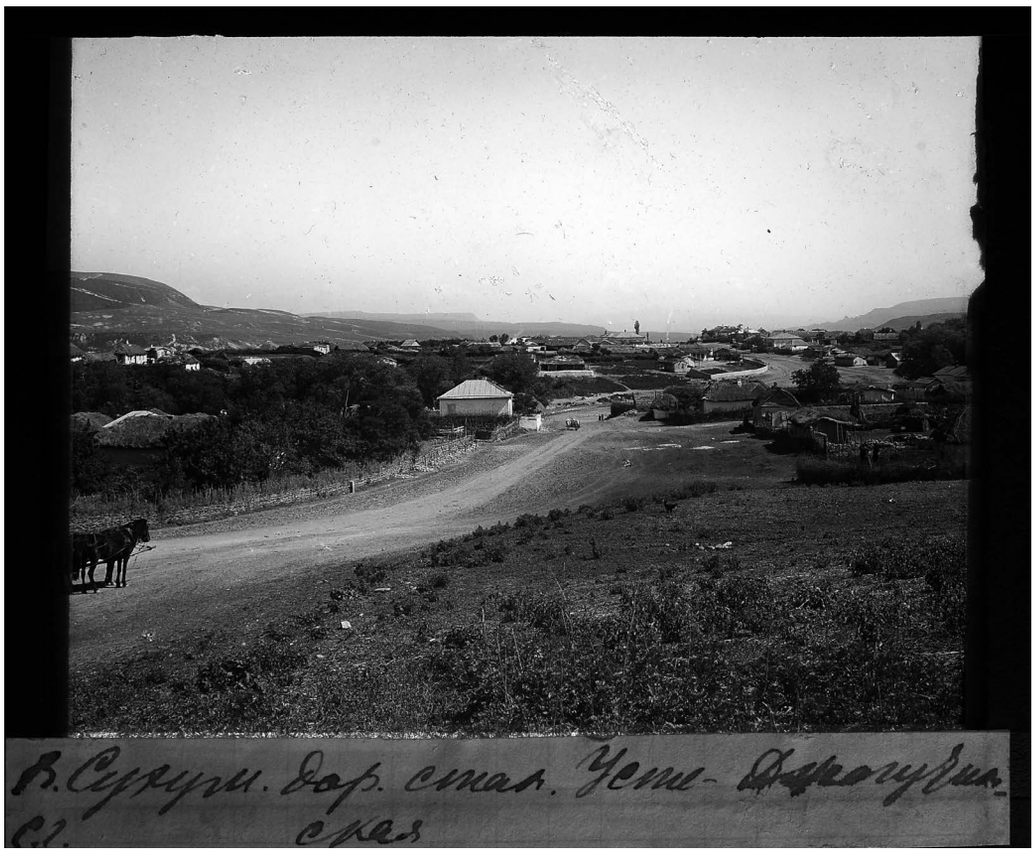
Img0454. В. Сухумская дор. Куначкирское ущелье. [Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

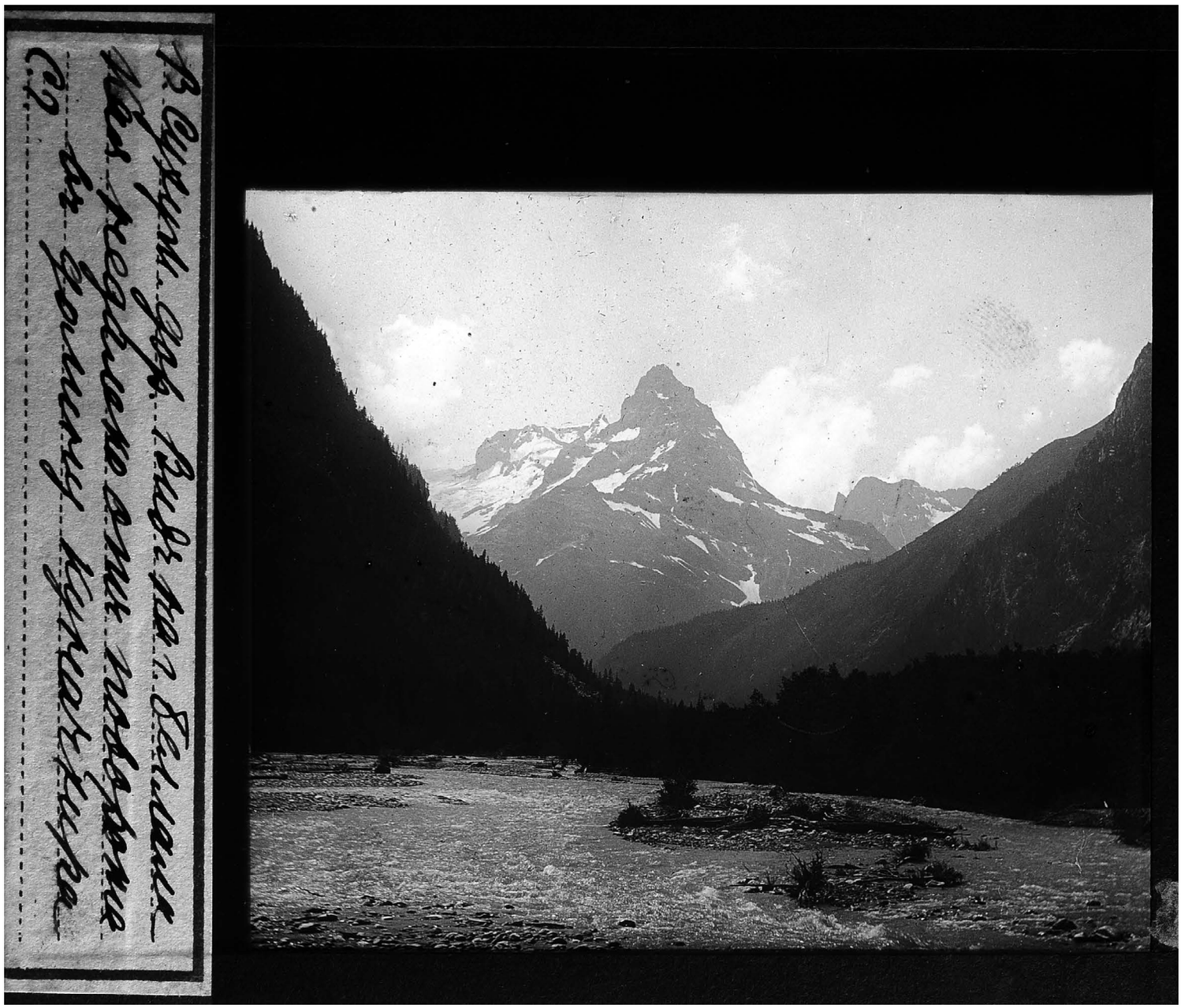
Img0461. Карачаевский хутор в дол. Кубани. [Фото С.Г. Григорьева].

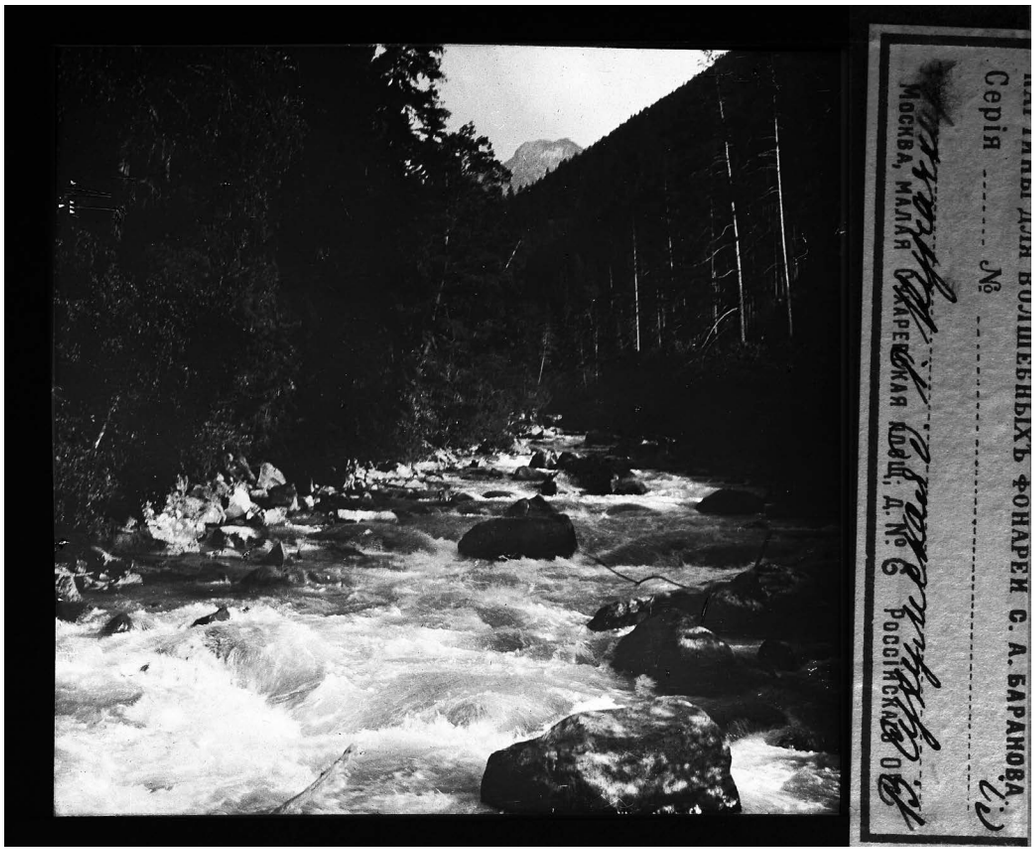
Img0462.
В. Сухум. дор.
Сел. Георгиево-Осетинское.
Вид вверх по Кубани.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0478.
В. Сухум. дор.
Стан. Усть-Джагутинская.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

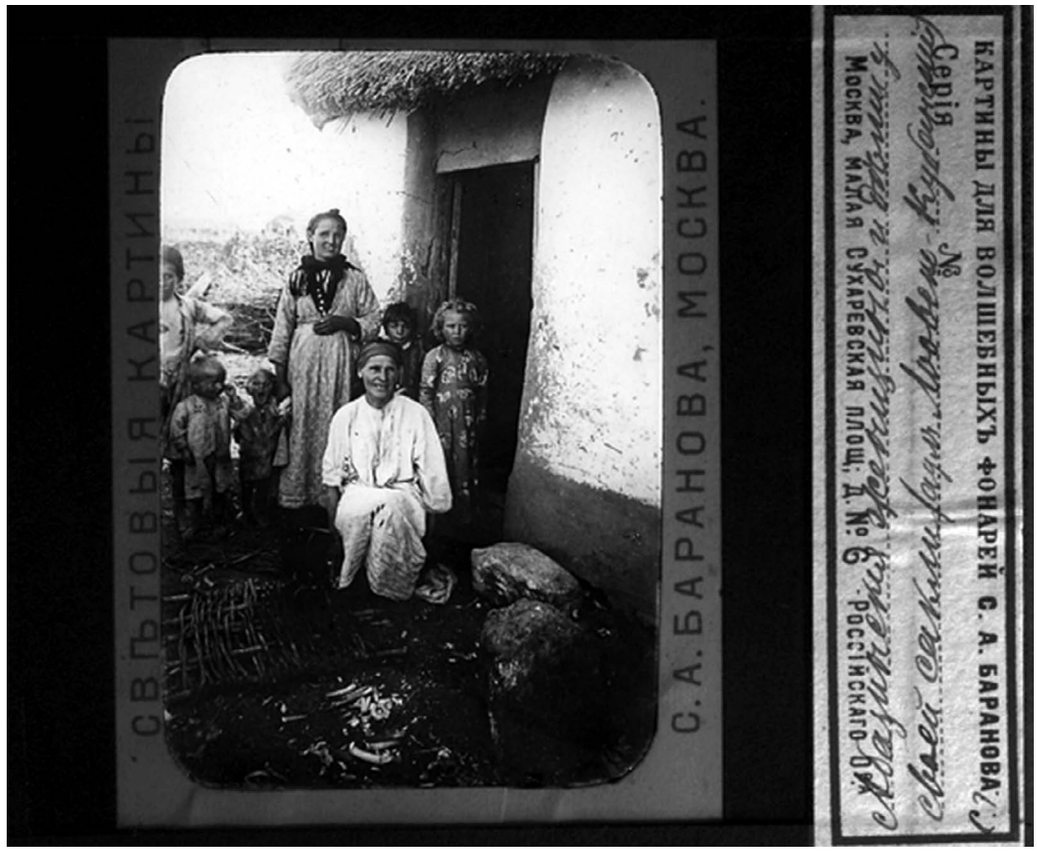
Img0476.
В. Сухум. дор.
Вид на гору Беллалакая недалеко от поворота в долину Куначкира.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0485.
В. Сухум. д. Река Куначкир.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0512.
Кавказ. Главный хребет.
Истоки Терека. Группа Осетин.
Фот. С. Турова. ИЭА

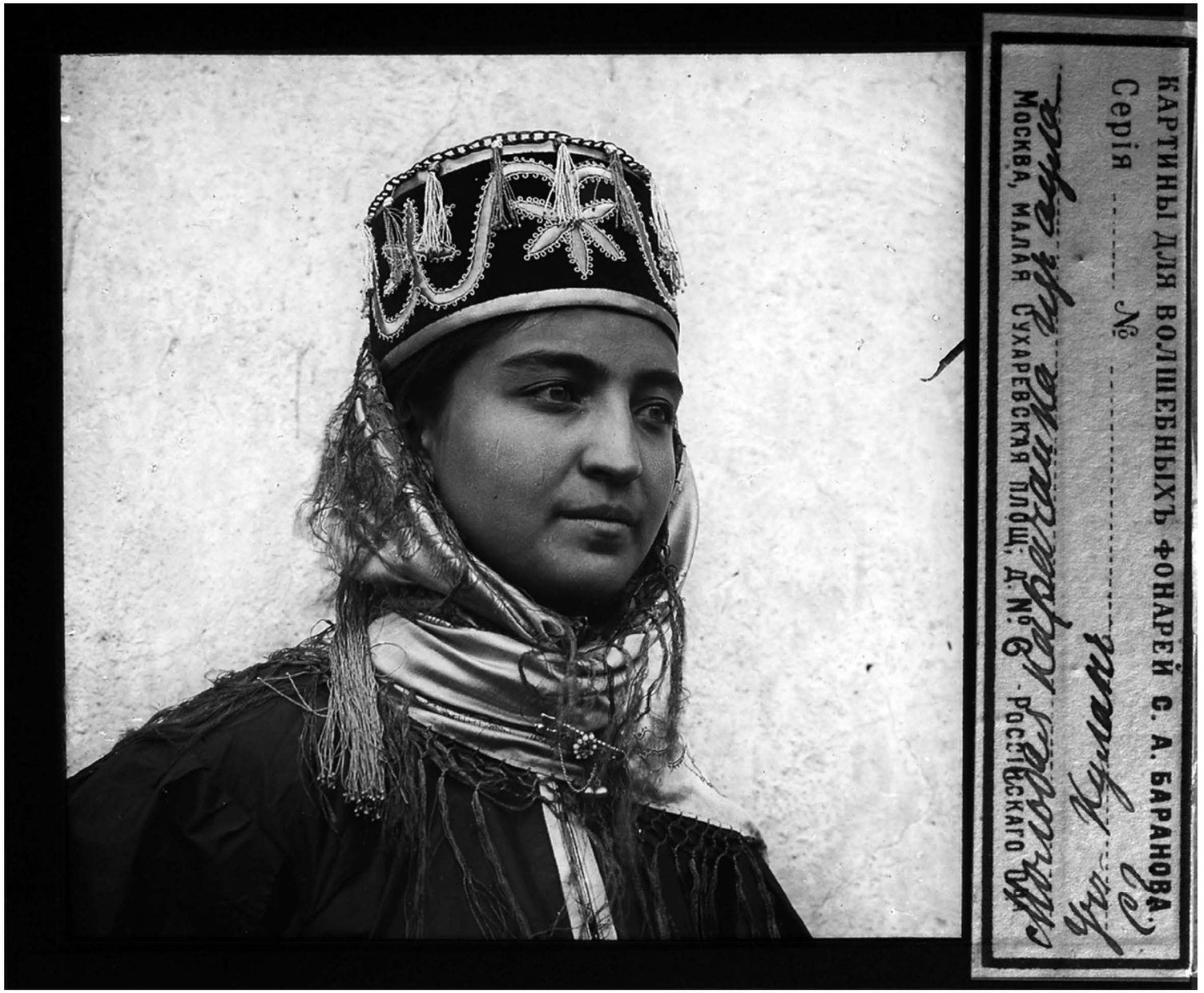
Img0548.
Абазинские женщины
и дети у своей сакли
(аул Лоовско-Кубанский).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0550.
Абазинцы из аула
Лоовско-Кубанского.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0510.
Кавказ. Главный хребет; Северн. Осетия. Верхний Терек. Группа осетин.
Фот. С. Турова. ИЭА

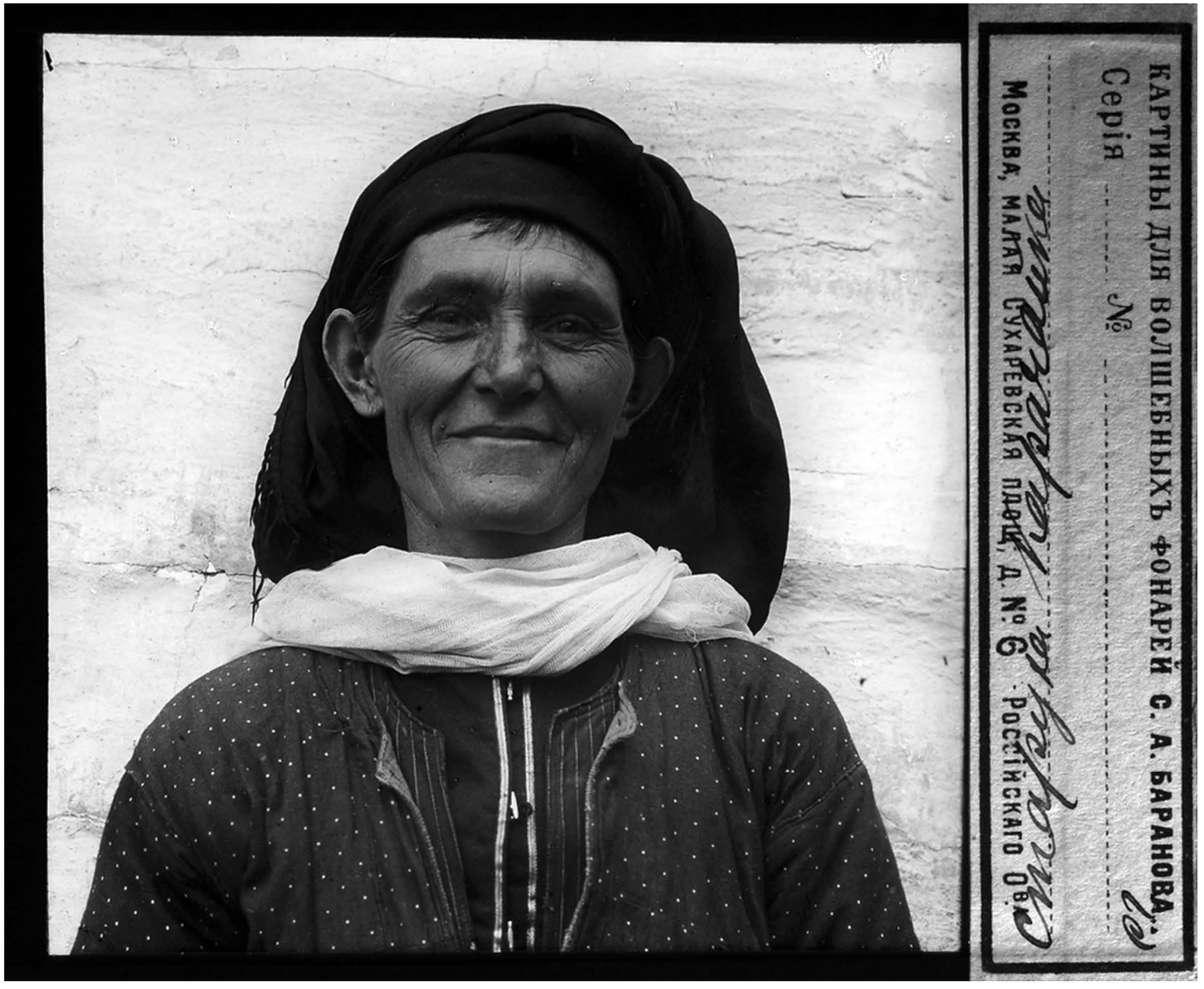
Img0551.
Молодая карачайка из аула Уч-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

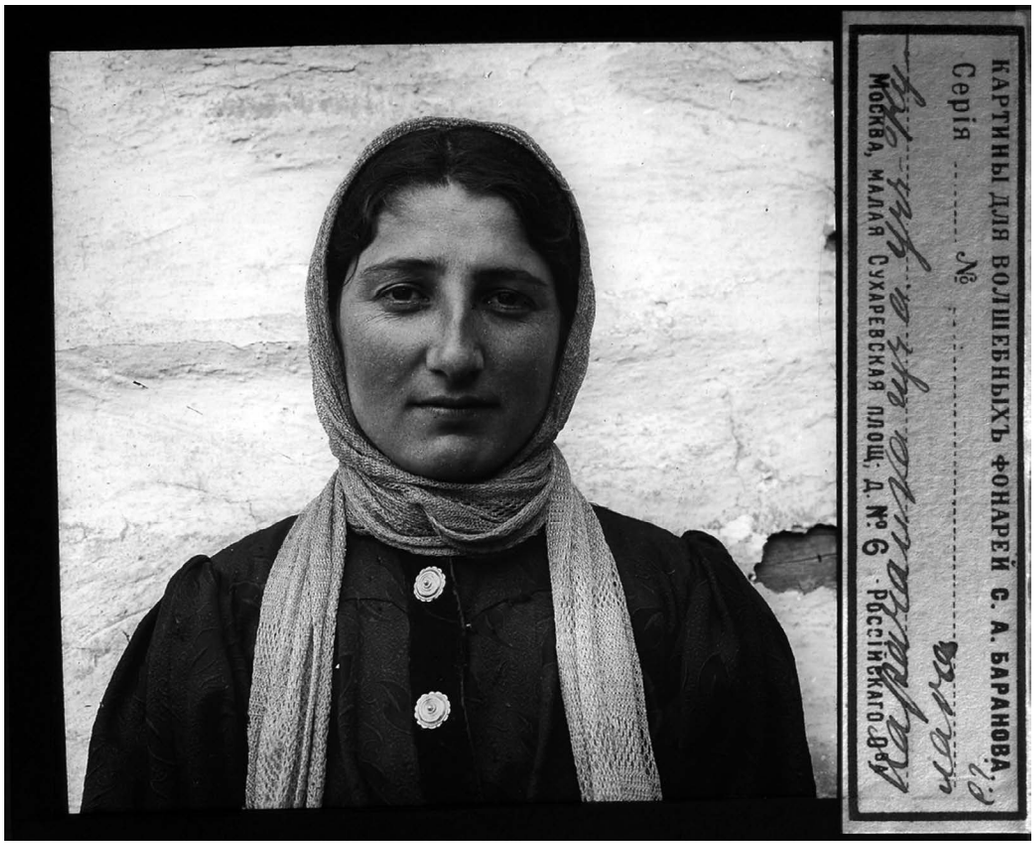
Img0555.
Семья карачаев
из аула Сенты.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0561.
Теберда. Карачаевцы
у коша в долине р. Азгека.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

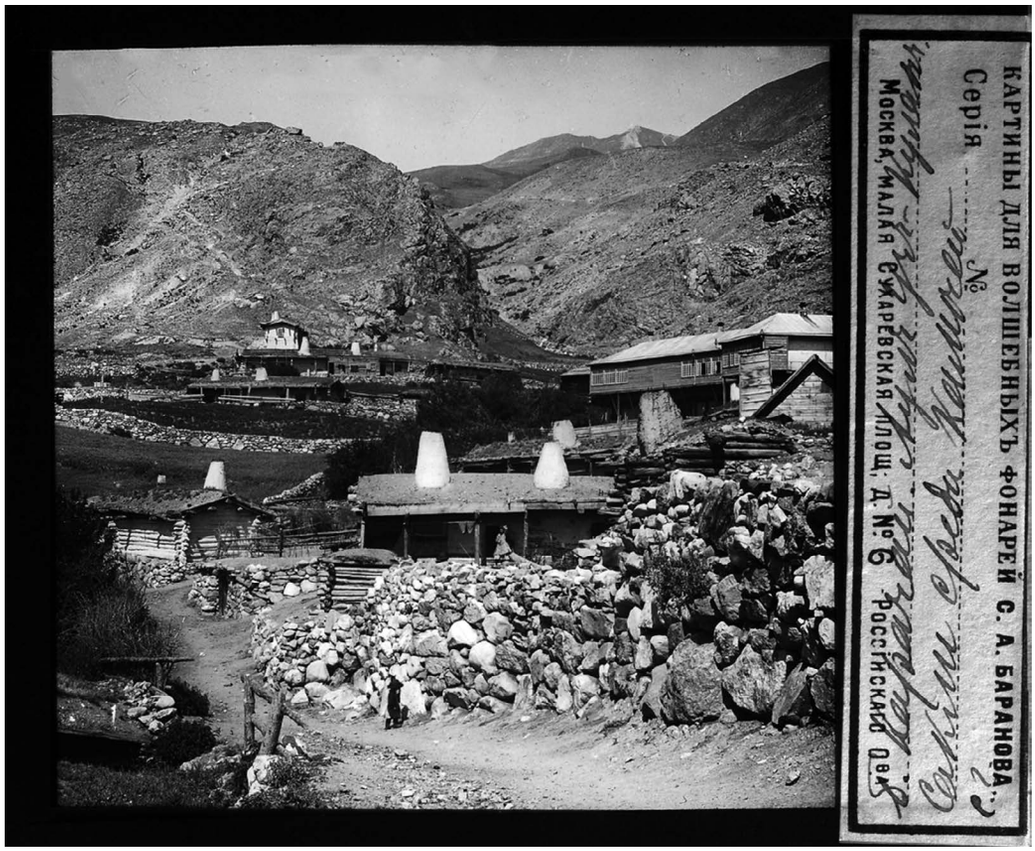
Img0564.
Старуха карачайка.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0565.
Карачайка из а. Уч-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

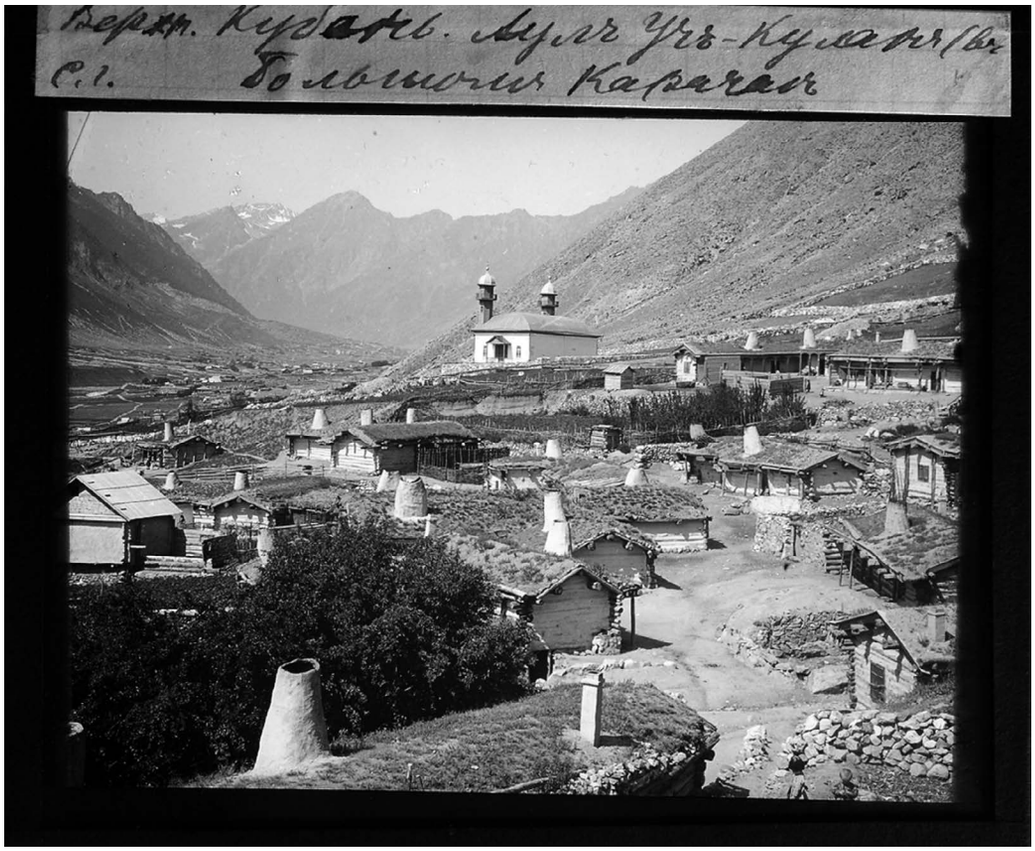
Img0566.
Молодая Карачайка
из а. Уч-Кулана.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0574.
Б. Карачай. Аул Учь-кулан.
Сакли среди камней

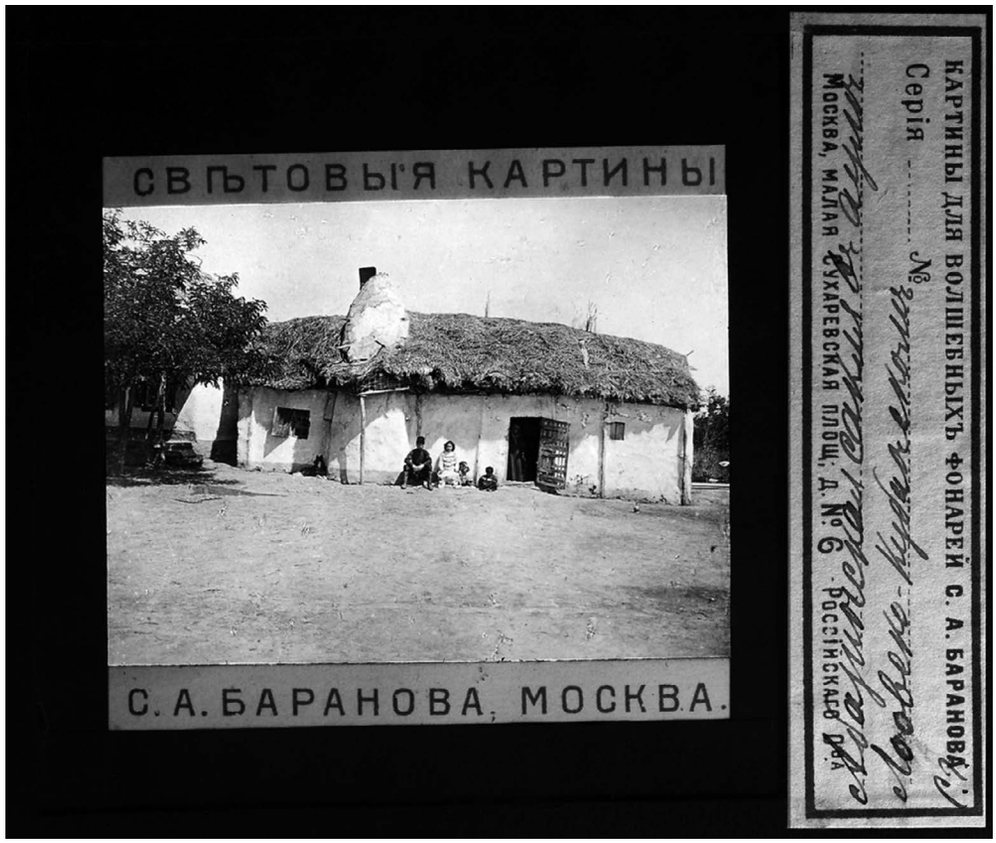
Img0576.
Карачаевский двор
в ауле Сенты

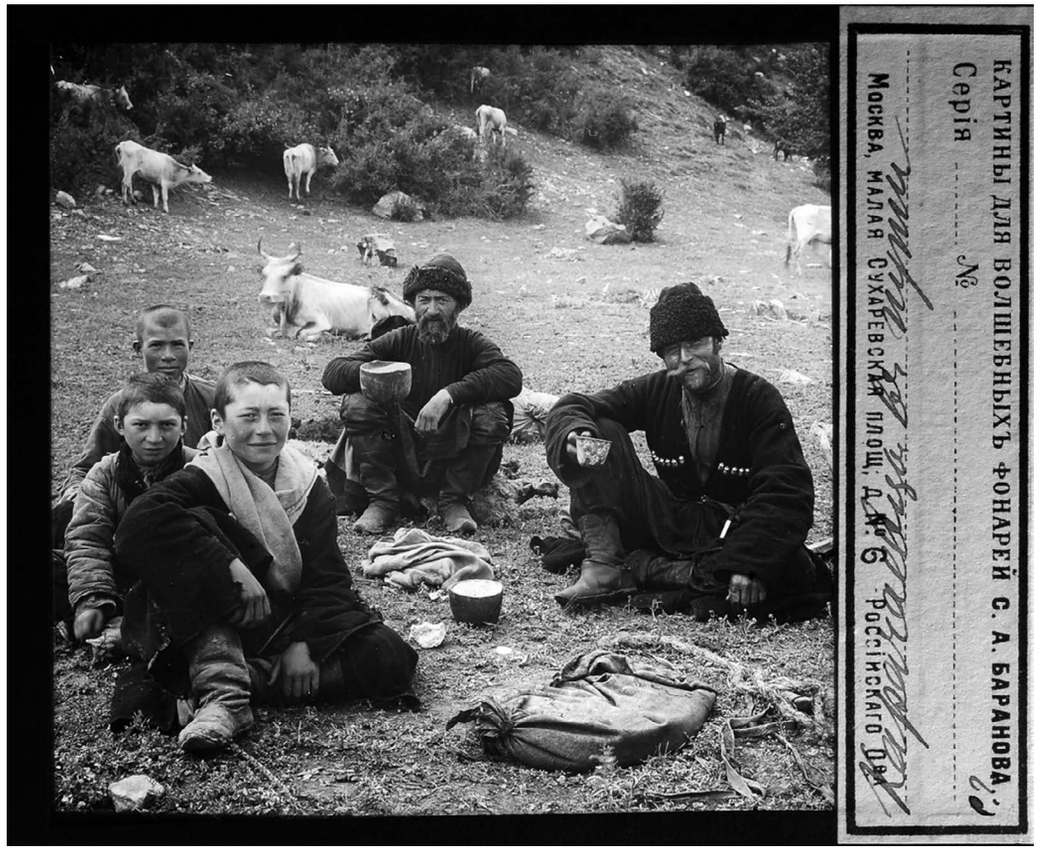
Img0577.
Верхн. Кубань. Аул Уч-Кулан
в Большом Карачае.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

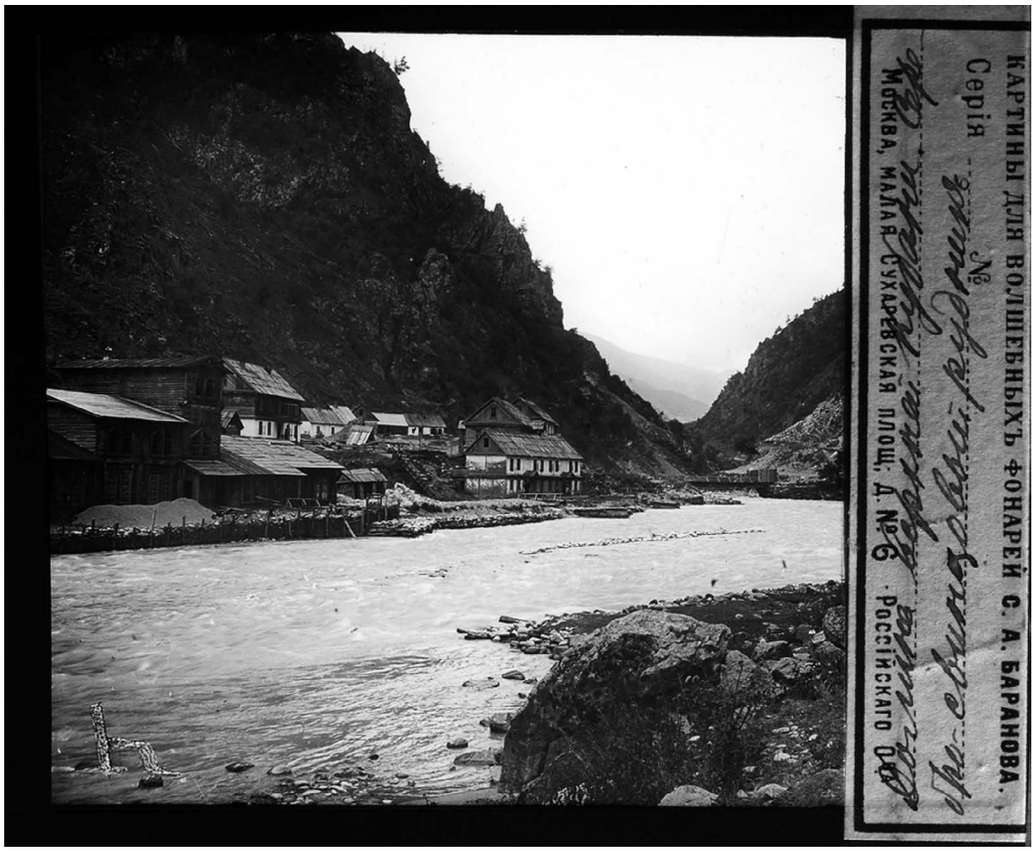
Img0592.
Абазинская сакля
с выходящей наружу печью.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

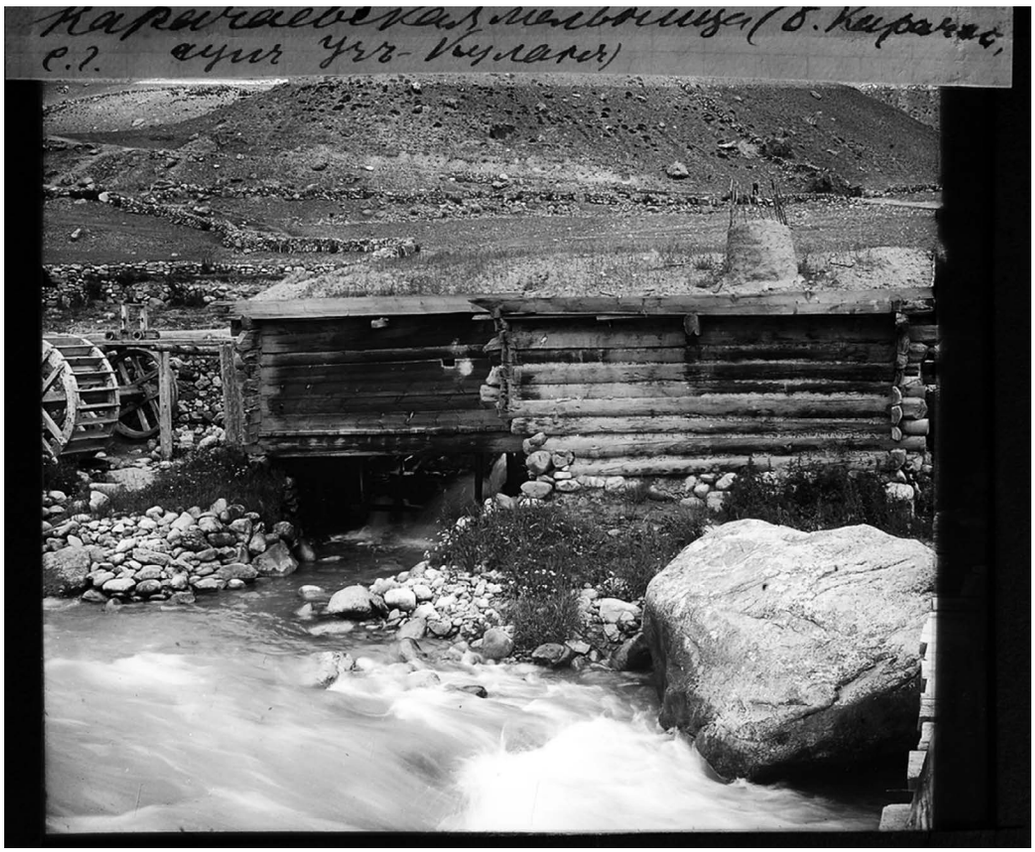
Img0598.
Абазинская сакля
в ауле Лоовско-Кубанском.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

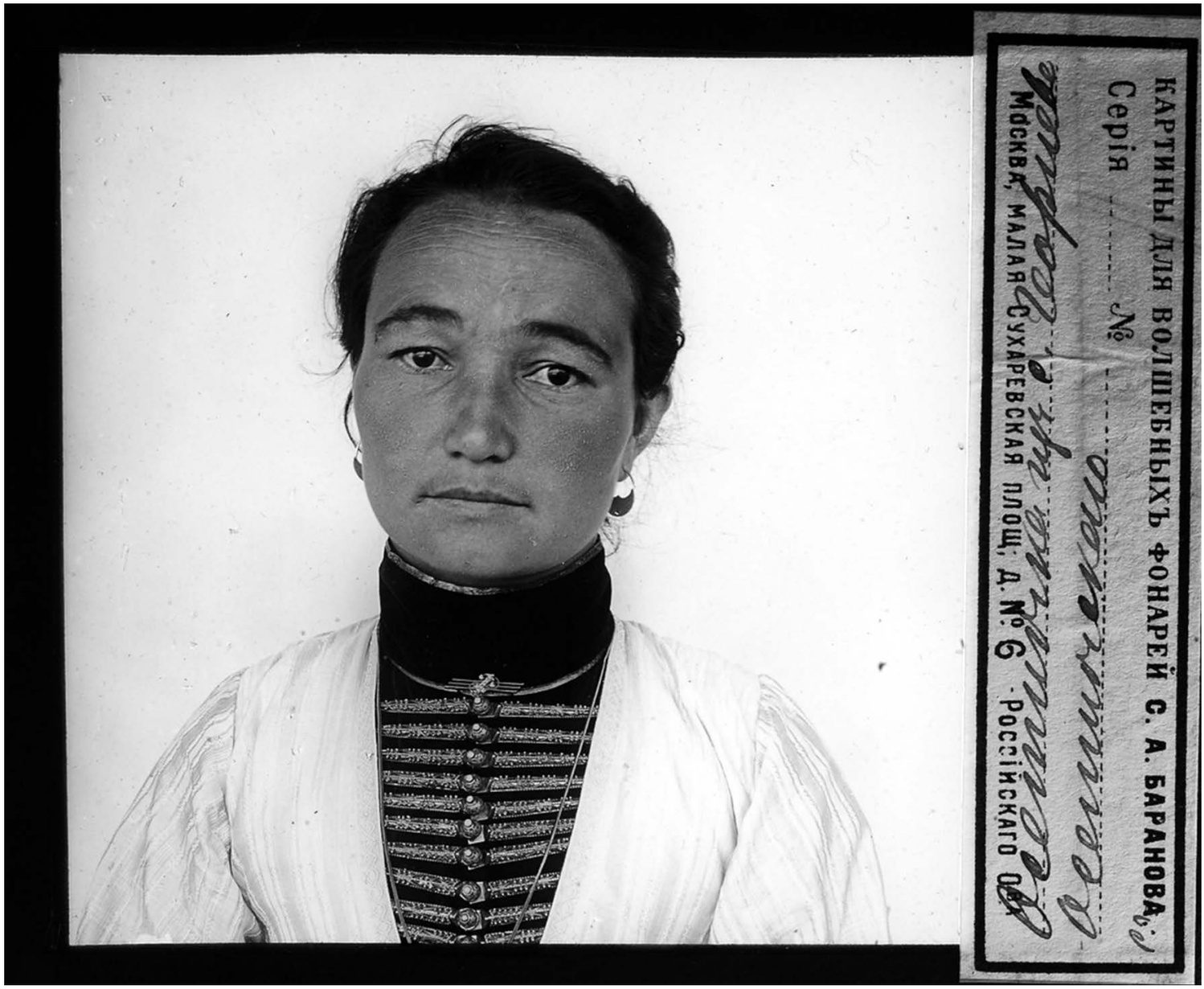
Img0601.
Карачаевцы в пути.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0603.
Долина Верхней Кубани.
Серебро-свинцовый рудник.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

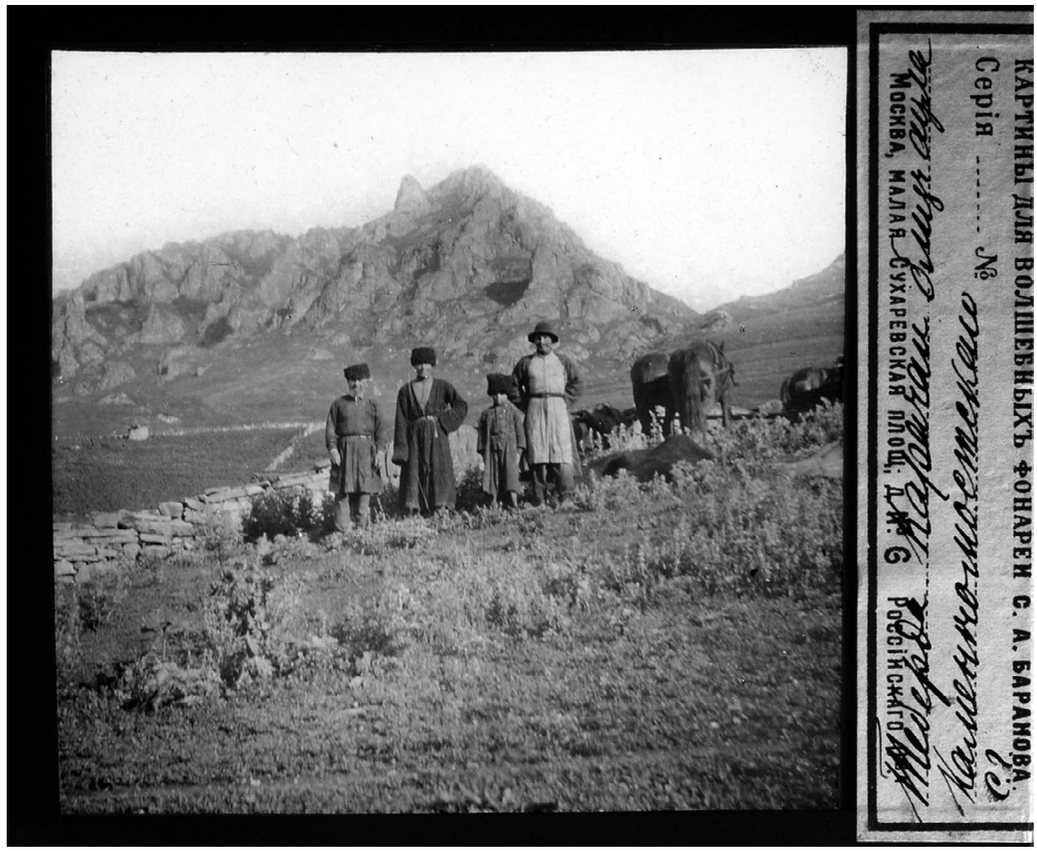
Img0607.
Карачаевская мельница
(Б. Карачай, аул Уч-Кулан).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

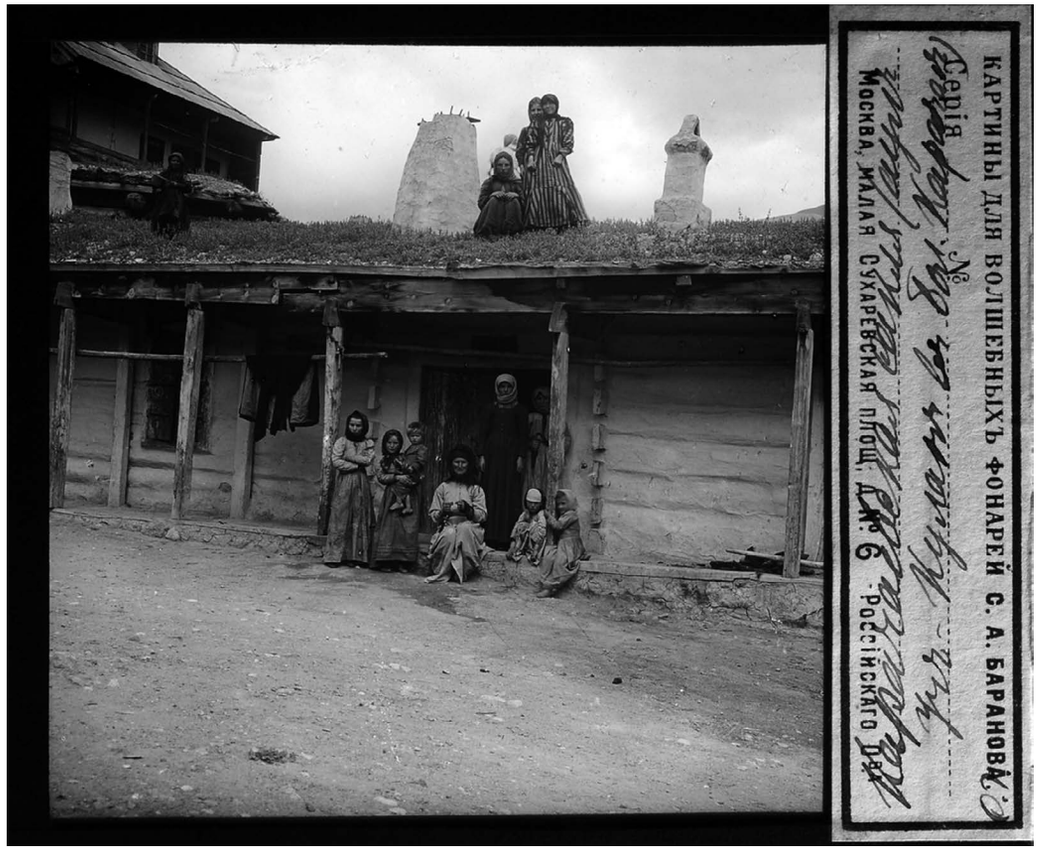
Img0605.
Осетинка из с. Георгиево-Осетинского.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

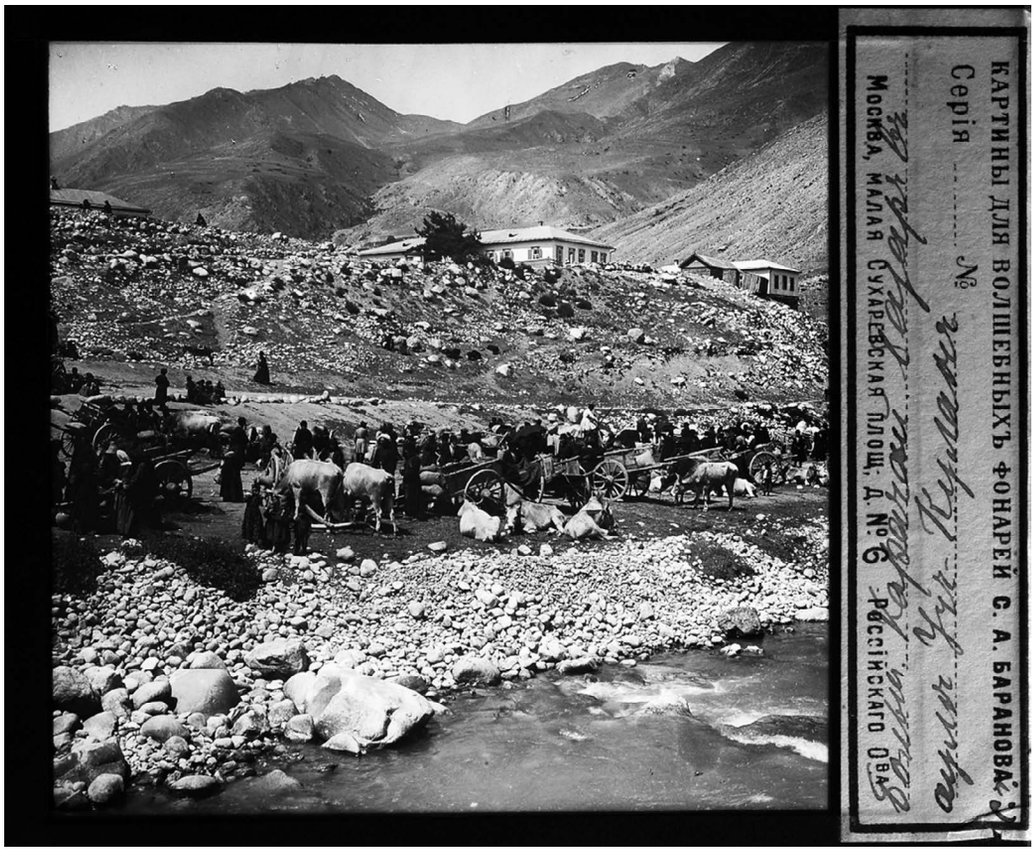
Img0608.
Б. Карачай. Долина Уч-Кулана.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

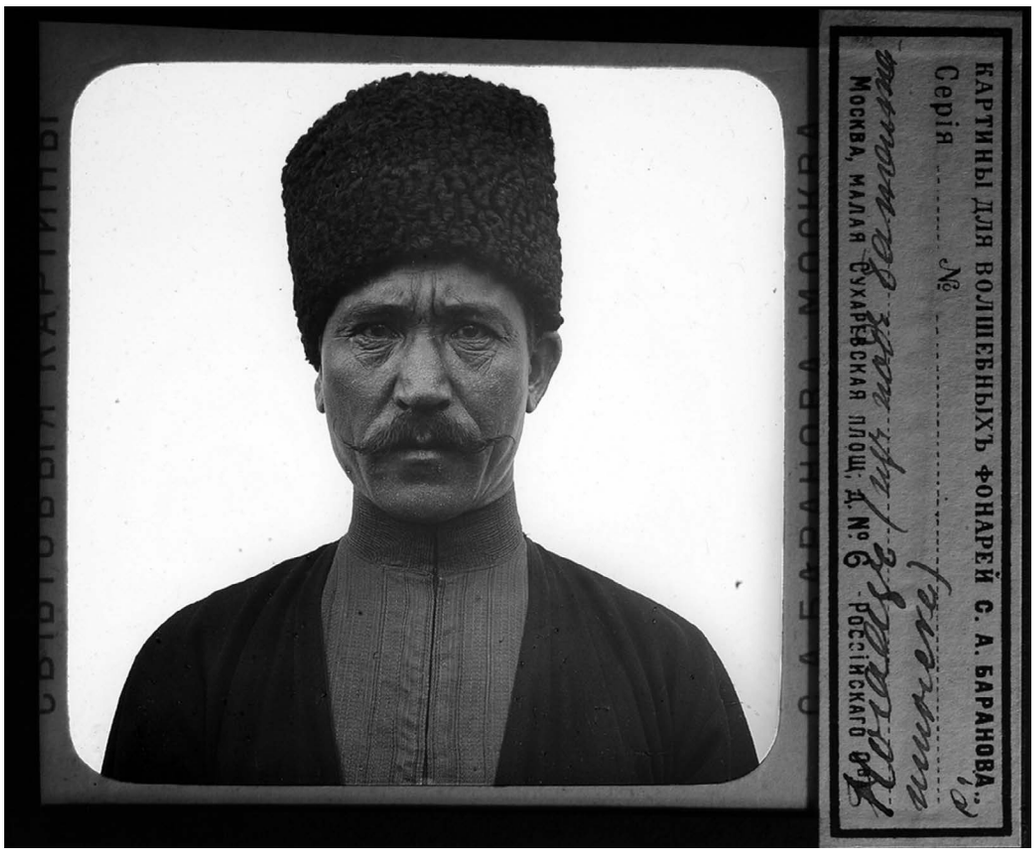
Img0610.
Теберда. Карачай
близ аула Каменномосткого.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

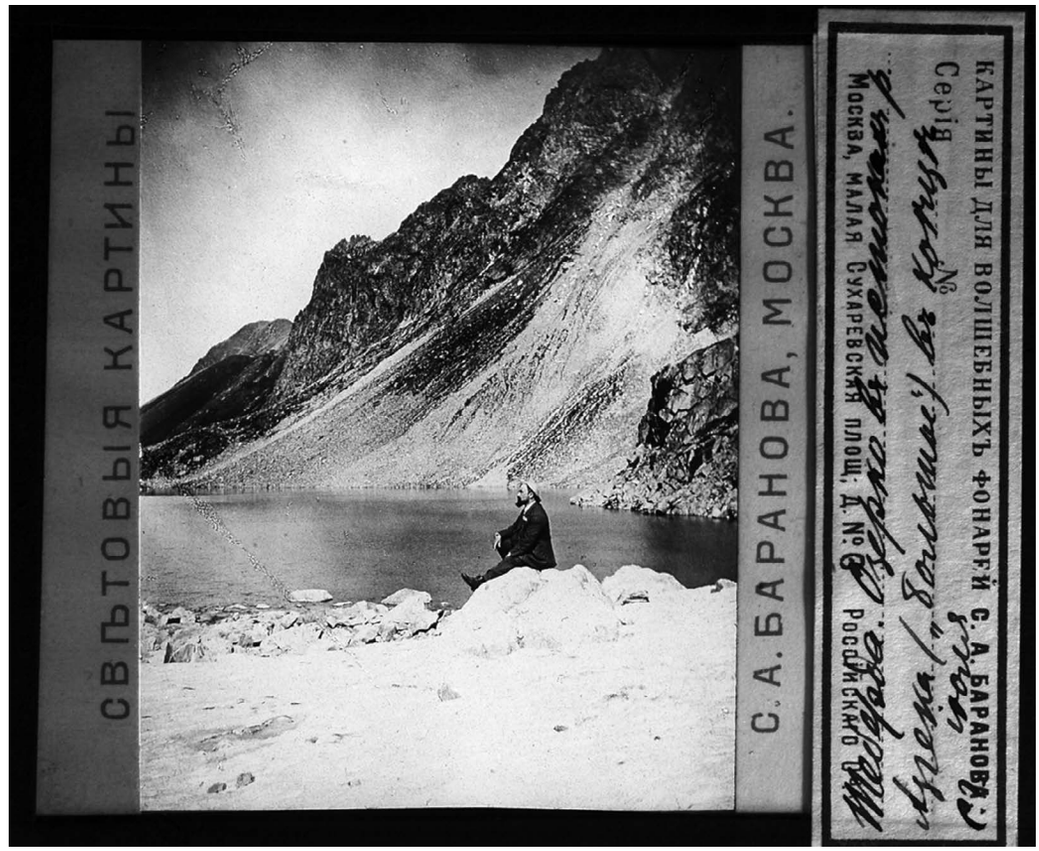
Img0611.
Карачаквская сакля.
Аул Уч-Кулан в Бол. Карачае.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

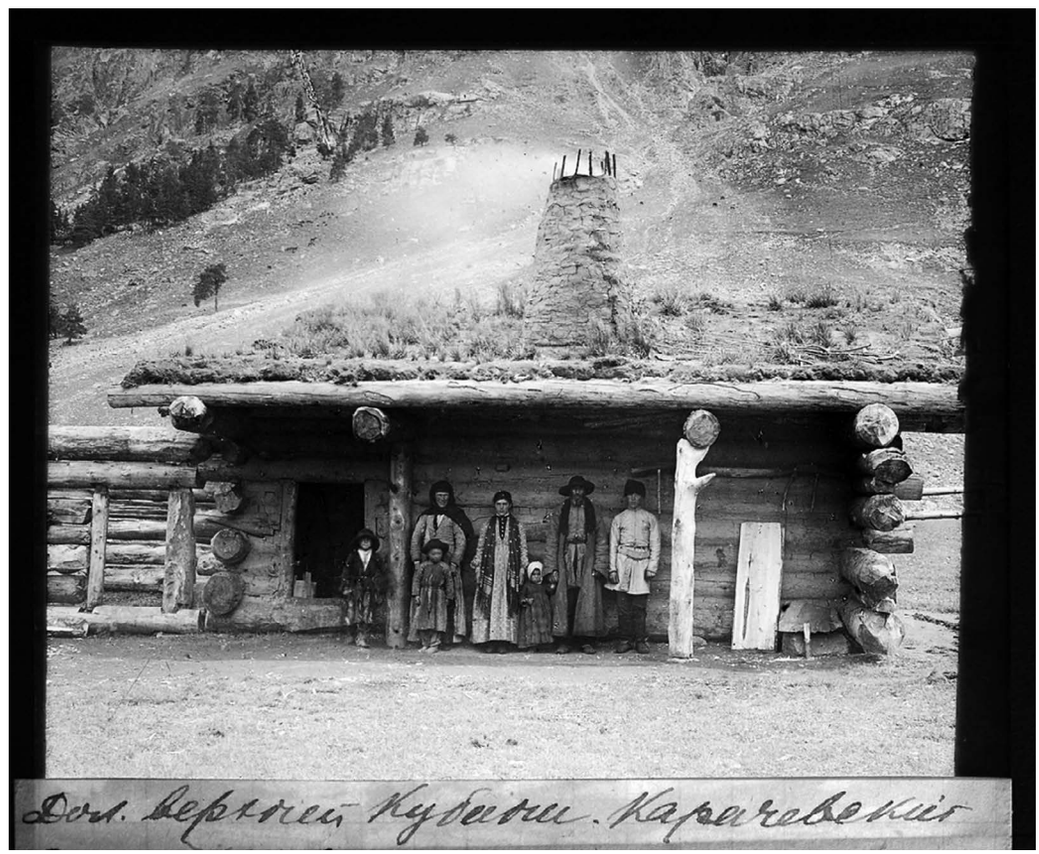
Img0612.
Больш. Карачай.
Базар в ауле Ач-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

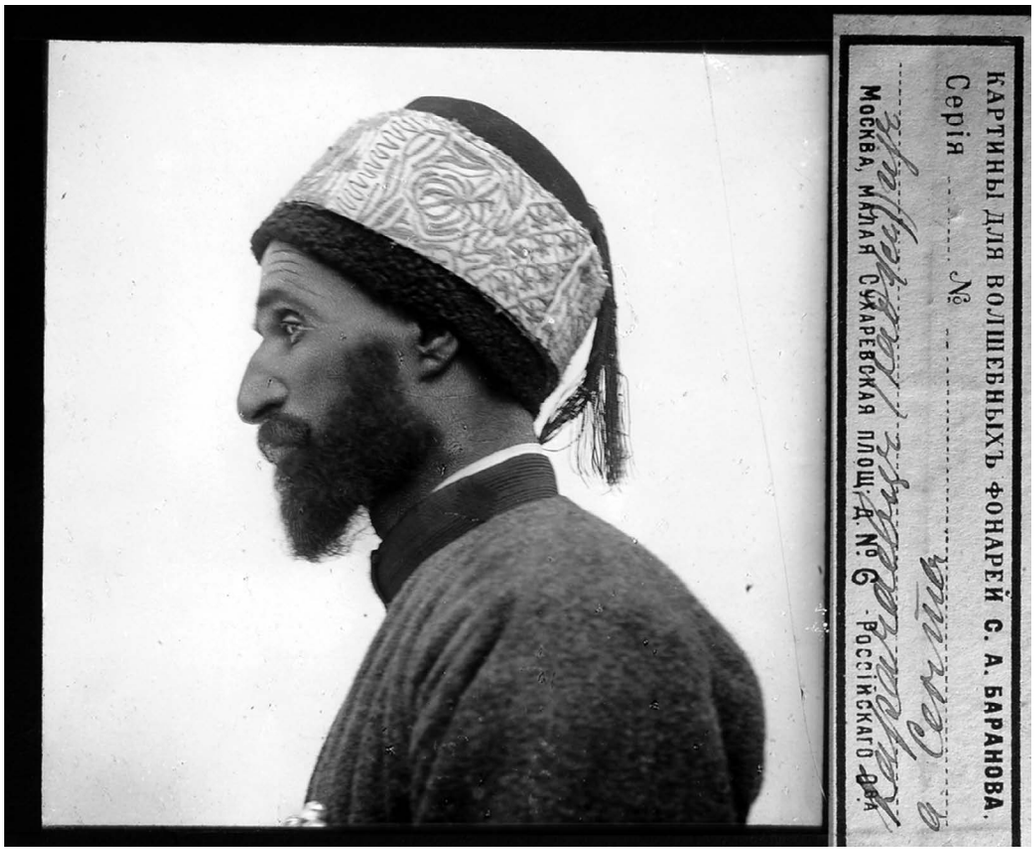
Img0614.
Ногаец.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0624.
Теберда. Озерко в истоках р. Азгека («большое») в конце июля.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

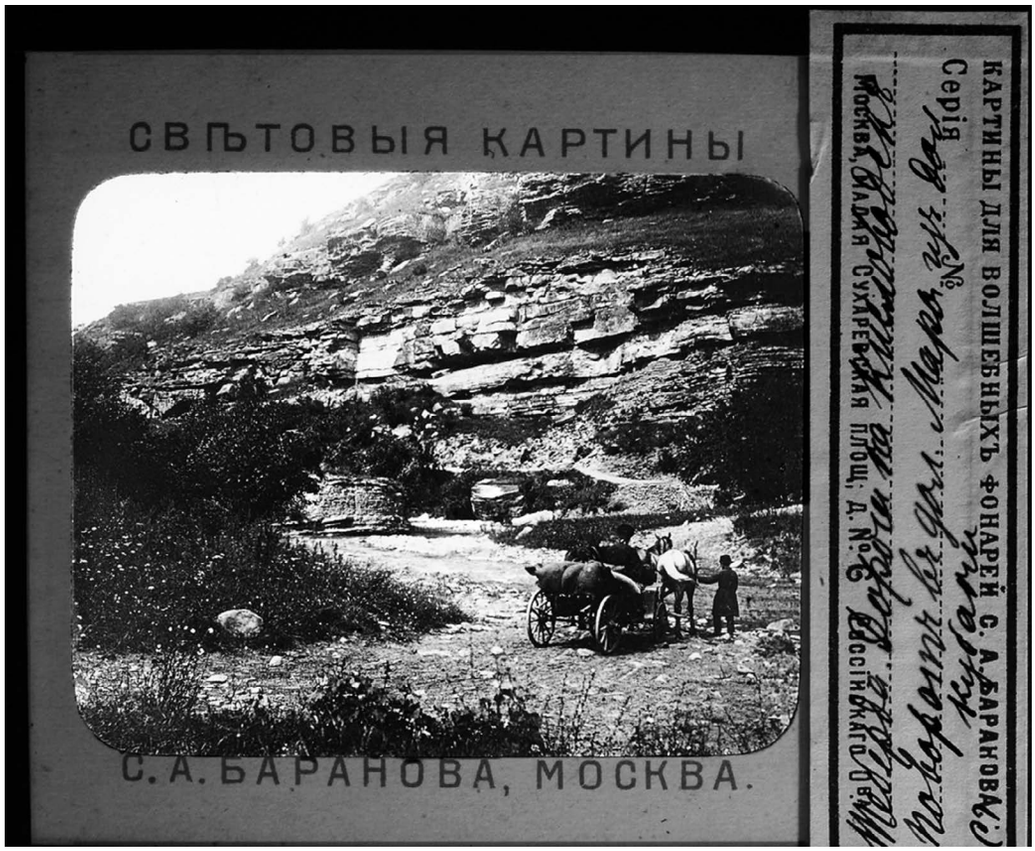
Img0632.
Дол. Верхней Кубани.
Карачаевский кош.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

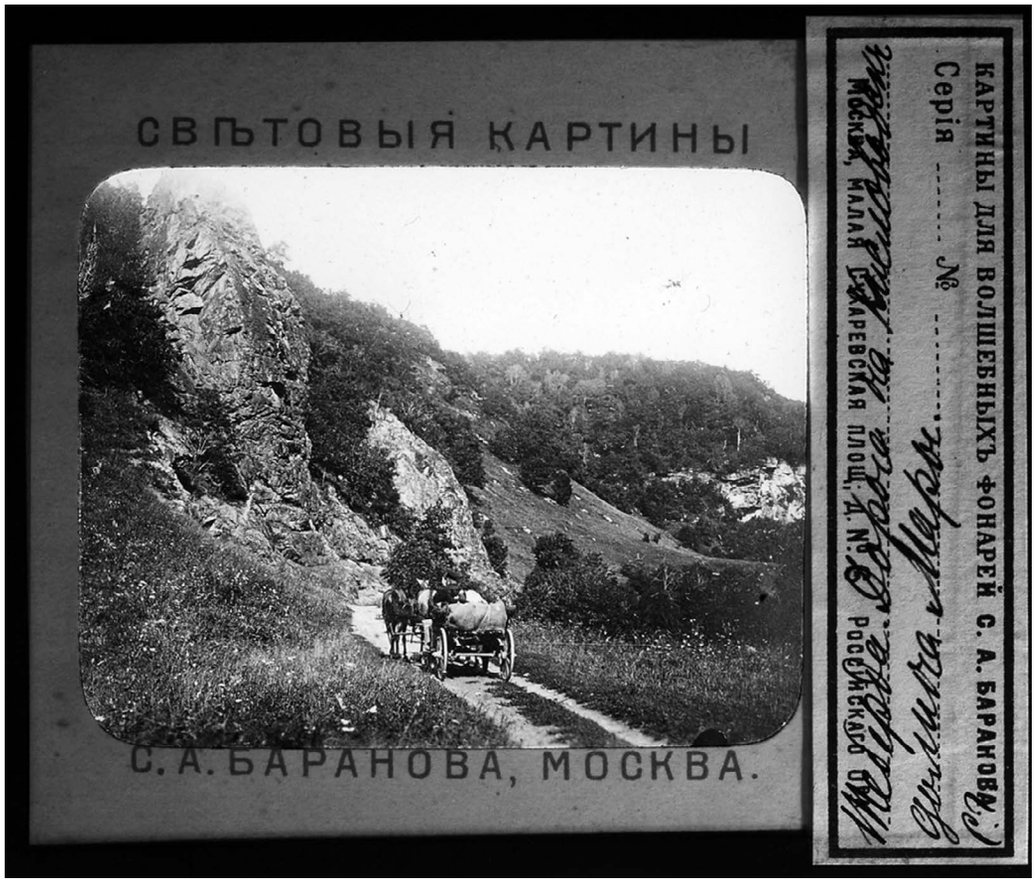
Img0646.
Карачаевцы (хаджи)
из а. Сенты.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0647.
Карачаевец в профиль
(а. Сенты).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

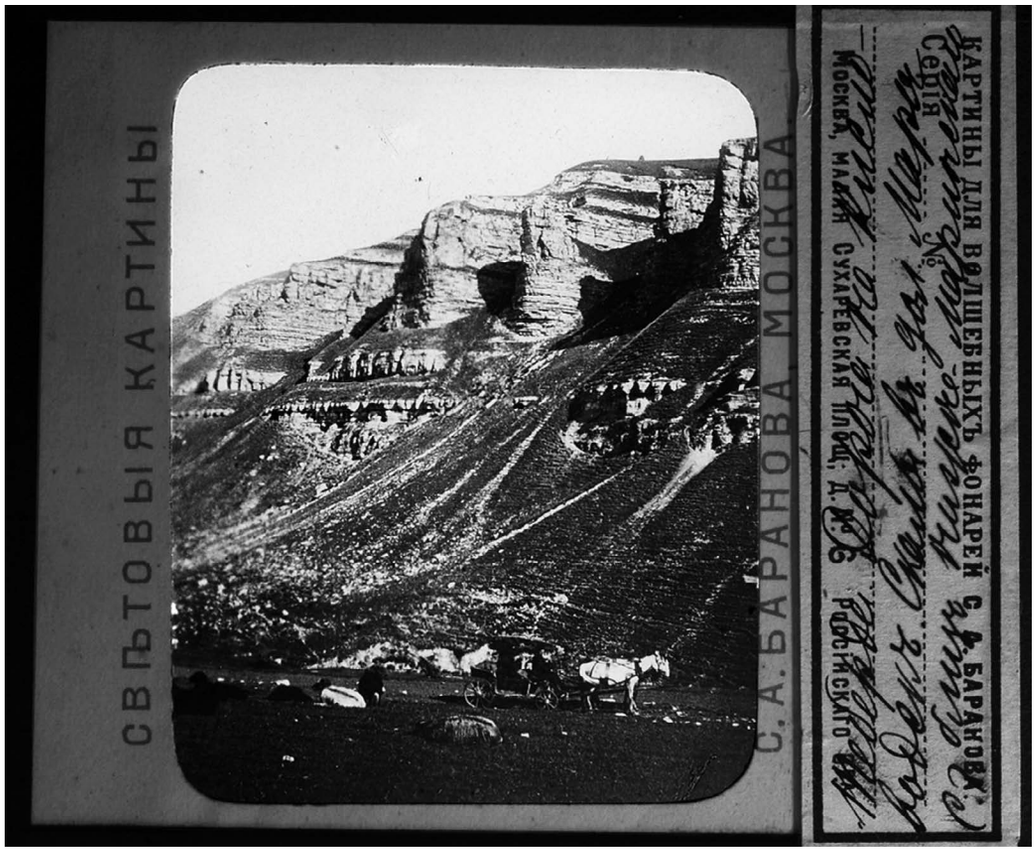
Img0651.
Теберда. Дорога на Кисловодск.
Поворот в дол. Мары из дол. Кабани.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

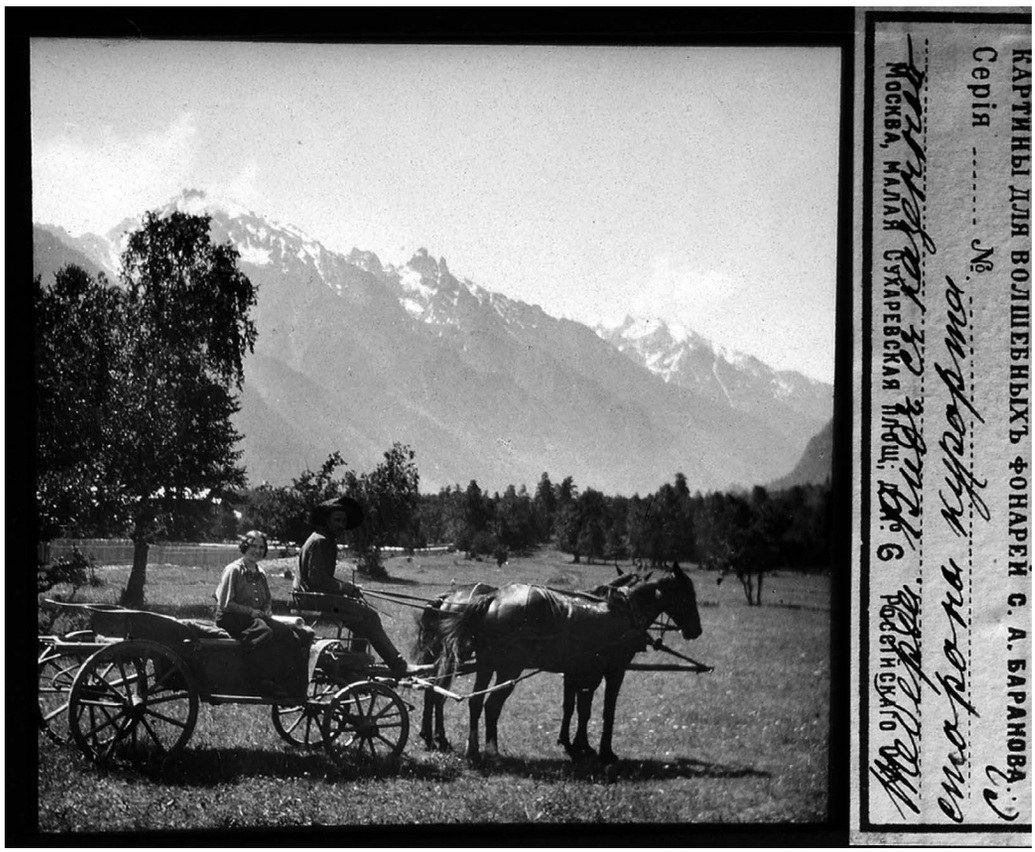
Img0657.
Теберда. Дорога на Кисловодск.
Долина Мары.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

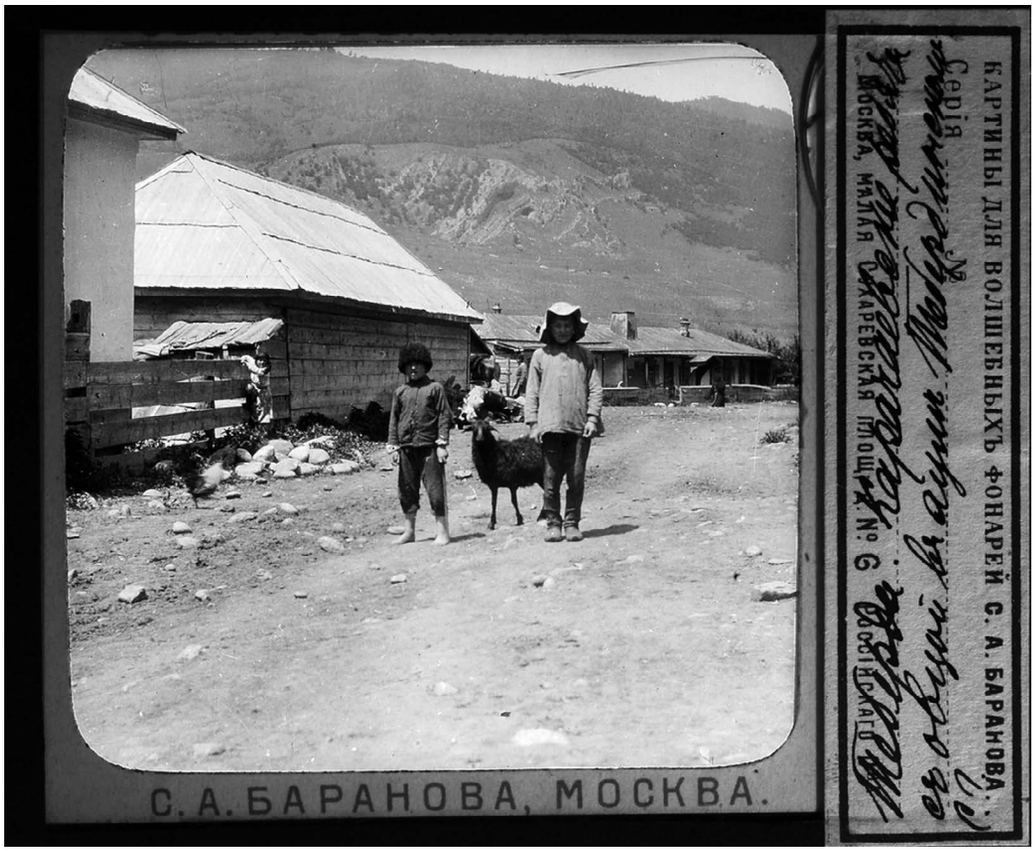
Img0648.
Типичный карачаевец (а. Сенты).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0658.
Теберда. Дорога на Кисловодск. Скалы в дол. Мары близ Нижнее-Маринского. [Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0671.
Теберда. Вид с казенной стороны курорта. [Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0683.
Теберда.
Карачаевские ребята с овцой в ауле Тебердинский.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0710.
Теберда. Долина Мули. Лесопорча путем выжигания (и министр Ермолов).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0712.
Клухорск. пер. […] и карачайки близ оз. Туманлы-Кёль.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

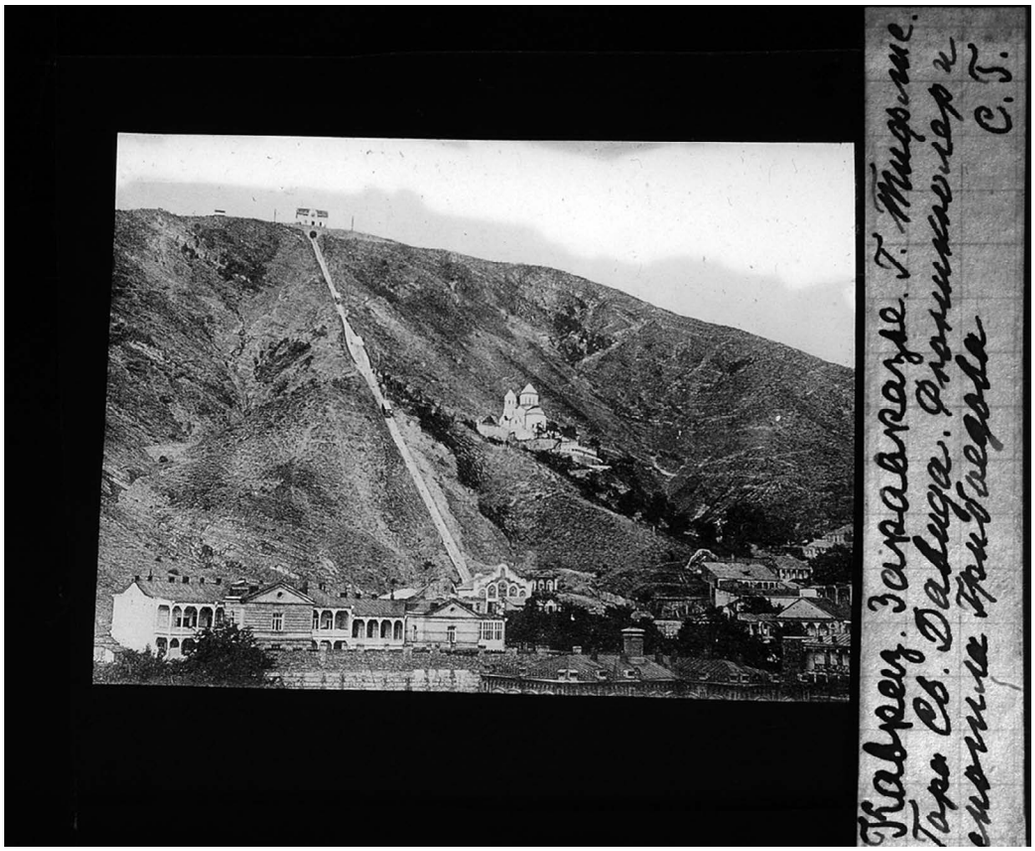
Img0715.
Большая карачаевская семья. (а. Уч-Кулан в Б. Карачае).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0717.
В. Сухумская дор. Вид на […]
Ульген с р. Куначкира.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0951.
Кавказ. Баку. Осел, груженый углем.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0980.
Кавказ. Закавказье. Г. Тифлис.
Гора Св. Давида. Фуникюлер
и могила Грибоедова.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0998.
Кавказ. Главный хребет;
Северная Осетия. Осетины.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

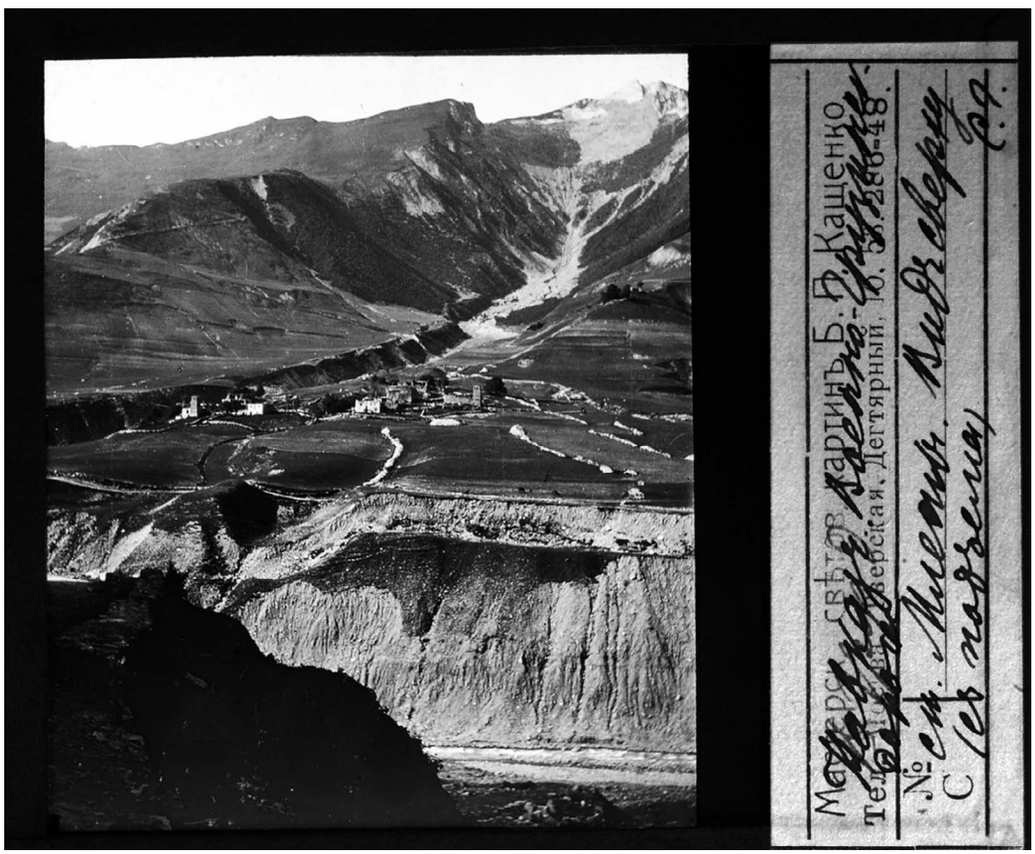
Img0999.
Семья кочевников – курдов.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img1007.
б/п

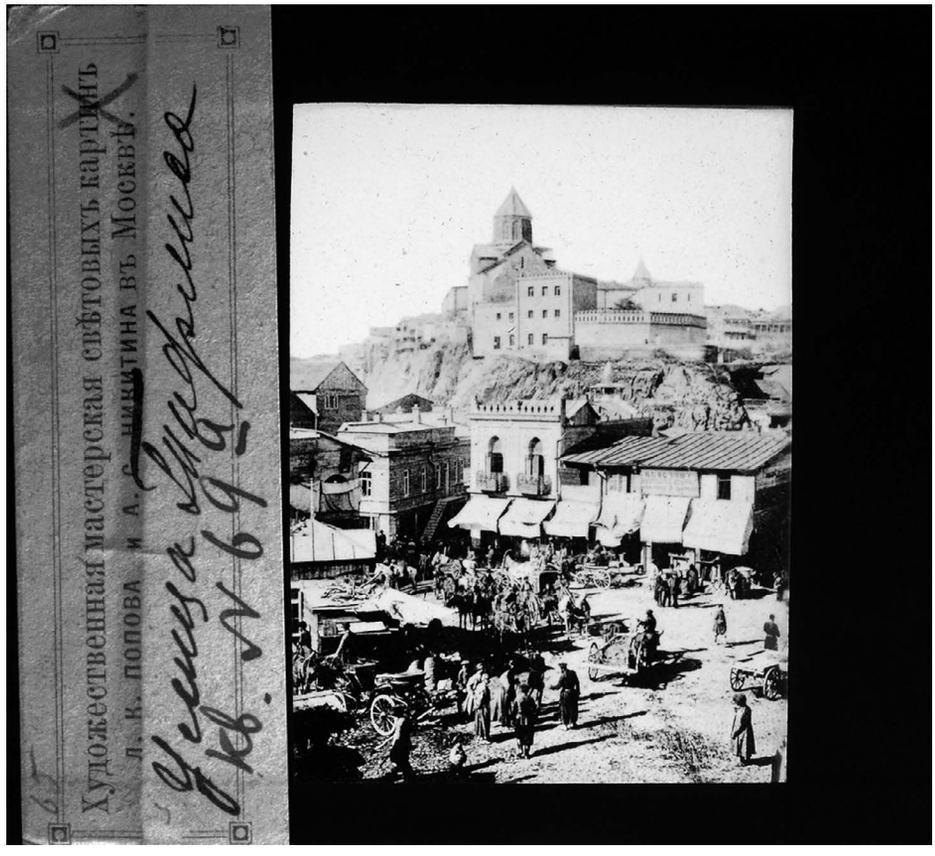
Img1009.
Кавказ. Баку.
Нефтяной фонтан.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

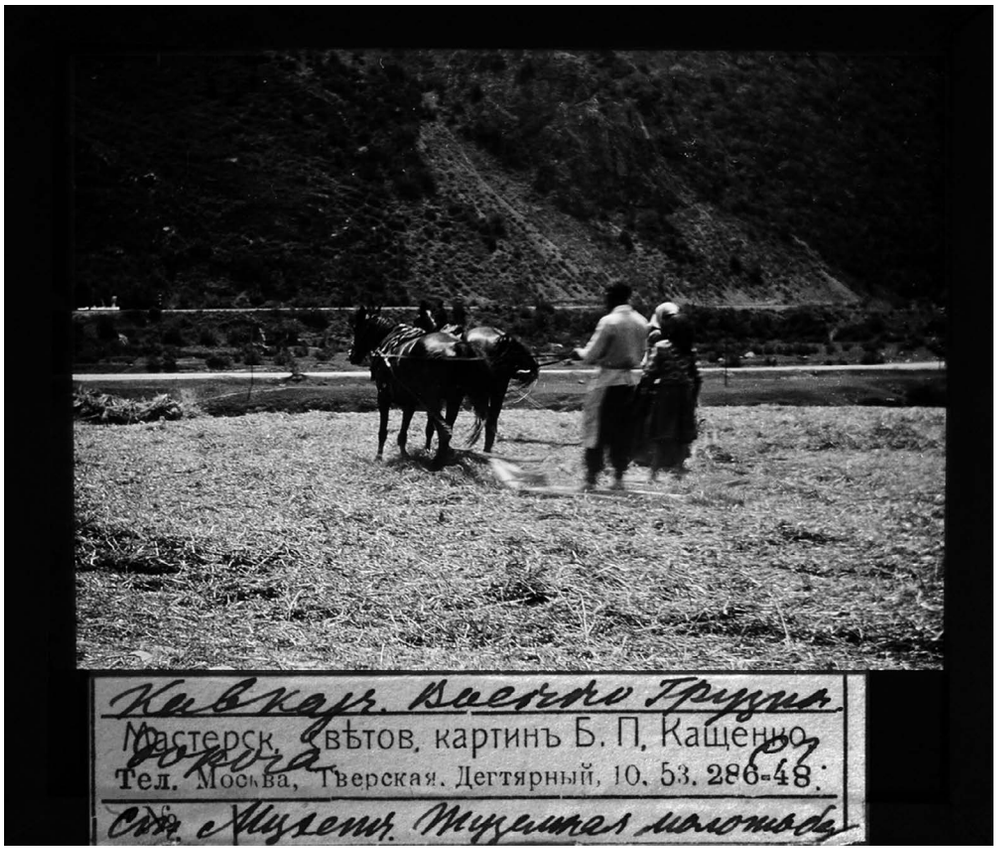
Img1030.
Кавказ. Военно-Грузинск.
дорога. Ст. Млеты.
Вид сверху (с подъема).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img1031.
В. Груз. д. Грузия.
Близ Пассанаура.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

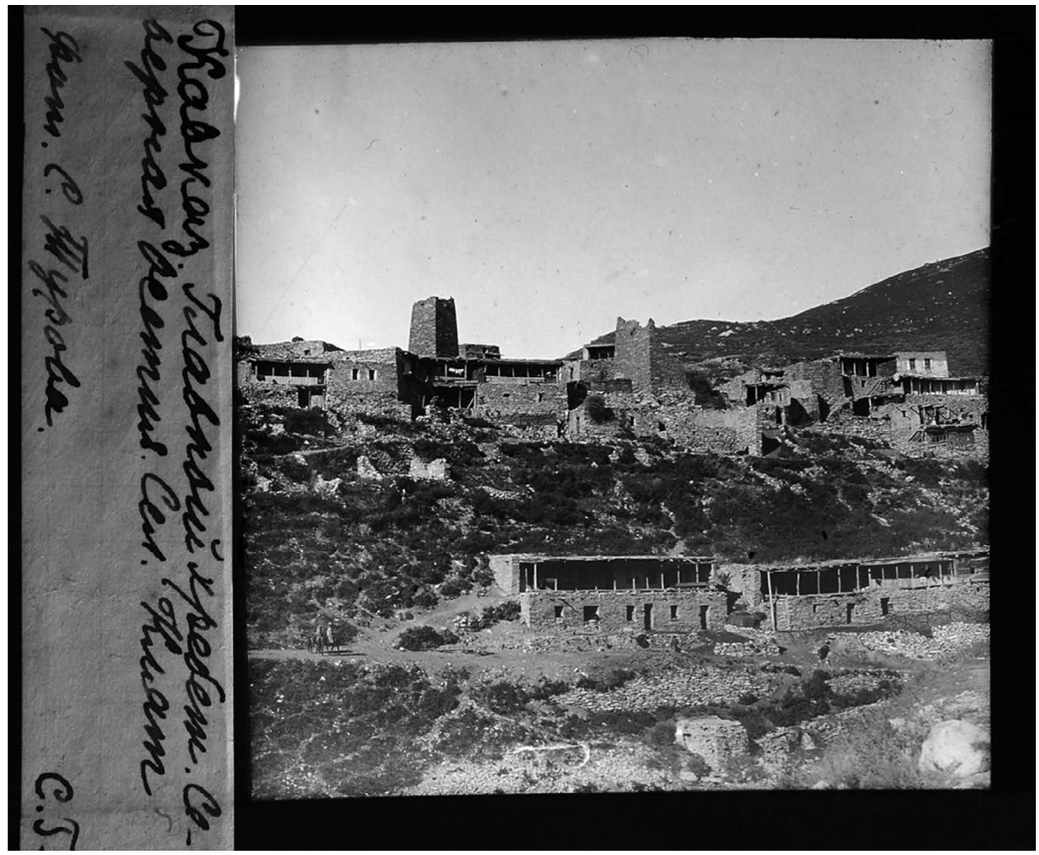
Img1038.
Улица Тифлиса.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

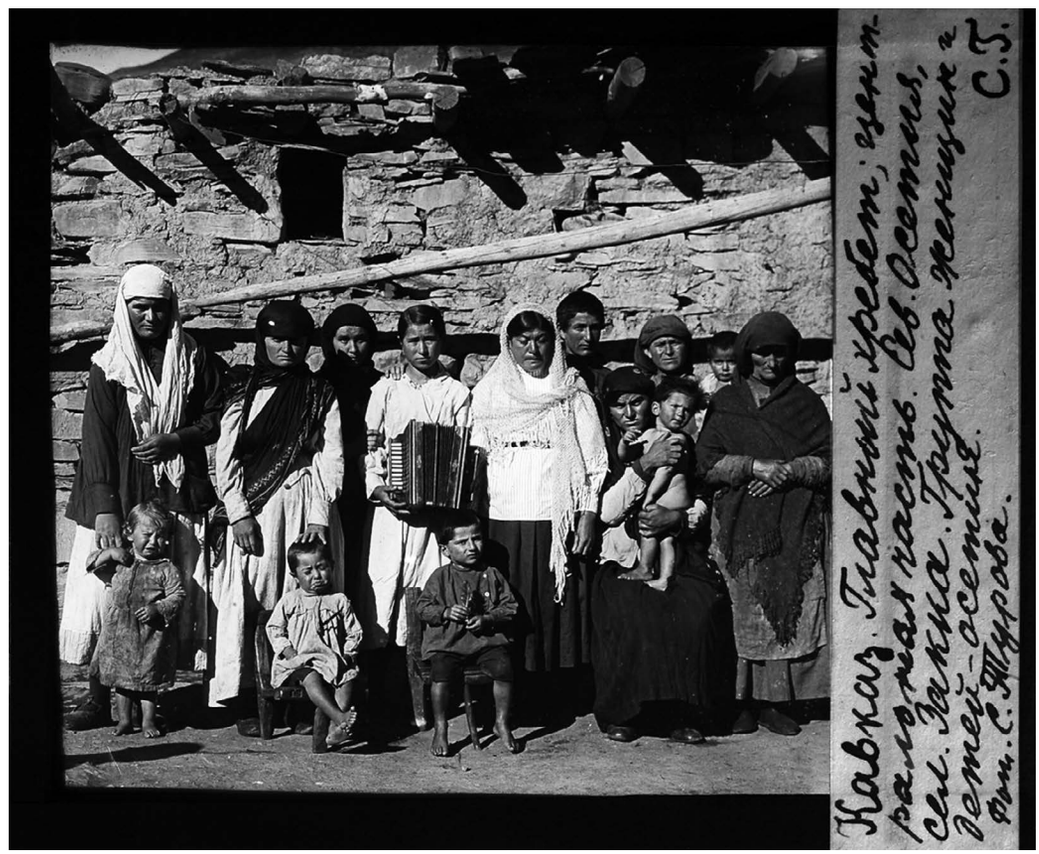
Img1039.
Кавказ. Военно-Грузин.
Дорога. Ст. Мцхет.
Туземная молотьба.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

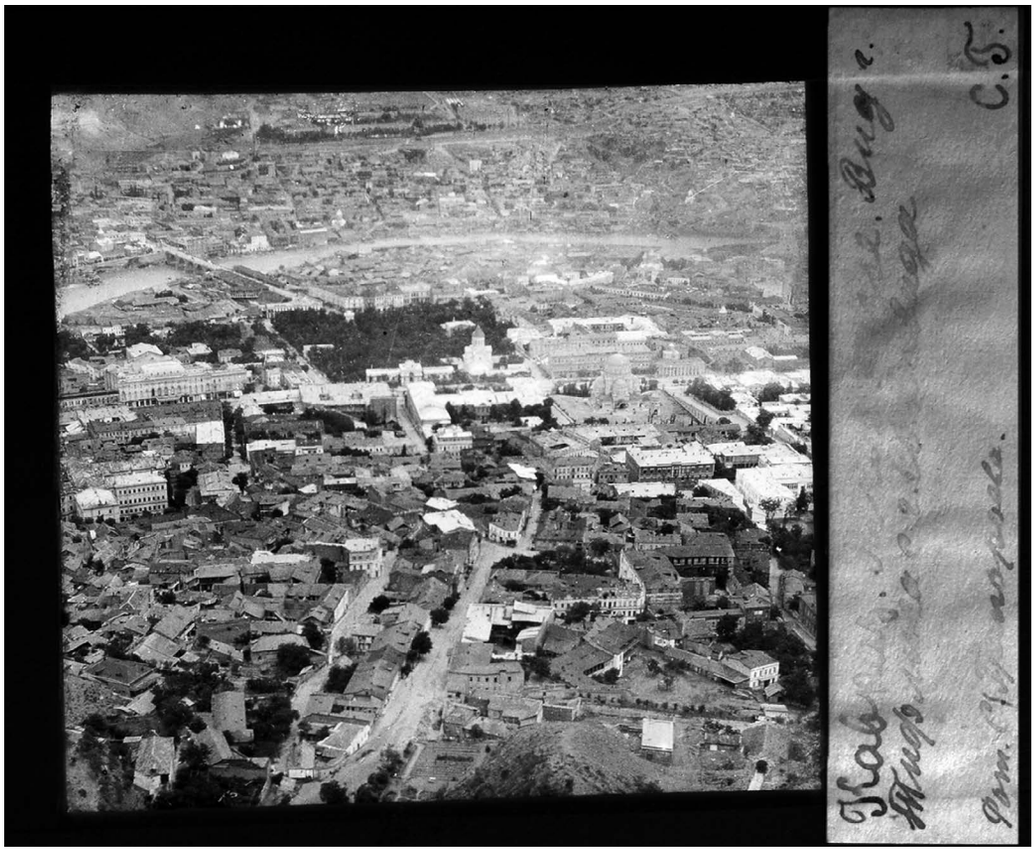
Img1040.
Мцхет и слияние
Куры с Арагвой.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

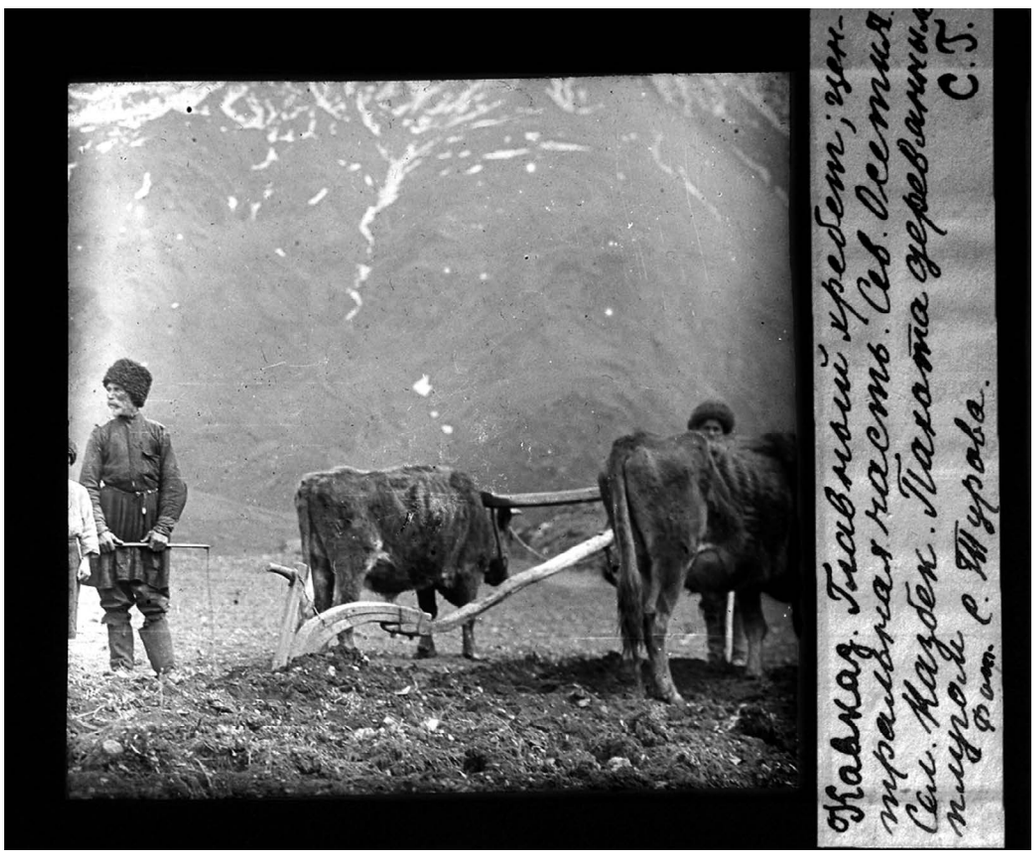
Img1042.
Кавказ. Главный хребет. Северная Осетия.
Сел. Клят. Фот. С. Турова. ИЭА

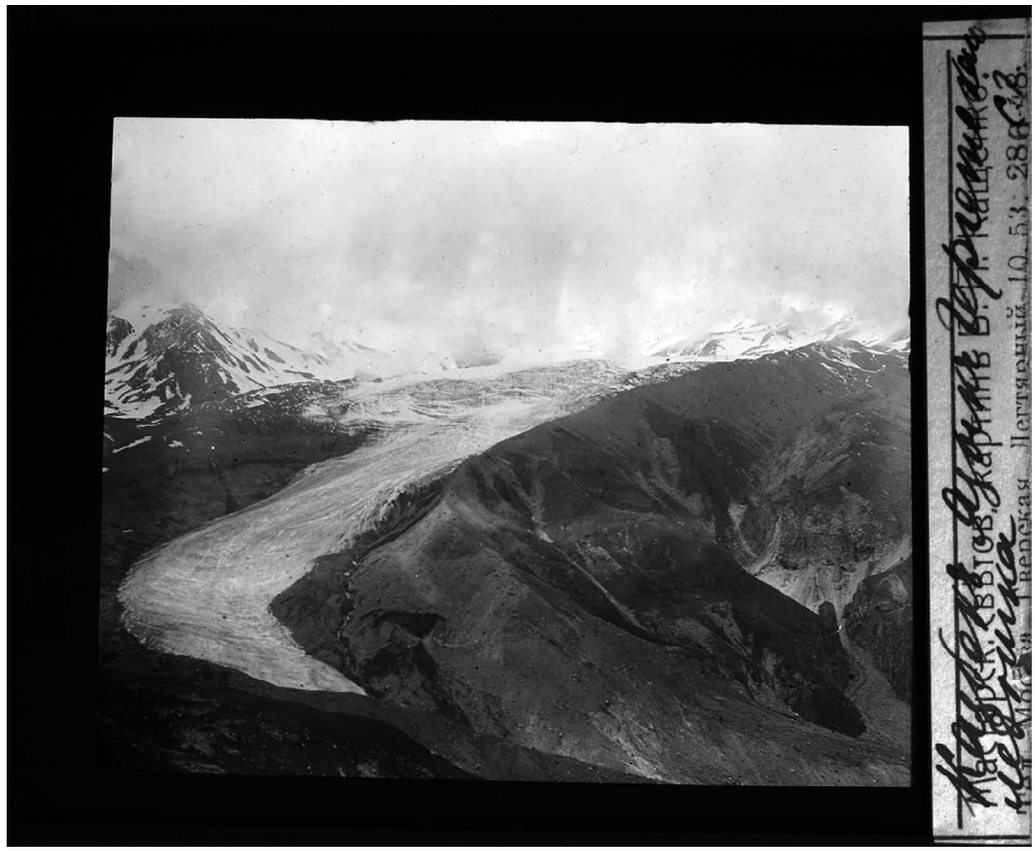
Img1043.
Кавказ. Главный хребет; центральная часть. Сев. Осетия, сел. Закка.
Группа женщин и детей – осетин.
Фот. С. Турова

Img1045.
Кавказ […] Вид г. Тифлиса […].
Фот. С. Григорьева. ИЭА

Img1046.
Кавказ. Главный хребет; центральная часть. Северная Осетия. Сел. Казбек. Пахота деревянным плугом.
Фото С. Турова ИЭА

Img1049.
Казбек. Язык Гергецкого ледника.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img1051.
В. Груз. дор. […]
Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img1055.
Экскурсия на станции Казбек.
Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img1062.
В. Груз. дор. Вид на
г. Казбек со ст. Казбек.
Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

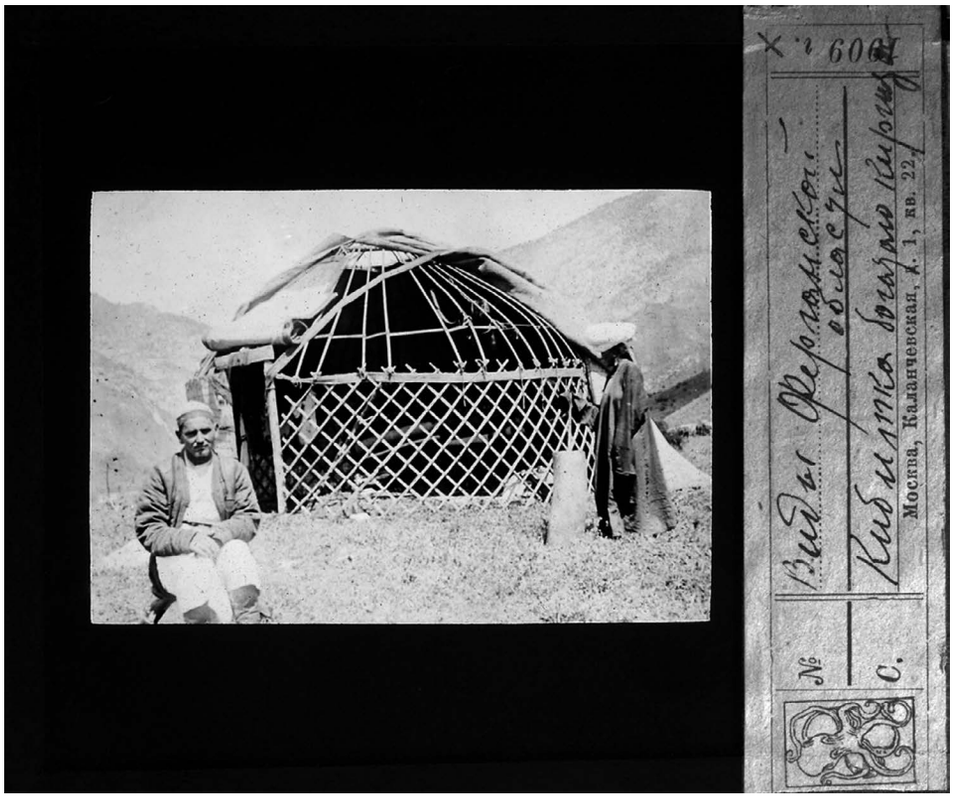

Img1065.
Кавказ; главный хребет; центральная часть.
Близ истоков Терека.
Фот. С. Турова. ИЭА

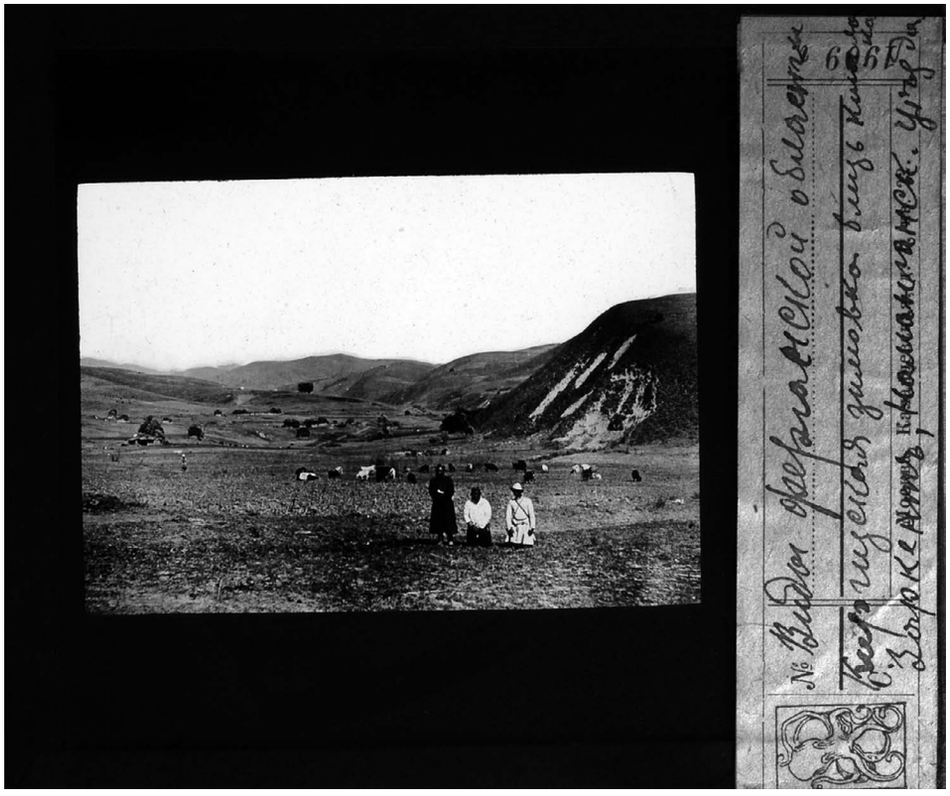

Img1066.
Кавказ. Осетины истоков Терека.
Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

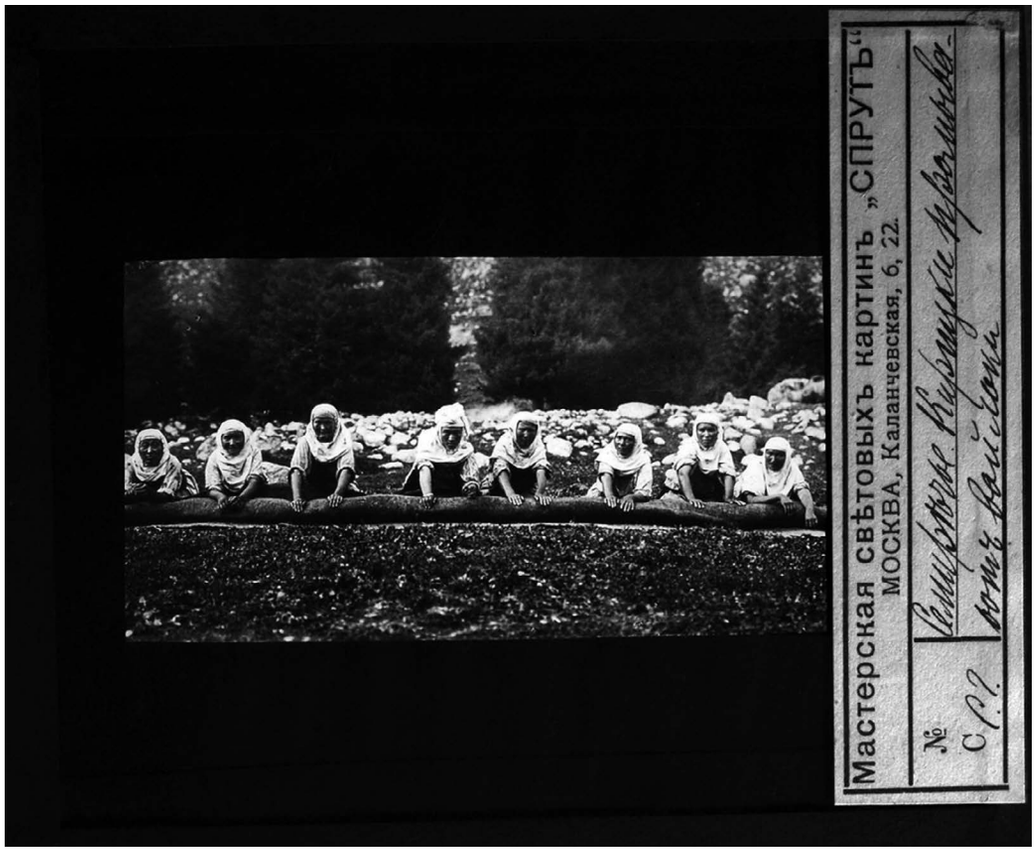
2.6.2 Киргизия в фотографиях экспедиций С.Г. Григорьева 1894-1895 гг.

Img0730.
Виды Ферганской области. Кибитка богатого киргиза. (1909 год).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0731.
Виды Ферганской области. Киргизская зимовка близ кишлака Заркент, Наманганск. Уезда.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0732.
Семиречье. Киргизки прмывают войлоки.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0741.
Семиречье. Пишпек. Киргиз – пастух.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

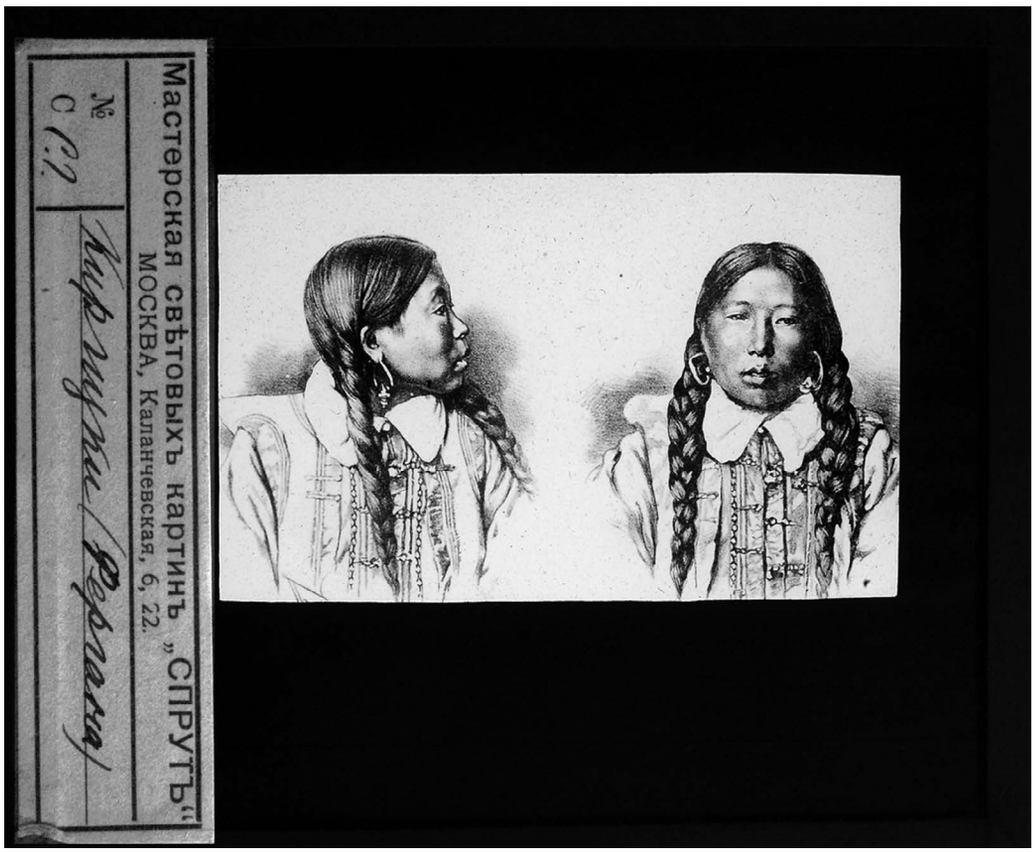
Img0737.
Киргизка. (степная).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

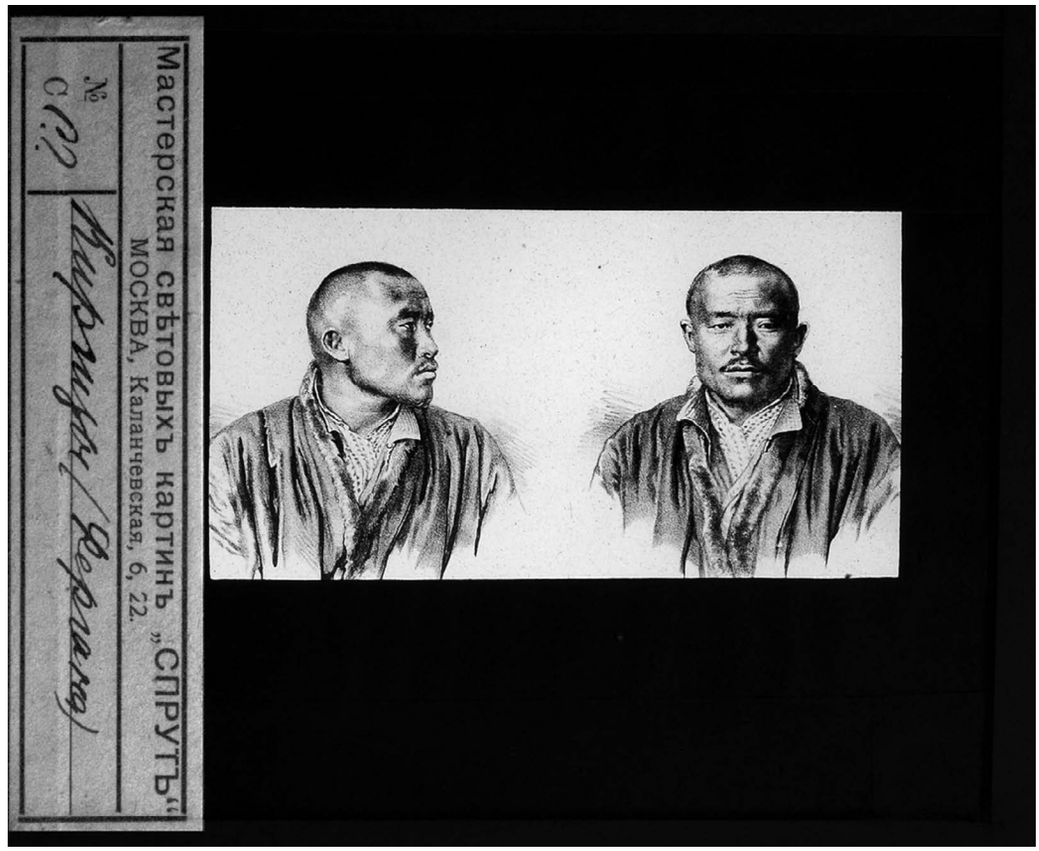
Img0743.
Знатный бухарец (тип таджикский).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

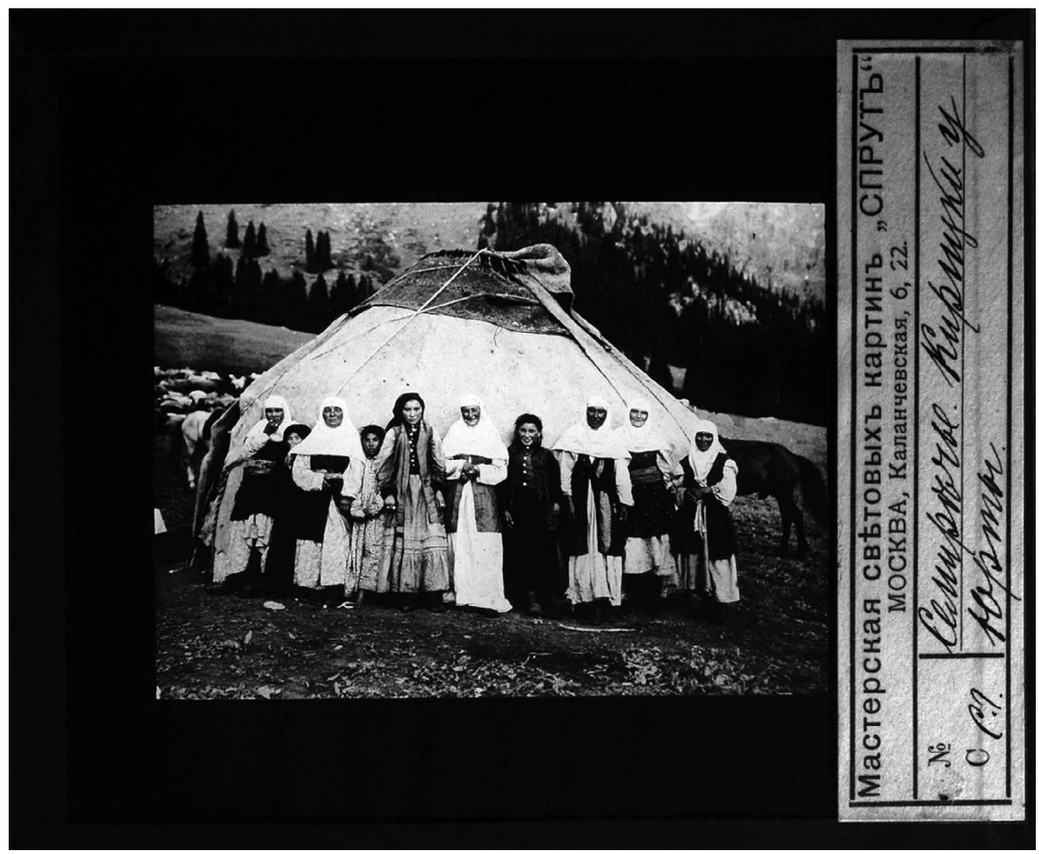
Img0744.
б/п

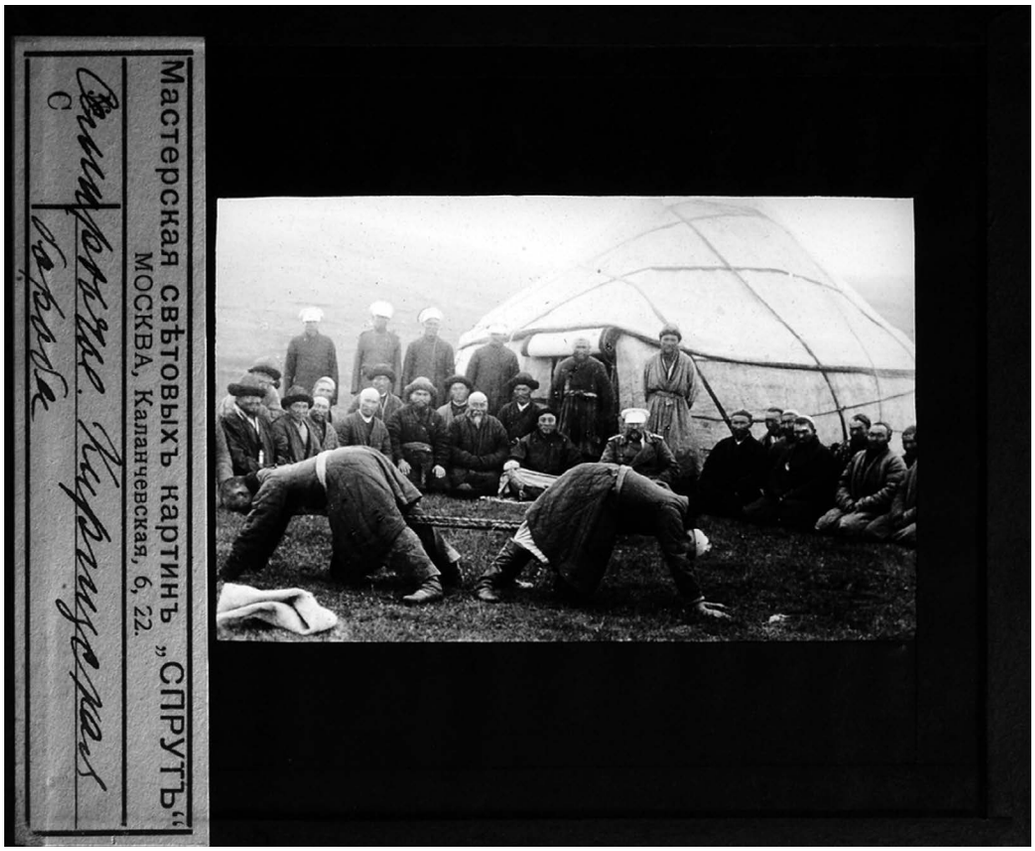
Img0746.
Киргизки (Фергана).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

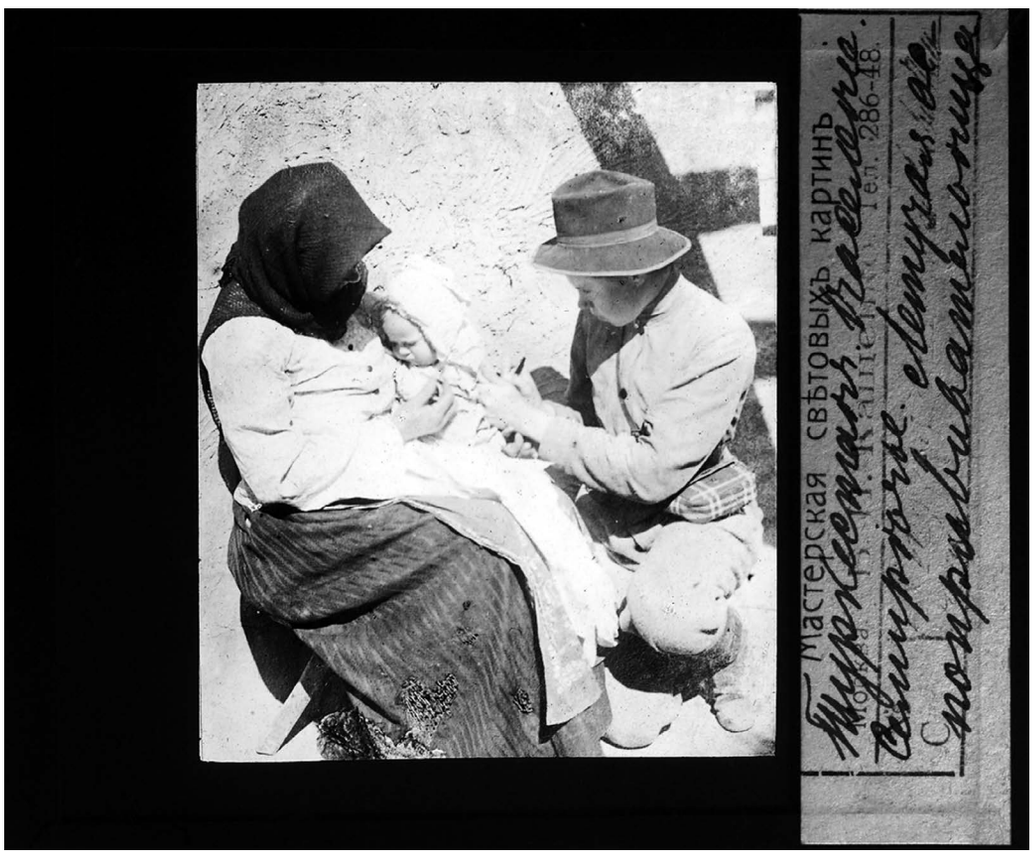
Img747.
Киргизы (Фергана).
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0748.
Семиречье, Киргизы у юрты.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0750.
Семиречье. Киргизская борьба.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

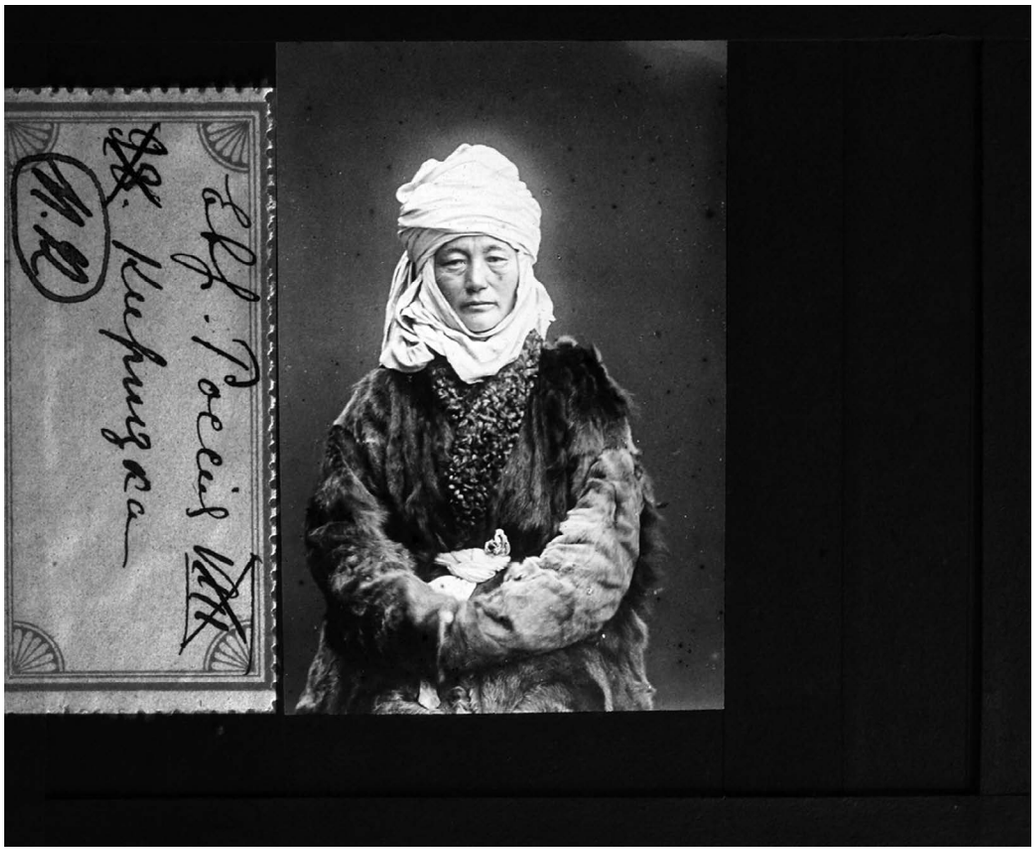
Img0753.
Туркестан поселение. Семиречье.
Летучая оспопрививательница.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img757.
Семиречье. Русские новоселы.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img758.
Туркестан. Население.
Семиречье. Таранчинцы.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

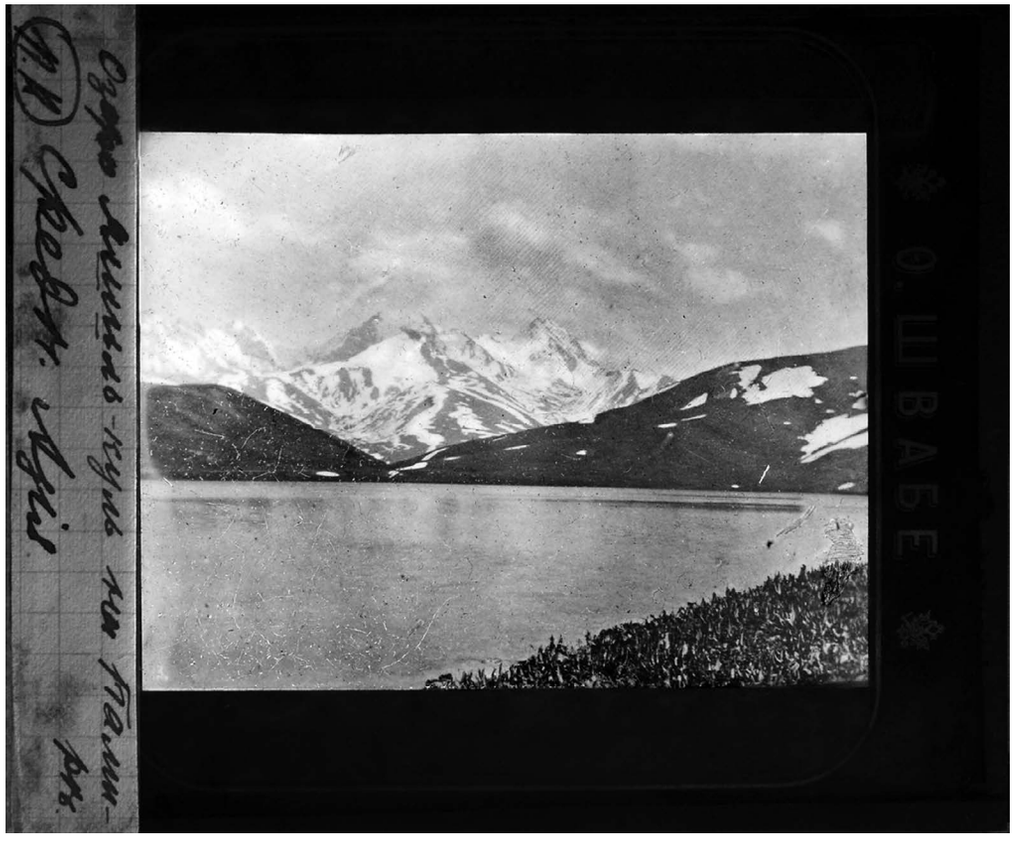
Img 0761.
Евр. Россия. Киргизка.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0762.
Туркестан. Население. Семиречье.
Таранчинки с ребятами.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img 0764.
Туркестан. Семиречье. Дунганки с детьми.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0767.
Озеро Яшилькуль на Памире. Средн. Азия.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

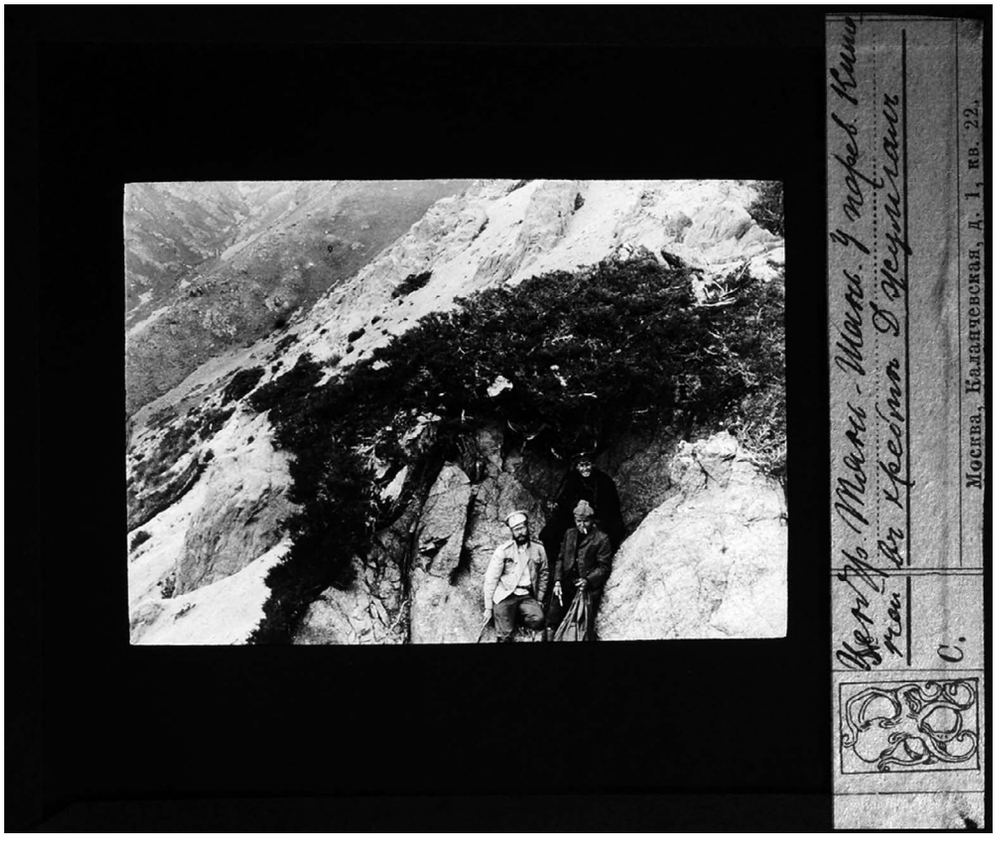

Img0775.
Евр. Россия. Киргиз.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0781.
Памир. Верблюд, завьюченный тескеном.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0772.
Памир. Перевал Кур-Теке.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

Img0795.
Центр.Тянь-Шань.
У перев[.....] в хребте Джумгал.
[Фото С.Г. Григорьева]. ИЭА

2.7 Научная экспедиция К.А. Сатунина в Алжир в 1907 г.

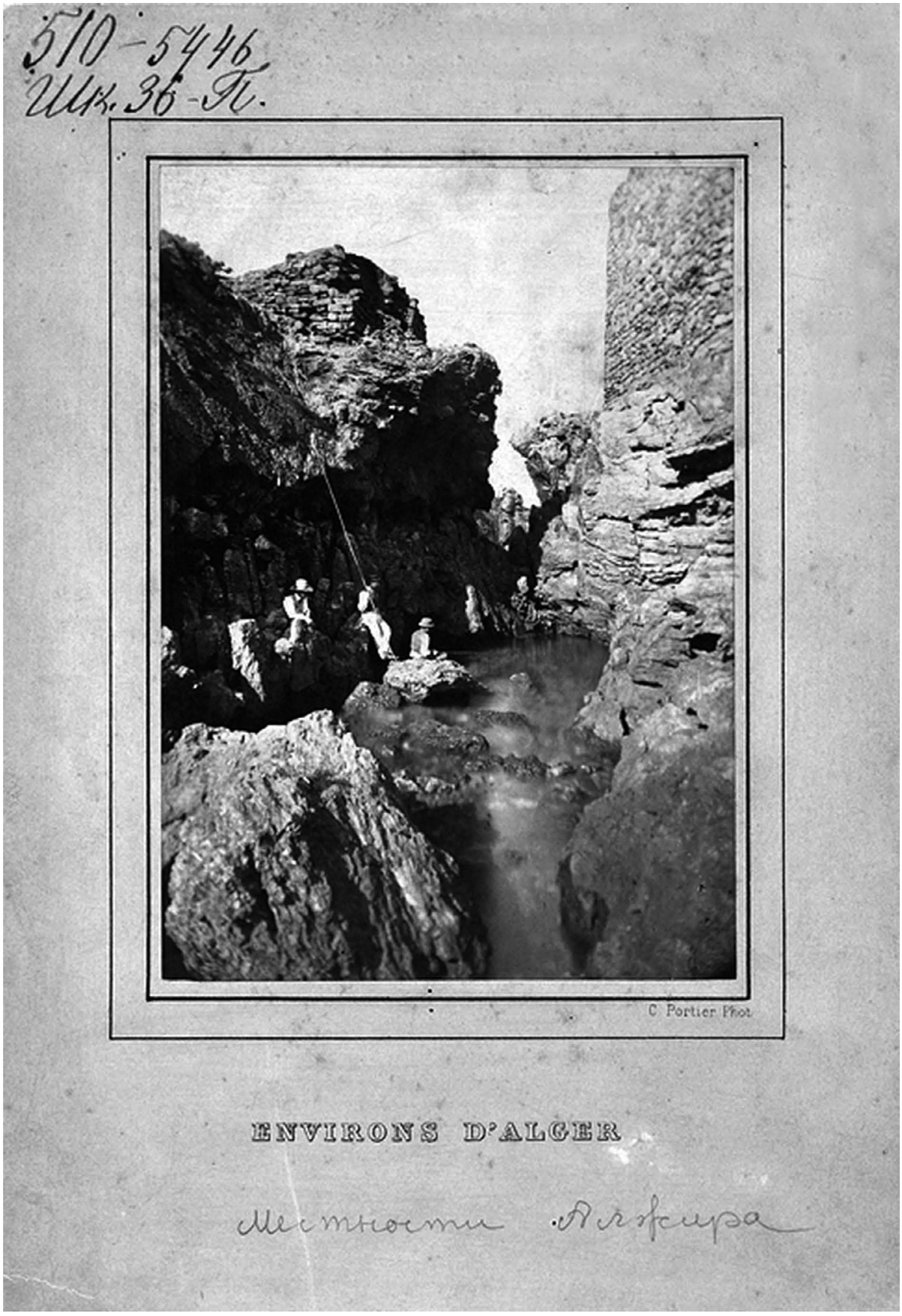
В фотоархиве Д.Н. Анучина содержится коллекция из 31 фотографии, посвящённая научной экспедиции К.А. Сатунина в Алжир в 1907 г. Географическая привязка коллекции произведена путем соотнесения текстов, расположенных на полях паспарту каждой фотографии, с современной географической картой Алжира Джобадзе и др., 2014].

Сатунин Константин Алексеевич (1863–1915) — зоолог, зоогеограф, энтомолог, орнитолог, герпетолог. В 1890 г. окончил Московский университет, с 1893 г. работал на Кавказской шелководческой станции, с 1907 г. до конца жизни — специалист по прикладной зоологии и охоте Департамента земледелия Кавказа. Основные труды учёного посвящены фаунистическому районированию млекопитающих России, Центральной Азии (описал много новых форм), Кавказского региона (позвоночные), а также энтомологии, ихтиологии, орнитологии, герпетологии, зоогеографии, шелководству, рыболовству и др. В 1907 г. Сатунин посетил северо-восточную часть пустыни Сахары (Большой Западный Эрг и Большой Восточный Эрг), где расположены селения и города Лагуат, Уаргла, Бискра, Гадайя, Тлемсен, Туггурт, соединявшиеся караванными путями, а в конце XIX в. — железной дорогой.

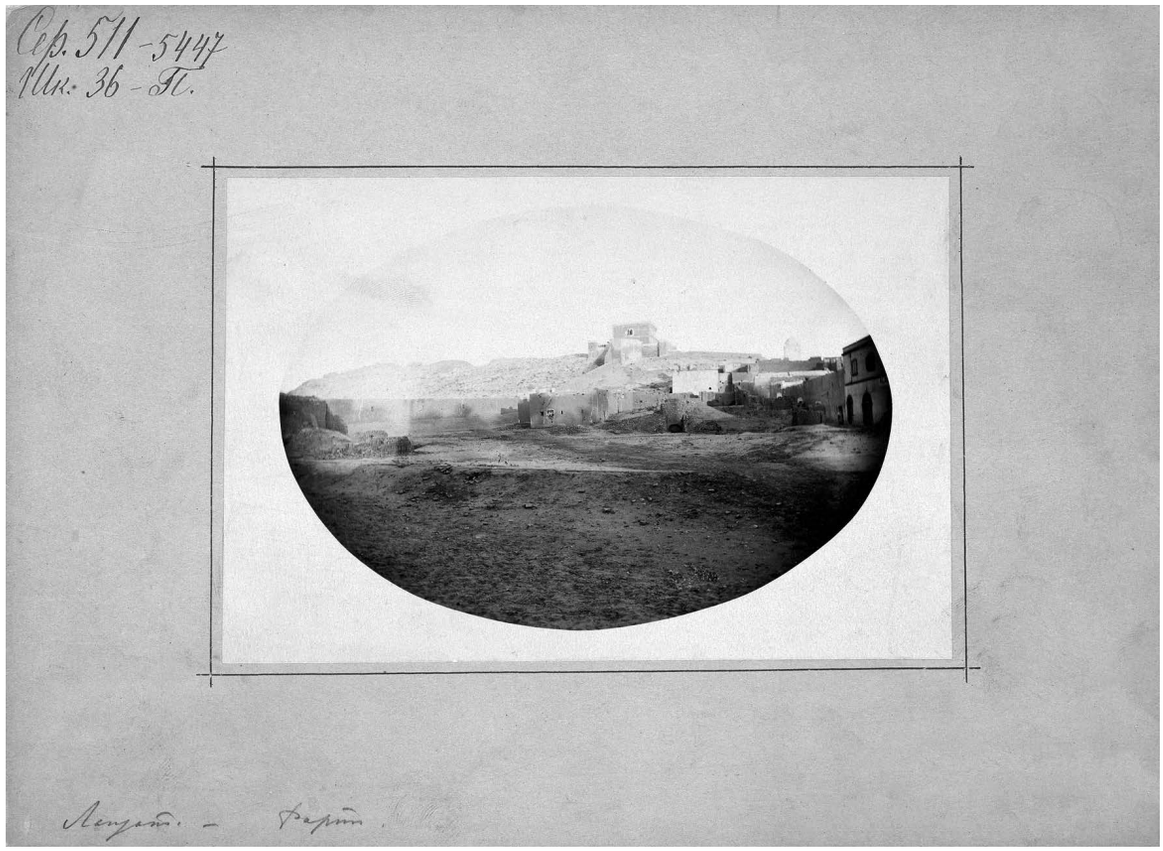
На одной из фотографий, сделанных в экспедиции К.А. Сатунина, — группа людей из шести человек на привале в местечке Дайм-Там (один из оазисов пустыни Сахары), расположившаяся у ствола крупного дерева. В центре группы, без головного убора, коротко стриженный, сидит на земле Сатунин — руководитель экспедиции. Одет в светлые хлопчатые брюки, рубаху и пиджак, подпоясан широким шёлковым шарфом, за поясом — кинжал. Обувь — лёгкие кожаные ботинки. На коленях Сатунина лежит большой пробковый шлем. Слева стоит тонкоствольное ружьё (боевое?), прислонённое к стволу дерева. Вокруг разместились пятеро мужчин — арабы (двое стоят, трое сидят, подогнув ноги под себя), одетые в национальные одежды. На головах у них покрывала; у одного — чалма из клетчатой ткани (переводчик). Остальные — погонщики верблюдов и мулов. На голове одного из погонщиков, сидящего слева от Сатунина, поверх покрывала ещё надета необычная высокая шляпа с полями. Перед группой на земле стоит пустая кастрюля, три стеклянные наполненные бутылки с этикетками, рядом — большой стеклянный бокал в форме рюмки и небольшие стеклянные стаканы для чая или кофе. Перед переводчиком — воткнутый в землю кинжал. На лицевой стороне фотографии, ниже нижней линии обреза, на поле паспарту, размещены два рукописных текста (карандаш): 1) «Алишері погонщ. вербл. Абдала бен Амлия. Переводчик. К.А. Сатунин. Сидят погонщ. вербл. Болдпасан(м) и Деха Абдалихман погонщик мулов»; 2) «Дайм-Там(н). — К.А. Сатунинъ съ прислугою каравана.» (стар. русск.).

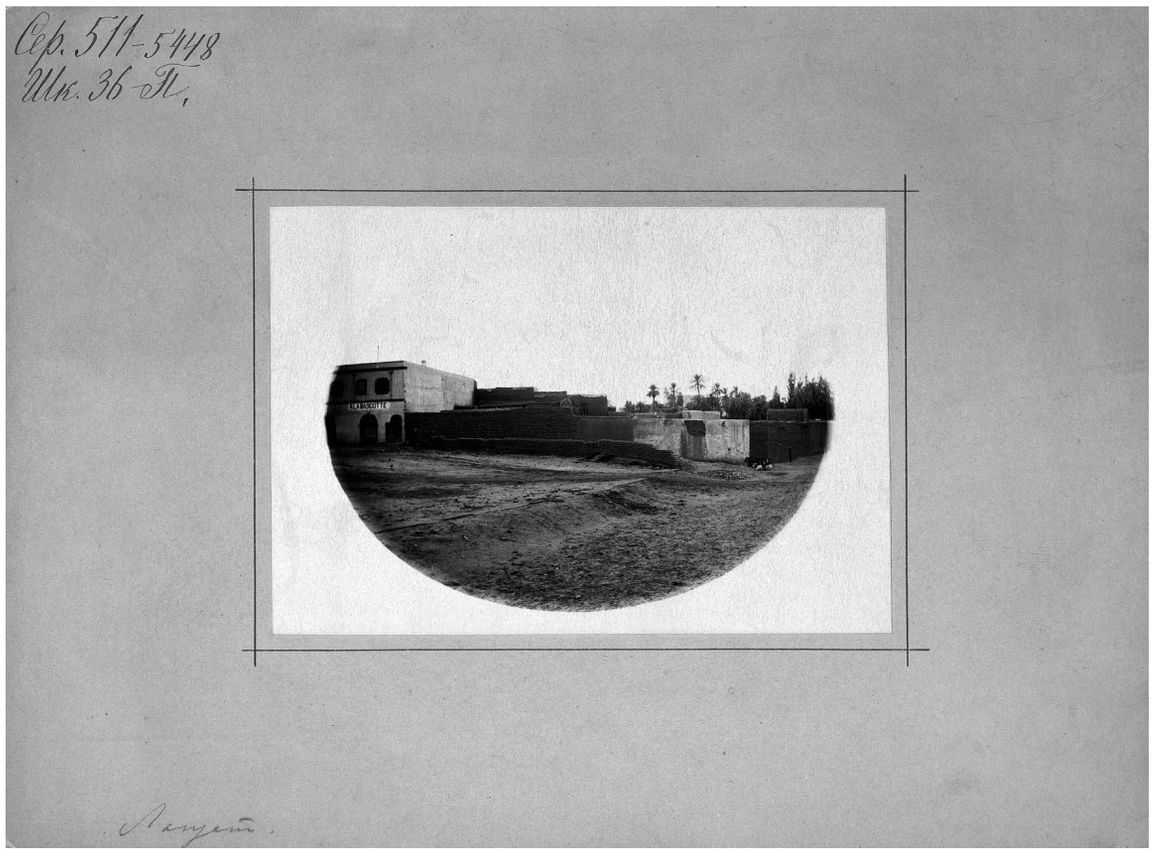
1791. К.А. Сатунин с прислугою каравана во время экспедиции по пустыне Сахара. 1907 г.

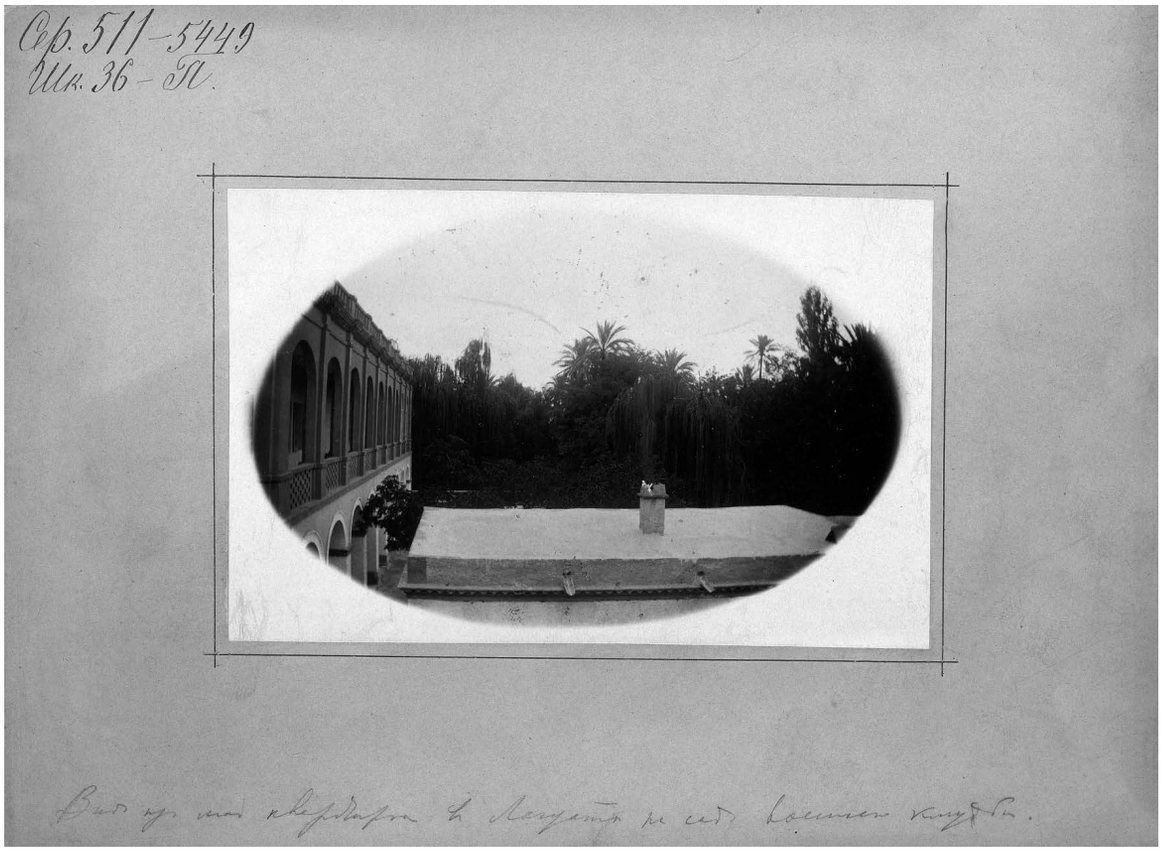
1784. 510-5446
Шк. 36-П.
ENVIRONS D'ALGER
Окрестности Алжира

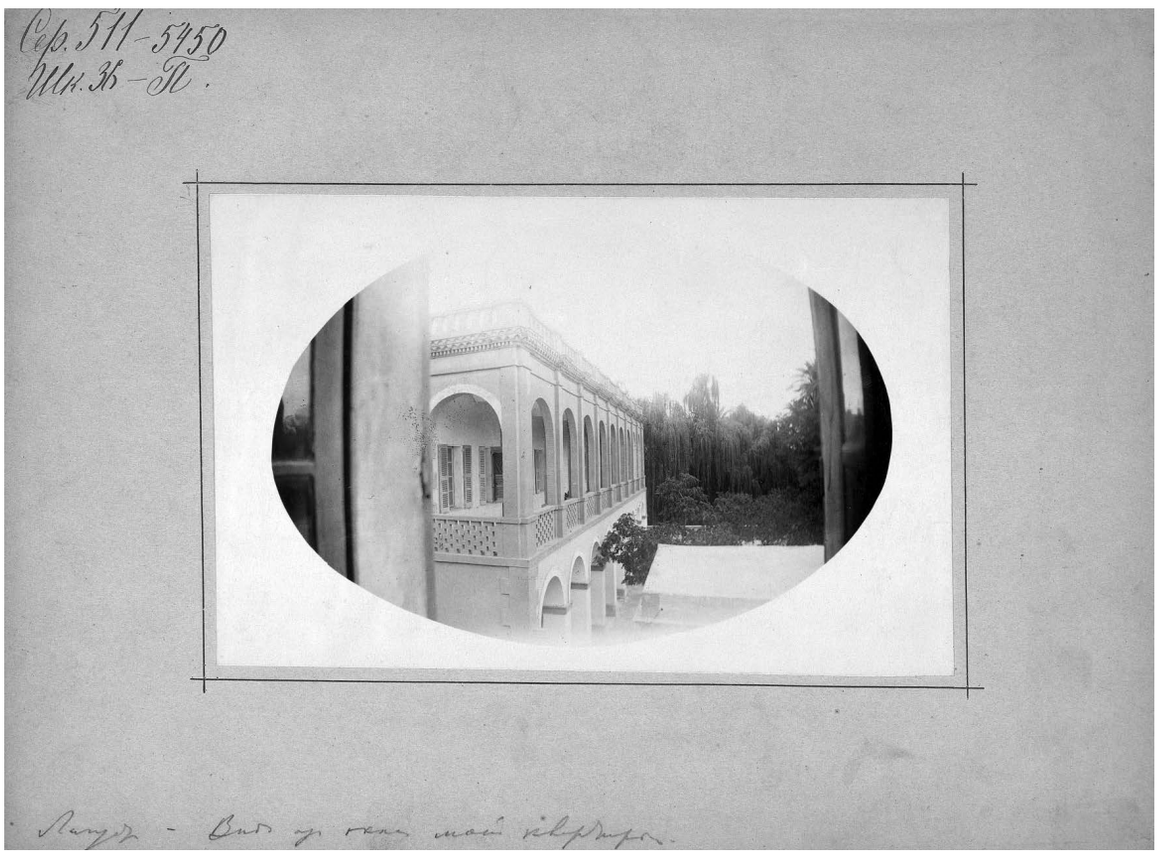
1786. 510-5447
Шк. 36-П.
Лагуат - форт

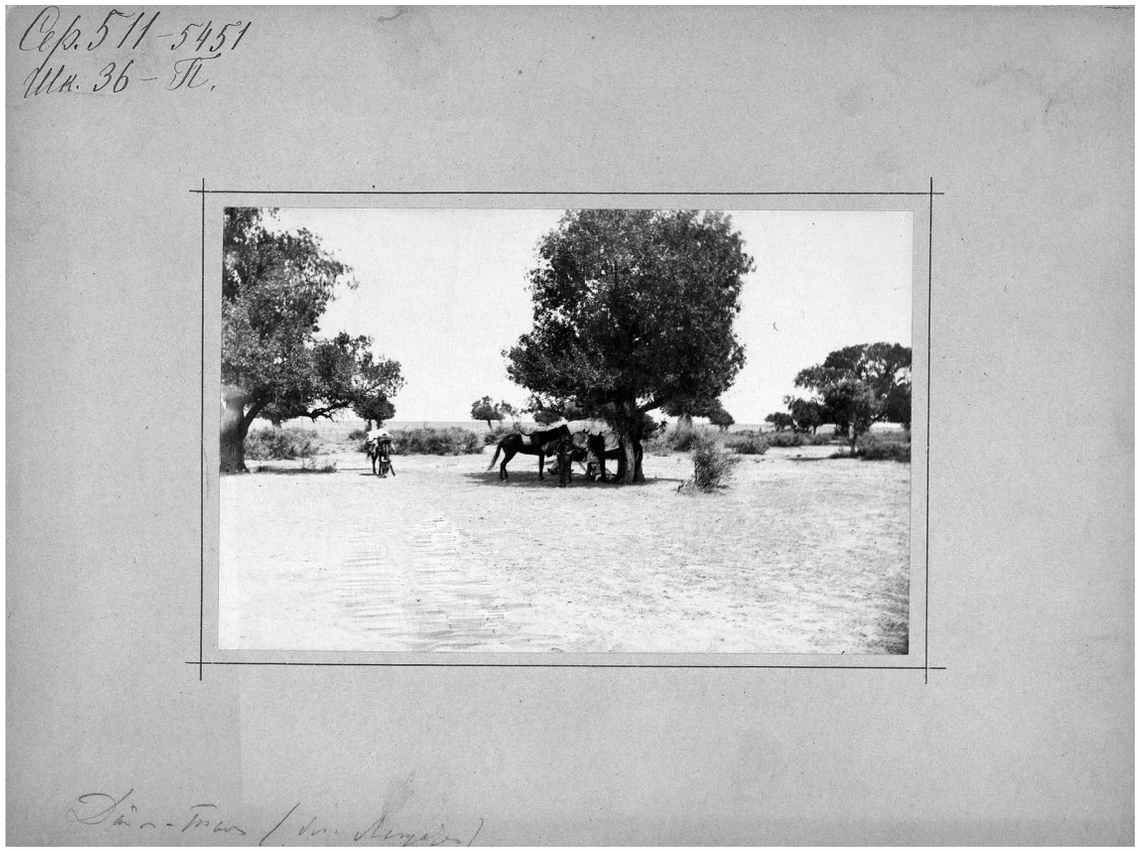
1787. 510-5448
Шк. 36-П.
Лагуат

1788. 510-5449
Шк. 36-П.
Вид из моей квартиры в Лагуате на сад военного клуба

1789. 510-5450
Шк. 36-П.
Лагуат – вид из окна моей квартиры

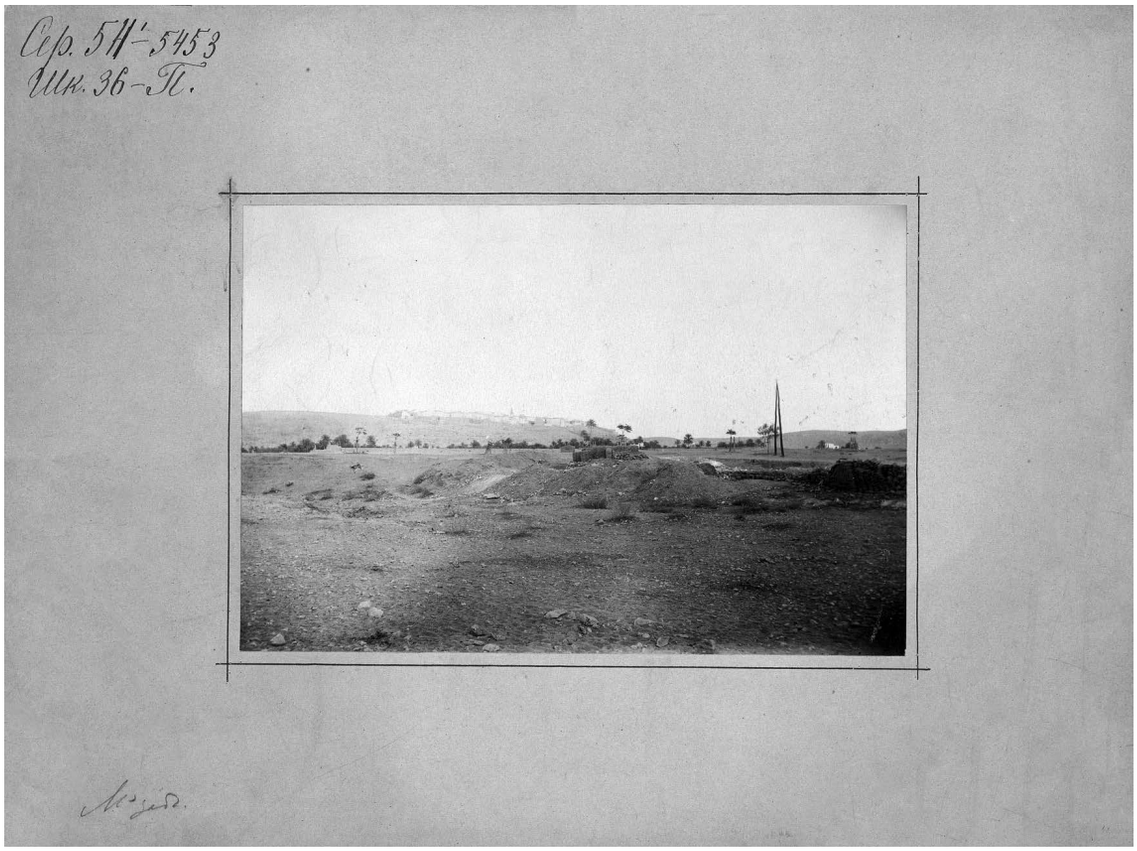

1790. 510-5451
Шк. 36-П.
[неразборчиво] (Дайп-Тан?)
(бл. Лагуата)

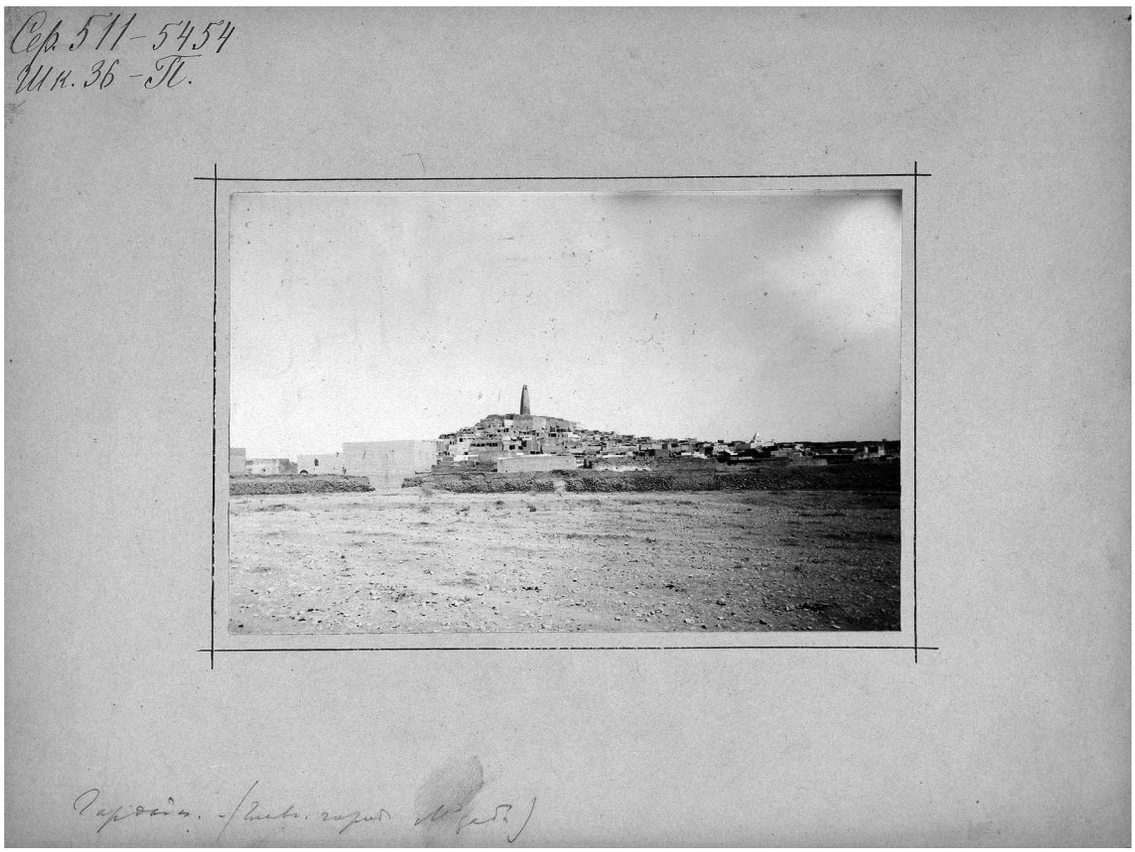

1791. 510-5452
Шк. 36-П.
[неразборчиво] (Дайп-Тан?)
К.А. Сатунин с прислугою караван

Подписи к фото:
Погонщик верблюдов
К.А. Сатунин
Абдала [неразборчиво]
переводчик
Седдех погонщик верблюдов
[неразборчиво] погонщик

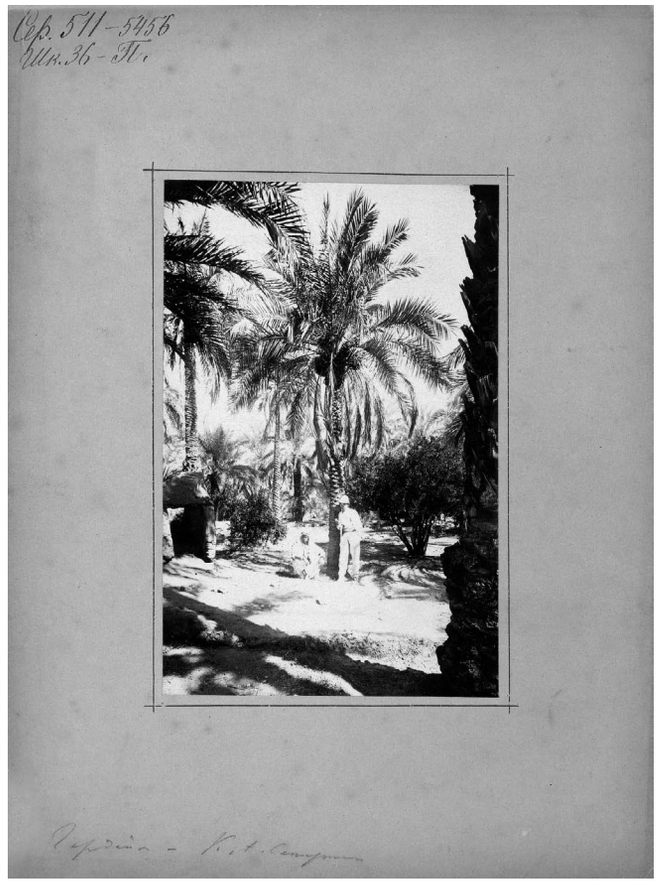

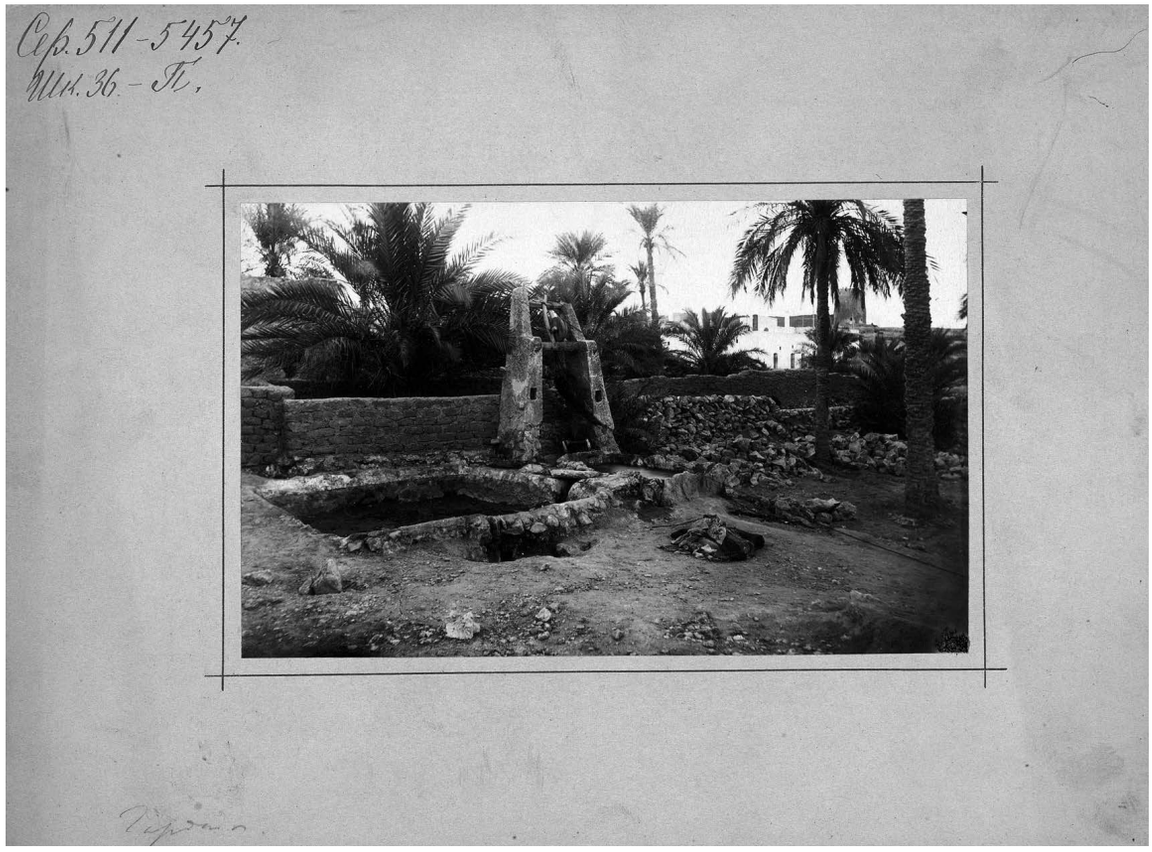
1792. 510-5453
Шк. 36-П.
М’заб

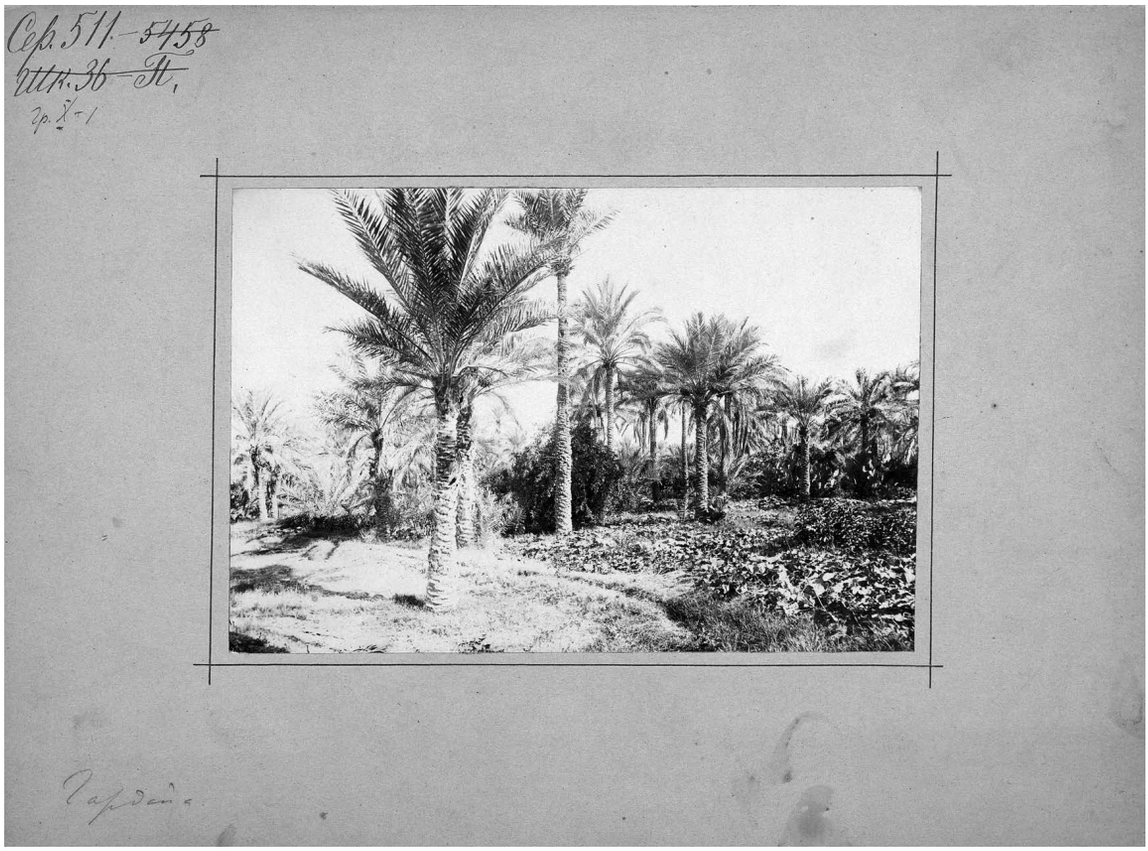
1793. 510-5454
Шк. 36-П.
Гардайа
(*совр. написание – Гардая*)
(главный город М’заба)

1794. 510-5456
Шк. 36-П.
Гардайа – К.А. Сатунин

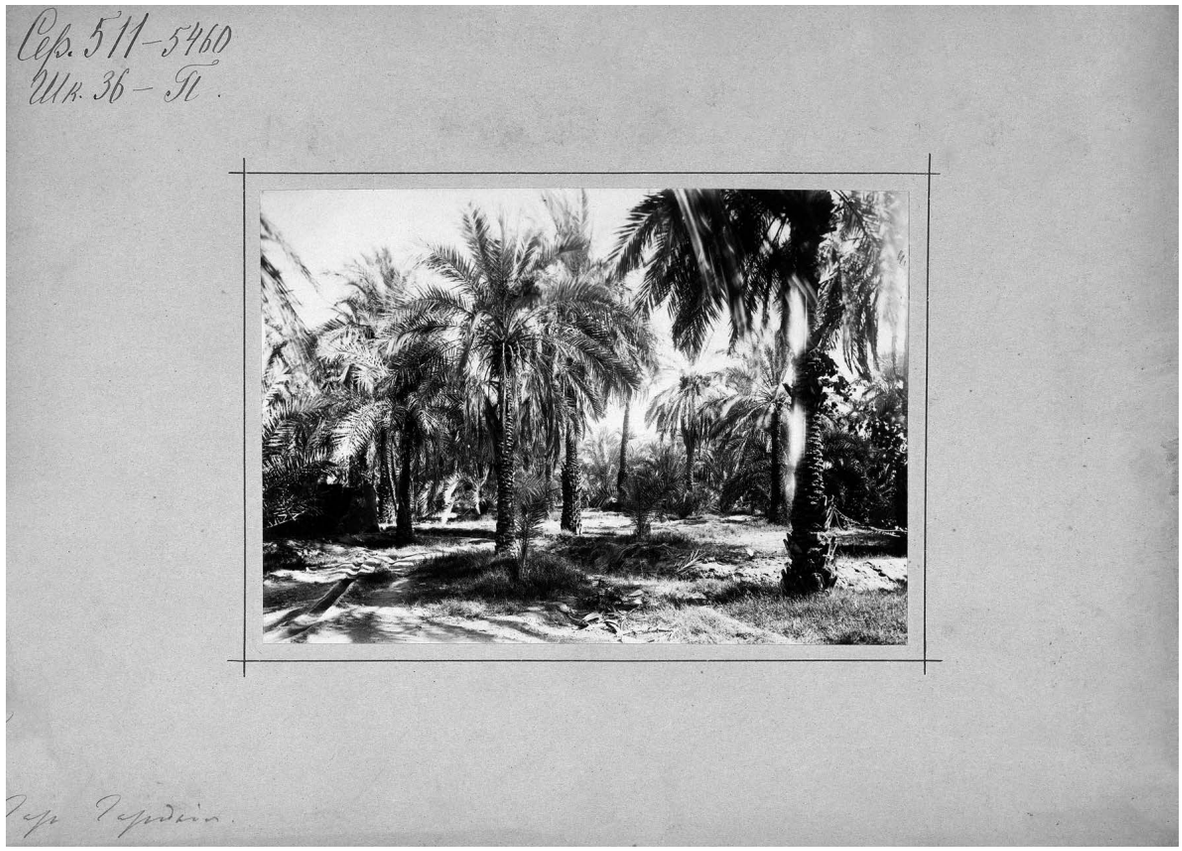
1795. 510-5457
Шк. 36-П.
Гардайа

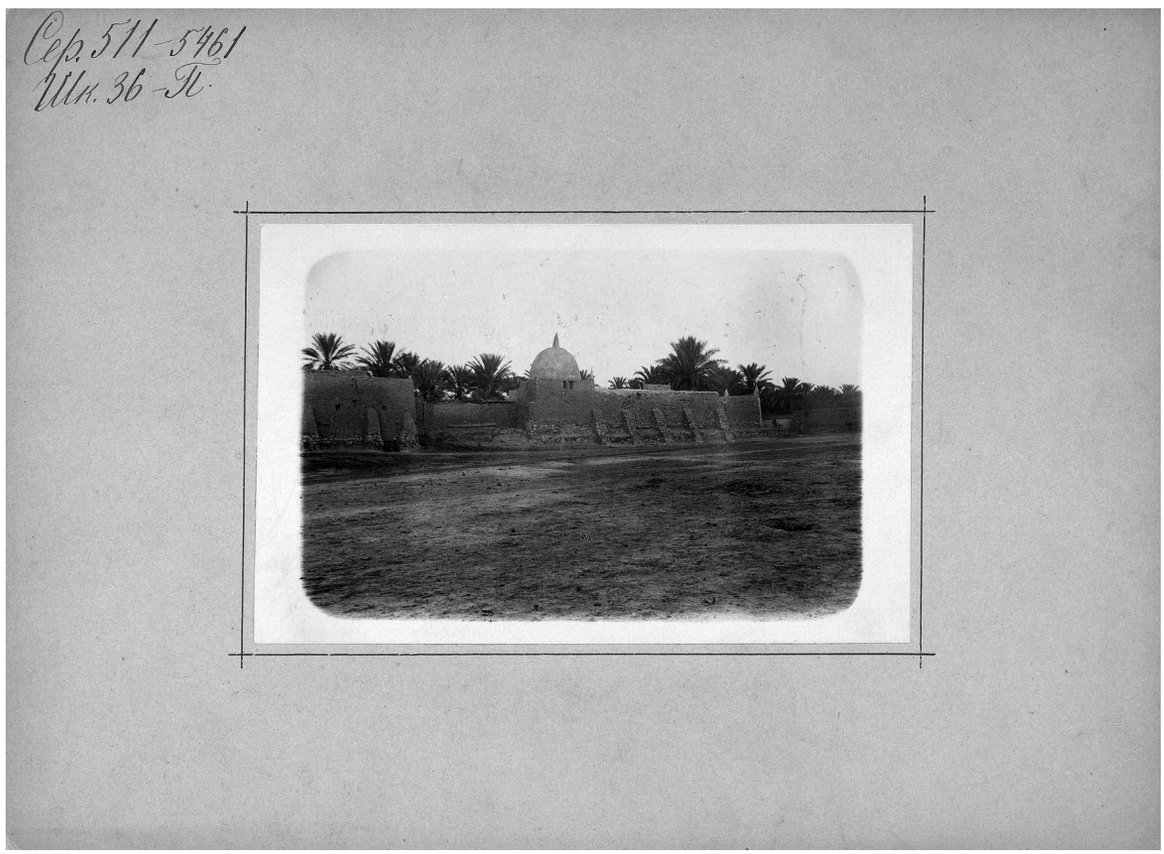
1796. 510-5458
Шк. 36-П.
Гр X-I
Гардайа

1797510-5459
Шк. 36-П.
Гардайа

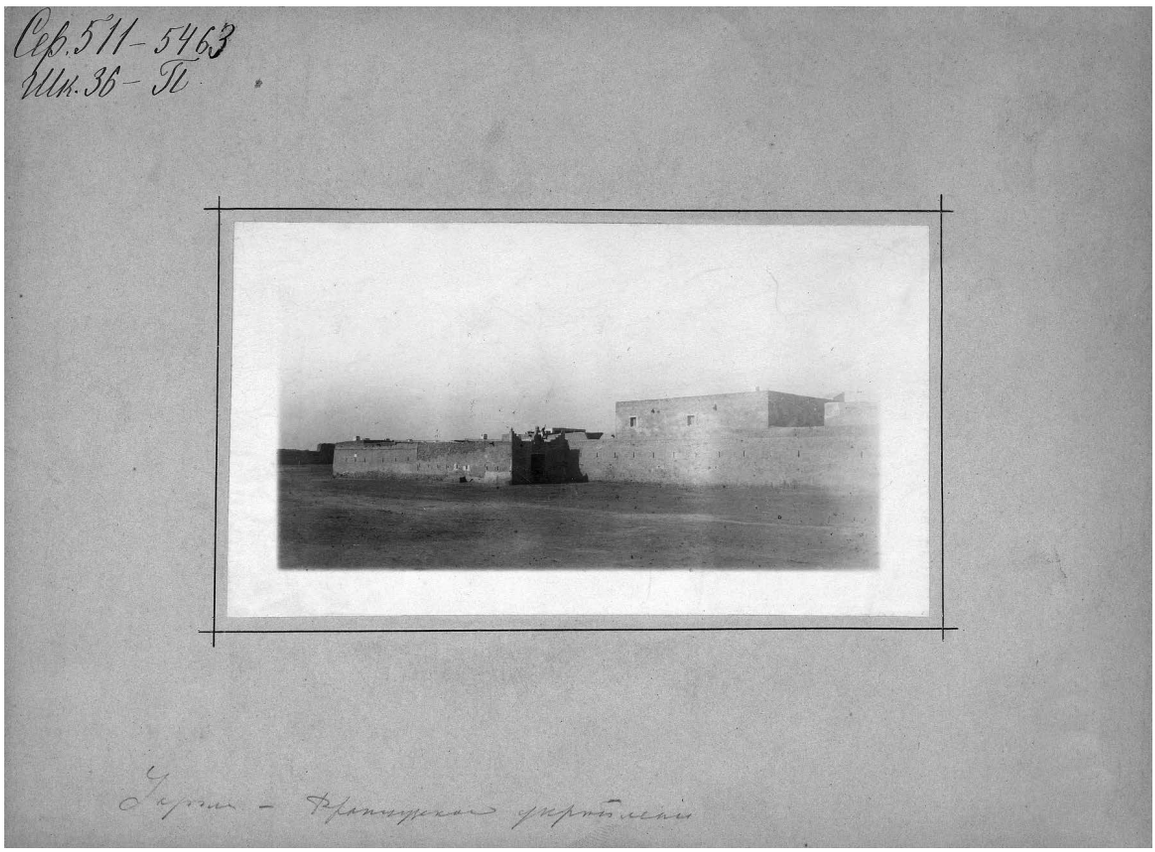
1798. 510-5460
Шк. 36-П.
Гардайа

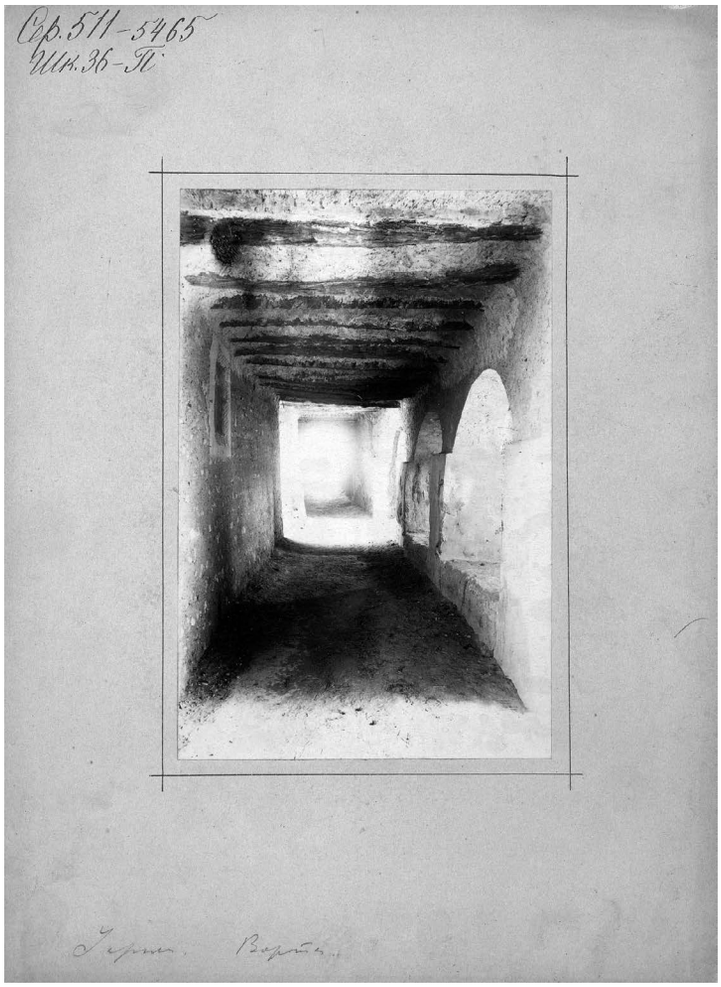
1799. 510-5461
Шк. 36-П.
без подписи

1800. 510-5462
Шк. 36-П.
без подписи

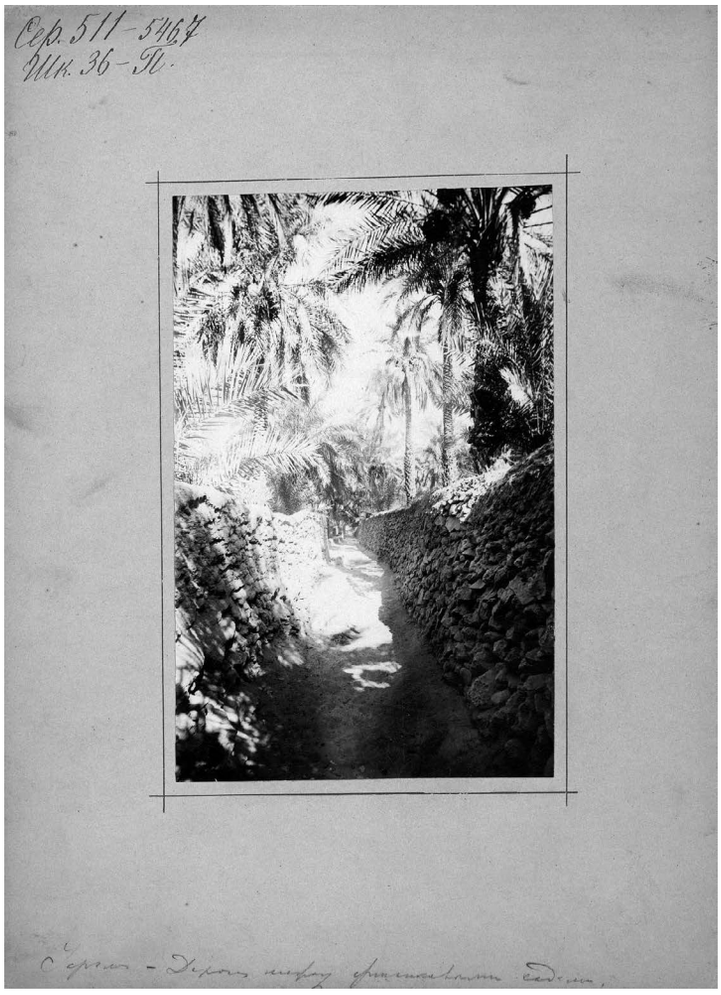
1801. 510-5463
Шк. 36-П.
Уаргла – французское
укрепление

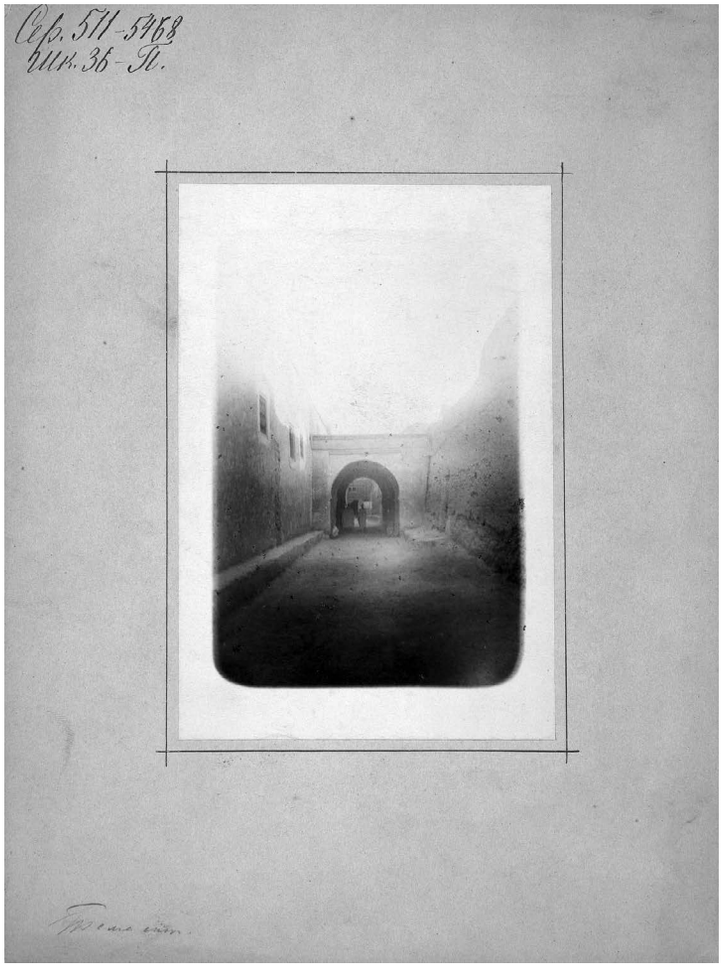
1802. 510-5465
Шк. 36-П.
Уаргла – ворота

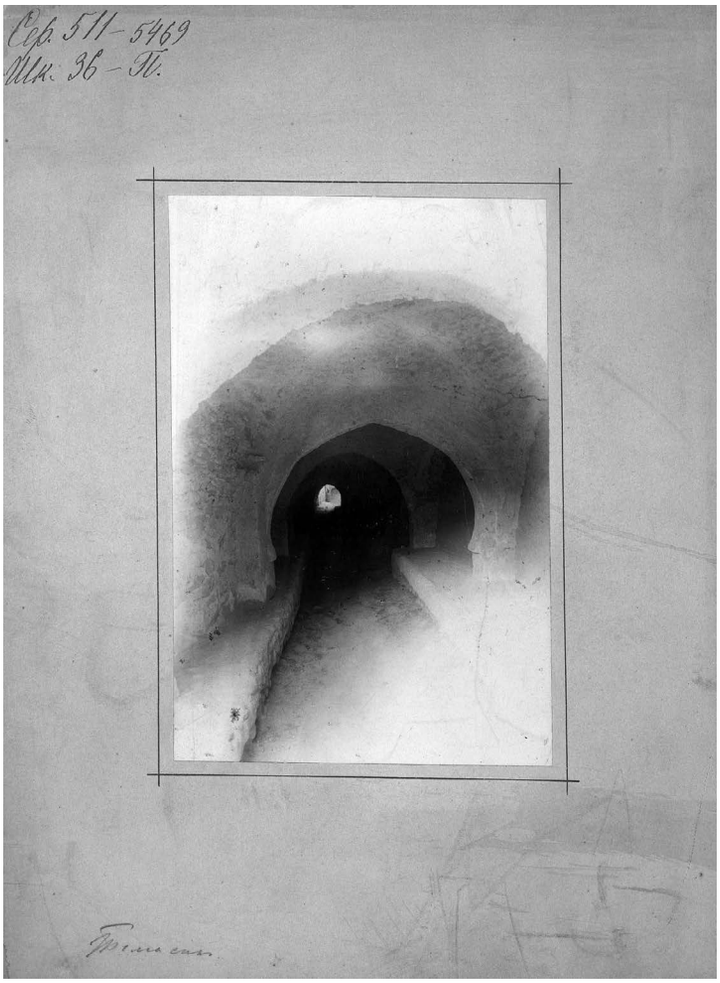
1803. 510-5466
Шк. 36-П.
Уаргла – памятник полковнику Флатчерсу

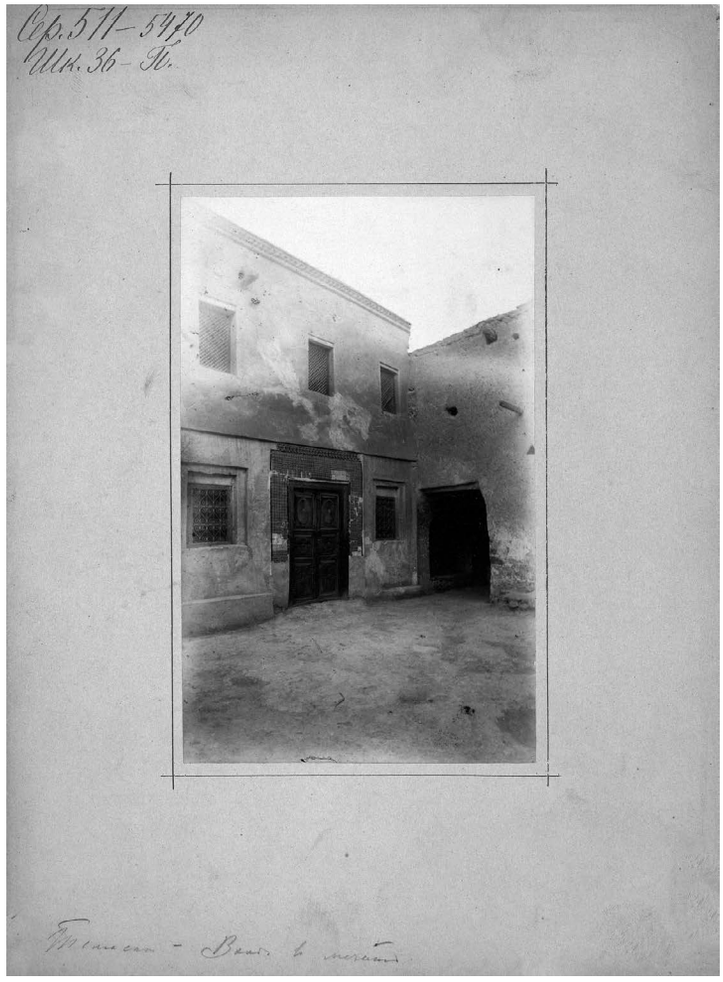
1804. 510-5467
Шк. 36-П.
Уаргла – дорога между гранатовыми садами

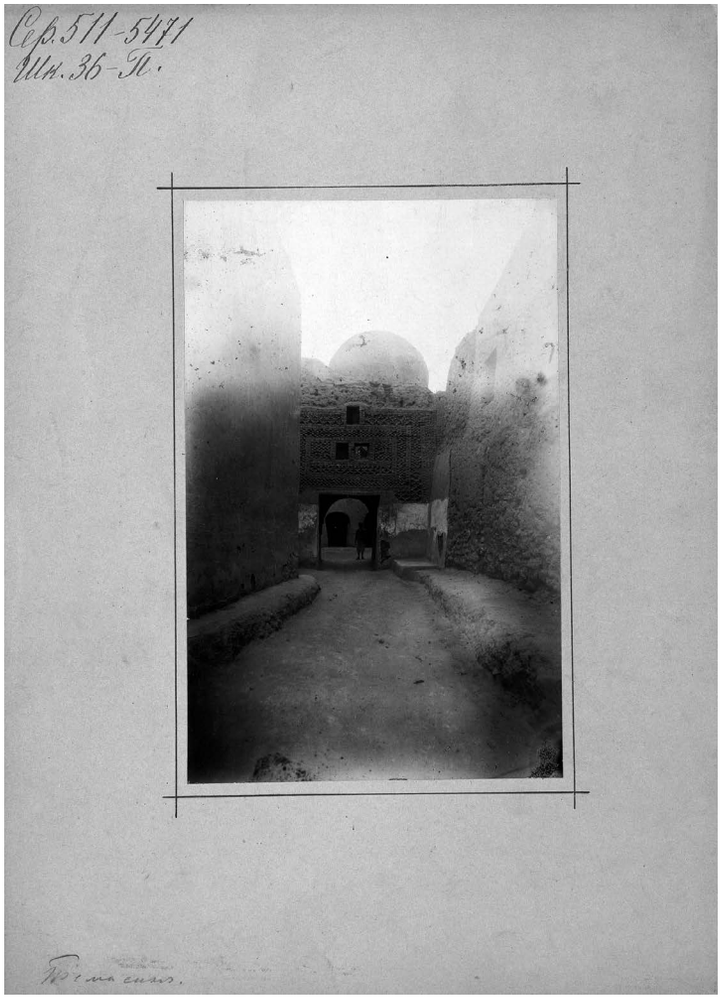
1805. 510-5468
Шк. 36-П.
Темасин

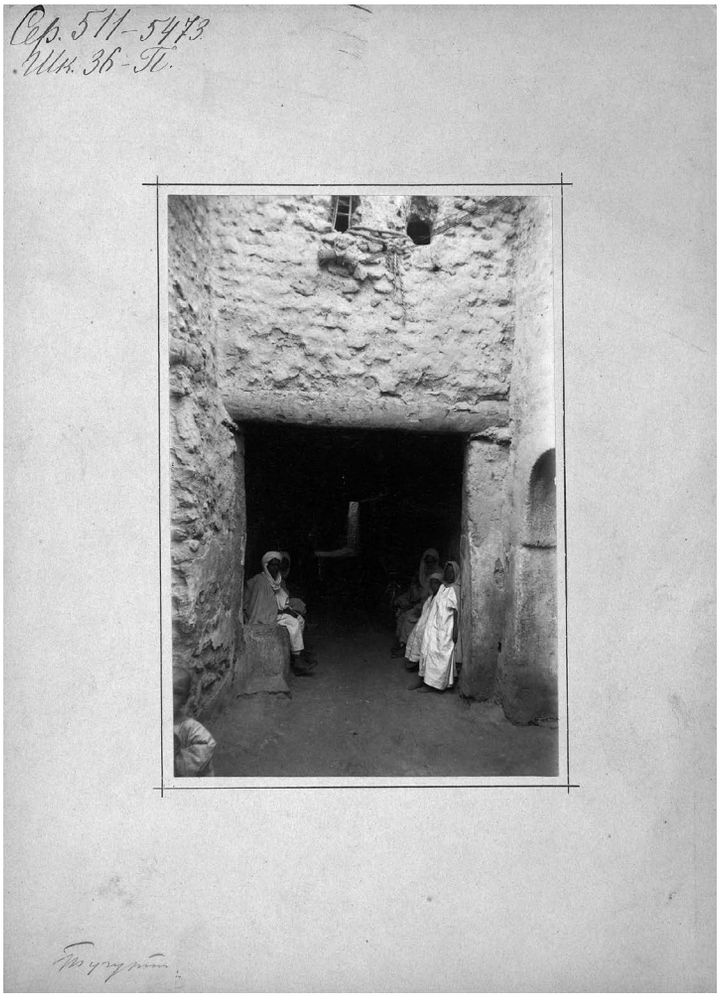
1806. 510-5469
Шк. 36-П.
Темасин

1807. 510-5470
Шк. 36-П.
Темасин – вход в мечеть

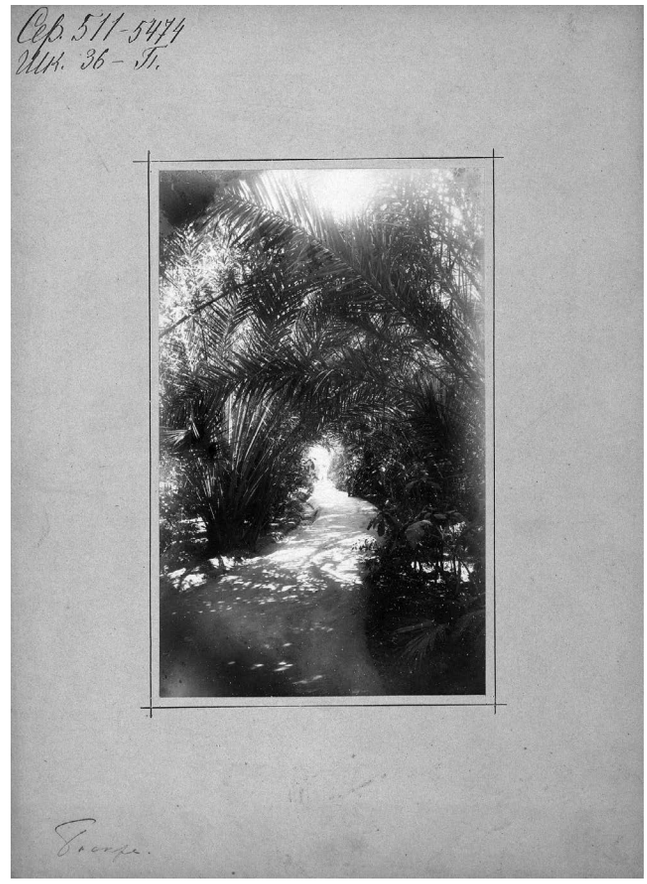

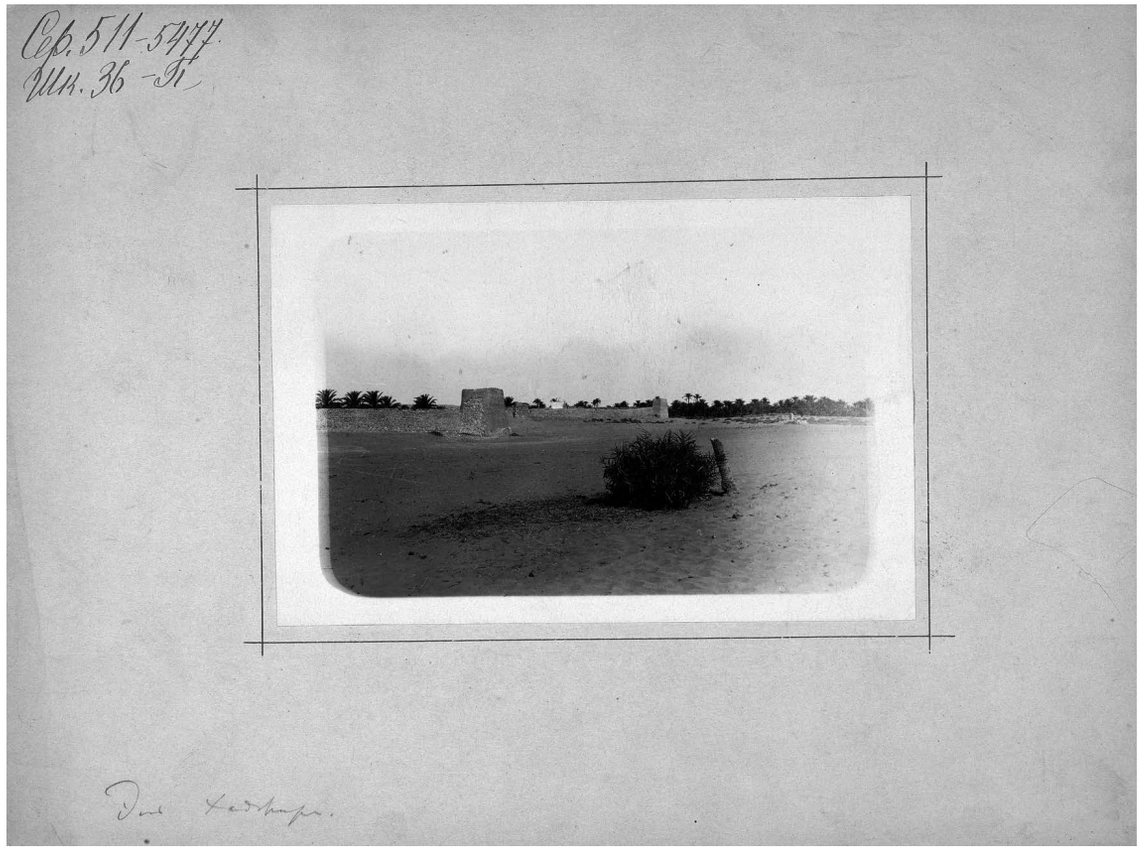
1808. 510-5471
Шк. 36-П.
Темасин

1809. 510-5473
Шк. 36-П.
Тугурт

1810. 510-5474
Шк. 36-П.
Бискра

1811. 510-5477
Шк. 36-П.
Эль Хаджира

1812. 510-5477
Шк. 36-П.
Эль Хаджира. К.А. Сатунин
с прислугой каравана

1814. 510-5476
Шк. 36-П.
Эль Хаджира

1815. 510-5472
Шк. 36-П.
Тугурт. К.А. Сатунин
на экскурсии

1816. 510-5464
Шк. 36-П.
Уаргла – базар и мечеть

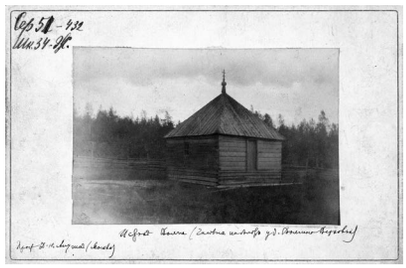
1818. 511-5457а
Запасные бассейны
для дождевой воды

1819. 510-5455
Шк. 36-П.
Гардайя – наш караван

ЧАСТЬ 3. Каталог

3.1 Верховья Волги и Западной Двины. Верхневолжские озёра (экспедиции Д.Н. Анучина 1894–1895 гг., фотографии Д.Н. Анучина)

2202. Сер. 51-432
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

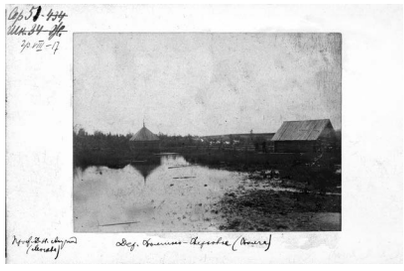
Исток Волги
(часовня на болоте
у деревни Волгино Верховье)

2204. Сер. 51-433
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Исток Волги (часовня)

2205. Сер. 51-434
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Дер. Волгино-Верховье
(Волга)

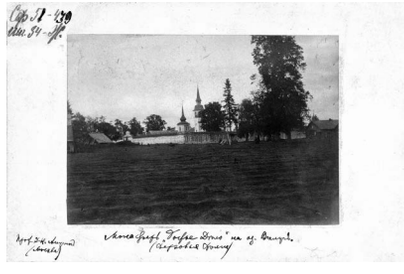
2206. Сер. 51-435
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Озеро Бол. Верхиты
(верховье Волги)

2207. Сер. 51-438
Шк. 34-Ж.

2208. Сер. 51-439
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

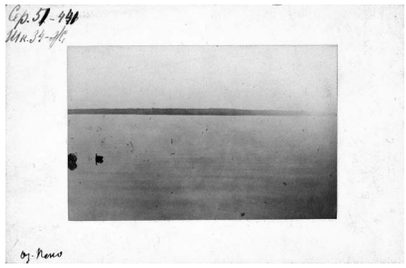
Монастырь «Божье дело»
на озере Вселуг
(верховья Волги)

2209. Сер. 51-440
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Озеро Пёно (верховья Волги)

2210. Сер. 51-441
Шк. 34-Ж.

Озеро Пено

2211. Сер. 51-442
Шк. 34-Ж.

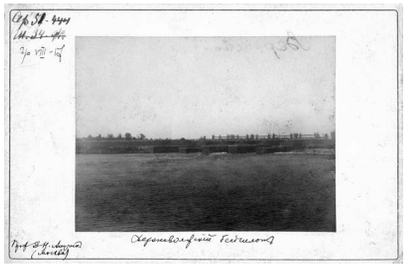
Пено

2212. Сер. 51-443
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Озеро Пёно (коряги).
Верховья Волги

2213. Сер. 51-444
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Верхневолжский бейшлот

2214. Сер. 51-445
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2216. Сер. 51-447
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Оз. Селигер. Вдали виден
«Нил преподобный»

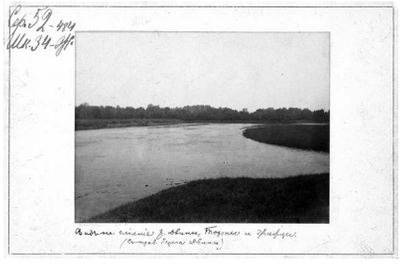
2217. Сер. 51-448
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

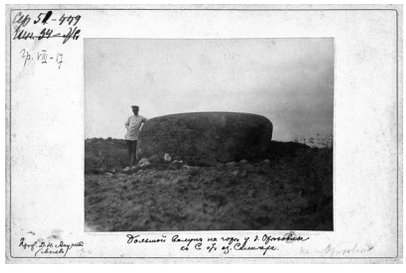
Приготовление к сожжению
«лядина» (близ оз. Селигера)

2170. Исток реки
Западная Двина
из озера Охват-Жаденье.

2183. Место слияния трёх рек:
Торопы, Западной Двины
и Жижицы.

2218. Сер. 51-449
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Большой валун
на горе у д. Ореховны
к С. от оз. Селигера

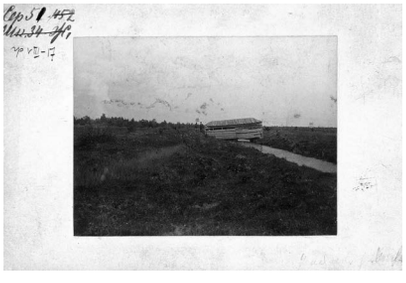
2219. Сер. 51-450
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2220. Сер. 51-451
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

Илья-горы
(один из 3-х холмов),
идущих с ВСВ на ЗЮЗ
[неразборчиво]

Ржевский уезд

2224. Сер. 51-452
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

У истока р. Москвы (выше
п. Бородино и пос. Уваровка)

На водоразделе р. Воря (бас.
р. Угра, входит в бас. р. Ока)

h = 310 м

2225. Сер. 51-453
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2227. Сер. 51-454
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2228. Сер. 51-555
Шк. 34-Ж.

2229. Сер. 51-456
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2230. Сер. 51-457
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2231. Сер. 51-458
Шк. 34-Ж.

2232. Сер. 51-459
Шк. 34-Ж.

2233. Сер. 51-461
Шк. 34-Ж.
Гр. VIII – 17

2234. Сер. 51-462
Шк. 34-Ж.

2235. Сер. 51-463
Шк. 34-Ж.

2236. Сер. 51-464
Шк. 34-Ж.

2240. Сер. 56-543
Шк. 34-Ж.

Вид на Волгу в Ярославле

2239. Сер. 56-542
Шк. 34-Ж.

Памятник Демидову
в Ярославле

2241. Сер. 56-544
Шк. 34-Ж.

Церковь св. Иоанна
в Ярославле

2242. Сер. 56-545
Шк. 34-Ж.

Собор и лицей в Ярославле

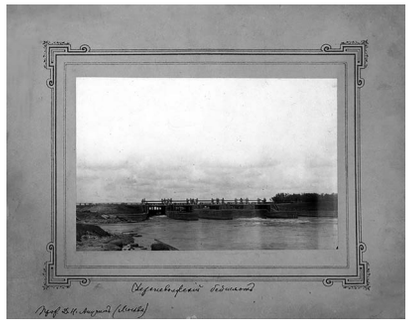
2243. Сер. 56-540
Шк. 34-Ж.

Вид на Волгу с набережной
в Ярославле

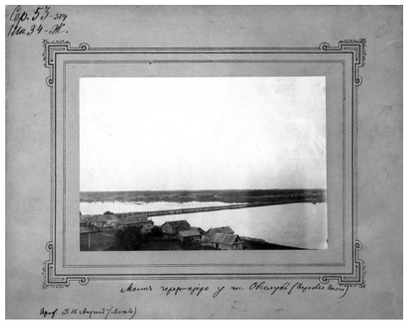
2245.
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

оз. Пёно (верховья Волги)

2246.
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Верхневолжский бейшлот

2247. Сер. 53-504
Шк. 34-Ж.

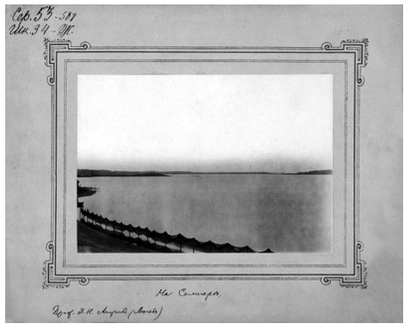
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Мост через озеро
у пос. Овселук
(верховья Волги)

2248.
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Озеро Овселуг
(верховья Волги)

2249. Сер. 53-508
Шк. 34-Ж.

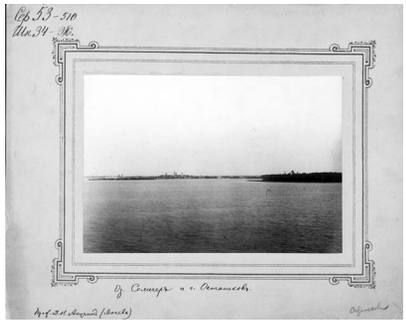
проф. Д.Н. Анучин (Москва)

На Селигере

2250. Сер. 53-509
Шк. 34-Ж.

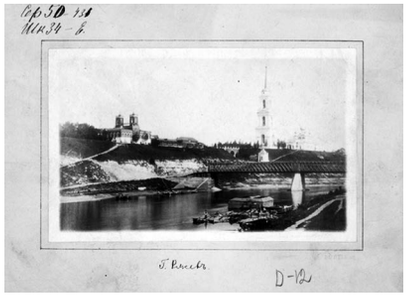
Селигер с колокольни
села Полнова (?)

2251. Сер. 53-510
Шк. 34-Ж.

проф. Д.Н. Анучин (Москва)

Оз. Селигер и г. Осташков

2252. Сер. 50-431
Шк. 34-Е.

г. Ржев

2253.
г. Ржев

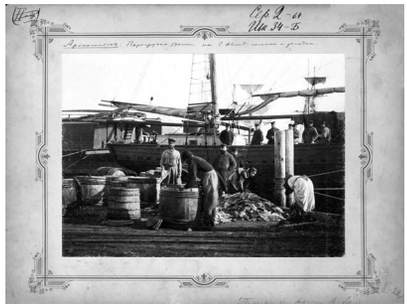

2254.
г. Ржев

3.2 Русский Север (фотографии Я.И. Лейцингера, 1899 г.)

2266. Архангельск.
Дом Петра Великого
на набережной.

1600. Сер. 2-64
Шк. 34-Б

Архангельск: перегрузка
трески на С. Двине:
посолка и укладка

Перегрузка трески в Арх.

2262. Соловецкий
монастырь с моря.

1602.
Восточное побережье
Архангельской губернии.
Чумы мезенских самоедов.

2264.
Новоземельский самоед.

2256. Мезень.

2257.
Мезенцы на промысле в пути.

2258.
Уездный город Онега

2265. Пустозер

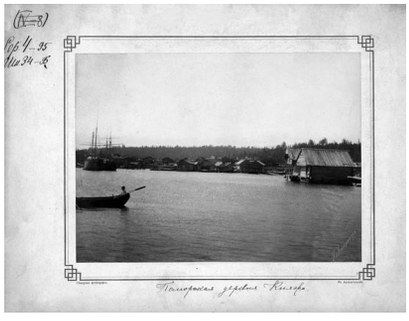
2263. Соловецкий монастырь.
Секирная гора.

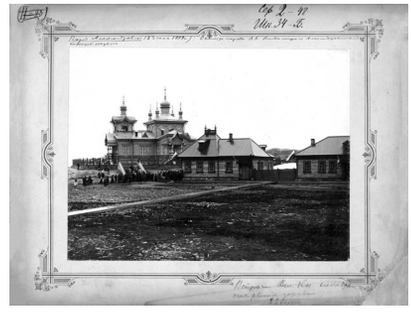
2259. Кемь

2260.
Вид с реки Двины

2261.
Поморская деревня Княжа.

1592. Сер. 2-48
Шк. 34-Б

Порт Александровский
(23 июня 1899 года). Осмотр
города В[еликим] К[нязем]
Владимиром Александровичем
[неразборчиво] (накануне?)
открытия

Встреча Вел. Кн.
[неразборчиво] открытия
города 23 июня

1563. Сер. 2-27
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский
(24 июня 1899 г.).
Железная дорога у берега
гавани; Выше гранитная
кладка шоссе

Шоссе и жел. дор. в Алек.

1565. Сер. 2-28а
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский.
Шоссе от главной пристани]
«Мурман»

(перед открытием 24 июня
1899 г.)

Шоссе от пристани
к гор. Алекс.

1567. Сер. 2-29а
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский.
Гора Энгельгардта
[неразборчиво]

[неразборчиво] [неразборчиво][неразборчиво]

1569. Сер. 2-30
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский
(23 июня 1899 г.).
Гора Энгельгардта
[неразборчиво] и главной пристани

Гора Энгельгардта

1594. Сер. 2-50
Шк. 34-Б

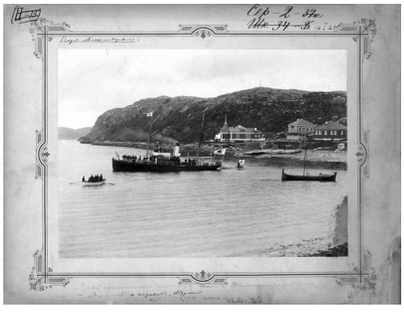
Порт Александровский
(24 июня 1899 года).
Открытие [неразборчиво]

1561. Сер. 2-26
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский (23 июня 1899 г.). Перекресток (направо – школа)

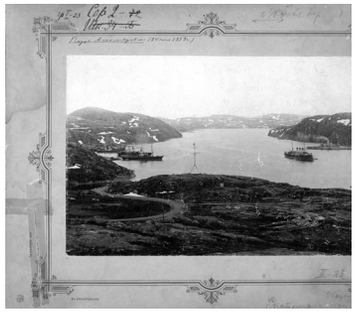
Общий вид гор. Александров[…]

1583. Сер. 2-37а
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский

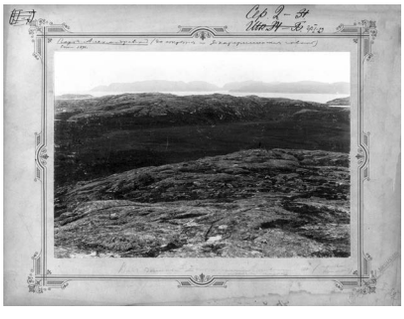
[неразборчиво] пароход «Мурман».

1560. Сер. 2-72
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский
(24 июня 1899 г.)

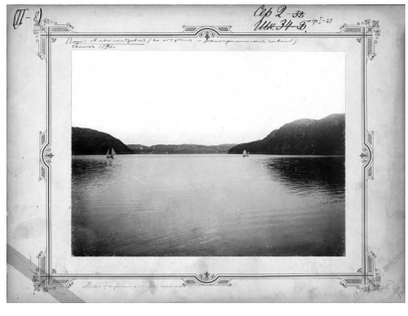
Внизу надпись:
Общий вид
Екатерининской бухты

1571. Сер. 2-31
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский
(до открытия –
Екатерининская гавань)
Снимок 1896 г.

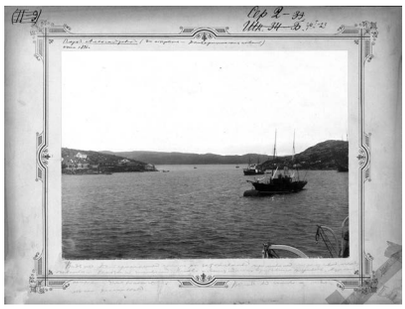
[неразборчиво]

1573. Сер. 2-32
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский
(до открытия –
Екатерининская гавань)
Снимок 1896 г.

Екатерининская гавань

1575. Сер. 2-33
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань)
Снимок 1896 г.

[неразборчиво]

1577. Сер. 2-34
Шк. 34-Б
Гр. I-23

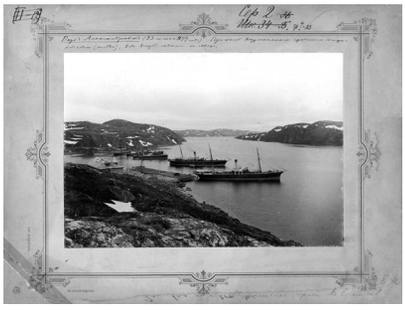
Порт Александровский (до открытия – Екатерининская гавань)
Снимок 1896 г.

Екатерининская гавань
[неразборчиво]

1579. Сер. 2-35
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский (перед открытием 24 июня 1899 года). Вид сверху: амбары, гостиница, глав. пристань, по ту сторону –[неразборчиво] адм[инистративный] парох[од] «Мурман».
Снимок 1896 г.

1581. Сер. 2-36
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Порт Александровский (23 июня 1899 года). Пристань Мурманского срочного пароходства ([неразборчиво]).
Вид вглубь гавани на север

1587. Сер. 2-39
Шк. 34-Б

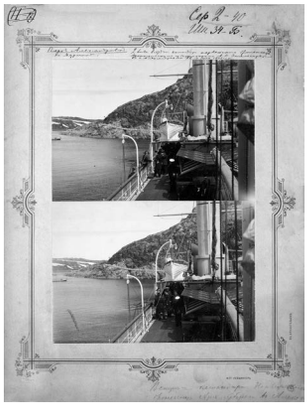
Порт Александровский:
2 вида главной портовой пристани 24 июня 1899 г.

1585. Сер. 2-38
Шк. 34-Б
Гр. I-23

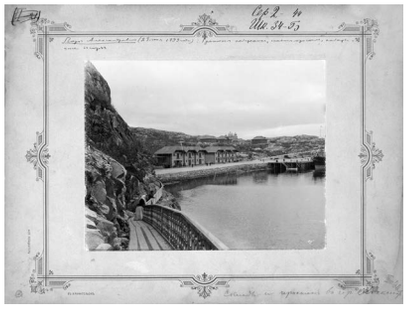
Порт Александровский:
2 вида отправления крейсера «Светлана» после открытия порта 24 июня 1899 года [неразборчиво] (салюты?)

Отправка крейсера Светлана салюты

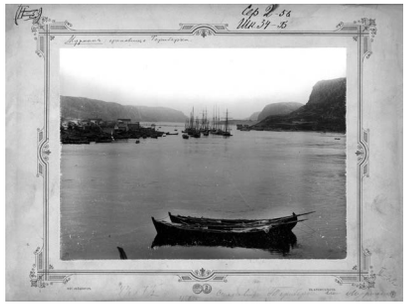
1588. Сер. 2-40
Шк. 34-Б

Порт Александровский (Мурман). 2 вида встречи [неразборчиво] броненосца [неразборчиво][неразборчиво] А.П. Энгельгардта в г. Александровском 22 июня 1899 года.

1590. Сер. 2-44
Шк. 34-Б

Порт Александровский (23 июня 1899 года). Гранитная набережная, главная пристань, амбары [неразборчиво]

1596. Сер. 2-56
Шк. 34-Б

Мурман:
становище Териберка

1598. Сер. 2-58
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Мурман: становище Еретеки

Становище Еретики
на Мурмане

1600. Сер. 2-67
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Восточное побережье
Арх[ангельской] губ[ернии]:
чумы мезенских самоедов

Чумы мезенских самоедов

1604. Сер. 2-68
Шк. 34-Б
Гр. I-23

Новая Земля: самоед

Самоед на Новой Земле

1606. Сер. 2-69
Шк. 34-Б

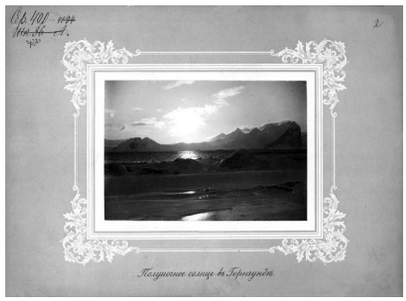
Новая Земля: самоед и собаки

Новоземельский самоед

1608.
Гавань С. Двины

3.3 Шпицберген. Экспедиции 1899–1901 гг.

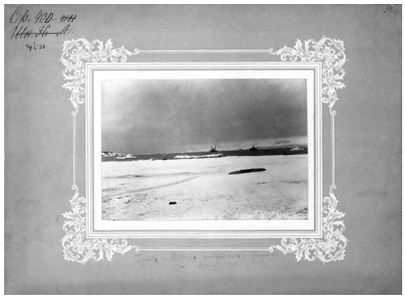
1663Сер. 400-4094
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Полуночное солнце
в Горнзунде

1669. Сер. 400-4101
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Поселок Константиновский
осенью 1899 года
(выделенное перечеркнуто
карандашом: [неразборчиво]
1900г.; снизу карандашная
приписка: в Горнзунде)

1689. Сер. 400-4122
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бакан и ледокол подходят
к зимовке весной 1900 г.

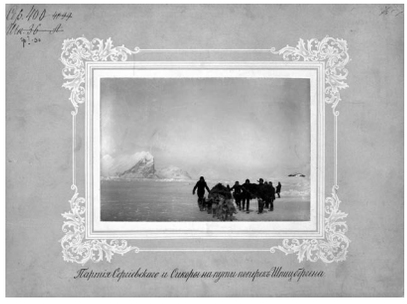
1688. Сер. 400-4120
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Гавань Вирго.
Шведские суда – Свенскбунд
и [неразборчиво]

1676. Сер. 400-4108
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Русские зимовщики
1899-900 года

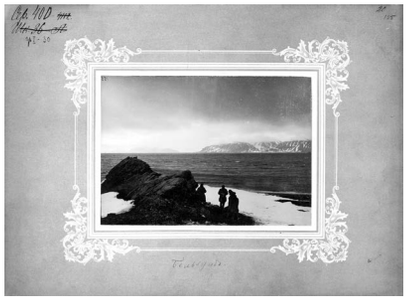
1668. Сер. 400-4099
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Партия Сергиевского
и Сикоры на пути поперек
Шпицбергена

1677. Сер. 400-4109
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Партия Васильева на зимнем
походе поперек Шпицбергена

1680. Сер. 400-4112
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бельхунд

1655. [неразборчиво]

Сер. 402 4137
Шк. 36-А

1657. [неразборчиво]

Сер. 402 4138
Шк. 36-А

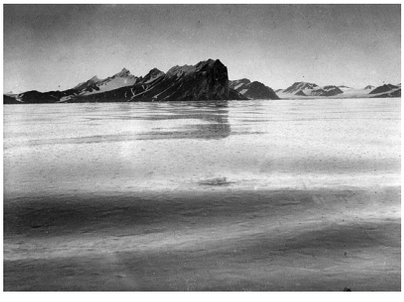
1659. С [неразборчиво]
Гельвальда
на восточную часть залива
[неразборчиво]

Сер. 402-4141
Шк. 36-А

Берег Шпицбергена

1671.
Пирамида на вершине
плато Агарда

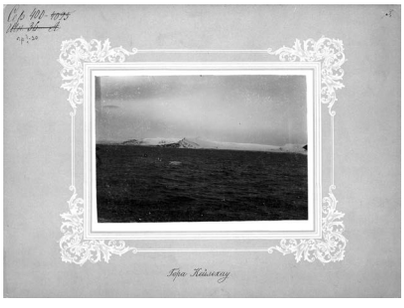

1653.
Хребет Софии в Горнзунде

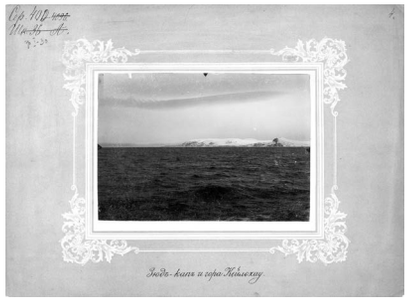
1662. Сер. 400-4093
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Горнзунд-тинд, высшая гора
южного Шпицбергена

1664. Сер. 400-4095
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Гора Кейльхау

1665. Сер. 400-4096
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Зюд-кап и гора Кейльхау

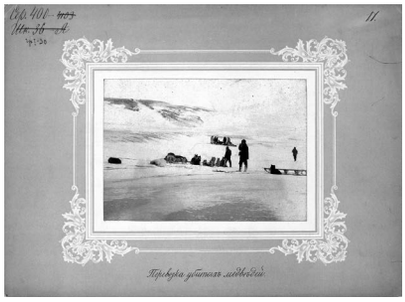
1666. Сер. 400-4097
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Клас-билен-бай в Айсфьорде

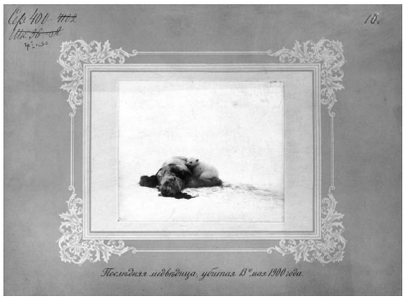
1667. Сер. 400-4098
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Вынос льда из бухты Госс

1670. Сер. 400-4103
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Перевозка убитых медведей

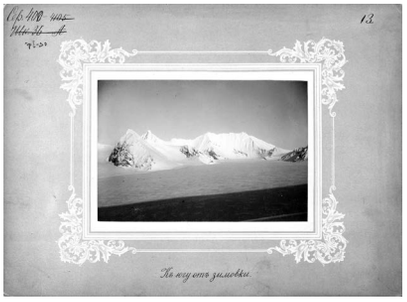
1671. Сер. 400-4102
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Последняя медведица,
убитая 13 мая 1900 года

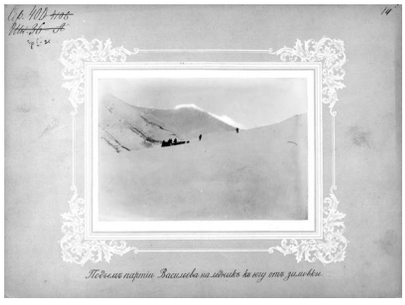
1672. Сер. 400-4104
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Русская зимовка
после шторма

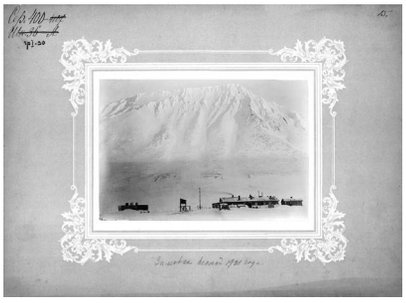
1673. Сер. 400-4105
Шк. 36-А
Гр. I - 30

К югу от зимовки

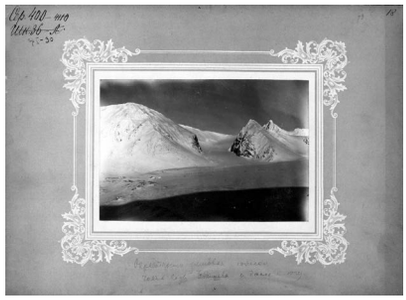
1674. Сер. 400-4106
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Подъем партии Васильева
на ледник к югу от зимовки

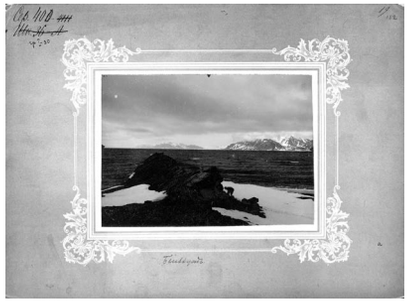
1675. Сер. 400-4107
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Зимовка весной 1900 года

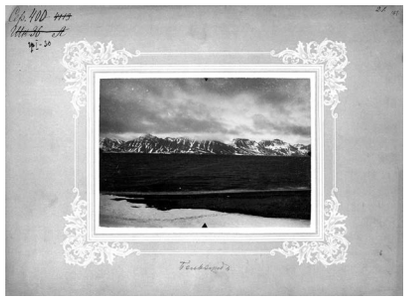
1678. Сер. 400-4110
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Окрестности зимовки:
южная часть горы Чебышева
и далее к югу

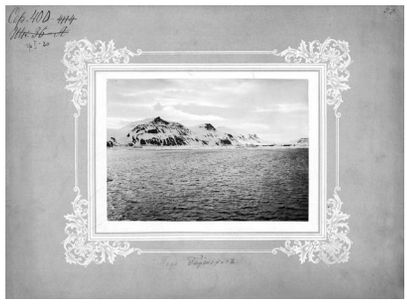
1679. Сер. 400-4111
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бельхунд

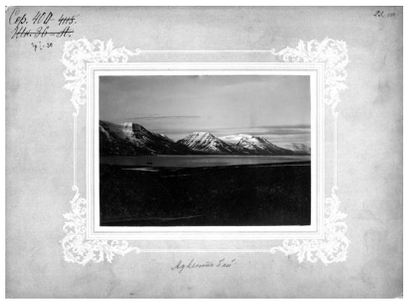
1681. Сер. 400-4113
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Бельхунд

1682. Сер. 400-4114
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Гора Геджсхог

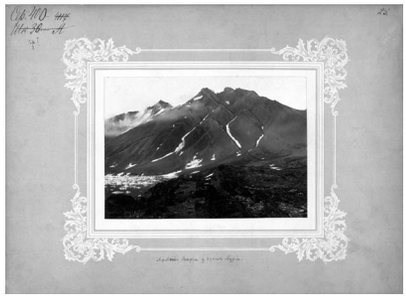
1683. Сер. 400-4115
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Адвент бай

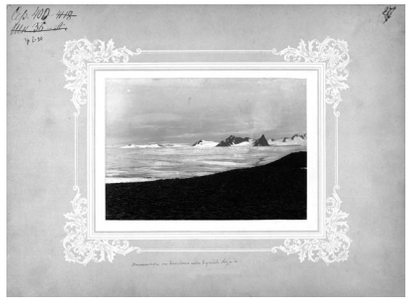
1684. Сер. 400-4116
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Адвент бай

1685. Сер. 400-4118
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Хребет Марии у бухты Ауриа

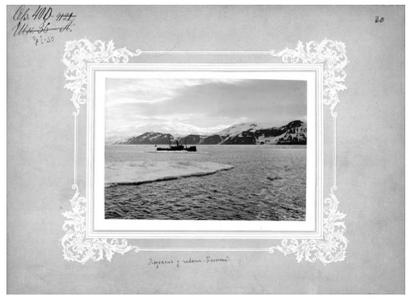

1686.
Нунатаки к востоку
от бухты Ауриа

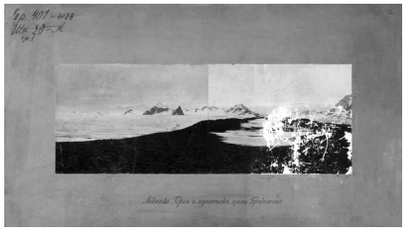
1687. Сер. 400-4119
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Южный берег Айсугборда

1690. Сер. 400-4122
Шк. 36-А
Гр. I - 30

Ледокол у гавани «Бетти»

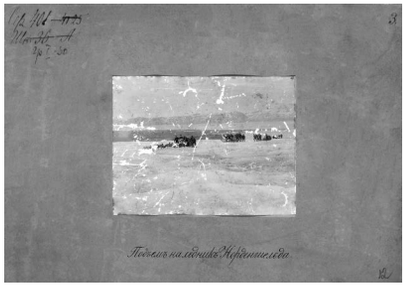
1694. Сер. 401-4128
Шк. 36-А
Гр. I

Ледник Горн и нунатаки
цепи Бредихина

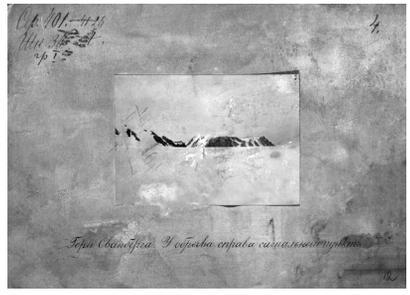
1695. Сер. 401-4127
Шк. 36-А

Ледник Горнзундтинда

1696. Сер. 401-4125
Шк. 36-А
Гр. I - 30

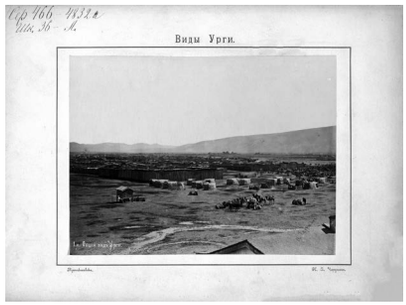
Подъем на ледник
Норденшельда

1697. Сер. 401-4126
Шк. 36-А
Гр. I

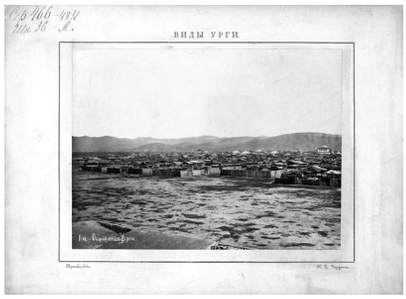
Гора Сванберга. У обрыва
справа сигнальный пункт

3.4 Экспедиция Г.Н. Потанина в Монголию 1886 г. (фотографии Н.А. Чарушина)

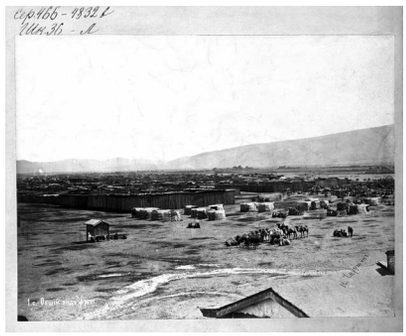
2757. Общий вид Урги

Н.А. Чарушин

2758. Общий вид Урги

Н.А. Чарушин

2759. Общий вид Урги

Н.А. Чарушин

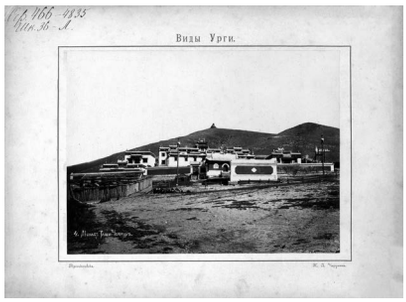
2860. Ургинский базар

Н.А. Чарушин

2763. Монастырь Гандан

Н.А. Чарушин

2766. Монастырь Таши-Чонкур

Н.А. Чарушин

2768. Общий вид монастыря Таши-Чонкур

Н.А. Чарушин

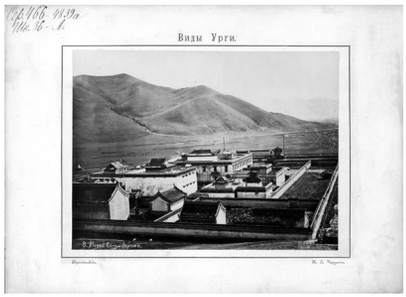
2769. Монастырь Шат-Дуслин

Н.А. Чарушин

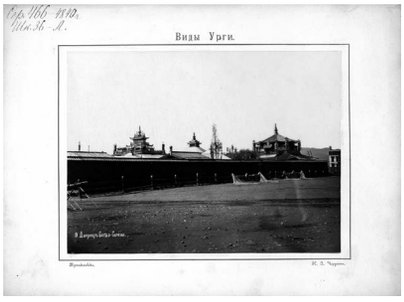
2770.
Монастырь Дамба-Дорчжи

Н.А. Чарушин

2771.
Монастырь Дамба-Дорчжи

Н.А. Чарушин

2774.
Дворец Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

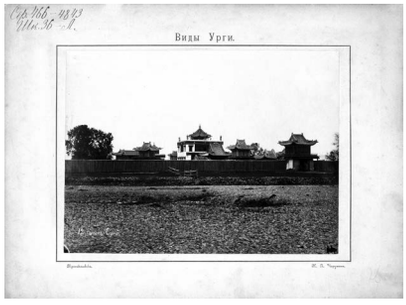
2776.
Дворец Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

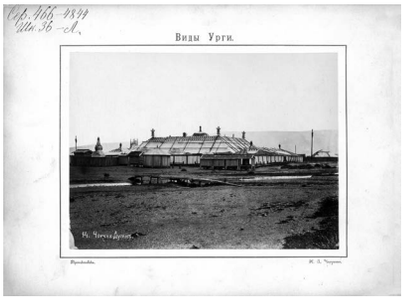
2778.
Летняя резиденция Б. Гегена

Н.А. Чарушин

2780. Голын-Суме

Н.А. Чарушин

2782. Чокчик-Дуган

Н.А. Чарушин

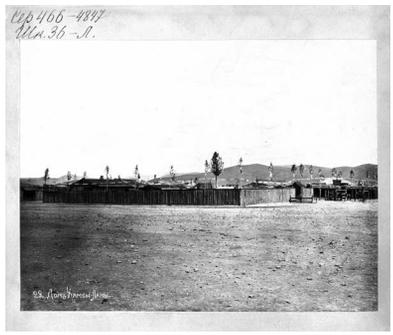
2783.
Сангай-Сумэ (Кумирия)

Н.А. Чарушин

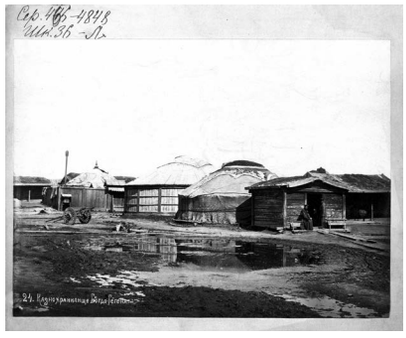
2784.
Ямпай. Почётные ворота

Н.А. Чарушин

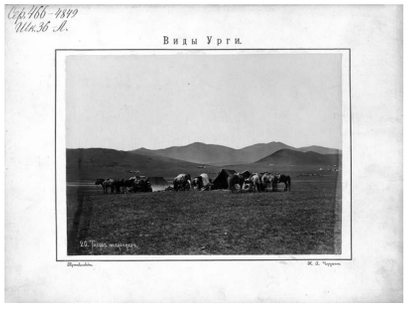
2785. Дом Хамбы-Ламы

Н.А. Чарушин

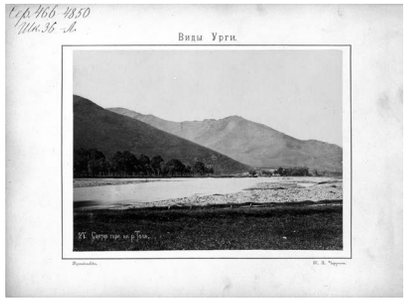
2786.
Казнохранилище Богдо-Гегена

Н.А. Чарушин

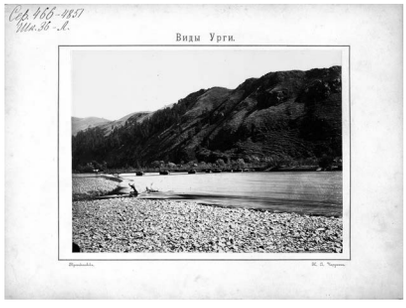
2787. Табор на скачках

Н.А. Чарушин

2788.
Святая гора на р. Тола

Н.А. Чарушин

2789.
Русский мост на р. Тола

Н.А. Чарушин

2790.
Дом купца Воробьева

Н.А. Чарушин

2791.
Н.А. Чарушин

2792. Русское консульство

Н.А. Чарушин

2793. Развалины
Цаган-Галгасуна на Толе.
Орхонская экспедиция

Н.А. Чарушин

2794. Южные ворота
Эрдени-Цзо.
Орхонская экспедиция

Н.А. Чарушин

2796. Кумирия врачей

Н.А. Чарушин

2797.
Усыпальница Гегенов
в Гандане

Н.А. Чарушин

2798. Субурганы у Гандана

Н.А. Чарушин

2799.
Хурдэ молитв. мельница

Н.А. Чарушин

2800.
Котлы для варки чая

Н.А. Чарушин

2801.
Внутренность чайн. склада

Н.А. Чарушин

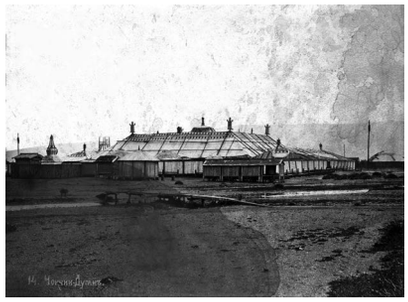
2802.
Гусино-озерский дацан

Н.А. Чарушин

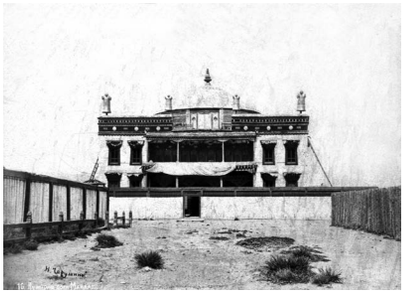
2803. Гусино-озерский дацан.
Праздник Цам

Н.А. Чарушин

2805. Чокчик-Дуган

Н.А. Чарушин

2806. Кумирня

Н.А. Чарушин

2813. Монгол, лама
Ирдыни-Хубельган

2809.
Жена брата
Богдо-Гегена

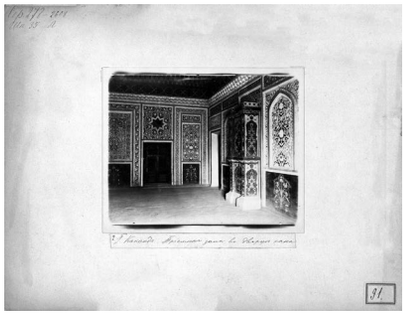

2810.
Настоятель
монастыря
Эрдени-цзу.
Хубельган

2811.
Ирдыни-Хубельган

3.5 Путешествие Э.Р. Циммермана в Среднюю Азию 1887 г. (фотографии Э.Р. Циммермана)

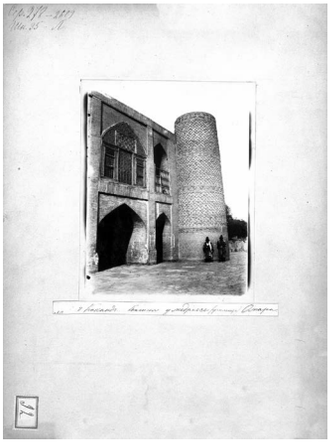
3263. Сер. 278 – 2608
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Приемная зала во дворце хана

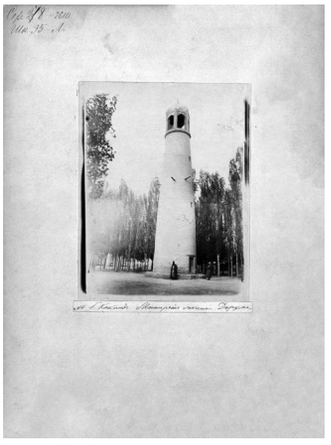
3267. Сер. 278 – 2612
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Каменный мост Алим-кулы

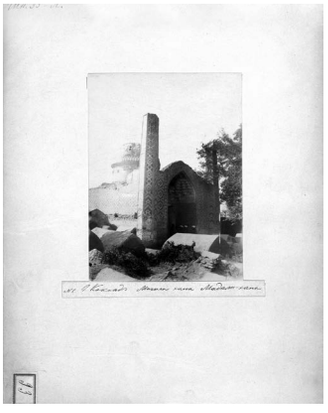
3264. Сер. 278 – 2609
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Башни у медресе (училище) Омара

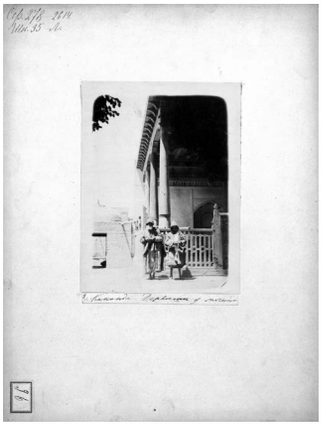
3265. Сер. 278 – 2610
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Минарет мечети Джума

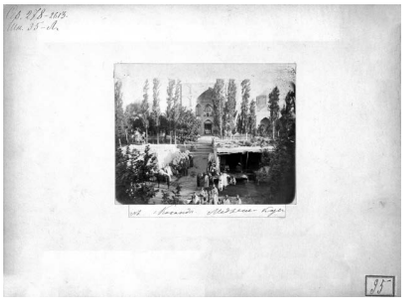
3266. Сер. 278 – 2611
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Могила хана Мадали-хана

3269. Сер. 278 – 2614
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Дервиши у мечети

3268. Сер. 278 – 2613
Шк. 35-Л.

Г. Коканд.
Медресе-казы

3270. Сер. 278 – 2615
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Дорога в Ташкент.
Могила Хидзира

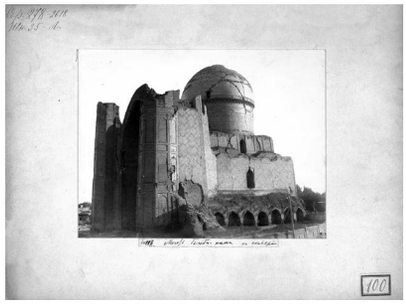
3271. Сер. 278 – 2616
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд. Регистан
(род нашей площади
с соборами в Кремле)

3272. Сер. 278 – 2617
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Мечеть Биби-ханы
на Регистане

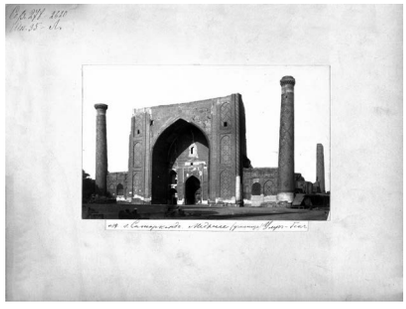
3273. Сер. 278 – 2618
Шк. 35-Л.

[Г. Самарканд.]
Мечеть Биби-ханы с севера

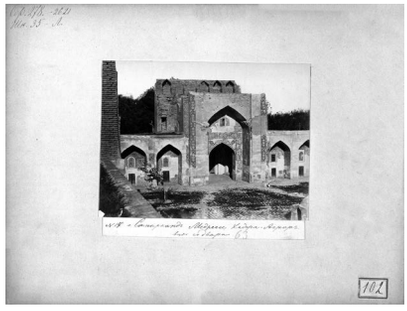
3274. Сер. 278 – 2619
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Аналой для чтения Корана
перед мечетью Биби-ханы

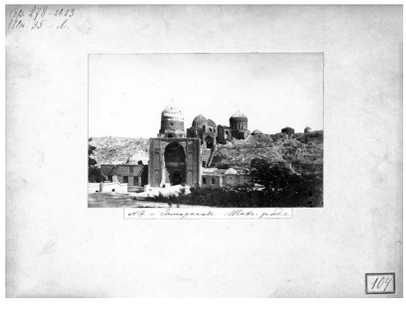
3275. Сер. 278 – 2620
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд. Мечеть
(училище) Улуг-бека

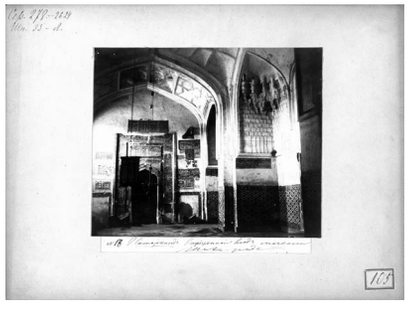
3276. Сер. 278 – 2621
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Медресе Ходжа-Аграр.
Вид со двора

3278. Сер. 278 – 2623
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Шахи-Зинда

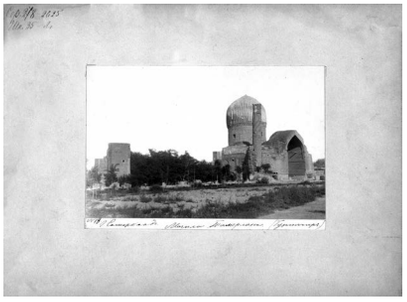
3279. Сер. 278 – 2624
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Внутренний вид мечети
Шахи-Зинда

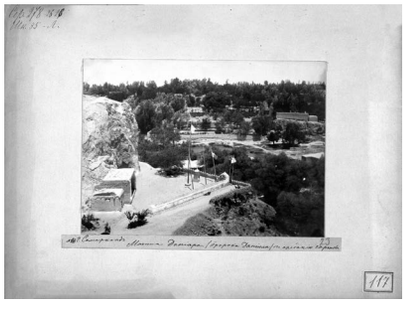
3280. Сер. 278 – 2624
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.

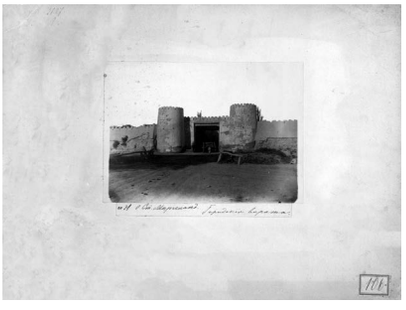
3282. Сер. 278 – 2625
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Могила Тамерлана (Гурэмир)

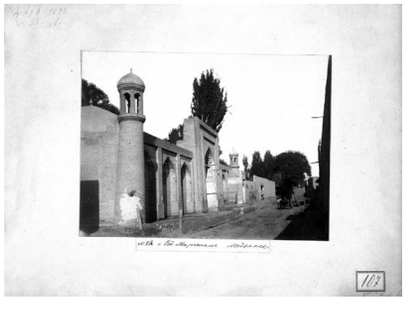
3283. Сер. 278 – 2626
Шк. 35-Л.

Г. Самарканд.
Могила Данияра (пророка
Даниила) по преданию сартов

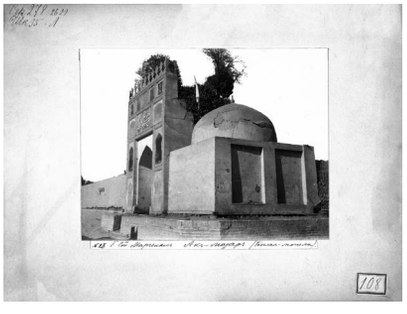
3284. Сер. 278 – 2627
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Городские ворота

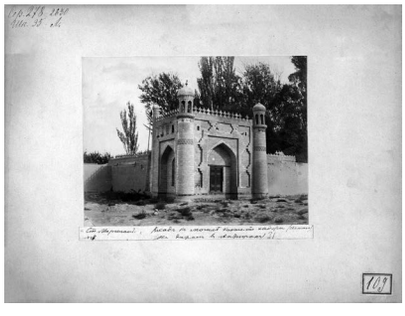
3285. Сер. 278 – 2628
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан. Медресе

3286. Сер. 278 – 2629
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Ак-мазар (Белая-могила)

3287. Сер. 278 – 2630
Шк. 35-Л.

Г. Ст. Маргелан.
Вход к могиле
какого-то хаджи (святого).
На дороге в Андижан

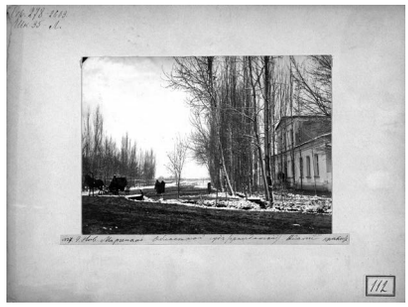
3288. Сер. 278 – 2631
Шк. 35-Л.

Г. Н. Маргелан (русский).
Большая улица (главная)

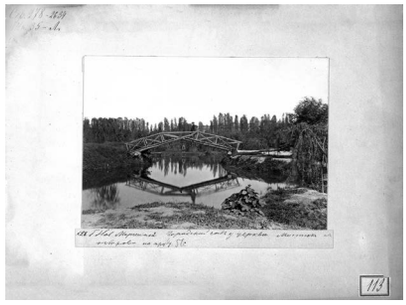
3289. Сер. 278 – 2632
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Комендантская улица
в декабре 1887 г.

3290. Сер. 278 – 2633
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Областной суд (гражданский).
Вдали - крепость

3291. Сер. 278 – 2634
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Городской сад у церкви.
Мостик с острова на пруду

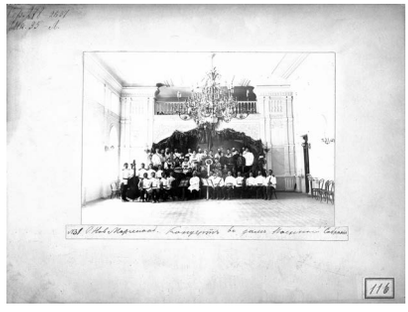
3292. Сер. 278 – 2635
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Городской сад (№2)
по речке Маргелан-сай зимою

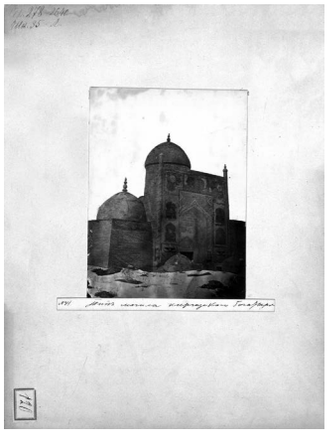
3293. Сер. 278 – 2636
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан.
Маргеланское
военное собрание

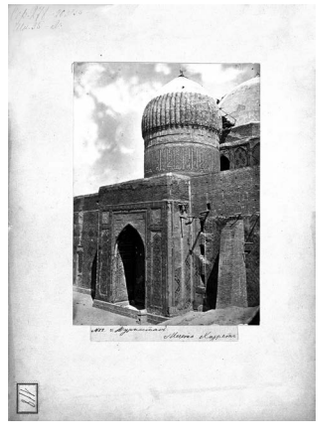
3294. Сер. 278 – 2637
Шк. 35-Л.

Г. Нов. Маргелан. Концерт в
доме Военного собрания

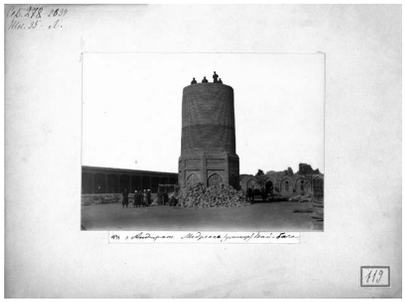
3297. Сер. 278 – 2640
Шк. 35-Л.

Тип могилы киргизского
богатыря

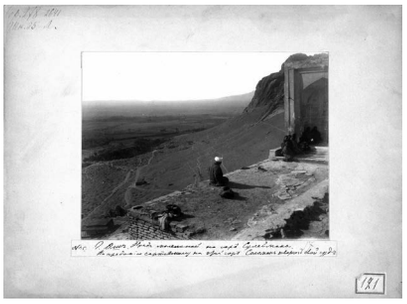
3295. Сер. 278 – 2638
Шк. 35-Л.

Г. Туркестан.
Мечеть Хазрет

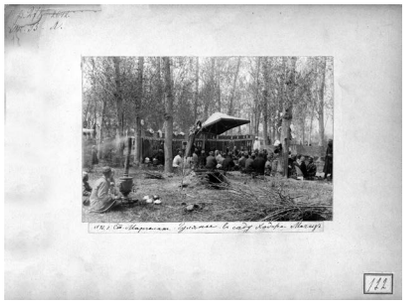
3296. Сер. 278 – 2639
Шк. 35-Л.

Г. Андижан. Медресе (училище) Бай-бача

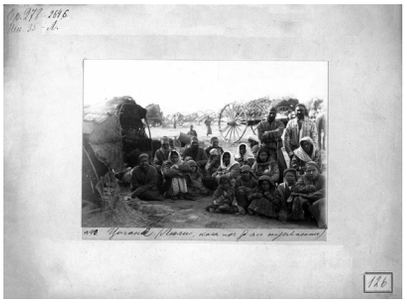
3298. Сер. 278 – 2641
Шк. 35-Л.

Г. Ош.
Пред молельней на горе Сулеймана. По преданию сартовскому на этой горе Соломон творил свой суд

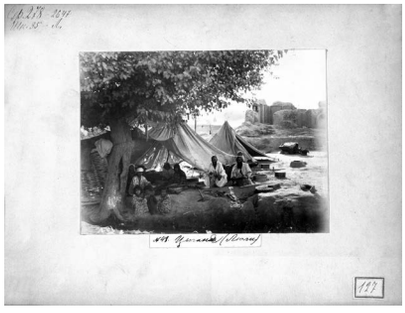
3299. Сер. 278 – 2642
Шк. 35-Л.

Ст. Маргелан.
Гуляние в саду Ходжа-Магыз

3303. Сер. 278 – 2646
Шк. 35-Л.

Цыгане
(люли, как их здесь называют)

3304. Сер. 278 – 2647
Шк. 35-Л.

Цыгане (люли)

3305. Сер. 278 – 2648
Шк. 35-Л.

[заклеено] школа

3306. Сер. 278 – 2649
Шк. 35-Л.

Туркмены

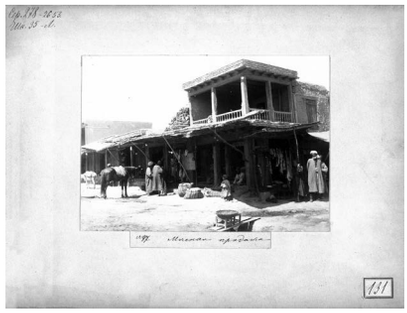
3308. Сер. 278 – 2651
Шк. 35-Л.

Улица, ведущая к базару

3309. Сер. 278 – 2652
Шк. 35-Л.

Крытый базар

3310. Сер. 278 – 2653
Шк. 35-Л.

[неразборчиво] продажа

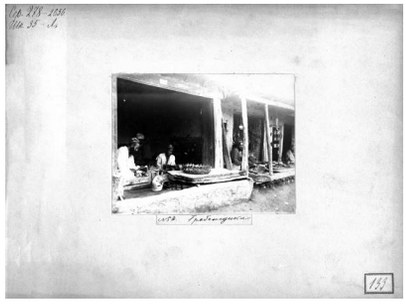
3311. Сер. 278 – 2654
Шк. 35-Л.

Продажа плетеных изделий

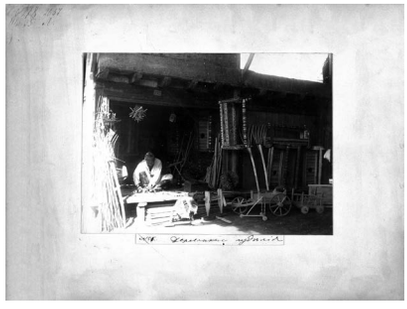
3312. Сер. 278 – 2655
Шк. 35-Л.

Продажа фруктов

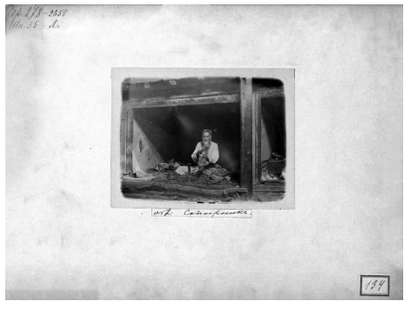
3313. Сер. 278 – 2656
Шк. 35-Л.

Гребенщики

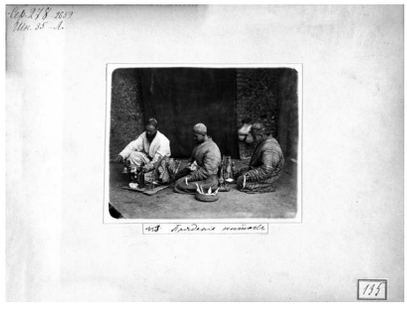
3314. Сер. 278 – 2657
Шк. 35-Л.

Деревянные изделия

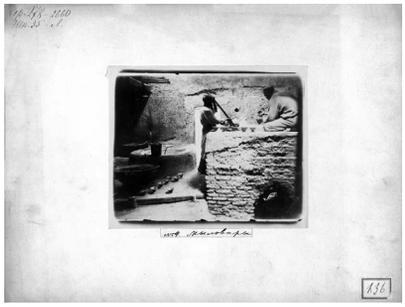
3315. Сер. 278 – 2658
Шк. 35-Л.

Сапожник

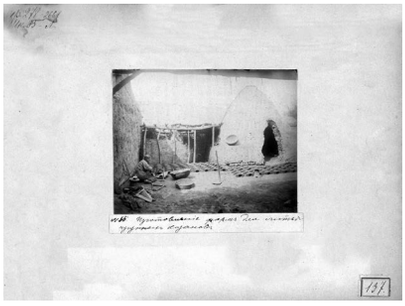
3316. Сер. 278 – 2659
Шк. 35-Л.

Прядение ниток

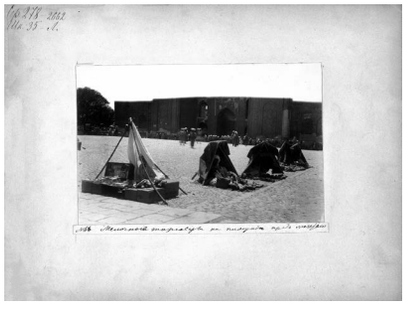
3317. Сер. 278 – 2660
Шк. 35-Л.

Мыловары

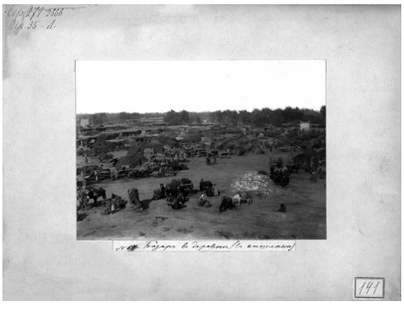
3318. Сер. 278 – 2661
Шк. 35-Л.

Изготовление форм
для литья чугунных казанов

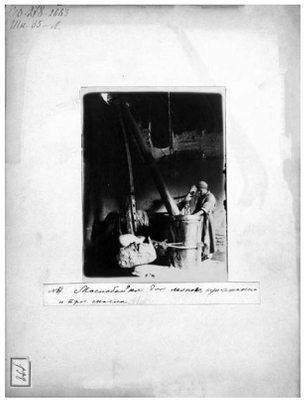
3319. Сер. 278 – 2662
Шк. 35-Л.

Мелочные торговцы
на площади перед мечетью

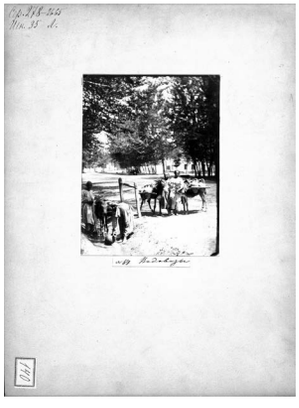
3323. Сер. 278 – 2666
Шк. 35-Л.

Базар в деревни (в кишлаке)

3320. Сер. 278 – 2663
Шк. 35-Л.

Маслобойки для льняного,
кунжутного и прочего масла

3322. Сер. 278 – 2665
Шк. 35-Л.

Водовозы

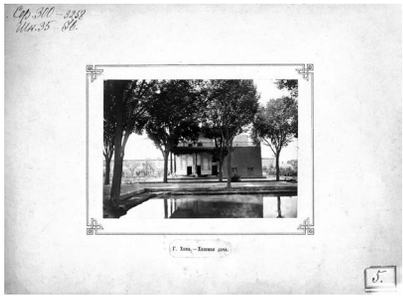

3325. Сер. 300 – 3259
Шк. 35-Н.

Степь

3327.

3332. Сер. 300 – 3258
Шк. 35-Н.

Г. Хива. Ханская дача

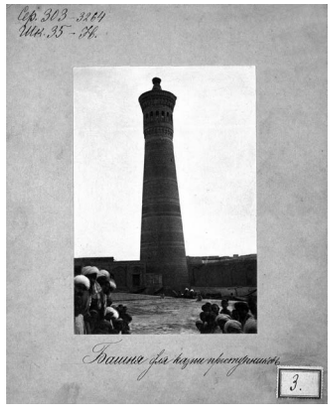
3336. Сер. 302-3262
Шк. 35-Н.

Ташкент. Крытые базары

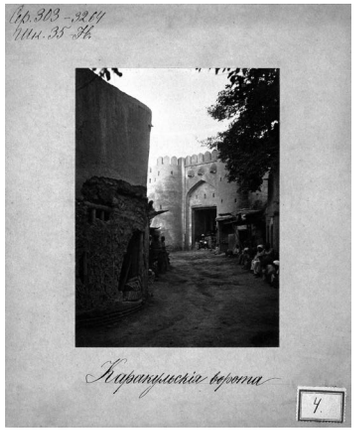
3337. Сер. 302-3263
Шк. 35-Н.

Самарканд.
Сартовская арба
для перевозки кладей

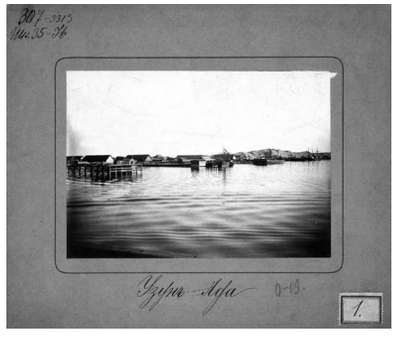
3339. Сер. 303-3264
Шк. 35-Н

Башня для казни преступников
(*вообще это минарет мечети Пои–Калян*)

3341. Сер. 303-3264
Шк. 35-Н

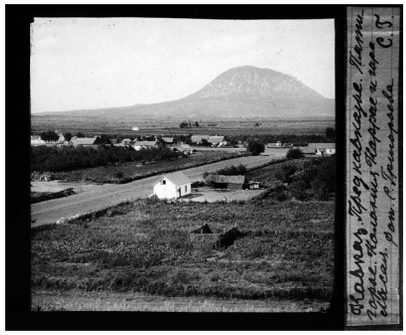
Каракульские ворота

3347. Сер. 307-3313
Шк. 35-Н

Узунь-Ада

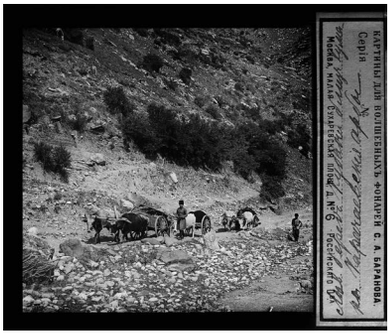
3.6 Кавказ и Киргизия в фотографиях экспедиций С.Г. Григорьева 1894–1895 гг.

Img0298.
Кавказ. Предкавказье.
Пятигорье.
Колония Каррас и гора Лысая.
[Фото С. Григорьева].

Img0450.
В. Сухумская дор.
Вид вверх на дол. Тиберды
от Сентинского аула.
[Фото С. Григорьева].

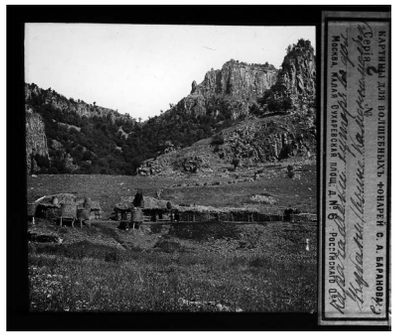
Img0451.
Лев. берег Кубани близь
Кумары. Карачаевские арбы.
[Фото С.Г. Григорьева].

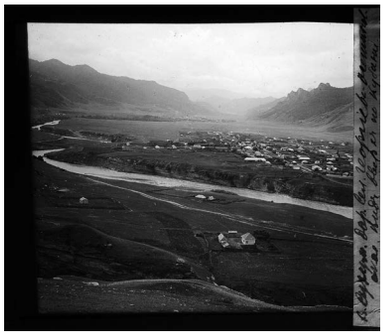
Img0453.
В. Сухум. д. Карачаевский
кош в долине Куначкира.
[Фото С.Г. Григорьева].

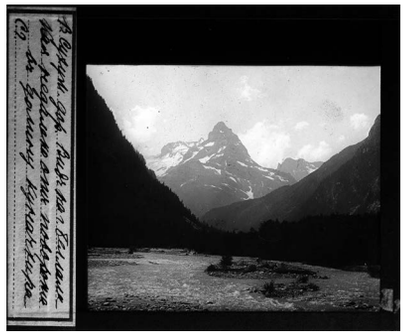
Img0454. В. Сухумская дор.
Куначкирское ущелье.
[Фото С.Г. Григорьева].

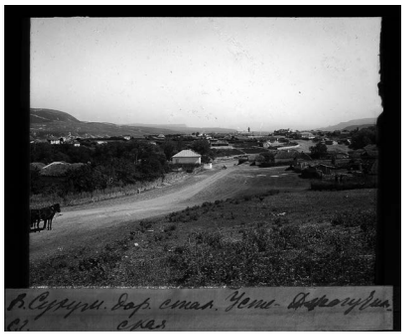
Img0461.
Карачаевский хутор
в дол. Кубани.
[Фото С.Г. Григорьева].

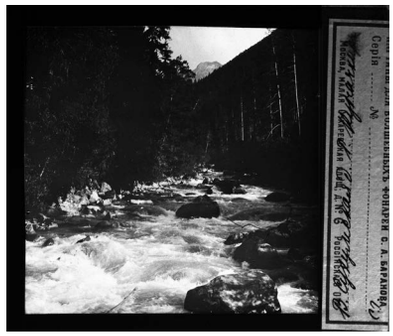
Img0462.
В. Сухум. дор.
Сел. Георгиево-Осетинское.
Вид вверх по Кубани.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0476.
В. Сухум. дор.
Вид на гору Беллалакая
недалеко от поворота
в долину Куначкира.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0478.
В. Сухум. дор.
Стан. Усть-Джагутинская.
[Фото С.Г. Григорьева].

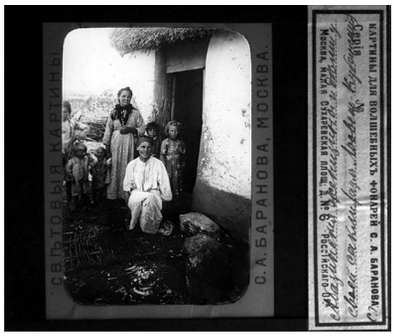
Img0485.
В. Сухум. д. Река Куначкир.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0507.
Кавказ. Главный хребет;
Северн. Осетия. Верхний
Терек. Группа осетин.
Фот. С. Турова.

Img0512.
Кавказ. Главный хребет.
Истоки Терека. Группа Осетин.
Фот. С. Турова.

Img0548.
Абазинские женщины
и дети у своей сакли
(аул Лоовско-Кубанский).
[Фото С.Г. Григорьева].

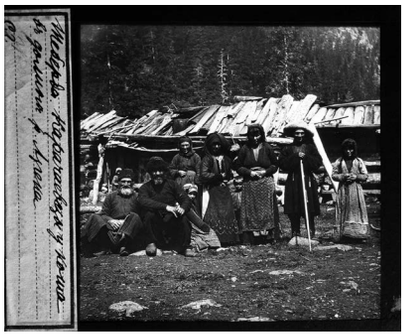
Img0550.
Абазинцы из аула
Лоовско-Кубанского.
[Фото С.Г. Григорьева].

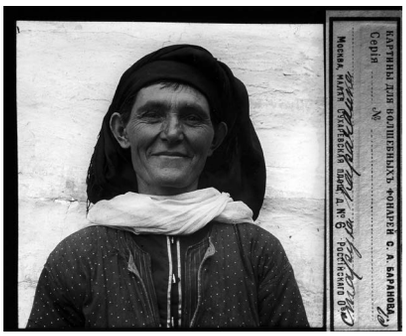
Img0551.
Молодая карачайка
из аула Уч-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева].

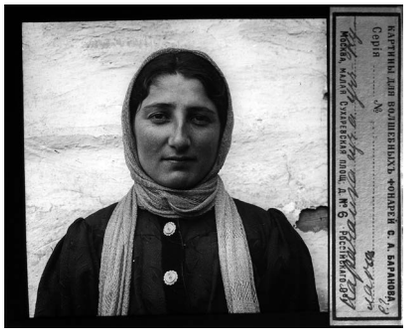
Img0555.
Семья карачаев
из аула Сенты.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0561.
Теберда. Карачаевцы
у коша в долине р. Азгека.
[Фото С.Г. Григорьева].

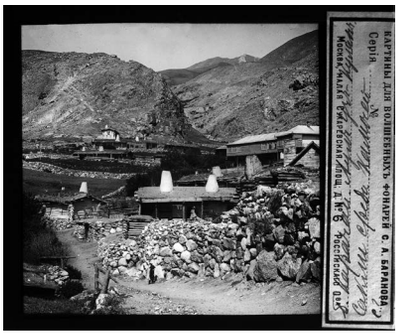
Img0564.
Старуха карачайка.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0565.
Карачайка из а. Уч-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0566.
Молодая Карачайка
из а. Уч-Кулана.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0574.
Б. Карачай. Аул Учь-кулан.
Сакли среди камней

Img0576.
Карачаевский двор
в ауле Сенты

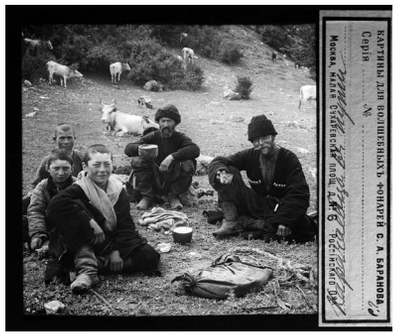
Img0577.
Верхн. Кубань. Аул Уч-Кулан
в Большом Карачае.
[Фото С.Г. Григорьева].

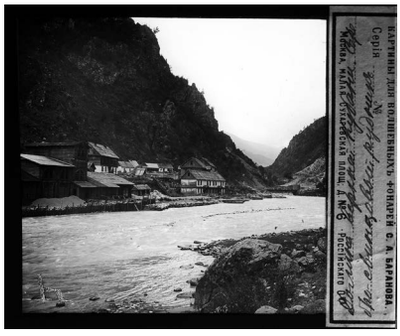
Img0592.
Абазинская сакля
с выходящей наружу печью.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0598.
Абазинская сакля
в ауле Лоовско-Кубанском.
[Фото С.Г. Григорьева].

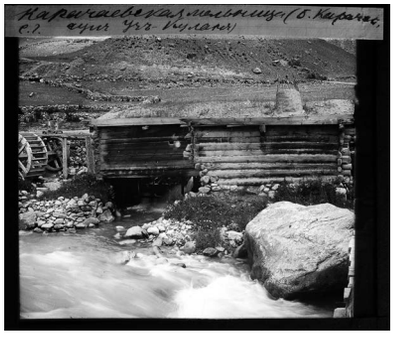
Img0601.
Карачаевцы в пути.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0603.
Долина Верхней Кубани.
Серебро-свинцовый рудник.
[Фото С.Г. Григорьева].

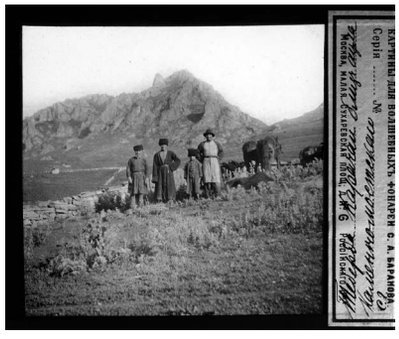
Img0605.
Осетинка из
с. Георгиево-Осетинского.
[Фото С.Г. Григорьева].

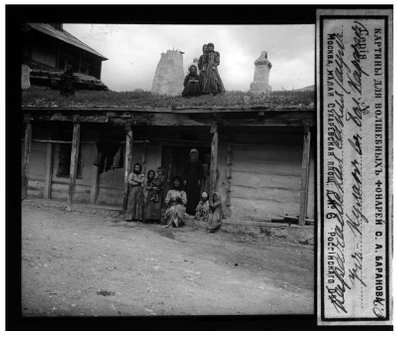
Img0607.
Карачаевская мельница
(Б. Карачай, аул Уч-Кулан).
[Фото С.Г. Григорьева].

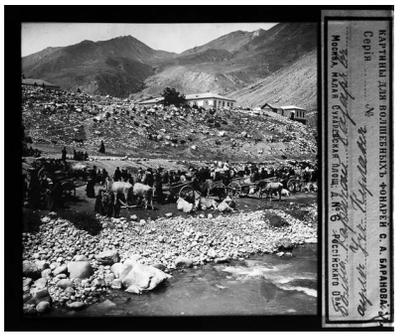
Img0608.
Б. Карачай. Долина Уч-Кулана.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0610.
Теберда. Карачай
близ аула Каменномосткого.
[Фото С.Г. Григорьева].

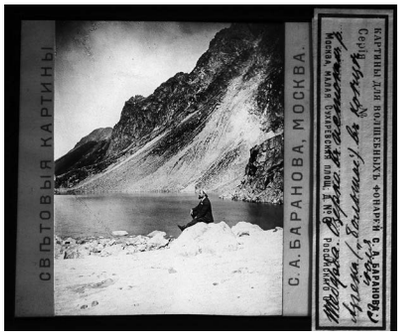
Img0611.
Карачаквская сакля.
Аул Уч-Кулан в Бол. Карачае.
[Фото С.Г. Григорьева].

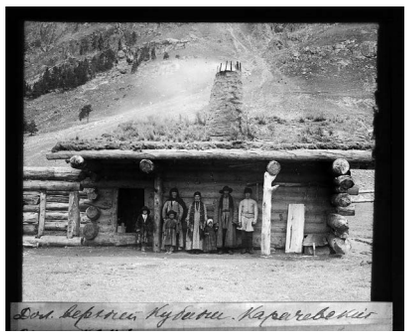
Img0612.
Больш. Карачай.
Базар в ауле Ач-Кулан.
[Фото С.Г. Григорьева].

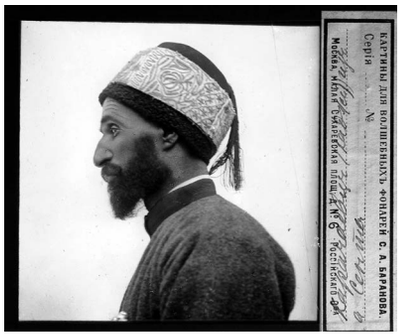
Img0614.
Ногаец.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0624.
Теберда. Озерко в истоках
р. Азгека («большое»)
в конце июля.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0632.
Дол. Верхней Кубани.
Карачаевский кош.
[Фото С.Г. Григорьева].

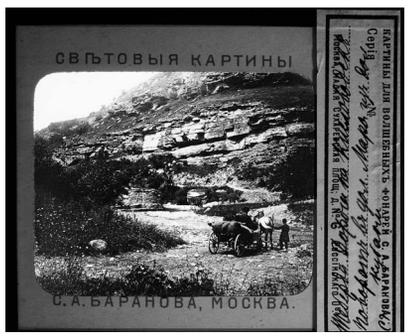
Img0646.
Карачаевцы (хаджи)
из а. Сенты.
[Фото С.Г. Григорьева].

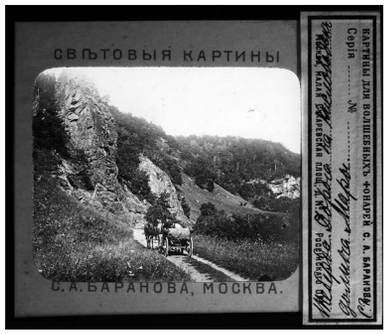
Img0647.
Карачаевец в профиль
(а. Сенты).
[Фото С.Г. Григорьева].

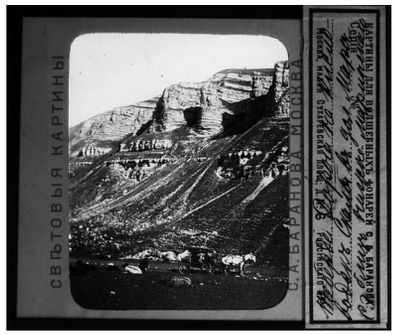
Img0648.
Типичный карачаевец
(а. Сенты).
[Фото С.Г. Григорьева].

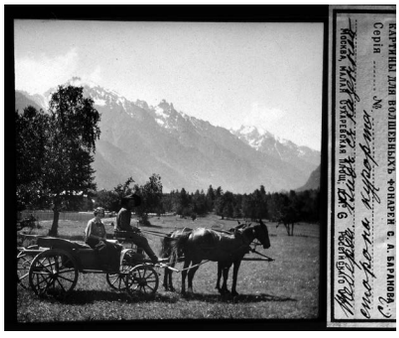
Img0651.
Теберда. Дорога
на Кисловодск. Поворот
в дол. Мары из дол. Кабани.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0657.
Теберда. Дорога
на Кисловодск. Долина Мары.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0658.
Теберда.
Дорога на Кисловодск.
Скалы в дол. Мары
близ Нижнее-Маринского.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0671.
Теберда. Вид с казенной
стороны курорта.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0683.
Теберда.
Карачаевские ребята с овцой
в ауле Тебердинский.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0710.
Теберда. Долина Мули. Лесо-
порча путем выжигания
(и министр Ермолов).
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0712.
Клухорск. пер. […] и карачайки
близ оз. Туманлы-Кёль.
[Фото С.Г. Григорьева].

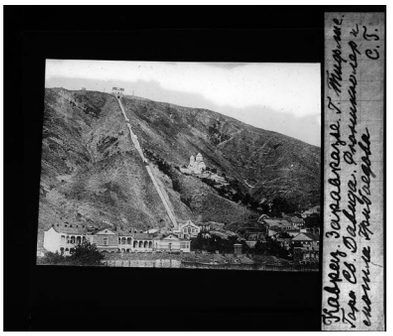
Img0715.
Большая карачаевская семья.
(а. Уч-Кулан в Б. Карачае).
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0717.
В. Сухумская дор. Вид на […]
Ульген с р. Куначкира.
[Фото С.Г. Григорьева].

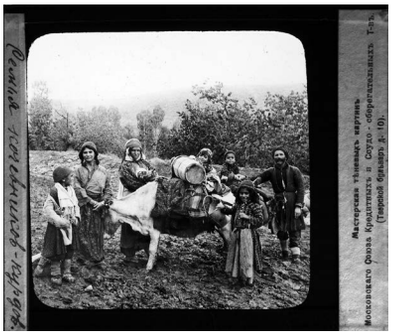
Img0951.
Кавказ. Баку.
Осел, груженый углем.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0980.
Кавказ. Закавказье. Г. Тифлис.
Гора Св. Давида. Фуникюлер
и могила Грибоедова.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0998.
Кавказ. Главный хребет;
Северная Осетия. Осетины.
[Фото С.Г. Григорьева].

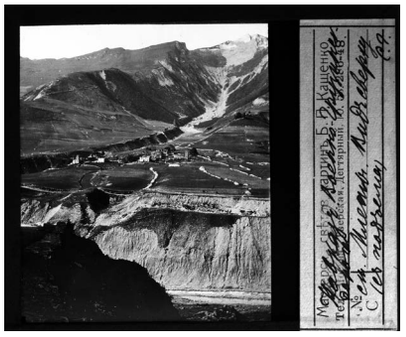
Img0999.
Семья кочевников – курдов.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img1007.
б/п

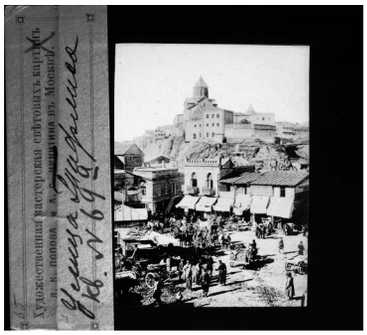
Img1009.
Кавказ. Баку.
Нефтяной фонтан.
[Фото С.Г. Григорьева].

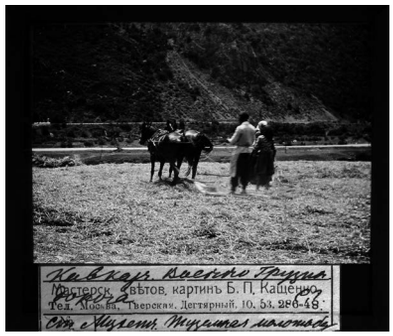
Img1030.
Кавказ. Военно-Грузинск.
дорога. Ст. Млеты.
Вид сверху (с подъема).
[Фото С.Г. Григорьева].

Img1031.
В. Груз. д. Грузия.
Близ Пассанаура.
[Фото С.Г. Григорьева].

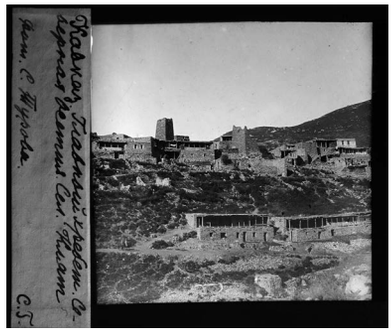
Img1038.
Улица Тифлиса.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img1039.
Кавказ. Военно-Грузин.
Дорога. Ст. Мцхет.
Туземная молотьба.
[Фото С.Г. Григорьева].

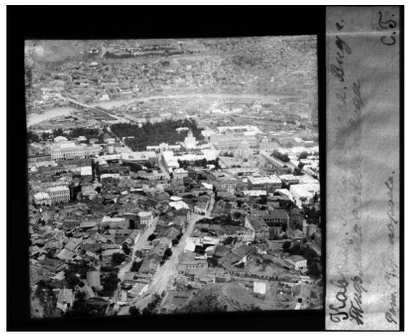
Img1040.
Мцхет и слияние
Куры с Арагвой.
[Фото С.Г. Григорьева].

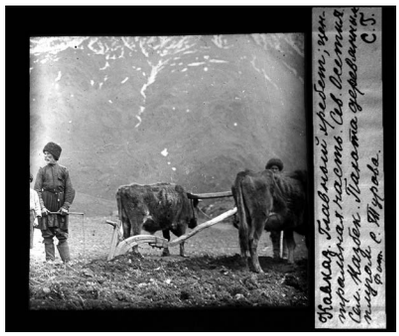
Img1042.
Кавказ. Главный хребет.
Северная Осетия.
Сел. Клят. Фот. С. Турова.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img1043.
Кавказ. Главный хребет;
центральная часть. Сев.
Осетия, сел. Закка. Группа
женщин и детей – осетин.
Фот. С. Турова

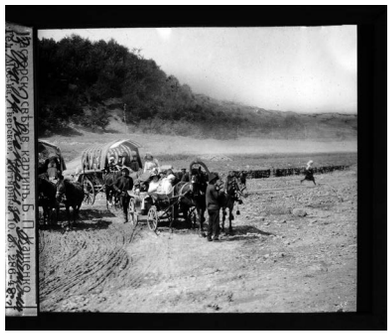
Img1045.
Кавказ […]
Вид г. Тифлиса […].
Фот. С. Григорьева.

Img1046.
Кавказ. Главный хребет;
центральная часть. Северная
Осетия. Сел. Казбек.
Пахота деревянным плугом.
Фот. С. Турова

Img1049.
Казбек.
Язык Гергецкого ледника.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img1051.
В. Груз. дор. […]
Фото С.Г. Григорьева].

Img1055.
Экскурсия на станции Казбек.
Фото С.Г. Григорьева].

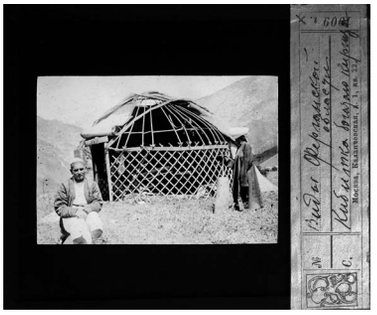
Img1062.
В. Груз. дор. Вид на
г. Казбек со ст. Казбек.
Фото С.Г. Григорьева].

Img1065.
Кавказ; главный хребет;
центральная часть.
Близ истоков Терека.
Фот. С. Турова.

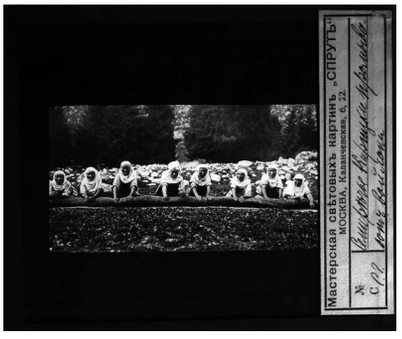
Img1066.
Кавказ.
Осетины истоков Терека.
Фото С.Г. Григорьева].

Img0730.
Виды Ферганской области.
Кибитка богатого киргиза.
(1909 год).
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0731.
Виды Ферганской области.
Киргизская зимовка
близ кишлака Заркент,
Наманганск. Уезда.
[Фото С.Г. Григорьева].

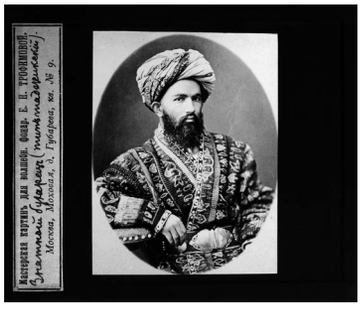
Img0732.
Семиречье.
Киргизки прмывают войлоки.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0737.
Киргизка. (степная).
[Фото С.Г. Григорьева].

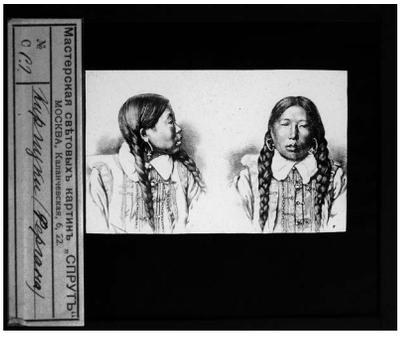
Img0741.
Семиречье. Пишпек.
Киргиз – пастух.
[Фото С.Г. Григорьева].

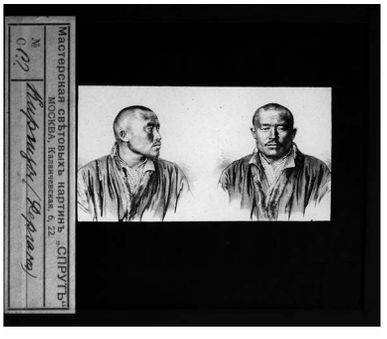
Img0743.
Знатный бухарец
(тип таджикский).
[Фото С.Г. Григорьева].

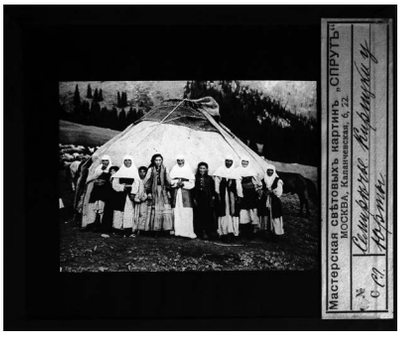
Img0744.
б/п

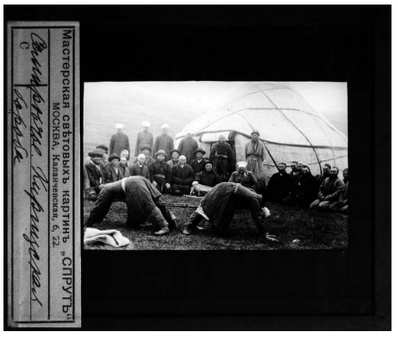
Img0746.
Киргизки (Фергана).
[Фото С.Г. Григорьева].

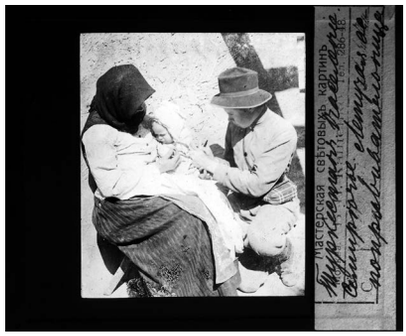
Img747.
Киргизы (Фергана).
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0748.
Семиречье, Киргизы у юрты.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0750.
Семиречье.
Киргизская борьба.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0753.
Туркестан поселение.
Семиречье.
Летучая оспопрививательница.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img757.
Семиречье.
Русские новоселы.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img758.
Туркестан. Население.
Семиречье. Таранчинцы.
[Фото С.Г. Григорьева].

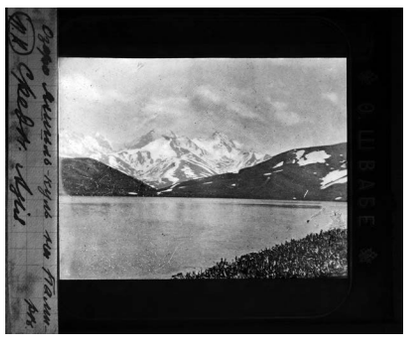
Img 0761.
Евр. Россия. Киргизка.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0762.
Туркестан.
Население. Семиречье.
Таранчинки с ребятами.
[Фото С.Г. Григорьева].

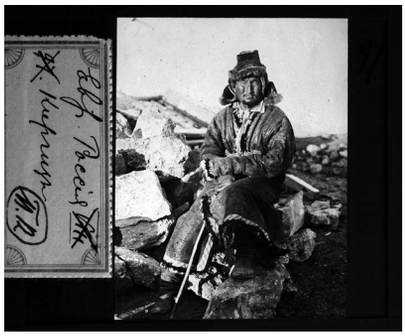
Img 0764.
Туркестан. Семиречье.
Дунганки с детьми.
[Фото С.Г. Григорьева].

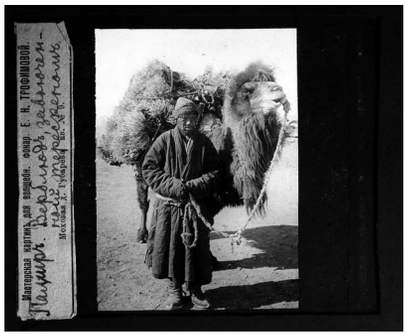
Img0767.
Озеро Яшилькуль на Памире.
Средн. Азия.
[Фото С.Г. Григорьева].

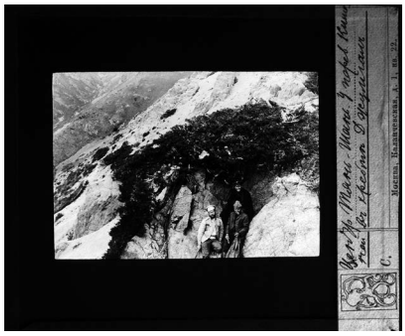
Img0772.
Памир. Перевал Кур-Теке.
[Фото С.Г. Григорьева].

Img0775.
Евр. Россия. Киргиз.
[Фото С.Г. Григорьева].

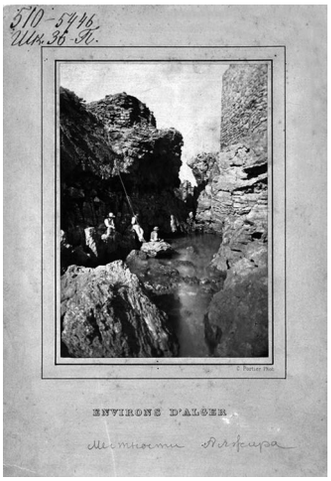

Img0781. Памир. Верблюд, завьюченный тескеном.
[Фото С.Г. Григорьева].

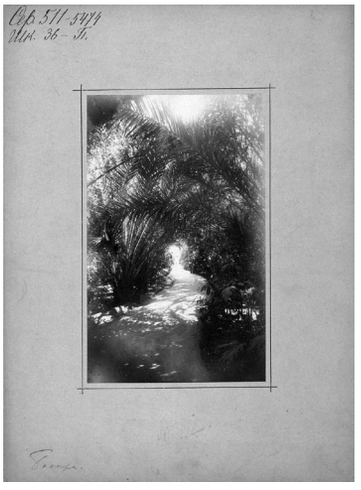

Img0795.
Центр.Тянь-Шань.
У перев[…….] в хребте Джумгал.
[Фото С.Г. Григорьева].

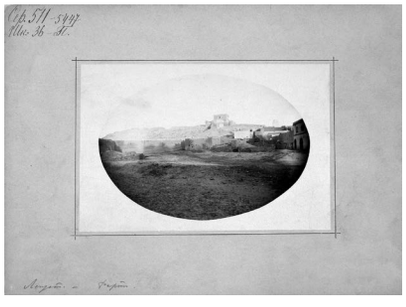
3.7 Научная экспедиция К.А. Сатунина в Алжир в 1907 г.

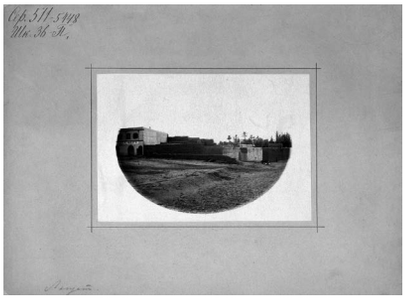
1784. 510-5446
Шк. 36-П.
ENVIRONS D'ALGER
Местности Алжира

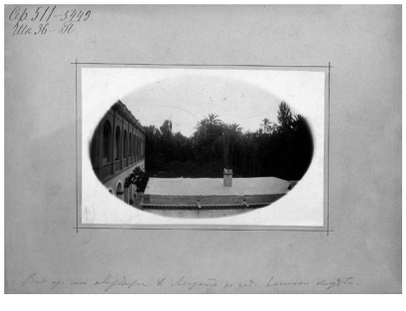
1810. 510-5474
Шк. 36-П.
Бискра

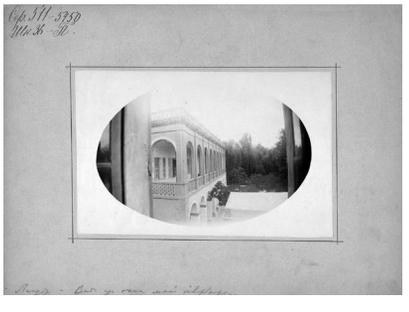
1786. 510-5447
Шк. 36-П.
Лагуат - форт

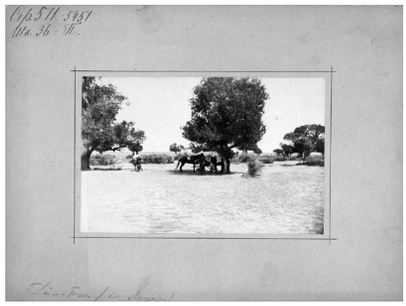
1787. 510-5448
Шк. 36-П.
Лагуат

1788. 510-5449
Шк. 36-П.
Вид из моей квартиры в Лагуате на сад военного клуба

1789. 510-5450
Шк. 36-П.
Лагуат – вид из окна моей квартиры

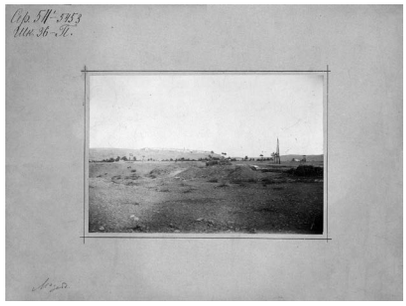

1790. 510-5451
Шк. 36-П.
[неразборчиво] (Дайп-Тан?)
(бл. Лагуата)

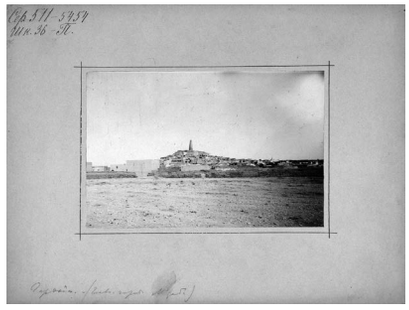

1791. 510-5452
Шк. 36-П.
[неразборчиво] (Дайп-Тан?)
К.А. Сатунин с прислугою
караван

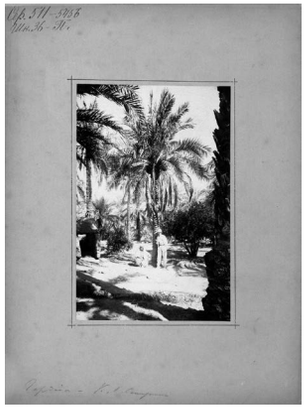
Подписи к фото:
Погонщик верблюдов
К.А. Сатунин
Абдала [неразборчиво] переводчик
Седдех погонщик верблюдов
[неразборчиво] погонщик

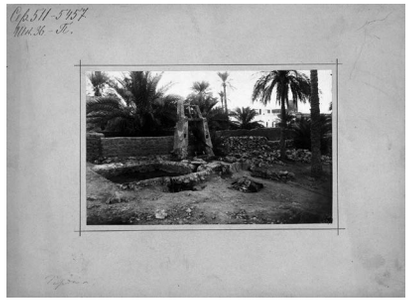
1792. 510-5453
Шк. 36-П.
М'заб

1793. 510-5454
Шк. 36-П.
Гардайа
(*совр. написание – Гардая*)
(главный город М'заба)

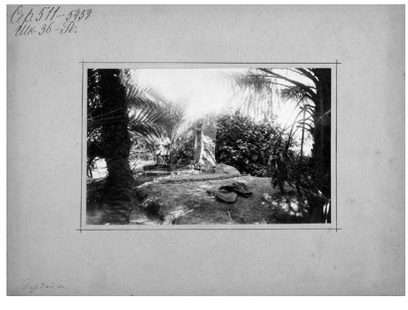
1794. 510-5456
Шк. 36-П.
Гардайа – К.А. Сатунин

1795. 510-5457
Шк. 36-П.
Гардайа

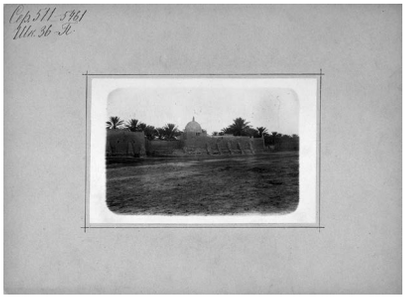
1796. 510-5458
Шк. 36-П.
Гр X-I
Гардайа

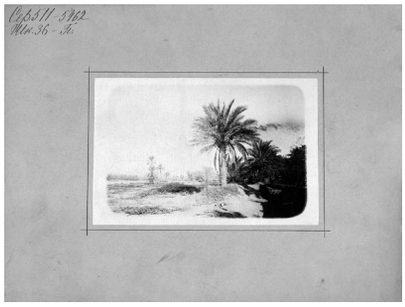
1797. 510-5459
Шк. 36-П.
Гардайа

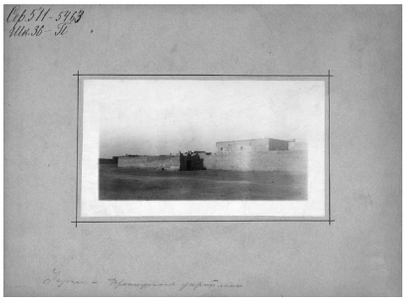
1798. 510-5460
Шк. 36-П.
Гардайа

1799. 510-5461
Шк. 36-П.

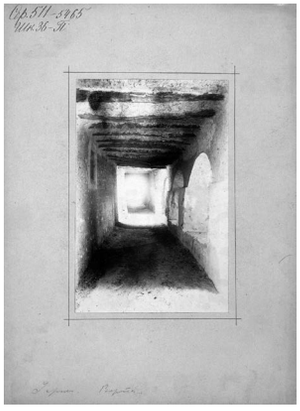

1800. 510-5462
Шк. 36-П.

1801. 510-5463
Шк. 36-П.
Уаргла – французское укрепление

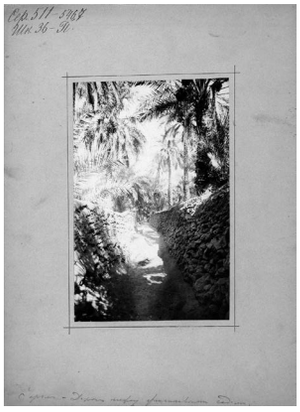
УАРГЛА!

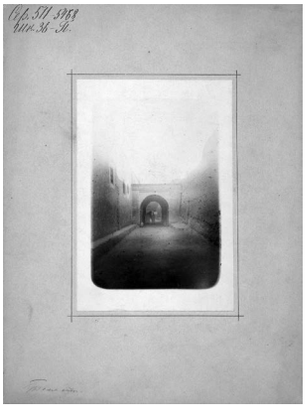
1802. 510-5465
Шк. 36-П.
Уаргла – ворота

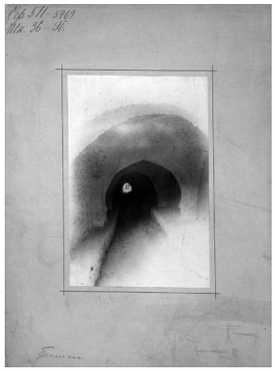
1803. 510-5466
Шк. 36-П.
УАРГЛА – памятник полковнику Флатчерсу

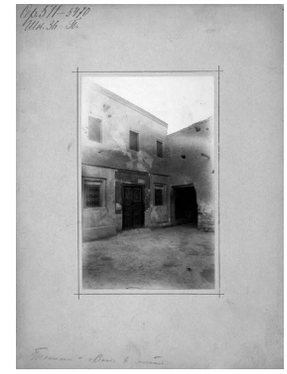
1804. 510-5467
Шк. 36-П.
Уаргла – дорога между гранатовыми садами

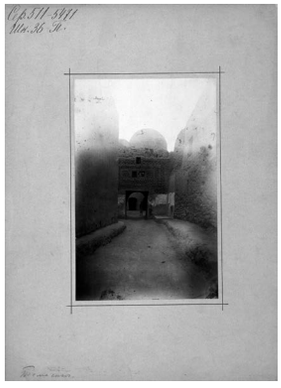
1805. 510-5468
Шк. 36-П.
Темасин

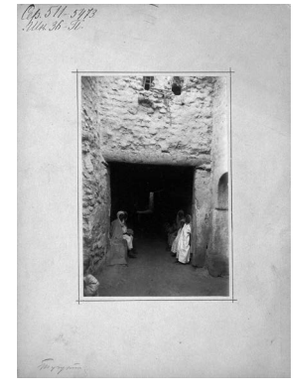
1806. 510-5469
Шк. 36-П.
Темасин

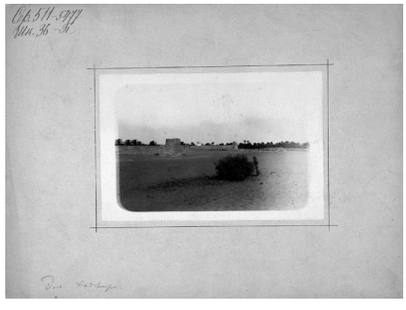
1807. 510-5470
Шк. 36-П.
Темасин – вход в мечеть

1808. 510-5471
Шк. 36-П.
Темасин

1809. 510-5473
Шк. 36-П.
Тугурт

1811. 510-5477
Шк. 36-П.
Эль Хаджира

1812. 510-5477
Шк. 36-П.
Эль Хаджира. К.А. Сатунин
с прислугой каравана

1814. 510-5476
Шк. 36-П.
Эль Хаджира

1815. 510-5472
Шк. 36-П.
Тугурт. К.А. Сатунин
на экскурсии

1816. 510-5464
Шк. 36-П.
Уаргла – базар и мечеть

1618. 511-5457а
Запасные бассейны
для дождевой воды

1819. 510-5455
Шк. 36-П.
Гардайя – наш караван

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л.В., Джобадзе Т.Ф. История России по материалам фотоархива Музея землеведения МГУ: Шпицберген // Жизнь Земли. 2017. 39 (3). С. 296–310.

Алымов С.С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 7–48.

Анучин Д.Н. Материалы для антропологии Восточной Азии: племя айнов // Известия ОЛЕАЭ. М.: Типо-литография Архипова. 1876. Т. 20. 125 с.

Анучин Д.Н. Об антропологических исследованиях в Сибири // Восточное обозрение. 1883. № 29. С. 9.

Анучин Д.Н. Лук и стрелы: Археолого-этнографический этюд. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887а. 75 с.

Анучин Д.Н. Философия истории и прогресс // Русские ведомости. 1887б. № 295. С. 2.

Анучин Д.Н. О географическом распределении роста мужского населения России. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1889а. 185 с.

Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. 1889б. № 1. С.1–35.

Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. М.: Типография и словолитня О.О. Гербек, 1890. 146 с.

Анучин Д.Н. Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги // Северный вестник. 1891. № 8. Отдел 1. С. 119–162.

Анучин Д.Н. Предварительный отчёт рекогносцировочной экспедиции 1894 г. по исследованию верховьев Западной Двины / [Соч.] профессора Д.Н. Анучина; Экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 63 с.

Анучин Д.Н. Краткий предварительный отчёт по исследованиям верховьев Западной Двины и Волги. СПб.: Тип. и лит. К. Биркенфельда, 1896. 20 с.

Анучин Д.Н. Верхневолжские озёра и верховья Западной Двины: рекогносцировки и исследования 1894–1895 гг. М.: Типо-лит. т-ва «И.Н. Кушнеров и К°», 1897. 156 с.

Анучин Д.Н. Озёра области истоков Волги и верховьев Западной Двины: (По исслед. 1894–95 гг.). М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. 56 с.

Анучин Д.Н. О задачах и методах антропологии // Русский антропологический журнал. 1902. № 1. С. 62–88.

[Анучин Д.Н.] “Левая” и “правая” наука // Русские ведомости. 1908. № 10. С. 2.

Анучин Д.Н. Из воспоминаний // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М.: Типография «Русских ведомостей», 1913. С. 71–89.

Анучин Д.Н. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журнал. 1916. № 1/2. С. 4–14.

Анучин Д.Н. К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестник. 1920а. № 1/2. С. 14–23.

Анучин Д.Н. О необходимости основания в Москве Антрополого-этнографического

института // Казанский музейный вестник. 1920б. № 3/4. С. 3–10.

Анучин Д.Н. Люди зарубежной науки и культуры. М.: Географгиз, 1960. 231 с.

Архангельские губернские ведомости. 1899. № 63.

Беляев Д.П. Наука в интересах геополитики: российско-шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген // Вестник МГТУ. 2013. Т. 16. № 2. С. 267–270.

Богданов В.В. Задачи краеведения и история краеведения в России // Вопросы краеведения. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923. С. 5–13.

Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин: Антрополог и географ (1843–1923). М.: [б.и.] 1941. 68 с.

Большой всемирный настольный атлас Маркса / Под ред. Проф. Э.Ю. Петри и Ю.М. Шокальского. СПб.: А.Ф. Маркс, 1904.

Бунак В.В. Деятельность Д.Н. Анучина в области антропологии // Русский антропологический журнал. 1924. № 3/4. С. 1–14.

Бурлыкина М.И. Университетские музеи дореволюционной России (XVIII – первая четверть XX в.) /Сыктывкарский университет. Сыктывкар: СГУ, 1996. 204 с.

Бурлыкина М.И. Московский государственный университет: История музейного дела (1755–2015) / Под ред. А.В. Смурова, В.В. Снакина. М.: Макс Пресс, 2015. 319 с.

Васильев А.С. На Шпицберген и по Шпицбергену во время градусного измерения: Наблюдения, путешествия и заметки астронома А.С. Васильева. Одесса: Коммерч. тип. Б.И. Сапожникова, 1915. 141 с.

Вехов Н. От Александровска-на-Мурмане до Полярного. Московский журнал. 2005. № 11.

Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М.– Пг.: Гос. Изд-во, 1923–1924, 32 с.

Гидрографическое описание северного берега России. Составлено капитаном-лейтенантом М. Рейнеке. Ч. 2. Лапландский берег. СПб.: Мор. Тип., 1843. 363 с.

Гоппен С.П. По Кольскому уезду. Путевые заметки. Архангельск. 1892

Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И. Экспедиции Д.Н. Анучина к истокам Волги и Западной Двины в 1894–95 гг. (по материалам фотоархива Музея землеведения МГУ) // Жизнь Земли. 2017. 39 (4). С. 444–457.

Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И., Снакин В.В. Фотоархив Д.Н. Анучина как источник естественнонаучной информации (учёные, этнография, страноведение) // Ломоносовские чтения: Материалы секции музееведения / Под ред. А.В. Смурова, В.В. Снакина. М.: Изд-во ИКАР – МЗ МГУ, 2014. С. 79–87.

Ефимов П.И. Русские геодезисты на Шпицбергене. М.: Геодезиздат, 1958. 84 с.

Записка почетного члена Императорской Академии наук профессора Московского университета Д.Н. Анучина // Известия Академии наук. 1915. № 14. С. 1416–1418.

Зингер Е.М. Между Полюсом и Европой. М.: Мысль, 1981. 206 с.

Исаков В.З. Озеро Селигер. Путеводитель. М.: Профиздат, 1985. 224 с.

Карпов Г.В. Путь учёного: Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина. М.: Географгиз, 1958. 343 с.

Колотилова Н.Н., Смурова Т.Г., Снакин В.В. 1911 и 1917 – две даты в жизни Московского университета. Возвращение // Жизнь Земли. 2019. №41(1). С. 61–67.

Крубер А.А. Памяти Д.Н. Анучина // Землеведение. 1924. № 1/2. С. 7–38.

Куфтин Б.А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения // Вопросы краеведения. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923. С. 101–108.

Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М.: [б.и.], 1925. 78 с.

Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. М.: [б.и.], 1926. 142 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 464 с.

Ленинский сборник. М.: Партийное издательство, 1932. Вып. 20. 364 с.

Ливанцова С.Ю., Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И. Исследование и каталогизация фотоколлекции Дмитрия Николаевича Анучина в Музее землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова // Музей в научно-образовательном процессе: сборник статей / Отв. ред. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2015. С. 187–193.

Максимов Ю.И., Мамбетова А.Б., Смурова Т.Г. Русский Север на рубеже XIX–XX веков по материалам фотоархива Музея землеведения МГУ // Жизнь Земли. 2019. 41 (2). С. 171–183.

Московская географическая выставка 1892 г. М: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. 57 с.

Московская географическая выставка 1892 года // Землеведение. 1984. № 4. С. 1–57.

Московский университет за 50 лет Советской власти / Гл. ред. И.Г. Петровский. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1967. 760 с.

Найт Н. Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение. 2001. № 51 (5). С. 111–131.

Настольный атлас А.Ф. Маркса, 1903 год. Масштаб 1:25 000 см.

Нечухрин А.Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории (На материалах отечественной историографии) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Издательство Томского университета, 1994. Вып. 21. С.159–184.

Озерецковский Н.Я. Путешествие на озеро Селигер. СПб: Тип. Императорской АН, 1817. 194 с.

Озерова Н.А., Снытко В.А., Широкова В.А. Экспедиция для исследования истоков главнейших рек Европейской России (1894–1902) // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 4. С. 113–127.

Открытие города и порта Александровск при Екатерининской гавани на Мурмане 24 июня 1899 г. и путешествие по Архангельской губернии его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича с 23 июня по 2 июля 1899 года. Архангельск, 1899.

Пикар Жан // БСЭ. Т. 19. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 526.

Полярный. Столетняя история. Мурманск: Радица, 1999.

Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт стат. характеристики сословно-классового состава населения рус. государства / СПб: Изд-во «Вестн. знания» (В.В. Битнера), 1912. 216 с.

Смурова Т.Г., Джобадзе Т.Ф., Снакин В.В. История России по материалам фотоархива Музея землеведения МГУ: Порт Александровский // Жизнь Земли. 2016. № 38 (1). С. 92–102.

Соловей Т.Д. Институализация науки в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2003. № 6. С. 3–38.

Спрыгина Л.И. Сергей Григорьевич Григорьев / А. И. Соловьев // Отечественные физико-географы и путешественники. Москва: Государственное учебно-педагогическое изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1959. С. 649–655.

Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. I. Шпицберген. М.: Научный мир, 1998. 94 с.

Тихомиров Г.С. Д.Н. Анучин – крупнейший русский географ, создатель русской университетской географической школы. Стенограмма публичной лекции. М.: Правда, 1950. 32 с.

Тумаркин Д.Д. Анучин и Миклухо-Маклай (Из истории изучения и публикации научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая) // ОИРЭФА. М.: Издательство Академии наук, 1988. Вып. X. С. 5–37.

Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Ч. I и II: Кружок Чайковцев (Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг.) / Историко-революционная библиотека журнала "Каторга и Ссылка". Москва: Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. 222 с.

Шпицберген // БСЭ. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 471.

Интернет-ресурсы

Большой информационный архив (https://big-archive.ru/geography/domestic_physical_geographers/92.php).

Дуга Струве (http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/35309).

Русский биографический словарь (http://3w.su/biography/01230073.html).

Энциклопедия Забайкалья (http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3303).

Летопись Московского университета. Сайт Аналитической службы МГУ. Раздел «Наши люди». Страница Дмитрия Николаевича Анучина (http://letopis.msu.ru/peoples/674).

Официальный сайт Ольгинского женского монастыря (http://olginmonastery.ru).

По следам русских учёных. Сайт Русского Географического общества (http://www.rgo.ru/ru/article/po-sledam-russkih-uchyonyh).

Шпицберген – территория стратегической важности (https://moiarussia.ru/shpitsbergenterritoriya-strategicheskoj-vazhnosti).

Шпицберген: история (https://ru.wikipedia.org/wiki).

Список архивных источников

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 448. Д. 2. Л. 39–41.

ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 2. Л. 76.

ОПИ ГИМ. Ф. 448. Д. 3. Л. 25.

Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 461. Д. 68. Л. 1-2.

Архив Русского Географического общества (СПб). Ф. 44. Оп. 2. Д. 125. Л. 10.

Архив Института этнологии и антропологии. Ф. 36 (В.В. Богданов). Папка 46. Д. 32. Л. 12.

Отдел рукописей РГБ. Ф. 10 (Д.Н. Анучин). Папка 8. Д. 106. Л. 1.

Список сокращений

ОИРЭФА – Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии

ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

РГБ – Российская государственная библиотека

РГО – Русское географическое общество

ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы

ИЭА – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

МЗ – Музей землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-4465-2587-4

9 785446 525874 >

Формат 60x90 1/8. Печ. л. 34
Заказ № 6932

Издательство ОЛЕАБУК

Отпечатано в типографии
ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
115093 г. Москва, Партийный переулок д. 1, кор. 58, стр. 1

Руководитель проекта *И.А. Ворошилова*
Компьютерная верстка *С.В. Плясова*